

ISBN235-02660-8

9 785235 026605 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ТВОРЦЫ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В. Балакин

ЖЗЛ

ТВОРЦЫ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Василий
Балакин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

выпуск

1095

(895)

Василий Балакин

ТВОРЦЫ
СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

**МОСКВА
МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ
2004**

Вместо предисловия:

ИДЕЯ ИМПЕРИИ И ИМПЕРСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

В воскресенье 2 февраля 962 года, в великий праздник Сретения Господня, Рим явил своим жителям и многочисленным гостям чудесное зрелище: в соборе Святого Петра немецкий король Оттон I был торжественно увенчан императорской короной. Церемония коронации возвещала о возрождении Римской империи, к названию которой позднее добавили эпитет Священная.

Столицу некогда существовавшей Римской империи не зря прозвали Вечным городом: на протяжении веков людям казалось, что Рим был всегда и будет существовать вечно. Так же относились и к империи. Хотя древняя Римская держава рухнула под натиском варваров, ее традиция продолжала жить. Собственно, погибло не все государство, а лишь его западная часть — Западная Римская империя. Восточная же часть выстояла и под названием Византии просуществовала еще без малого тысячу лет. Авторитет византийского императора первое время признавали и на Западе, где германцами были созданы так называемые варварские королевства, — признавали до тех пор, пока не появилась Священная Римская империя

Едва ли о какой-либо еще эпохе велись столь же ожесточенные, страстные споры, как о временах Священной Римской империи. То, чем одни восхищались, у других вызывало отторжение. Оценка ни одной другой эпохи не зависела в столь большой мере от современной политики и ее целей особенно когда дело касалось немецких историков. Всё, что в исторической памяти ассоциируется со Священной Римской империей, одним представлялось всемирно-историческим подвигом, а

другим — бессмысленной растратой собственных сил, препятствием для решения своих национально-государственных задач.

В X–XI веках Европа переживала важную стадию своего исторического развития, ознаменовавшуюся зарождением современных европейских наций. Именно в это время империя, созданная Оттоном I, и заняла доминирующее положение среди государств Центральной и Западной Европы, превратившись в государственно-политическое и культурное образование европейского масштаба и европейского значения, оказывавшее влияние на последующие эпохи.

Созданная Оттоном I империя воспринималась современниками как исполнение надежд, связывавшихся с имперской идеей, которая продолжала жить и после крушения Западной Римской империи. Но вместе с тем Оттоновская империя, как и многое в средневековой Европе, была наследием Каролингской эпохи. Императорская коронация Карла Великого на Рождество 800 года в Риме явилась событием всемирно-исторического масштаба. Погибшая столетия назад империя была возрождена для новой жизни. Карл Великий ощущал себя наследником славных императоров Августа и Константина. Однако в глазах правителей Византии, подлинных и законных наследников древних римских императоров, он оставался лишь варваром-узурпатором. Так возникла «проблема двух империй» — соперничество между западными и византийскими императорами. Была лишь одна Римская империя, но два императора, каждый из которых претендовал на универсальный характер своей власти. Фазы их вынужденного взаимного признания перемежались периодами высокомерного игнорирования друг друга.

Однако Каролингская империя оказалась недолговечной: уже в 843 году три внука Карла Великого поделили ее между собой. Старший из братьев сохранил за собой императорский титул, и впредь передававшийся по наследству, но после распада Каролингской империи достоинство западного императо-

ра стало неудержимо терять свой блеск, пока и вовсе не угасло. По прошествии десятилетий, наполненных бурными событиями и потрясениями, восточная часть бывшей империи Карла Великого, Восточно-Франкское королевство, будущая Германия, стало наиболее сильной в военном и политическом отношении державой Центральной и Западной Европы. Германский король Оттон I Великий (936–973), решив продолжать традицию Карла Великого, завладел Итальянским (бывшим Лангобардским) королевством со столицей в Павии, а спустя десятилетие добился, чтобы папа короновал его в Риме императорской короной. Возрождение Западной империи, просуществовавшей, непрерывно видоизменяясь, вплоть до 1806 года, явилось одним из важнейших событий в истории Европы и имело далеко идущие и глубокие последствия. Поскольку Римская империя в Средние века считалась последним из всемирных царств, гибель которого знаменует собой пришествие Антихриста и наступление Страшного суда, всячески старались продлить ее существование. Благодаря своему включению в священную историю христианства Римская империя обрела особое освящение и достоинство. Унаследованная от римской античности идея всемирного господства империи тесно переплелась с притязаниями папства на верховенство в христианском мире. Считалось, что император и папа, два высших, призванных на служение самим Богом, представителя Империи и Церкви, должны в согласии править христианским миром.

Власть императора, высшее светское достоинство, по самой своей идее была универсальной властью, ориентированной на всемирное господство. Однако в реальности императоры Священной Римской империи повелевали только Германией, большей частью Италии и Бургундией. Поскольку же носителями императорской власти были немцы, средневековая западноевропейская империя по праву называется также Римско-германской.

Священная Римская империя в значительной мере представляла собой дань традиции, попытку воскресить былую славу. Ее даже невозможно рассматривать как государство в общепринятом смысле этого слова. Скорее это было некое учреждение, созданное системой идей и в той или иной мере воплотившее в себе эти идеи. По своей внутренней природе Священная Римская империя являлась синтезом римских и германских элементов, породившим новую цивилизацию.

Средневековая имперская идея — явление сложное, трудно поддающееся истолкованию. В своей основе она была наследием античности. От римлян Средневековье унаследовало великую идею мироустройства, охватывающего множество народов в едином духовном и культурном пространстве. Эта идея империи в Средние века владела умами в такой степени, что обособленное национальное существование народов отступало перед ней на второй план, подобно тому, как в Римской империи до нашествия варваров все этнические и религиозные различия не имели значения по сравнению с идеей общей для всех монархии.

Римской имперской идее были присущи цивилизаторские притязания. Расширение империи по римским представлениям означало не просто приращение сферы господства римлян, но прежде всего распространение римской культуры. В римских понятиях мира, безопасности и свободы находило свое характерное отражение представление о более высоком порядке, которое несет культурному человечеству господство римлян. С этой имевшей культурное обоснование идеей империи слилась христианская идея, полностью возобладавшая после падения Западной Римской империи. Из идеи сплочения всех народов в Римскую империю родилась идея объединения всего человечества в христианскую империю. Если представители идеи Римской империи видели свою задачу в расширении сферы действия власти и культуры римлян и в защите ее от внешних врагов — варваров, не причастных к этой культуре, то теперь эта двуединая задача стала христианской по смыслу:

речь шла о максимальном расширении христианского мира и в защите его от язычников и иноверцев, заступивших на место варваров.

Сама идея универсализма империи уходит корнями в эпоху эллинизма. Греческие философы, особенно стоики, делали акцент на понятии человеческой общности, причастной к всемирному разуму. Для стоицизма с его доктриной универсальной системы природы второстепенные различия между людьми представлялись не имеющими значения. Под впечатлением от завоеваний Александра Македонского стоики подчеркивали всемирную миссию греческой цивилизации, являвшейся, по их представлению, воплощением человеческой цивилизации вообще и занимавшей территорию цивилизованного мира, за пределами которой царит варварство. Позднее именно греки, начиная со II века до н. э., стали отождествлять Римское государство с цивилизованным миром, полагая, что завоевания римлян реализуют единство цивилизованных народов. Целью Римской империи, как и оправданием ее существования, считалось установление мира, порядка и справедливости. Под влиянием этих идей понятия «весь мир» и «империя» стали тождественны.

После того как Константин Великий перенес свою резиденцию из Рима в Византий, императорская власть перестала быть связанной с городом, создавшим ее. Благодаря этому идея римской монархии стала более универсальной, поскольку, утратив свой территориальный центр, она продолжала существовать не только по историческому праву, но и, так сказать, естественным образом, как часть мироздания, которое не может быть поколеблено изменением внешних условий. Отныне идее Римской империи не могло причинить ущерб даже падение самого Рима.

Эта идея империи — очага и рамок цивилизации — была усвоена, сохранена и возвеличена христианством. Церковь, требуя строгого единообразия в вероучении и организации, поддерживала и чувство единства римского народа по всему ми-

ру. Границы христианства и цивилизации совпадали с пределами Римской империи. Связь с христианством сделала ее всеобъемлющей и священной. Две идеи придавали империи особую стойкость и силу. Во-первых, вера в то, что господство Рима, будучи всемирным, должно быть и вечным. Во-вторых, связь Римского государства с единоличным правителем — императором и святость императорского имени. Со времен Юлия Цезаря и Августа, когда император принял сан верховного жреца, его личность сделалась священной. Эти две идеи — всемирной монархии и мировой религии — античность завещала Средним векам. Благодаря духовенству, хранителю древней учености, уцелела и идея всемирного светского государства. Церковнослужители были убеждены, что сохранение идеи всемирного государства необходимо для их собственного благополучия. Представители духовенства сами были римлянами, жили по римскому праву и пользовались латинским языком как своим родным. В течение многих поколений они были хранителями и пропагандистами идеи исторической связи двух властей — светской и духовной.

Христианство и Рим первоначально противостояли друг другу, но с конца II века империя перестала быть для христиан объектом враждебности. За нее стали молиться как за элемент Божественного Промысла. Она рассматривалась как четвертая и последняя из монархий пророка Даниила, коему привиделся во сне «зверь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный; у него большие железные зубы; он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами» (Дан. 7, 7). Свое сновидение Даниил истолковал следующим образом: «Зверь четвертый — четвертое царство будет на земле, отличное от всех царств, которое будет пожирать всю землю, попирает и сокрушать ее» (Дан. 7, 23). Четвертое царство пророка Даниила в раннехристианской традиции и стало отождествляться с Римской империей. Вскоре это представление широко распространилось благодаря комментарию св. Иеронима: «Четвертое царство, кое ныне владеет миром, есть Римская империя». Теологи и

историки спорили о сроках этого четвертого царства, но все же возобладало мнение св. Иеронима, полагавшего, что, согласно пророчеству Даниила, Римская империя просуществует до Страшного суда.

Со времен императора Константина Великого и официального признания христианства государственной религией понятия «христианский мир» и «римский мир» стали тождественны. Инструментом утверждения и пропаганды идеи римского и христианского универсализма стала литургия. Наиболее древние из дошедших до нас требников, относящихся к IV веку, сохранили молитвы за империю и императора. В частности, к их числу относится читавшаяся в Страстную пятницу молитва за императора о том, чтобы Господь покорил его власти все варварские народы ради вечного мира, чтобы он явил свою милость к Римской империи, обуздав дикость варваров. Здесь нераздельно смешаны понятия римские и христианские: Бог — защитник империи, через которую он гарантирует мир и безопасность верующим в него.

История взаимоотношений между империей и церковью — история двух учреждений, изначально независимых друг от друга, но позднее пронизавших друг друга. Если империя возникла раньше церкви, зародившейся в ее недрах и многое перенимавшей от нее для собственной организации, то церковь, начиная с IV века, пропитывает империю своим духом и упрочивает собственную независимость. Обеспечение гармонии между ними требовало взаимного признания прерогатив каждой из них: империи — в мирских делах, церкви — в духовной сфере.

Поскольку на практике это абсолютное разделение не соблюдалось, пытались регулировать взаимоотношения империи и церкви с помощью учения о двух властях, восходящего к папе Геласию I (492–496). Согласно этому учению, миром правят две главные власти: священный авторитет пап и королевская (императорская) власть. Это было учение о двух мечях, духовном и светском, о соотношении папства и империи как

солнца и луны, души и тела. Спустя век, когда Западная империя при Юстиниане I опять из идеи воплотилась в реальность, папа Григорий I (590–604) уточнил характер этих двух властей: Римская империя остается политическим выражением христианского универсализма; империя — «христианская империя», «священное государство», и ее существование продлится до светопреставления. Говорит он и о божественном происхождении империи, вменяя ей в обязанность заботу о христианстве, обеспечение мира в церкви и распространение христианской веры среди язычников. У церкви более обширное поле деятельности, включающее в себя и народы, не входящие в состав империи; эта чисто духовная сфера должна управляться папой — преемником Доброго Пастыря. Папа и император — дополняющие друг друга органы одного тела. Конечную цель империи Григорий I усматривал в том, чтобы «земное царство служило Царству Небесному».

Духовный глава христианского мира не мог обойтись без светского главы. Без Римской империи не могло быть римской католической церкви. Невозможно было разделить то, что было нерасторжимо в идее: христианство, казалось, будет существовать, пока существует великое христианское государство. После падения в 476 году Западной Римской империи произошло как бы воссоединение половин некогда единой державы: предводитель германцев Одоакр, свергший Ромула Августа, последнего императора Запада, отправил императорские инсигнии (знаки власти) византийскому василевсу Зенону, получив от него титул патриция и поручение управлять западными провинциями. И западное духовенство во главе с папой римским признало над собой власть правителя Византии, который официально считался римским императором. Таким образом, и в условиях, когда происходило раздробление реальной светской власти, западное духовенство сохранило приверженность идее всемирной империи. Однако византийский император, поглощенный собственными проблемами и все больше отчуждавшийся от Запада, не мог быть для него под-

линым главой и покровителем. Хотя его более высокий ранг принципиально признавался правителями варварских королевств, однако императорское верховенство становилось все более эфемерным.

В литургии VI–VII веков, когда от Римской империи мало что осталось, продолжало сохраняться идеальное представление о ней: к Богу, покровительствующему всем государствам, а особенно Римской империи, обращаются с молитвой, чтобы власть ее правителей признавалась повсюду. В рамках римской имперской идеи остается и написанный в ту пору трактат, в котором дается определение императора: «Императором является обладающий наивысшей во всем мире властью, в подчинении которого находятся правители прочих государств, называемые не императорами, но королями».

Всё сказанное могло относиться только к римскому императору, однако, поскольку определение не содержит прямого указания на это, императорское достоинство, в принципе, уже не связывалось с Римом, а служило лишь выражением верховенства. В таком случае и правитель, не связанный с Римом, мог получить императорский титул, свидетельствовавший о его всемирном верховенстве. Особенно важным было такое понимание для франков, занявших доминирующее положение в Европе, особенно при Карле Великом.

Поскольку франки непосредственно включали завоеванные территории в состав своего государства, их король являлся не верховным сюзереном подвластных ему королей, а повелителем многих народов, занимая, таким образом, положение, подобное императорскому. Тем не менее, их великое государство называлось Франкским королевством, а не империей. Понятие «империя» у франков внедрялось с трудом. Усвоению ими римской идеи способствовало их сближение с папством. Первый важный шаг на этом пути сделал в 751 году Пипин Короткий. Желая узаконить совершенный им государственный переворот, отстранение от власти последнего представителя Меровингской династии, он направил в Рим к папе Захарии

запрос о том, кому должна принадлежать королевская корона: тому, у кого титул, или тому, кто обладает реальной властью. Как и надеялся Пипин, папа, рассчитывавший найти защитника в лице сильного франкского правителя, ответил, что ради поддержания порядка будет лучше, чтобы королем назывался тот, кто имеет власть. Спустя некоторое время сложился союз папства с новым королем франков, взявшим на себя функции защитника западной христианской церкви.

При сыне Пипина, Карле Великом, эта функция защитника церкви постепенно перерастет в гегемонию франков в Западной Европе. Вместе с тем она стала пониматься как светское и одновременно духовное господство над «христианской империей». Так слово «империя» стало усваиваться в окружении Карла Великого еще до его императорской коронации в 800 году. Понятие «христианская империя» постепенно утратило связь с Римской империей, все более приобретая духовное, идеальное значение. Ассоциируясь с Царством Божиим, оно не имело политического смысла до тех пор, пока попечительство над «христианской империей» не было поручено Карлу Великому, то есть пока на Западе не была учреждена империя, воспринимавшаяся как продолжение Древней Римской империи.

«Христианская империя» должна была включать в себя весь христианский мир, в том числе и Византию, поскольку там в 797 году произошел государственный переворот: император Константин VI был свергнут своей матерью Ириной, объявившей себя правительницей империи. Однако на Западе женщина в таком качестве не могла быть признана, а посему византийский престол рассматривался как вакантный. Таким образом, Карла Великого прочили на место правителя всей Римской империи, которая, как полагали, возродилась бы в своем некогда существовавшем единстве и величии.

Однако сам Карл с трудом воспринимал идею Римской империи, а поначалу и прямо отвергал ее. Она казалась ему слишком безбожной, языческой. Карл находился в саксонском

городе Падерборне, когда летом 799 года к нему прибыл бежавший от врагов папа Лев III. О переговорах папы с королем и о принятых ими решениях красочно и подробно рассказывается в так называемом «Падерборнском эпосе» — стихотворном панегирическом сочинении «Карл Великий и папа Лев». Это произведение возникло в окружении Карла и сообщает ценные сведения об идеях, обсуждавшихся тогда при его дворе. Король франков и папа римский предстают как два верховных главы, причем если верховенство в мире папы принимается как нечто само собой разумеющееся, то восхвалению Карла посвящено всё начало поэмы. «Падерборнский эпос» ставит на место Византии с ее Новым Римом — Константинополем Ахен, возводившийся в те годы Карлом Великим в качестве своей резиденции, которая должна была стать столицей его будущей империи. Здесь речь идет об идее империи, получившей название «ахенской имперской идеи», предполагавшей возрождение на Западе Европы империи, не связанной с Римом. Однако и эта «неримская» Ахенская империя Карла Великого наполовину оставалась римской, возникнув в качестве ответвления от идеи Римской империи, не будучи чисто германской по своему происхождению.

Такая идея империи едва ли могла устроить папу Льва III, прибывшего к франкам с просьбой о помощи. Его целью было создание универсальной Римской империи, направленной против Византии, а возможно, даже и способной поглотить ее. Так возникли две концепции империи: франкская, или императорская, Карла Великого и римская, или куриальная, отвечавшая интересам папы. Король франков оказался перед трудным выбором: если неукоснительно придерживаться ахенской идеи, то нечем было бы обосновать притязания на универсальное верховенство в христианском мире; с другой стороны, принятие римско-куриальной идеи было бы ударом по самолюбию франков, не потерпевших бы такого унижения, чтобы высшее достоинство светского правителя было пожаловано духовным главой Запада.

И все же Карл отправился в Рим, где на Рождество 800 года состоялась его императорская коронация. Это событие поставило перед историками, возможно, неразрешимую задачу, обрекая их на бесконечные интерпретации противоречивых сообщений источников. Разумеется, Карл прибыл в Рим добровольно (кто смог бы принудить его к этому?) с целью обретения императорского достоинства при содействии папы римского, роль и значение которого он не склонен был принижать: ведь и его отец, Пипин Короткий, принял королевскую корону с благословения римского первосвященника, а затем и сам он, и его сыновья подверглись обряду помазания, совершенному папой. Однако события, очевидно, стали развиваться не так, как было предусмотрено предварительным соглашением между франкским королем и папой римским. Карл Великий, видимо, был захвачен врасплох, когда папа возложил ему на голову императорскую корону. В результате, как сообщает Эйнгард, биограф Карла, он был столь сильно раздосадован, что, по его словам, не пошел бы в церковь, несмотря на великий праздник (Рождество. — В. Б.), если бы знал о намерении папы.

Эти слова Эйнгарда стали камнем преткновения для исследователей, породив множество толкований. Нам представляется, что сообщение Эйнгарда повествует о реальном событии, но причиной гнева Карла Великого послужил не императорский титул, якобы навязанный ему папой. Отправляясь в 800 году в Рим, он хотел стать императором, однако способ реализации имперской идеи не вполне отвечал его собственным представлениям. Очевидно, достигнутый ранее баланс между римско-куриальной и франкско-имперской идеями оказался нарушенным. Чтобы выявить возникшее противоречие, необходимо кратко охарактеризовать обе эти идеи.

Свое классическое выражение римско-куриальная идея империи обрела в письме папы Иннокентия III от марта 1202 года: «Право и власть подобного рода достаются от апостолического престола, который Римскую империю перенес в

лице славного Карла от греков (то есть византийцев. — В. Б.) к германцам». Так думали все папы, начиная с Льва III, короновавшие императоров Священной Римской империи, хотя не каждый из них осмеливался открыто заявлять об этом. Согласно этой идее папы римские жалуют императорскую власть подобно бенефицию (пожалованию за службу), после получения которого император должен был исполнять обязанности защитника церкви. С другой стороны, императорская концепция империи решающее значение придавала избранию императора римлянами. И эта точка зрения свое наиболее законченное выражение приобрела также при императорах династии Штауфенов, после длительной борьбы между Империей и папством за доминирующее положение в христианском мире — в «Легенде о Карле», сочиненной в 1166 году в Ахене по заданию Фридриха I Барбароссы: «Поэтому, когда молва о преданности вере и добру столь великого и славного мужа облетела весь мир, римляне, охваченные ужасом, признали за ним право владения могущественнейшей Римской империей и даже избрания папы». Эта «Легенда» носит ярко выраженный проимператорский характер, признавая за императором даже право избрания пап (отчетливый отзвук борьбы Барбароссы против папы Александра III). Под избранием императора народом, в данном случае римлянами, подразумевалась так называемая аккламация, то есть одобрительные возгласы толпы при появлении нового претендента на императорскую корону. Роль папы в возведении на престол очередного императора здесь явно занижена — не только ничего не говорится о его участии в этом торжественном акте, но и предоставляется императору безраздельное право избрания самого папы (как это делал Барбаросса, возводя на Святой Престол одного антипапу за другим — в пику Александру III).

Карл Великий не склонен был принижать значение римского папы, напротив, он всегда изъявлял готовность сотрудничать с ним, но, разумеется, не под его эгидой. Сценарий императорской коронации, приемлемый для франкского короля, мог вы-

глядеть следующим образом: по просьбе папы Льва III и определенной части римской знати («народа») он прибывает в Рим, где в результате аккламации провозглашается императором, после чего в качестве завершающего церковного обряда папа возлагает ему на голову корону. Таким образом, его императорская власть была бы освящена церковью, но при этом не пожалована в качестве бенефиция папой.

Сопоставив изложенные в источниках версии коронации Карла Великого на Рождество 800 года, мы можем сделать вывод, что для недовольства, о котором сообщил Эйнгард, не было бы причины, если бы Карл обрел императорское достоинство по собственному усмотрению. Лев III без предварительного согласования с франкским королем возложил корону на его голову еще до того, как состоялась аккламация, реализовав тем самым римско-куриальную концепцию империи. Карлу, прибывшему в Рим именно для коронации, дабы стать императором, не оставалось ничего иного, кроме как стерпеть во избежание публичного скандала. Лишь позже он дал волю чувствам, увековеченным для потомков в рассказе его биографа Эйнгарда.

Судя по тому, что впоследствии Карл продолжал поддерживать нормальные отношения с папой Львом III, они сумели уладить возникшее недоразумение. Сложнее обстояло дело с использованием титула. Похоже, что в этом смысле затруднение испытывал не только сам Карл, но и его канцелярия. Надо было указать, императором какого государства он является, и само собой напрашивалось употребление традиционного титула «римский император». Однако в таком случае Франкское королевство оказывалось в тени нового, более высокого ранга его правителя, вместо Ахена Рим становился главной резиденцией и ядром империи. Карл не мог этого принять, но не хотел и отказываться от своего вновь приобретенного императорского достоинства и от сотрудничества с папой, только Рим рассматривавшего в качестве центра империи.

В результате было найдено компромиссное решение. После долгих колебаний Карл принял императорский титул, сохранив при этом и титул короля франков и лангобардов. Было смягчено и римское звучание его титула: вместо «римского императора» он теперь именовался «императором, правящим Римской империей». Найденная формулировка не ограничивала императорское достоинство исключительно властью над Римом и римлянами, но включала в себя всю империю. Теперь не обязательно Рим должен был считаться столицей. Вновь обретал реальный смысл античный принцип: «Где император, там и Рим», благодаря чему Ахен сохранял за собой то значение, которое ему придавал Карл Великий. Сам он после коронации больше не бывал в Риме, тогда как папа Лев III еще навещался в Ахен.

Позднее, обдумывая план раздела империи среди своих наследников, Карл Великий выделил старшему сыну Карлу исконные франкские земли с центром в Ахене, тогда как Италия с Римом должна была достаться младшему Пипину, а защита римской церкви вменялась в обязанность всем троим братьям совместно. И в этом можно усматривать неприятие им имперской идеи в папском варианте. Он всячески старался показать, что не считает себя римским императором и, несмотря на акт коронации в соборе Св. Петра в Риме, продолжает придерживаться ахенской идеи империи. И все же он не сумел преодолеть естественное притяжение Рима, где была родина имперской идеи, где сам он фактически получил императорский титул и где была резиденция папы, положение которого в христианском мире было тесно связано с Каролингской империей. Римская идея, входившая составным элементом в ахенскую концепцию 799 года, получила мощное подкрепление благодаря состоявшейся на следующий год императорской коронации. Вопреки воле самого Карла его империя имела двойственный франкско-римский характер.

Эта двойственность при жизни Карла Великого проявилась в том, что центр тяжести империи переместился на север, уда-

лившись от своих истоков. Благодаря этому перемещению в значительной мере была реализована идея империи, не связанной с Римом. Из римской она превратилась в христианеко-франкскую империю. Когда Карл в 812 году договором урегулировал отношения с византийским императором Михаилом I, он не стал добиваться сохранения за собой титула римского императора, и это не было простой уступкой притязаниям Константинополя на Римскую империю. Он лишь отказался от титула, не имевшего значения в собственной империи, которую опять, как при Феодосии II, стали называть Западной. После официального признания наличия двух империй уже невозможно было претендовать на всемирное верховенство, и лишь связь с папами римскими придавала ей универсальное значение.

Двойственный характер Каролингской империи, в которой папы оставались непримиримыми противниками ахенской концепции, поскольку в их понимании защита церкви и Святого Престола составляла существенное содержание императорского достоинства, оказывал определяющее влияние и на ее дальнейшее развитие. Весьма показательна в этом отношении императорская коронация Людовика Благочестивого в 813 году. С одобрения имперского собрания франков в Ахене и по велению своего отца, Карла Великого, Людовик взял императорскую корону с алтаря Ахенского собора и возложил ее себе на голову. С Римом и папством эта коронация не имела ничего общего. Короновав сына в качестве императоро-соправителя, Карл Великий показал, что он подразумевает под императорской властью — достоинство, возобновляющееся само собой и не нуждающееся в связи с Римом и в освящении папой римским. Однако после смерти Карла папа Стефан IV сделал ответный ход, явившись в 816 году ко двору Людовика Благочестивого в Реймс для совершения обряда духовной коронации, поскольку состоявшаяся за три года до того в Ахене имела чисто светский характер. Речь шла о том, чтобы, образно говоря, скрепить римской печатью императорское достоин-

ство Людовика. В свите папы находились римские клирики, во время торжественного приема громко восславившие императора, что должно было символизировать собой римскую аккламацию. В Реймс была доставлена и корона, принадлежавшая, как считалось, Константину Великому, на что обратил особое внимание Стефан IV, благословляя Людовика.

И все же, несмотря на эту, казалось бы, уступку куриальной концепции империи, период правления Людовика Благочестивого явился временем наиболее полной реализации ахенской идеи империи. Он довольствовался простым титулом «император август». Используемая при Карле Великом надпись на императорской печати «Возрождение Римской империи» была заменена на «Возрождение Франкского королевства», что на первый взгляд казалось совершенно бессмысленным и могло означать лишь отказ от связей с Римом. В свою очередь, неприятие «римского» характера императорского достоинства позволяло придать империи иное содержание, выражавшееся идеей «христианской империи» во главе с «христианнейшим императором», что должно было исключить какие бы то ни было ассоциации с языческим императорским Римом.

Однако впоследствии преемники Карла Великого не сумели твердо придерживаться намеченной им линии. Уже при сыне Людовика Благочестивого Лотаре I происходит смещение акцентов. Он, хотя уже был, подобно своему отцу, коронован в качестве императора в Ахене, отправился в 823 году по приглашению папы в Рим, чтобы тот совершил над ним обряд духовной коронации. Тем самым Лотарь I признал папский Рим как место, где должна совершаться императорская коронация. Своего сына Людовика II он в 850 году отправил в Рим для императорской коронации, даже не проводя предварительно коронацию в Ахене. После раздела империи по Верденскому договору 843 года доставшийся Лотарю удел еще включал в себя обе имперские резиденции, Рим и Ахен, но уже в 855 году, незадолго перед смертью поделив его между двумя своими сыновьями, он поступил противоположным образом,

нежели в свое время его дед Карл Великий: территорию с центром в Ахене он дал младшему сыну Лотарю II, тогда как итальянскую часть с Римом — старшему Людовику II, обладавшему императорской короной.

Роль Ахена как имперского центра сошла на нет, а церковная, римско-куриальная идея империи победила, и эта победа, как впоследствии оказалось, была окончательной. С того времени содержание императорской власти состояло в господстве над Римом и в исполнении обязанности по защите католической церкви, а единственным способом обретения императорского достоинства был обряд коронации, совершавшийся папой в Риме. Отсюда, однако, не следует, что папа по собственному усмотрению жалует титул, достоинство и власть императора как нечто находящееся в его личном владении, хотя папы нередко пытались именно так истолковывать императорскую коронацию. С другой стороны, учитывая важность свершаемого акта и высокое достоинство его исполнителя, нельзя видеть в папе некое орудие для завершающего освящения предварительно избранного князьями императора — трактовка, нередко встречающаяся в истории Священной Римской империи. В идеале это должно было происходить как свободное волеизъявление папы в смысле благого деяния без каких-либо намеков на вассально-ленные отношения.

По мере дробления Каролингской империи у императора оставалось все меньше оснований для притязаний на всемирное господство. Если Карл Великий обладал бесспорным верховенством по крайней мере в Западной Европе, то Беренгар Фриульский, получивший императорскую корону в 915 году, не имел прочной власти даже в пределах своих незначительных владений в Италии. Титул императора на Западе был тогда не более чем титулом, лишенным реального содержания.

Вместе с тем франкская имперская идея продолжала жить, не будучи полностью вытесненной римской идеей: считалось, что власть и достоинство императора должны принадлежать наиболее могущественному представителю Каролингской ди-

настии. Обе эти концепции средневековой империи, римская и не связанная с Римом (прежде всего франкская, ахенская идея), были еще живы, когда Оттон I в 962 году возродил империю в Западной Европе. Он отдал предпочтение римской идее, отправившись в Рим для получения короны из рук папы. Тем самым было принято важнейшее решение, последствия которого сказывались на протяжении столетий — по пути Оттона I пошли все претенденты на корону Священной Римской империи. Однако папская коронация сама по себе еще не свидетельствовала об исключительном доминировании римской идеи. Карл Великий, поборник неримского императорского достоинства, тоже не отвергал освящения своей власти папой. И в 962 году папа, естественно, представлявший римскую идею, в известной мере признавал, что императорская власть германского короля имеет и другую основу — победы, одержанные над язычниками.

Если имперская идея Оттона I еще заключала в себе оба компонента, римский и неримский, и, соответственно, две возможные тенденции развития, то при его преемниках римская идея начинает все отчетливее доминировать, чтобы к концу эпохи Оттонов окончательно возобладать. На помощь ей пришли литературная традиция античности (оттоновское возрождение) и влияние идей реформы церкви (клюнийское движение), тесно связанных с идеей христианской империи. В XI веке она получила еще и дополнительное подкрепление в виде возрождавшегося римского права. Этот результат, возможно, был предопределен и тем, что сама неримская идея империи в конечном счете являлась ответвлением от римской идеи.

Поскольку в начале X века империя, возрожденная на Западе Карлом Великим, опять угасла, на протяжении нескольких десятилетий оставаясь чистой идеей, с полным основанием можно считать творцами Священной Римской империи правителей Саксонской династии (919–1024), именуемой также династией Оттонов, по имени трех ее представителей, прежде

всего самого выдающегося из них — Оттона I, еще при жизни прозванного Великим. Не случайно противники имперской политики германских королей адресуют свои упреки Оттону I, поскольку, мол, он повел Германию по пути, ознаменовавшемуся не столько славными подвигами и достижениями, сколько горестными потерями. Но, как известно, с любого пути можно свернуть, можно было бы свернуть и с этого, однако не свернули, идя по нему в течение многих столетий — значит, были на то свои причины. О живучести имперской идеи уже сказано довольно подробно, и было бы полезно предварить основное повествование книги кратким обзором истории Священной Римской империи вплоть до ее упразднения в 1806 году, спустя 844 года после торжественной коронации Оттона I в Риме.

В состав воссозданной Оттоном I империи, помимо самой Германии, короли которой и были впредь императорами, входили также треть современной Италии, часть Франции и Бельгии, Австрия, Швейцария, Нидерланды и области западных славян. Это было многонациональное государство. Поскольку немцы составляли в нем большинство и играли главенствующую роль, в конце XV века к названию «Священная Римская империя» добавили еще два слова, и получилось очень длинное наименование — Священная Римская империя германской нации. Таково было официальное название, использовавшееся в документах, а в обыденной жизни государство называли Германией или просто Империей.

Императорская власть не давалась немецким королям просто так. Каждый из них отправлялся в Италию за короной во главе большого войска. Иногда хватало простой демонстрации силы, но зачастую приходилось усмирять противников в кровопролитной борьбе. Сам Оттон I около 9 лет провел в Италии, утверждая там свое господство. В Южной Италии немцам пришлось, кроме того, столкнуться с византийцами, издавна владевшими этой землей, и вторгавшимися туда арабами или, как их тогда называли, сарацинами. Оттон II, сын основателя

Священной Римской империи, потерпел от них в одной из битв сокрушительное поражение. Ему самому чудом удалось спастись — верхом на коне и даже вплавь по морю. Пострашнее сарацин оказался другой враг — эпидемии, косившие жителей севера, непривычных к жаркому климату Италии. Эта участь постигла и Оттона II: избежав смерти от оружия сарацин, он в возрасте всего 28 лет пал жертвой заразной болезни и был похоронен в Риме. Никто ни в Италии, ни в Германии не воспользовался безвременной кончиной императора для перемены власти. Восстали только поморские и полабские славяне, жившие по берегам Балтийского моря и реки Эльбы. Они были покорены еще Генрихом Птицеловом и Оттоном I, и теперь возвратили себе свободу и независимость. Только спустя почти 200 лет немцы опять подчинят их, и теперь уже навсегда.

В свое время Оттон I, дабы уладить отношения с Византией и добиться от нее признания своей империи, женил сына-наследника на византийской царевне Феофано. Это была красивая и просвещенная девушка, принесшая в Германию высокую византийскую культуру и ученость. Единственного сына от этого брака называли тоже Оттоном. Когда эпидемия унесла жизнь отца, ему не было и трех лет, однако созданный дедом порядок был столь прочен, что и младенца признали королем. Сначала за него правили мать и бабка, а когда Оттону III исполнилось 15 лет, он взял в свои руки бразды правления. Благодаря матери он получил блестящее образование, в совершенстве владел древнегреческим и латинским языками, был сведущ в философии и других науках. Обретя в Риме императорскую корону, он поставил перед собой великую цель: воссоединить свою империю с Византией, а затем объединить всю Европу в составе христианской Римской империи. Но судьба не была к нему благосклонна. Едва приступив к исполнению замысла, Оттон III умер в возрасте неполных 22 лет, не оставив потомства.

В Священной Римской империи были два высших авторитета — сам император и папа римский. Они постоянно боролись

за верховенство. Сильные императоры, как Оттон I, выходили из этой борьбы победителями. Оттон I защищал церковь, но при этом подчинил ее своей воле и поставил на службу интересам империи. Самовластно распоряжаясь делами церкви, он по своему усмотрению назначал и смещал епископов и аббатов. И даже самого папу римского не могли избрать без его согласия. Но бывало и по-другому. В середине XI века на германском престоле оказался малолетний король Генрих IV. Почувствовав, что властная рука ослабела, феодалы, не только светские, но и духовные, считавшиеся опорой короля, вышли из подчинения. В то же самое время в католической церкви проводились реформы, чтобы укрепить ее авторитет в народе. Для этого надо было прекратить обмирщение церкви, то есть падение нравов среди духовенства и подчинение ее светской власти. Эти преобразования проводились под руководством папы Григория VII.

Между ним и повзрослевшим Генрихом IV, решившим вернуть королевской власти ее права, разгорелся конфликт, известный как борьба за инвеституру, то есть за право назначать епископов и аббатов. Кто обладал этим правом, тот контролировал церковь и имел важный источник доходов. Ни одна из сторон в этом споре не хотела уступать. Генрих IV созвал синод — съезд верного ему духовенства, на котором заявили о смещении папы римского. Но прошли те времена, когда король Германии распоряжался судьбами папского престола. Григорий VII отлучил Генриха IV от церкви, чем незамедлительно воспользовались его противники. Отлученного от церкви короля можно было не признавать. Феодалы потребовали от него примириться с папой, иначе они выберут нового правителя.

Не в силах подавить мятеж, Генрих IV уступил бунтовщикам. В условиях зимнего бездорожья он совершил труднейший переход через Альпы и прибыл с небольшой свитой (без военных отрядов, с которыми обычно приходили в Италию немецкие короли) к замку Каносса. Там, за мощными стенами нашел

убежище Григорий VII. Трое суток король без еды и питья, в рубище раскаявшегося грешника на коленях умолял папу пустить его к себе. Наконец ворота замка открылись, и Генрих IV смиренно припал к ногам папы римского, целуя его бархатную туфлю. Наверное, Григорий VII понимал, что со стороны короля покаяние было лишь тактическим шагом. Прощая Генриха IV, он тоже делал тактический ход: дабы феодалы в Германии не возомнили слишком много о себе, пусть они получают назад нелюбимого короля, пусть в стране продолжаются раздоры — тем легче будет ему, папе, достигать своих целей.

Но на этот раз победителей не было — проиграли все. Вернувшись в Германию и кое-как водворив в стране порядок, Генрих IV снова пошел в Италию. На сей раз с ним было большое войско, предрешившее участь папы. Григорий VII бежал на юг Италии, где и умер спустя несколько лет, так и не увидев больше Рима. Но, отомстив папе, Генрих IV не смог победить в борьбе за инвеституру. Она продолжалась еще много лет и закончилась тем, что императоры лишились права назначать епископов и аббатов. Рухнула созданная Оттоном I система, при которой церковь служила главной опорой королевской власти. Центральная власть в Германии все больше ослабевает, страна вступает в период феодальной раздробленности.

Можно было бы ожидать, что из-за этого пошатнется и Священная Римская империя. Ничуть не бывало. Европа уже не представляла себя без империи. Правители других стран не подчинялись власти императора, но и не требовали упразднить ее. Более того, императору оказывали знаки уважения и даже формально признавали его верховенство. Не спорили и о том, кому должна принадлежать императорская корона. Уже стало традицией, что короноваться в Рим прибывали немецкие короли. Бороться за императорскую корону не было смысла, поскольку она не давала реальных преимуществ. Поддерживали сложившуюся традицию, полагая, что будет лучше, если про-

длится существование Священной Римской империи, сохранится заведенный порядок, освященный авторитетом церкви.

Но тогда еще рано было хоронить империю, которой предстояло пережить героический период при императорах из династии Гогенштауфенов. Ее наиболее яркими представителями были Фридрих I Барбаросса, что значит Красная Борода, и его внук Фридрих II. Барбаросса получил свое прозвище от итальянцев, пораженных огненно-рыжим цветом его бороды — именно она бросалась в глаза, не будучи скрытой боевыми доспехами. Барбаросса много лет провел в Италии, утверждая свою императорскую власть. У него там немало было врагов, от которых ему доводилось терпеть досадные поражения. И все же при нем империя была прочной, а сам он запомнился потомкам как сильный и справедливый правитель. И погиб он как рыцарь в Третьем крестовом походе.

Желая присоединить к империи и Южную Италию, Барбаросса женил своего сына Генриха VI на королеве Сицилии Констанции. Однако тот, унаследовав императорскую корону и владения отца, после всего лишь семи лет правления умер в молодом возрасте, став жертвой очередной эпидемии. У его трехлетнего сына Фридриха почти не было надежды унаследовать отцовский престол. Когда через год умерла и мать, родственники отобрали у него и Сицилийское королевство.

Удивительна судьба этого человека. Потеряв из-за ранней смерти родителей права на престол, он нашел опекуна и воспитателя в лице папы римского Иннокентия III, одного из самых выдающихся деятелей средневековой Европы. С помощью того же папы он вернул себе Сицилийское и Германское королевства, а затем получил и императорскую корону. При Фридрихе II Священная Римская империя достигла своего наибольшего величия, олицетворением и живым воплощением которого был сам император. Его дворец на Сицилии, в г. Палермо, затмевал великолепием резиденцию любого европейского правителя. Однако внешний блеск империи маскировал ее внутреннее ослабление. Фридрих II совершил роковую

ошибку, выпустив из рук власть в Германии, куда он лишь изредка наведывался. Там полновластными хозяевами стали князья. Все больше врагов появлялось у императора в Италии и других странах. Вскоре после его смерти пресеклась и династия Гогенштауфенов. Южную половину Италии захватили сначала французы, а затем испанцы, и она была навсегда потеряна для империи.

Сама империя, казалось, тоже погибла. Германия на 20 лет погрузилась в политические смуты. Феодалы не могли договориться, кто придет на смену вымершей династии. Наконец выбрали одного из своей среды — не из самых сильных, чтобы не был опасен князьям, привыкшим самовластно править в собственных владениях. В 1273 году новым немецким королем стал до того мало кому известный граф Рудольф Габсбург, ставший родоначальником одной из самых знаменитых европейских династий. Он оказался талантливым правителем. При нем в Германии воцарился порядок, какого давно не было. Народ любил и уважал Рудольфа I. И церковь видела в нем своего защитника, как когда-то в Карле Великом и Оттоне I. Папа римский предлагал Рудольфу I императорскую корону, однако тот не успел совершить традиционный поход в Рим для коронации.

После смерти первого Габсбурга князья не пожелали видеть на престоле его сына. Он казался им слишком сильным правителем, способным положить конец княжеской вольнице. Они постарались не допустить, чтобы королевская власть в Германии укрепились и стала наследственной. Им было выгодно, чтобы представители разных династий боролись за престол и давали им все новые и новые привилегии.

Но и эти зависимые от князей короли претендовали на императорский титул. Во главе войска они совершали трудные походы в Рим. В Италии у них были сторонники, традиционно поддерживавшие императоров и называвшиеся гибеллинами. Их противники, выступавшие против того, чтобы немецкие короли в качестве императоров Священной Римской империи

хозяйничали в Италии, назывались гвельфами. Вся средневековая история Италии заполнена соперничеством этих группировок. Зачастую в одном городе гвельфы и гибеллины вели между собой беспощадную борьбу. Если одерживали верх одни, то горе было другим. Кровавые схватки политических группировок непрерывно сотрясали и Рим. Случалось, что очередному претенденту на императорскую корону не удавалось даже пробиться с войском к собору Св. Петра, дабы надлежащим образом провести церемонию коронации.

В те десятилетия, когда на престоле в Германии одна династия сменяла другую, наиболее примечательным правителем был Карл IV Люксембург. Он ничем не походил на воинственного Барбароссу, зато умел договариваться с людьми и копить деньги. Это его последнее качество считается недостойным короля, за что и недолголюбивают его историки и писатели — ценители рыцарского идеала в Средних веках. Но и этот приземленный реалист не отказался от императорской короны — столь неодолима сила традиции. В Италию он отправился в сопровождении всего 300 всадников, однако большего и не потребовалось. Путем переговоров он легко достиг того, чего другие с таким трудом добивались с помощью оружия. Его признали королем Италии. Богатые города преподнесли ему много денег — в подарок, а не как дань победителю от побежденных. Его путь в Рим был подобен триумфальному шествию. По дороге присоединялись итальянские рыцари, так что в конце концов он оказался в окружении десятитысячной свиты. После коронации в соборе Св. Петра он посвятил в рыцари 1500 молодых римлян и на следующий день, собрав новые подношения, покинул город. Никогда больше он не бывал в Италии и не пытался установить там свое господство.

И в Германии Карл IV тоже старался не докучать князьям своим присутствием. Его резиденцией была Прага, где он чаще всего и находился. В немецких землях он появлялся только для проведения рейхстагов — общеимперских съездов князей и вольных имперских городов. В 1356 году он созвал в Нюрн-

берге рейхстаг, на котором приняли важный документ — «Золотую буллу». Это был основной закон, регулировавший порядок в Священной Римской империи на протяжении нескольких столетий. Его феодальный характер проявился в том, что были подтверждены все привилегии князей, ставших суверенными правителями в своих владениях. Тем самым закреплялась раздробленность Германии. Отныне избрание короля Германии, будущего императора, стало исключительным правом семи наиболее влиятельных князей, называвшихся курфюрстами. Только от их доброй воли теперь зависела участь наследника престола.

Карл IV сделал слишком много уступок князьям, расставшись с важными императорскими полномочиями. Их уже не удалось вернуть и Габсбургам, после длительного перерыва вновь занявшим королевский престол в Германии. Теперь они уже не выпустят из своих рук корону Священной Римской империи. И сама империя при них претерпела важные изменения. Она утратила некоторые территории на юге и западе, населенные итальянцами и французами, и стала более «немецкой». Габсбурги отказались от обычая ходить с войском в Италию за императорской короной. Церемония коронации и помазания стала проводиться в самой Германии.

В роду Габсбургов было много замечательных личностей, среди которых особенно выделяется Максимилиан I. Не зря его прозвали «последним рыцарем». Предпринятая им попытка возродить рыцарский идеал у многих вызывает чувство симпатии. Не меньше и желающих критиковать его, даже отвергать все, что он делал. И правда, удача далеко не всегда сопутствовала ему. Его мечта о единой христианской империи, в которой было бы спокойно и безопасно жить, и не могла воплотиться в реальности. Хуже другое: большими потерями для Европы обернулся провал предложенного им плана отражения турецкой угрозы. Об этом позаботились недоброжелатели императора, лицемерно именовавшие себя «христианнейшими

королями». Наступление турок им казалось меньшим злом, чем «тирания» Габсбургов.

Максимилиан I пережил своего сына, и корону унаследовал внук, правивший империей под именем Карла V. По материнской линии к нему перешло и Испанское королевство, так что под скипетром Габсбургов оказалась империя, в которой никогда не заходило солнце: их владения раскинулись и в восточном, и в западном полушариях. Еще никогда Священная Римская империя не была такой большой и... такой слабой. Карла V не любили, не уважали и не боялись. Император, в жилах которого смешалась кровь представителей многих королевских домов Европы, был чужим для всех. Понимая, что невозможно править такой огромной империей, он поделился властью с братом Фердинандом. Так род Габсбургов разделился на Испанскую и Австрийскую линии. Императорская корона при этом осталась у Карла V. Ему и пришлось брать на себя ответственность за происходившее в империи. В XVI веке, столь богатым событиями, самым значительным явлением, затронувшим все стороны жизни европейских государств, была Реформация. Она началась именно в Империи, в ее немецких землях, и уж потом перекинулась на другие страны. Народ Германии, в которой и так не было единства, раскололся еще на католиков и протестантов. Те и другие были христианами, но во взаимной вражде беспощадно истребляли друг друга, к великой радости турок. Карл V возглавил борьбу против сторонников Реформации, но потерпел поражение. Переживая душевные муки, ибо не выполнил возложенной на него миссии, он отрекся от престола и закончил свои дни в монастыре.

Дальнейшая история империи связана с Австрийской линией дома Габсбургов. Полновластными государями они были только в своих наследственных землях, как и другие имперские князья. В качестве императоров они были в лучшем случае первыми среди равных. Установившийся в середине XVI века мир между католиками и протестантами оказался

непрочным. Князья нарушали его при каждом удобном случае. Император должен был мирить их, если разногласия заходили слишком далеко. Не всегда удавалось ему быть беспристрастным судьей, да не всегда он и хотел быть им. Габсбурги, твердо державшиеся католической веры, стали постепенно теснить протестантов, вынуждая их принимать ответные меры.

В начале XVII века Империя разделилась на два враждебных лагеря — Протестантскую унию и Католическую лигу. Подобному договориться они уже не могли, поскольку слишком много влиятельных людей хотело войны. У каждой из группировок имелись сторонники за границей, торопившие их скорее взяться за оружие. Развязанная ими Тридцатилетняя война (1618–1648), в которой участвовали многие европейские государства, проходила на территории Германии. Такой гибели людей, разрушений и опустошений страна еще не знала. Потом ей потребуется более 100 лет, чтобы залечить полученные раны. Страшная война закончилась подписанием тяжелого и унижительного мира. Империя лишилась многих территорий, но хуже было то, что имперские князья, коих насчитывалось более 360, стали независимыми правителями в своих владениях.

Священная Римская империя превратилась в некое географическое понятие — территорию в границах, проведенных на карте Европы. Она продолжила свое существование, являя собою нечто совершенно диковинное. Такого не было больше нигде и никогда. Находившийся в Вене император не имел никакой власти за пределами собственно габсбургских владений. Правители многочисленных княжеств, отделенных друг от друга границами и таможами, оказывали ему почтения не больше, чем того требовали обычай и многовековая традиция. В Регенсбурге непрерывно заседал рейхстаг, на котором были представлены князья, рыцари и города. Не имело значения, какие вопросы там обсуждали, поскольку принятые решения не были обязательны для исполнения. Да и самой исполнительной власти тоже не было.

В таком состоянии Империя просуществовала еще более полутора столетий. Наверное, существовала бы и дальше, не случись в соседней Франции революция, всколыхнувшая и Германию. Республиканские идеи находили все больше приверженцев среди немцев. Но Священную Римскую империю погубили не республиканцы, а другая империя. Наполеон Бонапарт, сделавший благодаря революции блистательную карьеру, совершил переворот, провозгласил себя императором. Новая французская империя оказалась сильнее старой германской. Наполеон захватил многие немецкие земли, тем самым унизив последнего германского императора Франца II. Тот не сумел дать отпор агрессору и, не желая усугублять свой позор, 6 августа 1806 года сложил с себя корону. Священной Римской империи не стало.

Но возвратимся на девять веков назад, во времена, когда Священной Римской империи еще не было, когда она зарождалась, становилась на ноги и прочно внедрялась в сознание европейцев.

ГЕНРИХ I ПТИЦЕЛОВ: МЕЧТА ОБ ИМПЕ- РИИ

НА ЗАРЕ НЕМЕЦКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Мужественное решение

23 декабря 918 года король Конрад I лежал при смерти. Подходило к концу его злосчастное правление. За семь лет, отведенных ему Богом, он успел так мало, что потомки не помянули бы его добрым словом, если бы не последний поступок, совершенный им только что. Чувствуя, что на сей раз не оправится от полученных в бою ран (не раз доводилось ему вступать в сражение, да только ратная слава обходила его стороной), Конрад призвал к себе брата Эберхарда и велел ему передать герцогу Саксонскому Генриху знаки королевской власти, пояснив свое неожиданное для брата решение: «Счастье, брат мой, перешло к Генриху, и высшее благо государства находится теперь у саксов. Так возьми же эти инсигнии — золотые запястья, меч древних королей, мантию и корону — и ступай к Генриху, заключи с ним мир, чтобы всегда был он союзником. Что пользы будет, если народ франков вместе с тобой падет перед ним? Ведь все равно он станет королем и повелителем многих народов». На это Эберхард, прослезившись (то ли от умиления мудрым решением отходящего в мир иной, то ли с досады, что самому не бывать королем), ответил согласием.

В ту пору, когда знаменитый саксонский хронист Видукинд Корвейский рассказывал в своих «Деяниях саксов» о самоотверженном поступке короля Конрада I, любили разукрасить правдивый рассказ баснями и легендами, что дает повод исто-

рикам в наши дни с недоверием относиться к написанному тысячу лет назад. Некоторые подвергают сомнению и достоверность изложенного выше эпизода — не мог, мол, Конрад поступить подобным образом, обездолить родного брата, добровольно передав власть своему давнему сопернику Генриху Саксонскому, и все это лишь мифы и предания, созданные при оттоновском дворе. Однако у истории своя логика, и о передаче Конрадом Франконским королевских инсигний герцогу Саксонии Генриху упоминают многие источники. Так, анонимный хронист X века, известный как «Продолжатель Регинона», пишет: «Он (то есть Конрад I. — В. Б.) переслал ему скипетр и корону и прочие знаки королевского достоинства»; и итальянский хронист Лиутпранд, епископ Кремонский, сообщает: «Он велел принести собственную корону... также скипетр и все королевское облачение... [и сказал]: “Посредством сих королевских знаков назначаю Генриха наследником и преемником королевского достоинства...”».

О Конраде I еще пойдет речь, хотя он и не принадлежит к числу главных персонажей нашей книги. Есть что-то трагическое в судьбе этого человека, умершего в молодом возрасте, лет тридцати пяти, после всего лишь семи лет правления. Определенно, Фортуна была неблагосклонна к нему, и он при всех своих немалых достоинствах не сумел (или просто не успел) исполнить свое намерение — создать прочное государство на месте рыхлого образования, именуемого Восточно-Франкским королевством. Нередко можно прочесть пренебрежительные суждения о нем как о неудачнике — не верьте этим мнениям, а верьте Видукинду Корвейскому, написавшему о нем: «Это был человек сильный и могущественный, выдающийся на войне и в мирное время, известный своей щедростью и многими добродетелями ... все франки с печалью его оплакивают».

Конрад I умер, успев принять решение, имевшее столь важное значение для исторических судеб Германии и всей Европы. Открылся путь для превращения Восточно-Франкского

королевства в Империю Оттонов, знаменовавшую собой рождение Священной Римской империи.

Колыбель нации

Германия, как и большинство старых государств Европы, не может предъявить «свидетельство о рождении». До сих пор ведутся споры о том, что считать началом ее государственного бытия. Представленная в учебниках общеизвестная истина, что из недр Франкского королевства вышли три современных государства — Германия, Италия и Франция, нуждается в некотором уточнении. Если Италия к моменту раздела в 843 году Каролингской империи тремя внуками Карла Великого уже имела многовековую историю собственного государственного развития, а Франция, вернее, Западно-Франкское королевство, и была собственно Франкским королевством Меровингов, подчинившим обширные территории и ставшим империей, то Восточно-Франкское королевство, будущая Германия, явилось новым, никогда прежде не существовавшим государственным образованием. Экспансия со стороны Франкского королевства прервала самостоятельное государственное развитие германских племен на территории между Рейном и Эльбой, но вместе с тем и ускорила их переход от родоплеменного строя к феодализму. Именно благодаря тому, что эти племена или союзы племен в VI–VIII веках были включены в состав Франкского государства, к моменту раздела Каролингской империи у них сформировались все необходимые атрибуты государственности: социальная дифференциация, господствующий класс и королевская власть. Таким образом, специфической особенностью становления немецкой государственности явилось то, что Германское королевство не было самостоятельным образованием, возникшим в результате эволюции родоплеменных отношений, а выделилось в готовом виде как часть распавшейся Каролингской империи.

В результате включения при Карле Великом Баварии и Саксонии в состав Франкского королевства все позднейшие немецкие племенные герцогства оказались в рамках единого го-

сударства. Распад Каролингской империи, в правовом отношении санкционированный Верденским договором 843 года, послужил исторической предпосылкой для формирования самостоятельного немецкого государства. Хотя Восточно-Франкское королевство Людовика Немецкого образца 843 года территориально почти в точности соответствовало формировавшемуся при Генрихе I Германскому королевству, в социально-политическом отношении оно не было идентично ему. И все же Верденский договор по своим историческим последствиям имел большое значение для возникновения средневекового немецкого государства, поскольку германские племенные союзы, объединенные в политически самостоятельное государство, образовали поначалу внешнее единство, постепенно перераставшее в единство внутреннее. Среди представителей господствующего класса отдельных племенных герцогств зарождалось чувство общности, обусловленное общностью интересов и всё больше выходившее за рамки этих герцогств, способствуя политическому и личному сближению феодальных господ Восточно-Франкского королевства. Таким образом, Верденский договор 843 года определил внешние рамки, внутри которых в X веке сложилось раннефеодальное немецкое государство.

Вместе с тем следует отметить, что при всем своем непреходящем значении Верденский договор 843 года знаменовал собою не возникновение немецкого государства как одномоментный акт, а начало исторического процесса, важными этапами которого явились избрания на королевский престол Конрада I в 911 году и особенно — Генриха I в 919 году, поскольку только с переходом королевской власти к Саксонскому герцогскому дому Восточно-Франкское королевство формально и по существу окончательно перестало быть частью прежней Каролингской империи, становясь Германией. Таково было неизбежное следствие причин, приведших к возникновению раннефеодального немецкого государства.

Сами же эти причины в общих чертах сводятся к следующему. Внутреннее развитие Восточно-Франкского королевства в IX веке вело к нараставшему ослаблению королевской власти и усилению феодальных господ. В этот период светские феодалы, следуя примеру короля и церкви, превращали свои владения в наследственные вотчины и все активнее втягивали свободных крестьян в феодальную зависимость. Земельные владения феодалов расширялись и за счет королевских земель, жаловавшихся им за службу, а истощение земельного фонда короны неизбежно вело к упадку королевской власти. Не имея возможности платить земельными пожалованиями за службу, король не мог приобретать новых сторонников и удерживать при себе имевшихся. Это вело к тем более негативным последствиям, что по мере феодализации ополчение свободных крестьян, являвшееся прежде важной опорой королевской власти, все более сокращалось. Это перераспределение власти между королем и знатью нашло свое выражение в постепенном упадке центральной королевской власти. Феодалы все больше становились господами в пределах своих владений, и король не мог воспрепятствовать этому.

По мере ослабления центральной королевской власти неизбежно должно было нарастать соперничество среди самих феодалов. Все они стремились к расширению сферы своего господства, что вело к военным конфликтам между ними. Особенно многочисленными были столкновения между могущественными феодальными господами, возглавлявшими племенные герцогства и ставшими ввиду бессилия центральной королевской власти фактически самостоятельными правителями, с одной стороны, и духовными феодалами, епископами и аббатами, а также средними и мелкими светскими феодалами — с другой. Эти феодальные распри таили в себе особенно большую опасность для государства перед лицом внешней угрозы со стороны норманнов во второй половине IX века и мадьяр в первой половине X века. Таким образом, Восточно-

Франкское королевство находилось в состоянии глубокого политического кризиса.

Дальнейшее развитие феодальных отношений внутри страны и успешная оборона Восточно-Франкского государства от внешней угрозы, а также реализация характерного для каждого феодального государства стремления к экспансии были возможны лишь при условии преодоления этого кризиса. Коренное отличие Восточно-Франкского (Германского) королевства от Западно-Франкского (Французского) и Итальянского королевств в этот период состояло в том, что в двух последних реализация экспансионистских устремлений была невозможна ввиду феодальной анархии и политической раздробленности, тогда как в первом еще существовали все предпосылки для этого. Гораздо более далеко зашедший процесс феодализации в Западно-Франкском королевстве к началу X века уже повлек за собой возникновение могущественных феодальных владений, хозяева которых, с одной стороны, не нуждались в сильной королевской власти, а с другой стороны, столь прочно подчинили себе средних и мелких феодалов, лишив их какого бы то ни было политического значения, что они не могли служить опорой королю при его попытке укрепить свою власть. В период с X по XII век короли Франции влачили жалкое существование в тени могущественных феодальных сеньоров, таких, как герцоги Аквитанские, Бретонские, Бургундские и Нормандские, графы Анжуйские, Тулузские, Фландрские и Шампанские. Однако ни один из них не мог без поддержки широких общественных сил создать сильное Французское королевство. Аналогичная ситуация сложилась и в Италии, где многочисленные герцогства, графства, епископства, а на севере страны и города находились в состоянии непрерывной борьбы друг с другом.

Иначе обстояло дело в отстававшем в своем феодальном развитии от Франции и Италии Восточно-Франкском королевстве, где существовал широкий слой средних и мелких, а также церковных феодалов, способных оказывать сопротивление

формировавшимся крупным феодальным властям в лице племенных герцогств. Играл свою роль и фактор внешней угрозы, вызывавший потребность в сплочении населения для оказания отпора. Таким образом, относительная отсталость в социально-экономическом отношении Восточно-Франкского королевства послужила предпосылкой для того, чтобы раннефеодальное Германское королевство заняло господствующее положение в Центральной и Западной Европе. Для преодоления кризиса Восточно-Франкского королевства в начале X века, видимо, существовали различные возможности, не исключая и того, что могли возникнуть, например, два государства: северогерманское во главе с Саксонией и южногерманское под эгидой Баварии. Однако наиболее приемлемым для широких кругов представителей господствующего феодального класса было сохранение единого государства и создание новой, более авторитетной королевской власти, которая смогла бы, сломив сопротивление племенных герцогов, организовать феодальную верхушку для совместных действий. Нужна была именно новая королевская власть, поскольку Каролинги в значительной мере утратили средства для реализации своей государственной воли, а пришедший на смену им Конрад I изначально не обладал такими средствами.

В начале X века существовали реальные предпосылки для утверждения в пределах всего Восточно-Франкского королевства новой, более сильной королевской власти. Вследствие противоречий в самом господствующем классе сложились в лице духовных, а также средних и мелких светских феодалов достаточно влиятельные общественные силы, заинтересованные в укреплении центральной королевской власти, стремившиеся к восстановлению порядка внутри государства и к организации эффективного отпора внешним агрессорам, что служило важнейшей предпосылкой для упрочения и дальнейшего развития их собственного феодального господства. Таким образом, эта часть класса феодалов являлась потенциальным союзником сильного претендента на королевскую корону

и служила движущей силой обновления центральной власти. Кроме того, чувство единства в среде знати в начале X века проявляло себя уже достаточно отчетливо, способствуя тому, что Восточно-Франкское королевство не распалось, а продолжало существовать в качестве государственных рамок для создания нового, более сильного королевства. И наконец, в лице саксонского герцога Генриха тогда явился политик, обладавший всеми необходимыми предпосылками для создания такого королевства.

Особое экономическое, военное и политическое могущество саксонского герцога было обусловлено различными факторами. Герцогство Саксонское было наиболее сильным в Восточно-Франкском королевстве. Во Франкское королевство Саксония была включена позднее других германских герцогств и пользовалась относительной самостоятельностью. В качестве маркграфов, графов и епископов там назначались исключительно местные феодалы. По окончании Саксонских войн и Карл Великий, и его преемники редко появлялись в Саксонии, так что саксонской знати в известном смысле были делегированы королевские властные полномочия. Вследствие этого здесь почти не чувствовалось римское влияние и недостаточно глубоко укоренились франкские государственные учреждения, что замедляло, по сравнению с другими германскими герцогствами, развитие феодальных отношений, а сохранение архаичного уклада, в свою очередь, способствовало поддержанию авторитета саксонского герцога. Позднее включение в состав Франкского королевства, которому предшествовали века самостоятельного развития этого племенного объединения, послужило предпосылкой для сильного развития племенного самосознания саксов, облегчавшего единство действий саксонской знати, которое служило важной основой для усиления герцогства. Тогда как господствующий класс Баварии, Франконии и Швабии раздирали острые противоречия, саксонская верхушка сохраняла единство, в обеспечении которого важ-

ную роль играл сам герцог, существенно превосходивший могуществом остальных.

Герцогская власть в Саксонии, в значительной мере самостоятельная по отношению к королю и тесно связанная с духовной и светской знатью всего герцогства, на протяжении нескольких десятилетий непрерывно укреплялась. Важной основой для этого служило чрезвычайно прочное экономическое положение герцога из рода Лиудольфингов, к которому принадлежал Генрих. Уже в IX веке по своим владениям этот герцог существенно превосходил любого другого саксонского магната. В начале X века земельные владения Лиудольфингов еще более расширились. Этот широкий экономический базис герцога Саксонского послужил основой его политической власти. Вместе с тем обширные земельные владения означали господство над большим количеством зависимых крестьян, чем, в свою очередь, обуславливались военная мощь герцога, заметно превосходившая военные возможности прочих саксонских магнатов, и его авторитет сильнейшего из всех саксов. В случае военного конфликта с королем, другими герцогами или прочими магнатами Восточно-Франкского королевства он мог опереться не только на саксонскую феодальную знать, но и на ополчение простых саксов.

Таким образом, герцог Саксонии Генрих был наиболее могущественным в Восточно-Франкском королевстве феодальным господином. Его положение в качестве герцога Саксонии было гораздо более прочным, чем любого другого герцога, а база его власти — несопоставимо более широкой, чем у какого бы то ни было феодального господина, включая и самого короля. Именно поэтому во втором десятилетии X века герцог Саксонский был единственным в Восточно-Франкском королевстве, кто обладал всеми экономическими, политическими и военными предпосылками для создания нового, более сильного королевства в рамках существовавшего Восточно-Франкского государства.

СИЛЬНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

Из герцогов в короли

Итак, Эберхард, не воспротивившись воле брата, отходившего в мир иной, взялся доставить королевские инсигнии герцогу Саксонии Генриху. Позднейшее предание разукрасило процедуру передачи знаков монаршей власти преемнику новыми подробностями, о которых не упоминает Видукинд Корвейский: гонцы будто бы застали Генриха за ловлей птиц и долго упрашивали его принять королевское достоинство. Эта легенда сообщает саксонскому герцогу и будущему королю известную народность и простоту, поскольку ловля птиц, в противоположность охоте, была крестьянским, неблагородным занятием. Этот образ короля, занятого ловлей птиц, снижал себе популярность, и за первым правителем из Саксонской династии прочно закрепилось прозвище Птицелов.

Мы уже знаем, какие объективные предпосылки позволили герцогу Саксонскому взойти на королевский престол. Средневековый же человек мыслил скорее поэтическими, нежели социально-экономическими и политическими категориями. Отсюда множество легенд и преданий, в мифологизированном виде отражавших реальное положение вещей. Особый интерес представляют мифы о происхождении народов. Так, древнее предание саксонского племени, пересказанное Видукиндом Корвейским, сообщает, что саксы были остатком македонского войска, которое, следуя за Александром Великим, вследствие внезапной смерти последнего рассеялось по всему свету. Саксы прибыли на кораблях к низовьям Эльбы. Местные жители, тюринги, с оружием в руках встретили пришельцев, но саксы сумели утвердиться на прибрежном участке суши. После продолжительной борьбы, в ходе которой было много погибших с той и другой стороны, противники решили заключить мир на том условии, что саксы получают возможность пользоваться доходом от продажи и обмена, воздерживаясь от грабежей и убийств. Это соглашение соблюдалось много дней,

но когда саксам стало нечего продавать, они сочли мир невыгодным для себя.

Тогда-то с корабля саксов и сошел некий юноша, которого украшало множество золотых вещей, и один из тюрингов, шедший навстречу ему, спросил, к чему так много золота на его изнуренном от голода теле. Юноша ответил, что ищет покупателя и готов уступить золото по любой цене, какую бы ни предложили. Тогда тюринг в насмешку над юношей предложил за золото наполнить полу его одежды землей, и сакс тут же согласился, после чего оба довольные отправились восвояси. Тюринга единоплеменники превознесли до небес за то, что он так ловко обвел сакса, в обмен на столь ничтожную вещь став обладателем большого количества золота. Тем временем сакс с изрядной ношей земли вернулся к своему кораблю. Его друзья, узнав, что он сделал, подняли его на смех как безумца, на что тот сказал им: «Следуйте за мной, благородные саксы, и вы убедитесь, что мое безумие принесет вам пользу». Те, хотя и пребывали в недоумении, все же последовали за ним, а он рассеял полученную землю как можно более тонким слоем по соседним полям, после чего занял это место под лагерь.

Тюринги же, увидев лагерь саксов, решили, что с этим смириться нельзя, и стали через послов протестовать против нарушения саксами договора, на что те возразили, что нерушимо соблюдают соглашение, но землей, приобретенной за собственное золото, хотят мирно владеть или же будут защищать ее с оружием в руках. Услышав это, тюринги стали проклинать золото сакса, а того, кого только что восхваляли, объявили виновником большой беды. Охваченные жаждой мести и ослепленные гневом, они беспорядочно ринулись в лагерь саксов, но те, готовые к нападению врагов, одержали над ними победу и по праву войны заняли окрестные территории. Эта историческая область саксов в современной Германии называется Нижней Саксонией. Тюринги на тех землях никогда не селились, но в легенде причудливым образом переплелись правда и вымысел: в самом начале X века герцог Саксонский аннек-

сировал Тюрингию, что, видимо, внесло коррективы в древнее предание.

Прежде чем приступить к рассказу о деятельности Генриха Птицелова на государственном поприще, создавшей предпосылки для последующей коронации его сына императорской короной в Риме, состоявшейся спустя четыре десятилетия, необходимо сделать еще один экскурс в историю, возвратиться к родовым истокам Генриха.

Лиудольфинги, как мы уже знаем, были одним из наиболее могущественных родов в Саксонии. Еще в середине IX века упоминается Лиудольф, дед Генриха Птицелова, в качестве герцога Остфалии, Восточной Саксонии. Здесь, а также в Тюрингии, род владел обширными землями. Лиудольф развернул необычайную политическую активность. Решающее значение имело его участие в отражении набегов датчан. Для обеспечения обороны северных рубежей Восточно-Франкского королевства ему удалось собрать под своим началом всю знать Остфалии. Столь же успешно он оборонял и восточную границу Саксонии. Тем самым он прославился настолько, что современники уже говорили о нем как о герцоге Саксонском. Лиудольф мог именоваться герцогом, поскольку исполнял обязанности маркграфа на датской границе и командовал всем войском. Позднее король Людовик Немецкий официально пожаловал ему герцогский титул. Летописцы и хронисты того времени называли Лиудольфа первым среди князей королевства и относились к нему с соответствующим почтением. Лиудольф, после того как совершил с супругой Одой паломничество в Рим, где получил от папы необходимые реликвии, учредил в 856 году в качестве родового монастыря женский Гандерсгеймский монастырь, аббатисами которого с тех пор были представительницы рода Лиудольфингов. Одна из монахинь этой обители, Росвита Гандерсгеймская, обладавшая немалым литературным талантом, позднее была прозвана «первой немецкой поэтессой», хотя и писала не по-немецки, а по-латыни. Сведениями о том, как создавалась Империя Оттонов,

мы не в последнюю очередь обязаны ей. Лиудольф, первый великий герцог Саксонии, умер в 866 году. Супруга Ода пережила его на полвека и умерла в возрасте 107 лет. Она была матерью 10 детей. После смерти Лиудольфа его старший сын Бруно унаследовал герцогское достоинство, вскоре установив свою власть над всей Саксонией. О нем известно лишь то, что в феврале 880 года он нашел свою смерть в бою с норманнами. О его популярности в народе можно судить по тому, что молва называет его основателем города Брауншвейга («Брунsvик», «Поселение Бруно»).

Во главе герцогства встал его брат Оттон, состоявший в браке с Хадвиг, представительницей знатного франкского рода. Генрих Птицелов, родившийся около 875/876 года, был младшим из троих сыновей этой супружеской четы. Оттон Сиятельный, как его прозвали, добился значительной концентрации власти. Когда маркграф Тюрингский Бурхард в 908 году пал в бою с венграми, Оттон, недолго думая, присоединил все его территории к собственным владениям. Подобное самоуправство было возможно в обстановке, царившей тогда в Восточно-Франкском королевстве: королю Людовику IV Дитяте было в то время 15 лет, и за него правили архиепископ Майнцский и епископы Констанцкий и Аугсбургский. Эти князья церкви больше заботились о церковных, нежели о государственных интересах, так что именно в этот период упадка Каролингской династии чрезвычайно усилились немецкие племенные герцогства. Оттон Сиятельный бесспорно признавался в Саксонии первым среди князей герцогом. После смерти в 911 году Людовика Дитяти не только саксы, но также франки и все другие германские князья выразили пожелание, чтобы Оттон стал королем, но тот отказался: «Негоже на место дитяти заступать старцу». Ему тогда было 75 лет, и кто знает, не предчувствовал ли он скорое наступление смерти. Через год его не стало, и власть в Саксонии перешла к его третьему по счету сыну — Генриху, старшие братья которого к тому времени умерли.

Мы ничего не знаем о детстве и юности Генриха. Первые сведения о нем относятся к тому времени, когда он уже был взрослым человеком. Генрих, исключительно талантливый правитель, искусный политик, начал приумножать могущество своего рода еще задолго до того, как стал королем. Будучи третьим по счету сыном, он мог рассчитывать лишь на часть отцовского наследства, не надеясь даже на получение герцогского достоинства. В этих условиях ему приходилось самому заботиться об увеличении личного состояния. И он решил эту проблему вполне традиционным способом — путем выгодной женитьбы.

Свой первый брак Генрих заключил в самом начале X века, когда ему было уже около 30 лет. Его избранницей явилась дочь некоего Эрвина, возможно, графа, владевшего большей частью Мерзебурга с прилегающей территорией. Правда, эта молодая особа по имени Хатебург к тому времени уже успела побывать замужем и овдоветь, после чего приняла монашеский сан. Это могло стать неодолимым препятствием для Генриха, поскольку церковь не одобряла браки с «Христовыми невестами», но он не отступился. Хронист Титмар Мерзебургский, рассказавший о перипетиях этого сватовства, сообщает, что Генрих, вспыхнувший юношеской любовью к Хатебург, настойчиво предлагал ей руку и сердце «ради ее красоты и пользы от наследования богатства». Жених, в глаза не видевший невесты, едва ли мог судить о ее красоте и заочно в нее влюбиться, так что настоящей причиной сватовства было приданое, как отметил автор хроники.

В конце концов брак между ними состоялся вопреки, как и следовало ожидать, решительному протесту со стороны церковных властей. У Генриха и Хатебург родился сын, получивший имя Танкмар, указывавшее на его принадлежность к роду Лиудольфингов. Однако, несмотря на это очевидное признание со стороны Генриха и его клана, дальнейшая судьба мальчика сложилась трагически. Из-за последовавшего вскоре развода родителей и нового брака отца Танкмар оказался в по-

ложении словно бы незаконнорожденного сына, к тому же и без достаточных средств к существованию, поскольку Генрих не возвратил приданое бывшей супруге. В глазах современников Танкмар был бастардом, так что в одной из хроник он даже назван «братом короля (Оттона I. — *В. Б.*), рожденным от наложницы». И Видукинд Корвейский ничего не сообщает о рождении Танкмара в законном браке, хотя и пишет о его матери как об особе благородного происхождения, а его самого наделяет заметными достоинствами, упоминая при этом и о лишении наследства, что впоследствии и послужит одной из главных причин его мятежа против брата, короля Оттона I.

К тому времени, когда Генрих задумал расторгнуть брак с Хатебург, в его жизни произошли весьма важные перемены: как уже упоминалось, еще до смерти отца, Оттона Сиятельного, наступившей в 912 году, умерли оба старших брата, благодаря чему перед ним открылась перспектива наследования герцогского достоинства. На этот случай было бы желательно иметь супругу более знатного происхождения, нежели Хатебург. Внимание Генриха привлекла Матильда из рода того самого Видукинда, который в свое время оказывал весьма упорное и успешное сопротивление Карлу Великому, стремившемуся покорить Саксонию. Как и в первом случае, причиной внезапно вспыхнувшей «любви» Генриха были красота и богатство невесты. В качестве повода для развода он как раз и использовал якобы незаконность заключения брака с Хатебург, принявшей обет монашества. После развода она была вынуждена вернуться в монастырь. Породнившись, благодаря женитьбе на Матильде, с потомками Видукинда, Генрих упрочил свои позиции в Вестфалии, западной части Саксонии, где прежде Лиудольфинги не имели достаточной поддержки. В заключении его второго брака, с Матильдой, важную роль сыграл его отец, герцог Оттон Сиятельный. Он отправил своих людей в монастырь Херфорд, где Матильда воспитывалась у своей бабушки, аббатисы, также носившей имя Матильда, чтобы договориться о свидании с ней Генриха. Лишь после то-

го, как гонцы возвратились с самыми лестными отзывами о девушке, жених сам приехал свататься в монастырь. При этом он, словно бы не доверяя услышанному от других и желая самолично удостовериться, сначала появился в монастыре переодетым, дабы инкогнито посмотреть на невесту. Убедившись в правдивости молвы, Генрих предстал, как подобает герцогскому сыну, перед аббатисой Матильдой, дабы просить руки ее внучки. Получив согласие, он уже на следующий день уехал с невестой, и вскоре отпраздновали свадьбу. Брак, хотя и заключенный по расчету, оказался счастливым. 23 ноября 912 года родился первенец, в честь деда, герцога Оттона Сиятельного, названный Оттоном — будущий король Германии, творец и первый правитель Священной Римской империи Оттон I, еще при жизни прозванный Великим. Судьба словно бы дала деду возможность убедиться, что род его продолжился, и через неделю 75-летний старик испустил дух. Потом у Генриха с Матильдой родятся еще два сына и две дочери.

Ко времени его непродолжительного брака с Хатебург относится первая самостоятельная политическая акция Генриха. Отец поручил ему военный поход против далеминцев, племени полабских (то есть живших по берегам реки Лабы, как ее называют чехи и поляки, или Эльбы) славян. При этом, очевидно, определенную роль сыграло положение Мерзебурга, полученного Генрихом в качестве приданого, на границе со славянами. Отсюда было удобно начинать военную операцию. Генрих одержал над славянами легкую победу, впрочем, обернувшуюся весьма нежелательными для саксов последствиями: далеминцы позвали на помощь венгров, которые, не заставив просить себя дважды, напали на Саксонию, жестоко опустошив страну, перебив и уведя в неволю множество ее жителей. Венгры, с начала X века неоднократно нападавшие на южно-германские области, стали теперь угрозой и для севера. Прародиной этого финно-угорского народа, родственного финнам, эстонцам и ряду народов России, был Южный Урал, откуда они мигрировали в Центральную Европу, поселившись в Пан-

нонии, где проживают и по сей день. В первой половине X века они были настоящим бичом Центральной и Южной Европы, заставив современников вспомнить о некогда грозных гуннах. И Генриху Птицелову, и сыну его Оттону I не раз придется иметь дело с ордами венгров (мадьяр), на своих неказистых с виду, но быстрых скакунах внезапно вторгавшихся в пределы Германии, причинявших страшные опустошения огнем и мечом и столь же стремительно, не дав опомниться противнику, удалявшихся в собственные пределы. Империя Оттонов рождалась в борьбе с венграми, став защитницей христианской Европы от страшной угрозы, которую несли эти язычники-кочевники.

* * *

Как помним, за год до обретения Генрихом достоинства герцога Саксонского в Восточно-Франкском королевстве произошли важные перемены: в 911 году умер Людовик Дитя, и с его смертью пресеклась восточнофранкская линия Каролингов. Согласно древнегерманскому обычаю, признававшемуся и Каролингами, королевство было собственностью королевского дома. Учитывая это, правитель Западно-Франкского королевства Карл Простоватый мог заявлять о своих наследственных правах на восточную часть бывшей Каролингской империи. Однако германские племена не признали этих притязаний. После того как герцог Саксонский Оттон Сиятельный отказался от предложения вступить на королевский престол, представители франконской и саксонской знати собрались в ноябре 911 года в расположенном в Верхней Франконии Форххайме и избрали новым королем герцога Франконского Конрада из рода Конрадинов. Бавария и Швабия, очевидно, представленные в Форххайме уполномоченными послами, присоединились к сделанному выбору. Этот выбор четырех племен свидетельствовал, что их общность, сформировавшаяся за десятилетия существования Восточно-Франкского королевства, была им важнее принадлежности к государству Каролингов, еще про-

должавшему существовать у западных франков. Разъединение двух частей бывшей Каролингской империи, начавшееся Верденским договором 843 года, завершилось. Исторические пути Франции и Германии разошлись.

Зато притязания западного Каролинга на Лотарингию сперва увенчались успехом: еще за несколько дней до смерти Людовика Дитяти лотарингские магнаты во главе с герцогом Регинаром перешли к Карлу Простоватому. Тот поспешил занять Лотарингию. 1 января 912 года он уже находился в Меце, а в середине зимы направился в Эльзас. Однако там ему не удалось закрепиться. Новый германский король Конрад I с успехом утвердил германский суверенитет над Эльзасом, но Лотарингия осталась за Карлом Простоватым. Возможными причинами перехода к нему лотарингцев могли служить их напряженные отношения с другими германскими племенами, а также опасение лишиться своей самостоятельности. Для самого Карла Простоватого это событие имело эпохальное значение: отныне он присвоил титул «короля франков», который некогда носил Карл Великий. Лотарингия, благодаря расположенным на ее территории обширным владениям Каролингского дома, стала главной опорой его власти. Кто обладал Лотарингией, тот мог претендовать на политическое наследие Карла Великого — вот почему Генрих Птицелов, когда придет его время, приложит все силы для овладения ею.

Несмотря на то, что своим королевским достоинством Конрад I был обязан не собственному королевскому происхождению, а избранию представителями племен, то есть в первую очередь герцогам племен, он задумал править как Каролинг. В этом заключалась его роковая ошибка. Вознамерившись продолжать политику Каролингов, направленную на устранение племенных герцогств как промежуточной властной инстанции, стоящей между королем и его подданными, Конрад I вступил в конфликт с теми, кому был обязан приходом к власти. Борьба с ними поглотила все его силы и послужила главной причиной того, что итог его правления в целом был не-

удовлетворительным. В Баварии, Саксонии и Швабии утвердились племенные герцоги, правившие как суверенные государи. Власть короля фактически не распространялась за пределы его племенного герцогства Франконии. Он не сумел утвердить авторитет королевской власти ни внутри государства, ни во взаимоотношениях с соседями. Лотарингия была потеряна, а мадьяры совершали на страну свои опустошительные набеги. Как внутри-, так внешнеполитическое положение Восточно-Франкского королевства оставалось угрожающим.

Не сложились у Конрада I отношения и с новым герцогом Саксонским — Генрихом. Началом конфликта послужило требование нового короля, чтобы Генрих отказался от Тюрингии, аннексированной его отцом, герцогом Оттоном Сиятельным. Как и следовало ожидать, Генрих не стал выполнять это требование, более того, наложил руку на саксонские и тюрингские владения важного союзника и советника короля — архиепископа Майнцкого Хаттона. Это был, как пишет Видукин Корвейский, человек хотя и незнатного происхождения, но обладавший проницательным умом. Молва приписывала ему многочисленные хитроумные проделки, и саксонский хронист рассказывает историю о том, как Хаттон, дабы помочь себе и Конраду, задумал известить Генриха. Он пригласил герцога на пир, предварительно заказав изготовить золотую цепочку, дабы почтить его этим подарком. Зайдя к мастеру с целью посмотреть на работу, он, рассматривая цепочку, вздохнул. Мастер спросил его о причине вздоха, на что тот ответил, что цепочка эта должна быть обогрета кровью наилучшего мужа, дорогого ему Генриха. Мастер, услышав это, промолчал, а когда работа была сделана и отдана, попросил позволения отлучиться и, выйдя навстречу Генриху, сообщил ему о том, что случайно узнал. Герцог страшно разгневался и, призвав к себе посла, прибывшего к нему с приглашением от архиепископа, наказал ему: «Иди и скажи Хаттону, что шея у Генриха не крепче, чем у Адальберта». Имелся в виду дальний родствен-

ник герцога Саксонского, ранее изведенный, как гласила молва, хитроумным архиепископом.

Такова легенда, имевшая реальной подоплекой борьбу короля Конрада I с герцогом Саксонским. Сам же герцог Генрих не только сумел спастись от коварных происков, но и вышел победителем в начавшейся вооруженной борьбе. В 915 году брат Конрада Эберхард с войском напал на Саксонию, но близ города Эресбург был наголову разбит. Рассказ Видукинда Корвейского, все симпатии которого были на стороне Генриха, об этом походе брата короля полон сарказма: Эберхард, приблизившись к городу, будто бы надменно заговорил, что ничто не беспокоит его так, как то, что саксы не осмелятся показаться ему на глаза, и он не сможет с ними сразиться. Эти слова были еще на его устах, как саксы, стоявшие в миле от города, ринулись навстречу ему и, когда завязалось сражение, учинили такое избиение франков, что барды, воспевшие эту схватку, вопрошали, где же та преисподняя, которая может поглотить такое количество убитых. Эберхард же, избавившийся от опасения, что саксы не покажутся ему на глаза, ибо воочию узрел их, постыдным образом спасся бегством.

Король Конрад, узнав о неудаче, постигшей брата, собрал войско и сам повел его на Генриха, который уже поджидал его в крепости Грона, близ современного Геттингена. Обратимся опять к рассказу Видукинда, дабы узнать, как на сей раз разворачивались события. Король, безуспешно попытавшись взять крепость приступом, решил вступить в переговоры с Генрихом. Через послов он пообещал ему, что в случае добровольной капитуляции будет считать его не врагом, а другом. Как раз во время этих переговоров появился некий граф Титмар, человек, весьма искусный в военном деле, многоопытный и хитростью своей превосходивший многих смертных. Подойдя к Генриху, он спросил, где разбить лагерь для войска. И Генрих, уже опасавшийся было, что придется сдаться франкам, вновь почувствовал прилив уверенности, услышав о прибытии подкрепления. В действительности же Титмар говорил

это лишь для вида, ибо пришел в сопровождении всего пяти-рых человек. Когда Генрих спросил, сколько у него войска, тот ответил, что может вывести до 30 отрядов. Послы короля, введенные в заблуждение, доложили ему об услышанном, и франки еще до рассвета покинули лагерь. Так Титмар хитростью одолел тех, кого герцог Генрих не мог победить оружием. Больше мы ничего не знаем о столкновениях Генриха Саксонского с королем.

Но как бы то ни было, Конрад I не сумел подчинить своей воле самого могущественного из своих соперников — герцога Саксонии. О том, что было дальше, мы уже знаем. Эберхард, сообщивший Генриху последнюю волю покойного брата и заключивший с ним мир, до конца хранил верность новому королю Германии.

Некоронованный император

И тем не менее, несмотря на решение Конрада I, определяющее значение при возведении Генриха I на престол имело избрание его представителями высшей знати. Более того, тот факт, что его избрание состоялось спустя около пяти месяцев после смерти Конрада, заставляет предположить, что магнаты Восточно-Франкского королевства не могли сразу договориться, кто должен стать новым королем. Голосование за Генриха I проходило в мае 919 года во Фрицларе, на границе Франконии и Саксонии. Участие в нем приняла саксонская и большая часть франконской знати, тогда как остальные франконские магнаты и баварцы провозгласили королем Арнульфа Баварского. Швабия проигнорировала те и другие выборы, хотя, как сообщают хроники и анналы, по крайней мере часть швабского духовенства изъявила готовность поддержать герцога Саксонии.

Наиболее подробно об избрании нового короля рассказал Видукинд Корвейский. Когда во Фрицларе собралась саксонская и франконская знать, известный нам Эберхард представил, как выразился хронист, «всему народу франков» (долго еще будет жить память о Франкской империи) Генриха в каче-

стве достойного претендента на королевский престол. Затем архиепископ Майнцский Херигер, преемник злополучного Хаттона, предложил Генриху совершить обряд помазания и коронации, однако тот отказался, смиренно заявив, что ему довольно и того, что по милости Божией и братской любви его называли королем, а помазание и корона подобают более достойным, сам же он не заслужил такой чести. Слова эти пришлись по душе собравшимся, и они, вскинув вверх правую руку, возгласами одобрения (так называемая аккламация, уходящая корнями в древнегерманскую старину, о чем писал еще древнеримский историк Тацит) приветствовали нового короля. Генрих I довольствовался простым одобрением со стороны знати, проигнорировав формальную процедуру помазания и коронации (что, впрочем, не мешало ему впредь называть себя королем и красоваться на печатях в королевской короне), и это, как вскоре выяснилось, имело вполне определенный смысл и свидетельствовало о его предусмотрительности: уже к моменту избрания он просчитал свои действия на много шагов вперед. Естественно, иерархам церкви не понравилось, что новый король пренебрег церковным благословением, и они прозвали его мечом без рукоятки. Генрих же, словно протягивая руку примирения обескураженному архиепископу Майнцскому, назначил его эрцканцлером, вторым после короля человеком в королевстве. Был вознагражден за свои старания и Эберхард, возведенный новым королем в достоинство герцога Франконского.

И все же, несмотря на весь такт и предусмотрительность Генриха Птицелова, начало его правления оказалось трудным и не предвещало триумфальных успехов. Однако то, что спустя некоторое время его признала королем вся высшая знать, включая баварскую и швабскую, свидетельствует о большой проницательности покойного короля Конрада: за Генрихом Саксонским действительно стояли весьма влиятельные общественные силы, на которые он мог опираться в своей политике.

Сколько бы прочным ни было положение Генриха I в момент избрания королем, он не мог сразу же подчинить центральной власти всех герцогов: слишком укрепились их позиции за время правления последних Каролингов. У нового короля был только один путь к успеху — достижение компромисса с герцогами. Этим путем он и пошел. Чтобы иметь возможность для достижения взаимопонимания с герцогами, Генрих I уже в день своего избрания во Фрицларе продемонстрировал, что отходит от политики предшественника, опиравшегося в борьбе против герцогов на поддержку церкви — вот почему он отказался от предложения архиепископа Майнцкого Херигера совершить обряд помазания. Этот отказ вовсе не означал, что новый король идет на конфронтацию с церковью. Напротив, он всегда сохранял взаимопонимание с епископатом. В день своего избрания Генрих I хотел лишь показать, что никому не отдает предпочтения и готов со всеми сотрудничать.

Несмотря на демонстрацию Генрихом I своей готовности к компромиссу, герцоги Баварский и Швабский не сразу признали нового короля, которому пришлось прибегнуть к силовому решению проблемы. Он начал с герцога Швабского Бурхарда, представлявшегося менее опасным противником. Король воспользовался благоприятной для себя ситуацией. Бурхард, постоянно сталкивавшийся с трудностями внутри своего герцогства, в то время был вынужден вести еще и борьбу с юго-западным соседом, королем Верхней Бургундии Рудольфом II. Когда Генрих I с войском вторгся в Швабию, Бурхард покорился ему без боя. Однако король, желая привлечь на свою сторону более милосердием, нежели силой, ограничился лишь принятием присяги от побежденного противника, оставив за ним не только власть в герцогстве, но и право повелевать церковью Швабии с единственным исключением: назначение епископов оставалось королевской прерогативой, но и при этом он обещал принимать во внимание ходатайство герцога.

Затем король двинулся в Баварию, герцог которой Арнульф достиг такого могущества и заявлял о таких притязаниях, которые угрожали единству королевства. Здесь Генриху пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением. Арнульф укрылся за стенами Регенсбурга, столицы своего герцогства, приготовившись к долгой осаде, но потом счел за благо сдать себя на милость королю. Теперь уже не могло быть и речи о притязаниях Арнульфа на королевскую корону, но зато Генрих оставил за ним весьма широкие герцогские полномочия. Таким образом, обоим южногерманским герцогам король предоставил в обмен на признание своего королевского достоинства большие права, особенно в отношении церкви. Под политикой Конрада I была подведена черта. Наладив отношения с герцогами, Генрих I достиг единения с ними, тем самым восстановив единство на территориях, составлявших Восточно-Франкское королевство. Теперь он мог всецело посвятить себя решению внешнеполитических задач.

Прежде всего Генрих I обратил свои взоры к Лотарингии. Лишь возвратив ее в состав своего королевства, он мог существенно расширить материальную базу собственной королевской власти, ибо именно здесь, в центральной области Каролингской империи, располагались по обоим берегам Рейна наиболее обширные коронные владения.

Ситуация в Лотарингии создавала благоприятные предпосылки для реализации Генрихом I своего замысла. Герцог Лотарингский Гизельберт, сын упоминавшегося Регинара, вынашивал весьма честолюбивые замыслы, задумав устранить короля Карла Простоватого, чтобы самому занять королевский престол. Он поднял мятеж против Карла, предварительно постаравшись раздачей подарков и щедрых посулов привлечь на свою сторону знать, и провозгласил себя независимым правителем Лотарингии. Однако Карл сумел подавить сопротивление Гизельберта, который был вынужден спасаться бегством. По сообщению хрониста, он в сопровождении всего лишь двоих спутников бежал за Рейн к Генриху Птицелову, у кото-

рого и оставался на протяжении некоторого времени, живя в изгнании. Позднее Генриху удалось примирить короля западных франков с Гизельбертом, которому было возвращено герцогское достоинство и на которого немецкий король возлагал, как позднее выяснилось, определенные надежды.

Однако мир сохранялся недолго. Карл, воодушевленный успехом в Лотарингии, захотел большего и перешел со своим войском границы, установленные Верденским договором 843 года, чтобы аннексировать Эльзас, на который уже покушался после смерти Людовика Дитяти, но который, как мы помним, сумел тогда отстоять король Конрад I. Карл уже дошел было до Вормса, однако затем спешно отступил, получив известие, что в городе собираются верные Генриху люди, так что германскому королю на сей раз не пришлось даже применить оружие.

Карл Простоватый был вынужден отказаться от своих намерений, и летом 921 года наметилось его сближение с Генрихом. Оба короля встретились в Лотарингии и заключили перемирие до дня святого Мартина (11 ноября). Еще до истечения этого срока произошла их очередная встреча, в этот раз на Рейне, близ Бонна, в ходе которой они подписали мир. Согласно предварительной договоренности, достигнутой через послов, уже 4 ноября Карл был на левом берегу Рейна, в Бонне, а на противоположном берегу стоял Генрих, и оба короля, разделенные рекой, могли на расстоянии приветствовать друг друга. 7 ноября 921 года произошло главное событие — встреча двух королей на корабле, стоявшем на якоре посреди Рейна напротив Бонна. В заключенном тогда договоре о дружбе «король западных франков» признал Генриха I «королем восточных франков», то есть германских племен к востоку от Рейна. О Лотарингии не было сказано ничего определенного, однако выбор места встречи на границе между королевствами, а также тот факт, что свидетелями Карла выступали лотарингские князья церкви, в том числе архиепископы Кёльнский и Трирский, косвенно доказывают, что эта исконная каролинг-

ская область тогда еще рассматривалась как составная часть Западно-Франкского королевства.

Однако, несмотря на Боннский договор, вопрос о Лотарингии был далек от урегулирования. Генрих, хотя и воздерживался до поры до времени от попыток овладеть этой столь важной для него территорией, все же не упускал ее из виду, дожидаясь благоприятного момента для достижения своей цели. И последующие события действительно благоприятствовали ему. В 922 году западнофранкские магнаты, недовольные Карлом Простоватым, в пику ему избрали при поддержке Гизельберта Лотарингского своим королем Роберта, герцога Французского. Роберт и прежде поддерживал личные контакты с Генрихом I, а в начале 923 года они провели переговоры, встретившись на берегу реки Рур, на лотарингской территории. О достигнутых соглашениях ничего не известно; они, очевидно, соответствовали Боннскому договору. Вскоре после этого Роберт пал при Суассоне в сражении против Карла, который, в свою очередь, в результате предательства попал в плен и больше не вернулся к власти. Западно-Франкское королевство вступило в период анархии.

В том же 923 году герцог Рудольф Бургундский наследовал Роберту в качестве короля Франции. Соответственно традициям своей семьи Рудольф обращал больше внимания на район Луары — Роны, а кроме того, у него не было правовых оснований претендовать на Лотарингию, какими обладали Каролинги. В свою очередь Гизельберт, являвшийся союзником покойного Роберта, отказался признать Рудольфа. Тогда же часть лотарингской знати обратилась за поддержкой к правителю Германии. После того как Рудольф захватил одну из ключевых крепостей в Эльзасе, Гизельберт и архиепископ Трирский, являвшиеся предводителями, соответственно, светской и духовной аристократии, также обратились за помощью к Генриху I. В результате непродолжительного военного похода 923 года тот овладел бассейном реки Мозель и территориями по Маасу. Когда же спустя два года герцог Лотаринг-

ский Гизельберт перешел на сторону французского короля, Генрих I прибыл с сильным войском в Лотарингию. Ситуация складывалась исключительно благоприятно для него: власть короля Рудольфа, репутация которого потерпела значительный ущерб вследствие постигших его неудач, была чрезвычайно слаба. Так и случилось то, о чем лаконично поведал французский хронист Флодоард: «Все лотарингцы присягнули Генриху». Гизельберт был вынужден дать заложников, хотя и сохранил многие из своих прежних прав: он и впредь чеканил собственную монету, проводил в известной мере самостоятельную внешнюю политику и временами даже влиял на избрание епископов, что являлось королевской прерогативой.

Дабы крепче привязать к себе Гизельберта, Генрих I выдал за него свою дочь Гербергу и официально признал его герцогом Лотарингии в составе Германского королевства. Хотя французский король и не попытался изменить ситуацию, однако, насколько нам известно, формально не признал утрату Лотарингии. Тем не менее на рейхстаге, проводившемся Генрихом I в ноябре 926 года в Вормсе, появился некий король Рудольф, в котором исследователи усматривают правителя Франции. У нас нет точных сведений о том, как складывались отношения между королями этих соседних стран, однако, согласно господствовавшим тогда представлениям, Рудольф, совершив визит в Вормс, тем самым признал над собой верховенство Генриха I. Лотарингия, некогда являвшаяся самостоятельным королевством, стала одним из германских герцогств. С момента лишения Карла Простоватого власти лотарингцев более ничто не связывало с Каролингской монархией. Присоединение Лотарингии к Германии обеспечило последней превосходство над Западом, дало ей перевес, послуживший важной социально-экономической и политической предпосылкой для возникновения Империи Оттонов. Есть все основания считать, что в 925 году, когда лотарингцы присягнули Генриху I, произошло одно из важнейших событий не только в немецкой, но и в европейской истории.

Во Франции тем временем продолжалась борьба группировок, причем противоборствующие стороны искали поддержки у могущественного немецкого правителя. Главными противниками короля Рудольфа были его прежние союзники — граф Вермандуа Хериберт, державший в заточении Карла Простоватого, сам Каролинг по мужской линии, и граф Гуго Французский. Оба они посещали с дружескими визитами Генриха I. В 929 году умер Карл Простоватый, и спустя некоторое время Гуго опять перешел на сторону короля Рудольфа. Тогда Хериберт, которому грозила утрата Реймса и Лана, в свое время отобранных у французского правителя, обратился за помощью к немецкому королю, присягнув ему в качестве вассала. Это была так называемая «присяга дружинника», не сопряженная с предоставлением лена¹ и не имевшая государственно-правового значения, но тем не менее подобная присяга нередко приносилась по политическим соображениям. Таким образом, этот акт не являлся признанием немецкого короля в качестве сеньора вместо французского. Однако своей цели Хериберт не достиг. Король Рудольф сорвал его планы, направив герцога Франконии Эберхарда, брата короля Конрада I, к Генриху I, дабы тот предоставил ему заложников и заключил с ним мир. Этот шаг короля Франции можно расценивать как молчаливый отказ от Лотарингии.

Для Генриха I активно действовавший правитель Рудольф был гораздо более ценным союзником, чем ненадежный граф Вермандуа. Когда и герцог Гизельберт пришел со своими лотарингцами на подмогу Рудольфу, в результате чего им удалось совместными усилиями взять Сен-Кантен, одну из крепостей графства Вермандуа, Хериберт снова отправился ко двору германского короля. Интересам Генриха I не отвечало полное поражение Хериберта, однако он лишь по завершении победоносных войн против мадьяр, славян и датчан направил

¹ Термином *лен* или *феод* в средневековой Западной Европе обозначались земли, пожалованные в наследственное владение сеньором своему вассалу (леннику), обязанному за это нести военную или придворную службу.

представительное посольство в составе герцогов Гизельберта и Эберхарда Франконского и нескольких лотарингских епископов к Рудольфу, чтобы они выступили посредниками в заключении перемирия с Херибертом.

В июне 935 года на лотарингской территории состоялась встреча трех королей. Ее целью должно было стать заключение прочного мира вместо прежнего перемирия. Здесь Генрих I встретился с королями Франции и Бургундии, которые оба носили имя Рудольф. Были улажены внутрифранцузские разногласия. Рудольф Французский заключил мир с Херибертом, который должен был получить обратно некоторые из своих владений, прежде всего Сен-Кантен, после чего также примирился с ним. С обоими Рудольфами Генрих I заключил договор о союзе и дружбе, по своему реальному смыслу означавший признание гегемонии Германского королевства над своими более слабыми соседями. Эта встреча трех королей явилась вершиной славы и могущества Генриха I. Он был тогда самым влиятельным правителем в Западной Европе, достойным претендентом на императорскую корону, однако болезнь и вскоре последовавшая за ней смерть не позволили ему довести дело до логического завершения.

И все же сколь бы впечатляющими ни были успехи, достигнутые Генрихом I на Западе, подлинное испытание на прочность ему довелось выдержать на Востоке, в борьбе против опаснейшего противника — мадьяр. При этом ему на первых порах пришлось претерпеть немало неудач. В 919, 924 и 926 годах король не сумел дать отпор полчищам мадьяр, совершивших грабительские набеги на различные области Германии. Они разграбили и сожгли, перебив значительную часть братии, знаменитый монастырь Санкт-Галлен (сейчас в Швейцарии), крупнейший культурный центр Каролингской империи, а затем Восточно-Франкского королевства. Масштабы постигшей катастрофы были бы еще больше, если бы монахи заблаговременно, как только донеслась весть о приближении врага, не перевезли книги и церковные святыни в монастырь

Райхенау, расположенный на острове в Боденском озере, куда мадьярам было не добраться.

Сам Генрих в 926 году пытался противостоять мадьярам в Саксонии, по которой те прошли, как пишет Видукинд Корвейский, предавая огню города и селения и совершая повсюду такое кровопролитие, что причинили величайшее опустошение. Король после неудачного для него сражения был вынужден укрыться в крепости Верла, не рискнув еще раз вступить в бой, поскольку, сообщает хронист, в борьбе против столь жестокого племени не мог положиться на воинов, еще не опытных и привыкших лишь к внутренней войне. Видукинд, близко к сердцу принимавший постигшее родину несчастье, патетически восклицает: «Какую резню учинили в те дни венгры, сколько они сожгли монастырей, об этом, полагаем, лучше умолчать, чем вновь повторять описание наших бедствий».

Однако в этих несчастных для германского правителя обстоятельствах ему улыбнулась удача: к нему в руки попал один из предводителей мадьяр, в обмен на освобождение которого и выплату большой ежегодной дани удалось заключить перемирие на девять лет, распространявшееся, вероятно, на всю Германию, поскольку в последующие годы мадьяры не совершали набегов не только на Саксонию, но и на другие герцогства. В этом Генрих I наглядно возвысился над герцогами племен, проявив себя королем — защитником интересов всего королевства. Период перемирия был использован для организации обороны: по всей стране строились крепости, гарнизоны которых формировались из «воинов-крестьян», поочередно занимавшихся крестьянским трудом, строительством укреплений и несением военной службы. Предполагалось, что в случае очередного набега мадьяр за стенами этих бургов должны будут найти убежище все жители сельской округи, а потому в них создавался стратегический запас продовольствия. Поскольку многие из этих крепостей впоследствии стали полноценными городами, центрами ремесла и торговли, современники и потомки восславили Генриха Птицелова как

«строителя городов». Некоторые из уже существовавших городов, еще не имевших надежных укреплений, в те годы обзавелись поясом каменных стен. По велению короля создавалось также новое конное войско, способное потягаться с прославленной мадьярской конницей.

В непосредственной связи с подготовкой к отпору мадьярам находилась завоевательная политика в отношении западных славян. Как пишет хронист Видукинд Корвейский, Генрих I предпринял эти походы, чтобы испытать в деле новую конницу. Поздней осенью 928 года он вторгся на территорию одного из племен полабских славян, гаволян, и, пользуясь холодным временем года, когда застыли реки и болота, обычно служившие естественной защитой, захватил их главный город Бранибор (ныне Бранденбург, давший название целой исторической области и федеральной земле Бранденбург в современной Германии). При этом князь гаволян Тугумир был пленен и уведен в Саксонию. Затем Генрих I двинулся против племени далеминцев (славянское самоназвание гломачи), издавна тревоживших своими нападениями соседнюю Тюрингию, и, сломив упорное сопротивление защитников, овладел их главным городом Ганой (видимо, Яна близ Ризы на Эльбе). Для удержания завоеванной территории он повелел возвести бург Мейсен. Весной 929 года Генрих I вместе с герцогом Арнульфом Баварским (наглядное свидетельство того, что восточная политика короля становилась общегерманским делом) вторгся в Чехию и дошел до Праги, заставив князя Вацлава I признать себя его данником.

Этих военных походов оказалось достаточно, чтобы соседние славянские племена, среди которых Видукинд Корвейский упоминает еще ободритов, вильчан и ротарей, признали над собой верховенство германского короля. Когда ротари, возмущенные чужеземным господством, подняли в августе 929 года восстание, увлекая собственным примером и другие славянские племена, им уже не удалось изменить нового соотношения сил на славяно-германской границе: они были разби-

ты саксонским войском в сражении у бурга Ленцен, а сам бург был взят немцами. С тех пор господство Генриха I на Востоке упрочилось. Восточная граница его королевства была защищена поясом зависимых, плативших дань племен. И все же, несмотря на все свои победы, он не смог (или не считал нужным) непосредственно включить эти славянские территории в состав своего королевства. Славяне по-прежнему жили под властью своих князей и лишь выплачивали германскому королю дань. Уже тогда покорение славян-язычников сопровождалось их христианизацией, особенно тех племен, которые поддерживали наиболее тесные отношения с немцами. На славянских территориях, пограничных с Саксонией, началось возведение первых христианских храмов. Как и в Каролингскую эпоху, феодальная экспансия на земли язычников совершалась мечом и крестом.

* * *

Дабы отдохнуть от ратных дел и заняться делами государства, Генрих в середине сентября 929 года прибыл в свою любимую саксонскую резиденцию — Кведлинбург, где в присутствии епископов, графов и прочих магнатов огласил важные решения. Прежде всего он пожаловал супруге своей Матильде в качестве вдовьей доли (того, чем она могла владеть после его смерти) пять городов (в том числе и Кведлинбург). Присутствовавший при этом их старший сын Оттон дал на то свое согласие. Оттону шел тогда семнадцатый год, и пора было подумать о супруге для него. Генрих самолично решил, что достойной женой наследника германского престола будет англосаксонская принцесса Эдгит. Брак с ней и был заключен. К тому времени Генрих I уже установил порядок престолонаследия, согласно которому его старший законный сын (то есть Оттон, а не Танкмар, оказавшийся в положении бастарда) должен был стать преемником. Женитьба на англосаксонской принцессе Эдгит, сестре королей Этельстана (924–940) и Эд-

мунда (940–946), должна была закрепить это установление, придать ему особую значимость.

При этом сложилась весьма пикантная ситуация. В том же 929 году, когда произошли упомянутые выше важные события, у семнадцатилетнего Оттона уже родился сын от некой знатной славянки, возможно, представительницы княжеского рода племени гаволян, против которых Генрих I недавно вел войну. Ребенку дали имя Вильгельм, не принятое в роду Лиудольфингов, обозначив тем самым, что мальчик не включается в число его представителей и что, следовательно, ему уготована участь незаконнорожденного, внебрачного сына наследника престола. Вместе с тем новорожденный не был и полностью отвергнут, брошен на произвол судьбы. Он предназначался для духовной карьеры, а потому должен был получить надлежащее образование. Вильгельм в этом весьма преуспел. Отмечают хороший стиль писем, сочиненных им на латинском языке. Кроме того, он обладал познаниями в области канонического права, проявлял интерес к истории и литературе. В возрасте всего лишь 25 лет этот незаконнорожденный сын (в данном случае представляется неуместным обидное слово бастард) становится архиепископом Майнцским, предстоятелем самой крупной и влиятельной епархии в Германии. Блестящая карьера! На этом ответственном посту он обнаружит незаурядные способности государственного деятеля, однако, как увидим далее, своей строптивостью, особенно в вопросе об учреждении Магдебургского архиепископства, доставит немало хлопот отцу, Оттону I. Возможно, в этом проявилась затаенная обида, никогда не прорывавшаяся у него столь явно, как у братьев короля, Танкмара и Генриха.

Впрочем, на что было обижаться? Вильгельм не мог не понимать, что вступление в брак для наследника престола — дело не личной привязанности, а государственной важности. Тогда решал не юный Оттон, а его отец, король Генрих I, в планы которого не входила женитьба сына на славянке, хотя бы и знатного происхождения. Решив посвататься к англосаксон-

скому королю Эдуарду Старшему (901–924), Генрих I отошел от традиции королей Каролингской династии, предпочитавших заключать браки с представительницами местной знати. Это новшество не осталось незамеченным современниками. Саксонская поэтесса X века Росвита Гандерсгеймская, написавшая историю Оттона I, объяснила обращение к англосаксам за невестой тем, что король «не захотел искать ее в собственном королевстве». Вместе с тем обращение именно к англосаксам не было случайным. Оно объяснялось потребностью новой королевской династии Лиудольфингов, насчитывавшей тогда всего лишь 10 лет, в самоутверждении. Благодаря женитьбе Оттона на англосаксонской принцессе они породнились с древним саксонским королевским домом, ведшим свое происхождение от короля-мученика Освальда и пользовавшимся репутацией благочестивого рода. Правитель Уэссекса в ответ на сватовство германского короля прислал сразу двух невест на выбор. После того как Оттон остановил свой выбор на Эдгит, ее сестра Эдгива досталась в жены Людовику, брату короля Верхней Бургундии Рудольфа II. Благодаря этому родству в Бургундии усилилось немецкое влияние. Позднее, когда Оттон I уже стал королем, Рудольф II в знак уважения к нему прислал в Магдебург, любимую резиденцию Оттона и Эдгит, мощи св. Иннокентия, которые вместе с уже имевшимися там мощами св. Маврикия должны были создать славу этому городу, считавшемуся в Средние века столицей Немецкого Востока.

Эдгит прибыла в Саксонию с подобающей ей свитой, и пока она была королевой, из Английского королевства к ее двору постоянно стекались изгнанники и просители, благодаря чему у Оттона I всегда был повод для вмешательства в дела островного королевства. Особенно сильным было его влияние на короля Эдмунда, который старался снискать благосклонность своего зятя. В браке с Эдгит у Оттона I родились сын Лиудольф и дочь Лиутгард, сыгравшие важную роль в оттоновской династической политике.

После успешного проведения завоевательных походов против полабских славян Генрих I решил, что располагает достаточными силами для борьбы с мадьярами. На съезде знати в Эрфурте в 932 году постановили прекратить уплату им дани. Когда, как и ожидалось, весной следующего года появилось большое мадьярское войско, положение дел было уже не то, что прежде. Сразу же обнаружилось, сколь невыгодна была на сей раз ситуация для мадьяр: даже их старые союзники далеминцы, четверть века тому назад впервые указавшие им путь в Саксонию, отказались предоставить обычную помощь, а вместо этого, как пишет Видукинд, бросили им в качестве дара жирного пса. Однако решающая перемена заключалась в том, что в состав войска, с которым Генрих I ждал неприятеля, входили представители всех германских племен, ощущавшие собственное единство перед лицом противника. 15 марта 933 года в Тюрингии на реке Унструт близ селения Риаде, точное местоположение которого неизвестно, войско Генриха Птицелова одержало важную победу. Хотя мадьяры не были уничтожены, а, как сообщает Видукинд, большей частью бежали, эта первая победа немецкого короля над грозным противником произвела сильное впечатление по всей Германии. Упоминания о ней содержатся во всех саксонских, баварских, франконских и швабских анналах: она всех взволновала, поскольку всех касалась. Эта победа возвысила авторитет Генриха I, послужила для подданных последним подтверждением его права быть королем: Господь, даровав ему столь славную победу, отметил его знаком особой благодати. Более того, по рассказу Видукинда, войско прямо на поле победной битвы провозгласило Генриха отцом отечества, повелителем и императором, а слава о его могуществе и доблести разнеслась среди соседних народов и королей. При всей комплиментарности тона хроники, о чем, конечно, не следует забывать, главное то, что Генрих Птицелов обрел, как в свое время Карл Великий,

авторитет, привычно выражавшийся титулом императора. Идея империи вновь витала в воздухе.

В 934 году Генрих I, получив тревожное известие о бесчинствах норманнов на смежных с Саксонией территориях, отправился на север, чтобы обеспечить безопасность на северной границе, как он незадолго перед тем сделал на восточных рубежах королевства. Норманны давно уже стали грозой для прибрежных областей Западной и Южной Европы. Внезапно появляясь у морского побережья и в устьях рек, а иногда и проникая по рекам в глубь территории на своих судах драккарах, она грабили и убивали, не встречая сколь-либо серьезного сопротивления. Под именем «норманны» скрывались норвежцы и датчане. Саксы издавна вели борьбу с датчанами. Как помним, в одной из схваток с ними более полувека назад погиб дядя Генриха Птицелова герцог Саксонский Бруно. На сей раз германскому королю в результате единственного военного похода удалось покорить датского короля Кнубу и принудить его к выплате дани и принятию христианства. Благодаря этой победе Генриха I были устранены последние остатки норманнской угрозы на севере Германии и созданы благоприятные условия для распространения христианства среди скандинавских народов.

Весьма показательна эволюция, которую претерпели цели и образ действий Генриха I за время его правления: если вначале он отошел от каролингской традиции, то по мере упрочения своей власти все больше возвращался к ней. В последние годы правления его политика определялась в основном этой традицией. Не следует искать здесь противоречие — напротив, в этом скорее проявилась последовательность. Поскольку Конрад I, пытавшийся следовать каролингской традиции, потерпел неудачу, Генрих I был вынужден иными способами укреплять свою власть. Когда же ему в союзе с герцогами племен это удалось, он начал в качестве противовеса власти герцогов все больше опираться на епископов, тем самым возвратившись к каролингской традиции, но, в отличие от своего предшест-

венника, на основе упрочившейся королевской власти. Благодаря этому каролингская традиция, в свою очередь, стала играть роль силы, способной содействовать дальнейшему укреплению королевской власти, что дало Генриху I возможность поставить себе на службу церковь, которая при Конраде I фактически претендовала на равную с королевской властью роль. Возврат Генриха I к каролингской традиции начался еще в 922 году, когда он назначил архиепископа Майнцкого королевским капелланом и приступил к созданию своей придворной капеллы, как при Карле Великом. Соответственно, всё больше епископов появлялось в его окружении, а в 926 году после смерти герцога Швабского Бурхарда он установил свою непосредственную власть над церковью Швабии.

В последние годы своего правления Генрих I стал обращать пристальное внимание и на Италию. Герцог Баварии Арнульф в 934 году совершил поход за Альпы, чтобы добыть для своего сына Эберхарда корону Итальянского королевства. Хотя это амбициозное предприятие Арнульфа закончилось неудачей, однако сам факт, что герцог Баварский, как в свое время и герцог Швабский Бурхард, проводит самостоятельную итальянскую политику, для Генриха I явился сигналом тревоги: самостоятельная внешняя политика герцогов противоречила интересам центральной королевской власти. Как сообщает Видукинд Корвейский, Генрих, будучи на вершине могущества, задумал совершить поход в Италию, но болезнь помешала ему осуществить задуманное: «Итак, покорив все окрестные народы, он решил отправиться в Рим, но, сраженный недугом, прервал путь».

Вероятнее всего, это был поход за императорской короной. Намерение Генриха было столь серьезно, что даже тяжелая болезнь заставила его лишь «прервать» поход, но не отказаться от него вовсе. Правда, возобновить поход ему уже не удалось. Хотелось бы заострить внимание читателей на этом весьма важном эпизоде из истории зарождения Священной Римской империи. Дело в том, что некоторые историки под-

вергли сомнению само сообщение Видукинда о намерении Генриха Птицелова отправиться в Италию, считая его результатом мифотворчества так называемой оттоновской историографии, то есть хронистов X века, прославлявших деяния правителей Саксонской династии. По их мнению, у Генриха едва ли могла возникнуть мысль о походе в Италию, ибо подобное намерение противоречит всему, что мы знаем о характере и поступках этого короля — здравомыслящего прагматика, чуждого всякого рода авантюризма. Как раз наоборот: всё, что мы знаем о нем, свидетельствует, что его поход в Рим за императорской короной явился бы логическим продолжением всей его предшествующей политики, подготовившей необходимые предпосылки для воссоздания в Западной Европе империи. Генрих проявил себя исключительно искусным правителем, сумев наладить отношения с непокорными герцогами Швабии и Баварии и вернуть в состав своего королевства Лотарингию. Отвоевание Лотарингии, родины Каролингов, где находилась и столица Карла Великого город Ахен, имело важные последствия: в этом уже просматриваются очертания будущей оттоновской внешней политики. Обладание Лотарингией обеспечивало фактическое преобладание Восточно-Франкского королевства над Западно-Франкским, что являлось важнейшей предпосылкой для проведения имперской политики. Вместе с тем Лотарингия символизировала собой права наследования каролингской имперской традиции, ибо там более, чем где-либо, была жива эта традиция, которую теперь, таким образом, наследовала Саксонская династия. Еще большее значение для упрочения королевской власти и возвышения личного авторитета Генриха I имела одержанная им в 933 году победа над мадьярами. Когда Видукинд рассказывает о чествовании короля-победителя, о том, как войско провозгласило его отцом отечества и императором, мы имеем дело не только с литературной традицией, воспоминанием о временах Древнего Рима, когда легионеры возводили в императоры своего предводителя. Как когда-то Карл Великий, теперь Генрих I

обладал властью, оправдывавшей в глазах окружающих приязания на право называться императором.

По Видукинду, Генрих Птицелов стал императором благодаря одержанной победе, и в ином оправдании его императорская власть не нуждалась. А имел ли сам король намерение совершить обряд коронации в Риме, по примеру Карла Великого? Прямых указаний на сей счет источники не содержат, однако есть ряд косвенных свидетельств, позволяющих утвердительно ответить на этот вопрос. Итальянский хронист Лиутпранд Кремонский сообщает, что Генрих I приобрел у короля Верхней Бургундии Рудольфа II так называемое Священное копье, которое считалось копьем Константина Великого и в качестве такового давало право претендовать на его наследство, то есть на Италию и императорскую корону. Есть все основания предположить, что именно это и имел в виду Генрих Птицелов, приобретая драгоценную реликвию ценой уступки целого города Базеля с округой в придачу. Поход Генриха I в Рим за императорской короной явился бы не только логическим продолжением, но и блистательным завершением всей его государственно-политической деятельности.

2 июля 936 года, в воскресенье, король Генрих Птицелов скончался. Его похоронили в Кведлинбурге перед алтарем церкви Святого Петра. Выпавшие из его рук скипетр и меч подхватил его сын Оттон I.

Глава вторая

ОТТОН I: РОЖДЕНИЕ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

НА ПУТИ К ИМПЕРАТОРСКОЙ КОРОНЕ

От формального признания к реальной власти

Прошло чуть больше месяца после смерти Генриха Птицелова, когда в Ахене, бывшей столице Карла Великого, собрался весь цвет немецкой знати, дабы во исполнение завещания покойного возвести на королевский престол Германии его сына Оттона. 7 августа 936 года состоялась коронация, равной которой по великолепию еще не видали в этих краях. Монах Корвейского монастыря Видукинд, увековечивший в своей «Истории саксов» деяния Оттона Великого, подробно описал это незабываемое событие. С утра в колоннаде, примыкавшей к базилике Св. Марии, собрались герцоги и графы и усадили нового повелителя на трон, после чего присягнули на верность ему, пообещав помощь от всех врагов. После этого светского акта возведения на престол Оттон I вошел в базилику, где его уже ждал архиепископ Майнцский Гильдебарт, обратившийся к собравшимся со словами: «Представляю вам Богом избранного, некогда могущественным Генрихом предназначенного на власть, а ныне всеми князьями королем признанного Оттона. Коли по душе вам сие избрание, то покажите это поднятием правой руки». Последовало всеобщее одобрение, и архиепископ, взяв с алтаря королевские инсигнии — меч с поясом, мантию с застежками, скипетр и корону, — вручил их новому правителю со словами: «Прими сей меч и сокруши им всех противников Христа, варваров и негодных христиан, ибо во-

лей Божией дается тебе власть над всей державой франков ради установления прочного мира среди всех христиан».

Не случайно Видукинд назвал державой франков королевство, учрежденное саксонским герцогом Генрихом и Унаследованное его сыном Оттоном. Для них, как и для многих правителей средневековой Европы, непреходящим идеалом оставалась Каролингская империя, созданная франком Карлом Великим. Прошло без малого сто лет, как эта славная империя распалась, но память о ней жила, вдохновляя пытавшихся возродить ее. Намереваясь короноваться в Ахене, Оттон I хотел показать свое стремление следовать примеру Карла Великого. Это желание нового короля Германии не осталось незамеченным и даже встретило одобрение, судя по напутственным словам архиепископа Гильдеберта. Весь ход коронационных торжеств служил подтверждением честолюбивых замыслов Оттона I. Совершив обряд помазания и коронации, архиепископы Майнцский и Кёльнский повели его к расположенному в базилике мраморному трону Карла Великого, восседая на котором он взволнованно внимал ликующим приветствиям. Затем последовал праздничный пир, во время которого герцоги Лотарингский, Франконский, Швабский и Баварский символически прислуживали королю в качестве постельничего, стольничего, кравчего и конюшего, что должно было демонстрировать единение правителя с его наиболее влиятельными подданными.

Избрав Ахен, столицу Карла Великого, местом своей коронации, Оттон I тем самым заявил о собственном намерении продолжать его политику, и прежде всего — возродить уже воссозданную в 800 году, но затем снова угасшую Римскую империю. Ахенская коронация явилась демонстрацией сознательной преемственности с империей Карла Великого, выражением идеи империи. Однако одного намерения для этого было мало. Требовалась прочная власть над сильным государством, какой обладал его отец Генрих Птицелов. Автоматически унаследовать авторитет вместе с королевским достоинством было невозможно — за него предстояло еще бороться.

Генрих I, как мы видели, создал прочные основы для политики Оттона I, в значительной мере предопределив и его имперскую политику, однако сын не просто продолжил дело отца, но и поднял его на качественно новый уровень, придал ему форму и характер, сохранявшиеся на протяжении столетий. Вместе с тем, решив следовать примеру еще одного великого предшественника — Карла Великого, он со временем реализовал многое из каролингского политического наследия: привлек на государственную службу духовенство, составлявшее костяк его правительственного аппарата; возродил каролингскую систему пограничных марок для обеспечения безопасности государства; поддерживал миссионерскую деятельность среди датчан и славян. Традиция Карла Великого пропитала сознание Оттона I, он использовал эту традицию как средство для консолидации своего государства. Королевство Оттона I должно было стать наследником Каролингской империи.

Он решил столь наглядно заявить о своих притязаниях, избрав местом коронации столицу Карла Великого город Ахен, еще и потому, что как раз в это время во Франции на престол вернулась Каролингская династия в лице Людовика IV Заморского (936–954). Кому быть наследником Карла Великого — его прямому потомку, Каролингу, или саксу, с предками которого франки долго вели кровопролитные войны? После Верденского договора 843 года прошло почти столетие, а представление о единой Франкской державе продолжало жить. Видукинд прямо выразил эту мысль о неразрывной связи с каролингской, франкской традицией, сообщив, что Генрих I, сраженный тяжелым недугом, созвал народ и в его присутствии поставил Оттона I «во главе братьев и всей империи франков». Далее, рассказывая о церемонии коронации в Ахене, он не зря вкладывает в уста архиепископа Майнцкого Гильдеберта столь примечательные слова, что не грех будет и повторить их: «Прими сей меч и сокруши им всех противников Христа, варваров и негодных христиан, ибо волей Божией дается тебе власть над всей державой франков ради установ-

ления прочного мира среди всех христиан». В одной фразе хронист излагает целую программу: Оттону надлежит править всей империей франков, то есть стать тем, кем был некогда Карл Великий. Еще больше ответственности на него налагает обязанность охранять мир «среди всех христиан» — для этого он должен был уподобиться Константину Великому. Такое объяснение цели и смысла коронации свидетельствует о близости представлений Видукинда миру идей о «христианской империи», послужившей в свое время в окружении Карла Великого идейной основой для провозглашения на Западе империи.

Но чтобы Оттон I мог править всей империей франков, прежде следовало ее воссоздать. Это и собирался сделать новый король Германии. Слова Гильдеберта свидетельствуют, что намерение Оттона I было встречено с одобрением. Вопреки бытовавшим тогда представлениям об императорской власти, не связанной с Римом, он задумал восстановить именно Римскую империю. Только освятив свою императорскую власть авторитетом папы, он мог претендовать на лавры Константина Великого, то есть быть защитником христианства, борцом против язычников и «негодных» христиан. Серьезность этого намерения он подтвердил всей своей последующей жизнью.

Оттон I энергично принялся воплощать великий замысел, в первый же год правления положив начало своей итальянской политике. Поводом послужила смерть в 937 году короля Верхней Бургундии Рудольфа II. Правивший Северной Италией Гуго Прованский женился, дабы завладеть Бургундией, на королеве-вдове Берте, а своего малолетнего сына Лотаря обручил с дочерью Рудольфа шестилетней Адельгейд, причем сын покойного короля Конрад должен был лишиться всего. Оттон I незамедлительно вмешался, обеспечил защиту наследнику Бургундии, взяв его к себе на воспитание, а затем принял от него вассальную присягу, установив таким образом свое верховенство над его владениями. Оттон I чувствовал себя вправе поступить так, поскольку его отец Генрих I приоб-

рел верховную власть над Бургундией, заставив Рудольфа II уступить ему Священное копье, что символическим образом означало признание превосходства германского короля. Не все разделяли этот взгляд: французский хронист Флодоард утверждал, что маленький Конрад был захвачен хитростью и удерживался, то есть фактически находился в плену. О Конраде, а особенно сестре его Адельгейд мы еще не раз услышим. Могли Оттон догадываться тогда, что спустя полтора десятка лет эта девочка станет его женой — королевой, а затем и императрицей?

Вмешательство Оттона I в бургундские дела привело его к столкновению с Гуго Прованским. Обстоятельства развернувшейся между ними борьбы источники освещают скупо. Видукинд, саксонский патриот, не одобрявший всю итальянскую затею Оттона I (королю, полагал он, надлежало сосредоточиться на внутригерманских делах и на отражении вторжений язычников, как это делал Генрих Птицелов, вместо того, чтобы растрачивать силы в бесполезных походах за Альпы), в нескольких словах изложил многомесячную эпопею таким образом, что создается впечатление, будто тот ни с того ни с сего захватил Бургундию, а потом от нечего делать покорил Гуго: «Король же (Оттон I. — В. Б.), с каждым днем все более преуспевая, хотя и был доволен доставшейся от отца державой, однако отбыл в Бургундию и принял под свою власть короля с его королевством. Другого короля, Гуго, он одолел оружием и подчинил себе». Итальянский хронист Лиутпранд, епископ Кремонский, поддерживавший политику Оттона I, более подробно изложил ход борьбы, в результате которой Гуго не только признал сюзеренитет короля, но и согласился выплачивать ему дань, так что когда в Германию бежал, спасаясь от своего врага, короля Гуго, маркграф Ивреи, области в Северной Италии, Беренгар, он не получил от Оттона I помощи, хотя и принес ему вассальную присягу. Лиутпранд, словно бы оправдывая германского короля, говорит, что тот, «смягченный ежегодно поступающими от короля Гуго большими дара-

ми», не сумел дать Беренгару войско, поскольку ему «препятствовали иные дела». Вероятнее всего, Оттон I не только не мог, но и не хотел решительно поддержать одну из сторон, поскольку внутренние распри в Италии ему были на руку. О его реальном господстве в этой стране тогда еще не могло быть и речи.

И все же многие обстоятельства взаимоотношений Оттона I и Гуго Прованского остаются невыясненными. Источники не дают возможности даже ответить на вопрос, где происходила их борьба, к северу или к югу от Альп. Любая реконструкция событий, основанная на единичных, отрывочных упоминаниях в источниках, останется всего лишь догадкой. Такими догадками изобилует освещение итальянской политики Оттона I до 951 года, до его первого достоверно известного похода в Италию. Так, его конфликт с Гуго Прованским связывают не только с борьбой за Бургундию, но и с их стремлением к одной цели — императорской короне. Правда, она не досталась тогда ни тому ни другому: правивший в то время в Риме «патриций и сенатор» Альберик, державший в подчинении пап, и слышать не хотел о чужеземных притязаниях на верховную власть. О порядках, царивших в Риме в первые десятилетия X века, позднее получивших название «порнокрапии», поведал отнюдь не беспристрастный автор — Лиутпранд Кремонский. Он ненавидел Альберика и решил рассказать о нем и его родственниках в произведении с убедительным названием «Воздаяние». «Порнокрапия» вызывала недовольство многих итальянцев, тем самым подготовив в какой-то мере условия для создания Оттоном I Священной Римской империи: с ним, как некогда с Карлом Великим, связывали надежды на порядок и защиту от произвола.

Замечание Лиутпранда Кремонского о том, что Оттону I «препятствовали иные дела», не позволявшие активно вмешаться в борьбу за власть в Италии, соответствует действительности. Только прошли коронационные торжества в Ахене, в ходе которых златая демонстраторвала свою поддержку ново-

му королю, как сразу же вышли наружу проблемы, сделавшие внутривполитическое положение в королевстве весьма напряженным. Оттон I попытался сразу же и в полной мере реализовать свою королевскую власть, однако натолкнулся на упорное сопротивление магнатов, не желавших поступаться собственными феодальными правами. Члены королевского дома не только не помогали преодолеть это сопротивление, но и усиливали его, более того, призывали к открытому мятежу. Внутривполитические смуты первых лет правления Оттона I были напрямую связаны с проблемой престолонаследия.

Всего у Генриха и Матильды было пятеро детей: сыновья Оттон, Генрих и Бруно и дочери Герберга и Хадвиг. Как уже говорилось, еще при жизни короля Генриха Птицелова Оттон был в 929 году определен наследником престола и с тех пор в некоторых источниках именовался королем. Однако и эта заблаговременная мера не помогла избежать конфликта по поводу престолонаследия после смерти Генриха Птицелова. И зачинщицей этой распри источники называют королеву Матильду, любившую сына Генриха больше, чем старшего Оттона, и пожелавшую, чтобы ее любимец занял королевский престол. При этом она ссылалась на то, что Генрих родился, когда его отец уже был королем, тогда как в момент рождения Оттона тот не стал еще даже и герцогом Саксонии. Согласно византийским государственно-правовым представлениям, к тому времени получившим распространение и в Западной Европе, Генрих являлся «порфирородным» принцем. При этом, если верить жизнеописанию Матильды, и многие князья разделяли мнение, что «Генрих должен владеть королевством, поскольку родился в королевском дворце».

Можно найти и иное, более субъективное объяснение желанию Матильды видеть сына Генриха на престоле Германии, обусловленное чертами ее характера. И после смерти супруга она, не достигшая еще и сорокалетнего возраста, хотела оставаться королевой, а не вдовой, облаченной в траур. Современники свидетельствуют, что и овдовев, она продолжала носить

королевские платья, а в облике ее ничуть не убавилось королевского достоинства, что она обычно восседала, точно королева, в окружении народа. Разумеется, гордой королеве Матильде было бы проще, по крайней мере на первых порах, исполнять привычную ей роль при пятнадцатилетнем короле Генрихе, нежели при взрослом сыне Оттоне I.

Однако в конечном счете решение было принято не в пользу Генриха. Он даже не присутствовал 7 августа 936 года в Ахене на торжественной коронации своего старшего брата. Трещина раскола разделила правящее королевское семейство, в какой-то мере омрачив торжественную церемонию. Соответственно, отсутствовал на церемонии и граф Мерзебургский Зигфрид, королевский наместник в Саксонии, призванный охранять восточные пределы государства, под надзором которого в это время находился Генрих. Видукинд Корвейский в своей «Истории саксов» рассказывает: «Зигфрид же, лучший из саксов и второй после короля, некогда королевский зять, и с новым королем связанный узами родства, в то время управлял Саксонией, дабы не допустить какого-либо вражеского вторжения, держа также при себе на воспитании младшего Генриха».

Деликатное выражение Видукинда означает не что иное, как ограничение свободы передвижения Генриха с тем, чтобы держать его подальше от места коронации. Возникшая напряженность во взаимоотношениях между Оттоном I и его братом Генрихом, постепенно нарастая, приведет, как увидим далее, к вооруженной борьбе между ними. В первые годы правления нового короля наблюдалась, по понятным причинам, и известная отчужденность между ним и его матерью, вдовствующей королевой Матильдой. Это проявлялось и в том, что имя королевы-матери практически не фигурирует в дарственных грамотах вплоть до смерти в 946 году супруги Оттона I королевы Эдгит. Некоторые историки усматривают в этом проявление соперничества между Матильдой и Эдгит. Косвенным подтверждением правильности такого наблюдения может служить тот факт, что уже через три дня после смерти Эдгит имя Ма-

тильды с добавлением «наша госпожа» появляется в дарственной грамоте, пожалованной королем Кведлинбургскому монастырю.

Таким образом, в первые годы своего правления Оттон I столкнулся с серьезными трудностями, причем спор по поводу «порфирородности» и размолвка с матерью оказались не более чем мелкими неприятностями, за которыми вскоре последовали и более серьезные осложнения. Уже первые меры Оттона I, принятые с целью обеспечить безопасность на восточной границе, вызвали недовольство. Поскольку славяне воспользовались сменой власти в Германии как поводом, чтобы освободиться от чужеземного господства, король был вынужден сразу же заняться этой проблемой. Если выступление саксонских и тюрингских отрядов против мятежного Болеслава Чешского закончилось их полным поражением, то ответные действия Оттона I против полабских славян оказались вполне успешными. При этом особо отличился знатный сакс Герман Биллунг, поэтому молодой король назначил его маркграфом пограничной территории на Нижней Эльбе — решение, правильность которого впоследствии блестяще подтвердилась. Однако брат Германа Биллунга Вихман почувствовал себя обойденным и в знак протеста покинул королевское войско. Впоследствии, вплоть до своей бесславной смерти, он еще не раз будет бунтовать против законного государя. В 937 году умер уже известный нам граф Зигфрид, надзиравший за Генрихом, младшим братом нового короля. Первый, признанный незаконнорожденным, сын Генриха Птицелова Танкмар, после развода родителей лишившийся состояния и достойного общественного положения, надеялся, что Оттон I компенсирует его утраты хотя бы тем, что назначит его на освободившуюся должность королевского легата в Саксонии, но просчитался. Король поставил на вакантное место графа Геро, наделив его широкими полномочиями и титулом маркграфа. Это назначение оказалось не менее удачным, чем назначение Германа Биллунга: со временем Геро заслужил за усердие и успехи на

государевой службе прозвище Железный. Но Танкмар из-за назначения Геро почувствовал себя оскорбленным, и его, как пишет Видукинд, «охватила великая печаль». Нарастая, конфликт между ним и Оттоном I вылился на следующий год в вооруженную борьбу.

Для всех мятежей, с которыми королю пришлось столкнуться в первые два десятилетия своего правления, было характерно то, что во главе всякий раз оказывался представитель правящей династии. Вдохновителем первого антиоттоновского выступления стал Танкмар. У мятежника сразу же нашлись союзники, у каждого из которых была своя причина недовольства политикой короля — а ведь еще два года назад, во время коронации в Ахене, все дружно присягали ему на верность. Одним из наиболее активных участников этого внутригосударственного раздора был герцог Франконии Эберхард. Двадцать лет назад Эберхард безропотно исполнил завет старшего брата, передав знаки королевского достоинства герцогу Саксонии Генриху, спустя несколько месяцев ставшему королем, и все годы правления Генриха I был верным его подданным. Теперь же, при новом короле, он решил, что корона Германии должна быть возвращена Франконскому дому.

Мятежники во главе с Танкмаром и Эберхардом принялись опустошать владения короля, желая таким образом вызвать его на бой. Они сумели даже пленить его младшего брата Генриха. Танкмар имел на него зуб, поскольку еще при жизни Птицелова тому достался во владение Мерзебург, собственность отвергнутой супругой Хатебург. Танкмар резонно полагал, что наследство матери должно принадлежать ему. Поскольку Генрих тогда еще открыто не враждовал с Оттоном I, тот, повинувшись обычному праву и нормам человеческой морали, был обязан прийти к нему на помощь. Мятежники были убеждены, что обрели верное средство нажима на короля.

Однако события приняли неожиданный для них оборот. Когда королевское войско подошло к крепости Эресбург, в которой засел со своим отрядом Танкмар, ее гарнизон, видя бес-

спорное превосходство противника, малодушно предал своего вожака, открыв ворота. Танкмар бросился в церковь, полагая, что святое место обеспечит ему безопасность. Там он снял с шеи свою золотую цепь, которую носил как знак королевской власти, дабы продемонстрировать собственную принадлежность к королевскому роду, и положил ее вместе с оружием на алтарь, давая тем самым понять, что отказывается от всех своих притязаний и сдается на милость победителя. Но не помогли ни демонстрация смирения, ни святость места. Один из воинов короля через окно пронзил Танкмара копьем, в результате чего Оттон I был избавлен от опасного противника. Правда, успех омрачался сомнительностью его достижения с моральной точки зрения, но хронисты, симпатизировавшие королю, постарались его обелить. Видукинд пишет, что Оттон I не присутствовал при убийстве и вознегодовал из-за столь безрассудного поступка воинов. Титмар Мерзебургский, писавший во втором десятилетии XI века, пошел еще дальше, сообщив, что король жестоко покарал убийцу брата.

И действительно, Оттон I не был заинтересован в убийстве Танкмара, бросавшем тень на его репутацию и создававшим для него угрозу мести со стороны родственников и друзей покойного. Публичное покаяние Танкмара и примирение с ним были бы гораздо выгоднее ему. Как бы то ни было, мятеж после гибели его инициатора не только не пошел на убыль, но и стал набирать силу, все более ширясь и захватывая в свою орбиту новых участников. Узнав о смерти Танкмара, герцог Франконский Эберхард принес свои извинения Генриху, которого держал на положении пленника, после чего они сблизились и составили заговор о новом восстании против короля. Как выяснилось, Генрих не забыл о своей «порфирородности» и мечтал не об участии в управлении королевством, а о королевской короне, считая себя более достойным ее, нежели старший брат. На это же были обращены и помыслы Эберхарда, поэтому трудно сказать, как они стали бы договариваться друг с другом, устранив Оттона I. Видукинд, симпатии которого

были всецело на стороне короля, представляет дело так, будто юный Генрих, а не Эберхард, зрелый, умудренный жизненным и политическим опытом человек, задумал новое восстание: охваченный страстным желанием правления, он простил недавнего врага при условии, что тот составит с ним заговор против брата-короля и поможет ему добыть королевскую корону.

Но кто бы ни являлся подлинным инициатором и вдохновителем, очередной заговор и последовавшая за ним вооруженная борьба были возглавлены представителем королевского дома. На сей раз к заговорщикам примкнул и зять Оттона I, герцог Лотарингии Гизельберт, замуж за которого отдал свою дочь Гербергу Генрих Птицелов. Он рассчитывал получить в ее лице выразительницу своих интересов в Лотарингии, лишь недавно возвращенной в состав Восточно-Франкского королевства. Вместе с тем, выдавая замуж за Гизельберта свою дочь, он оказал ему высокую честь, желая тем самым показать, сколь большое значение он придает Лотарингии в составе своего государства. Однако всё вышло не так, как он рассчитывал. У Гизельберта были собственные намерения, не совпадавшие с желанием немецкого короля, а Герберга оказалась плохой помощницей отцу и брату в проведении их политики.

Гизельберт лишь ждал случая для обретения независимости от правителя Германии. Такая возможность ему представилась, как он полагал, в 939 году, когда Генрих восстал против старшего брата. Подобно Эберхарду, мечтавшему вернуть королевскую корону своему роду, Гизельберт задумал восстановить независимое Лотарингское королевство. При этом оба участника заговора, Эберхард и Гизельберт, рассматривали Генриха лишь как орудие для достижения собственных целей, благо легко было подтолкнуть его, по характеристике Видукинда, «слишком юного и горячего», в нужном для них направлении. Лиутпранд Кремонский, возможно, передавший ходившие тогда слухи, сообщает и о более грандиозных замыслах Гизельберта: при помощи Генриха, не подозревавшего

о коварных намерениях союзника, сместить Оттона I и самому занять королевский престол.

А как же вела себя в этой обстановке Герберга, на которую возлагались ее отцом столь большие надежды? Источники ничего не сообщают о ее противодействии планам Гизельберта, зато в одном из них излагается весьма интересная версия о том, что именно Герберга и подстрекала супруга на мятеж против законного короля. Интересно, что предполагаемое вступление Гизельберта на королевский престол Германии здесь представлено не как его субъективное желание, а как выражение воли князей. Но тот, будучи честным человеком, будто бы отверг этот нечестивый замысел. И тогда Герберга, охваченная яростью, стала попрекать его, говоря, что у него ничуть не меньше прав на престол, чем у ее брата Оттона I. Упомянутый источник интересен тем, что в нем выражены мнения и суждения современников о Герберге. Памятуя о том, сколь решительно и успешно действовала Герберга впоследствии, мы можем принять это сообщение с доверием. Во всяком случае, в то время она отнюдь не являлась выразительницей интересов брата, а поддерживала честолюбивые замыслы супруга.

Выступление заговорщиков началось с большого застолья в местечке Заальфельд в горном массиве Тюрингский Лес, во время которого Генрих и объявил присутствующим о своих замыслах. Принятие важных решений на пиру было в духе древнегерманской традиции. Об этом рассказал еще Тацит в своей «Германии»: «О мире и о войне они чаще всего совещаются на пирах, поскольку ни в какое другое время душа не бывает более открыта для простых помыслов и не воспламеняется на великие дела». Так, чувствуя себя древнегерманскими героями, сообщники Генриха одобрили его намерение выступить против брата. По их совету он тут же отправился в Лотарингию, чтобы и там искать поддержки.

Оттону I своевременно донесли о готовившемся посягательстве на его власть, и он незамедлительно пошел с войском по

следам мятежного брата. Важная крепость Дортмунд, находившаяся под охраной людей Генриха, сдалась королю без боя. Когда же Оттон I решил переправиться через Рейн, и часть его войска уже была на другом берегу, внезапно появились лотарингцы и, уверенные в собственном превосходстве, атаковали. Король, не имевший в своем распоряжении кораблей, не мог прислать своим подкрепление. Однако те и без посторонней помощи сумели, используя преимущества местности, окружить и разгромить противника.

Эта победа, одержанная в начале 939 года, явилась важным политическим успехом Оттона I. Когда весть о ней, сопровождаемая слухом о гибели Генриха, который в действительности лишь получил ранение, разнеслась по Саксонии, многие крепости мятежников заявили о капитуляции. Сам же Генрих бежал в Мерзебург, сохранявший ему верность, но после двухмесячной осады прекратил сопротивление, выговорив для себя и своих сторонников право беспрепятственного ухода. Король был вынужден пойти на этот компромисс, поскольку срочно потребовалось его присутствие на восточной границе, где полабские славяне, воспользовавшись междоусобицей в Германии, восстали против господства немцев. И тем не менее Саксония была потеряна для Генриха.

И тогда в поисках новых союзников для продолжения борьбы они с Гизельбертом решили обратиться за поддержкой к западно-франкскому королю Людовику IV Заморскому, причем герцог Лотарингский и его графы присягнули ему на верность. Слабый Каролинг в качестве сюзерена казался Гизельберту менее опасным, нежели Оттон I. Людовик же, в свою очередь, рассчитывал возратить таким образом Лотарингию в состав своего королевства. Немецкий король незамедлительно парировал это вмешательство во внутригерманские дела собственного государства, активизировав союзнические отношения с противниками Людовика внутри его страны. Еще в 937 году младшая сестра Оттона I Хадвиг была выдана замуж за французского герцога Гуго Великого, опасного соперника

Каролинга. Обе стороны этого династического брака ждали выгод от его заключения: Гуго нашел дополнительную опору для проведения своей политики, а Оттон I обрел эффективное средство влияния на регулирование лотарингского вопроса, который тогда был еще далек от разрешения. Хадвиг косвенным образом сыграла важную роль в политике своего брата-короля, хотя как самостоятельная личность и не проявила себя.

Однако ввиду напряженной обстановки на восточной границе Оттон I пока не имел возможности предпринять более решительных действий в Лотарингии. Герцог Франконский Эберхард, до сих пор державшийся на втором плане, решил воспользоваться затруднительным положением короля для активного вмешательства. Он занял имевшую важное стратегическое значение крепость Брейзах: расположенная на острове в верхнем течении Рейна, почти неприступная, она позволяла контролировать весь Эльзас, что препятствовало герцогу Швабскому Гермону, верному союзнику короля, вторгнуться в Лотарингию для защиты его интересов. И тогда Оттон I направил архиепископа Майнцского Фридриха, своего эрцканцлера, вести переговоры с Эберхардом. О содержании достигнутого соглашения мы не знаем, известно лишь, что король счел предложенные условия не соответствующими его достоинству и отверг их. Из-за этого его положение еще более ухудшилось, поскольку архиепископ Фридрих ушел от него обиженным, пополнив ряды королевских противников.

Генрих, Эберхард и Гизельберт возмнили, что настал час решительной схватки с Оттоном I, находившимся с войском на другом берегу Рейна перед Брейзахом. Но когда большая часть их отрядов уже переправилась через реку, а оба герцога, Эберхард и Гизельберт, еще находились на другом берегу, развлекаясь игрой в кости, на них внезапно напал королевский отряд. В завязавшейся схватке Эберхард мужественно защищался и пал смертью храбрых, а Гизельберт с немногими при-

ближенными пытался бежать на корабле, но утонул, так что даже не нашли его тела.

Их гибель знаменовала собой поражение восстания. Брейзах капитулировал, архиепископ Майнцкий Фридрих был взят под стражу. Только Генрих не желал сдаваться на милость победителя. Он бежал к Герберге, собственной сестре, теперь уже вдове его погибшего сообщника, но та не приютила младшего брата, опасаясь конфликта со старшим, выходявшим победителем из борьбы. Тогда Генрих обратился за помощью к правителю Западно-Франкского королевства Людовику IV, прибывшему в Лотарингию, дабы, воспользовавшись распрей в соседнем королевстве, реализовать свои притязания на эту искони принадлежавшую Каролингам область. Однако и там не нашел поддержки, поскольку ситуация тем временем изменилась неожиданным для него образом.

Овдовевшая Герберга стояла перед выбором: продолжать борьбу, начатую покойным супругом, или подчиниться воле своего брата, короля Оттона I. По германскому праву женщина не могла действовать самостоятельно, а нуждалась в опеке со стороны мужчины, сначала своего отца, а затем — мужа. Если супруг умирал, то женщина опять попадала под покровительство отца или другого ближайшего родственника. В этой ситуации Герберга решила действовать по-своему. Она не стала продолжать борьбу против Оттона I, по этой причине отказав в пристанище Генриху, но и не приняла покровительство старшего брата. Вместо этого она согласилась с предложением западнофранкского короля Людовика IV Заморского выйти за него замуж. Тем самым она оказала брату Оттону I плохую услугу, поскольку ее новый супруг приобретал формальные права на Лотарингию. Правда, отстоять их он так и не сумел, уступив вооруженной силе правителя Германии. И все же брак с дочерью короля Генриха I давал Людовику IV известное преимущество: с точки зрения родственных связей он уравнивал его с главным внутривнутриполитическим противником — гер-

цогом Гуго, за два года до того женившимся на сестре Герберги и Оттона I, Хадвиг.

В этой ситуации Генриху не оставалось ничего иного, кроме как покориться королю. Он просил у брата прощения и был прощен. Оттон I был столь великодушен, что предоставил в распоряжение Генриха несколько городов в Лотарингии, разрешив ему, как пишет Видукинд, жить в этой области, то есть, видимо, управлять ею, наделив его герцогскими полномочиями. Но Генрих недолго пробыл в Лотарингии, рассорившись с местной знатью. Зато в Саксонии тем временем сложилась обстановка, благоприятная не только для его возвращения на родину, но и для возобновления мятежа против старшего брата. Затянувшаяся война против полабских славян не приносила вассалам короля ничего, кроме лишений, вследствие чего зрело и все больше набирало силу недовольство в их среде. Генриху, внимательно следившему за событиями на восточной границе, удалось привлечь на свою сторону большинство недовольных. Возник заговор с целью убийства на Пасху 941 года Оттона I и провозглашения Генриха королем. Однако попытка покушения провалилась. Оттон I, окруженный надежной охраной, был недоступен для заговорщиков, зато их самих на следующий день после Пасхи арестовали и казнили. Лишь Генрих был взят под стражу. Спустя некоторое время, бросившись в ноги старшему брату, он опять сумел вымолить его прощение. Как заметил Видукинд, милосердие было высшей добродетелью Оттона I.

Больше Генрих никогда не замышлял дурного против старшего брата. Поразительна, почти необъяснима снисходительность короля по отношению к своему мятежному брату. Он словно чувствовал, что придет время, и не будет человека, более преданного и верного, чем Генрих. Окончательное примирение братьев произошло в 947 году, причем посредницей выступила их мать, вдовствующая королева Матильда. Отчужденность между Оттоном I и матерью, существовавшая в первые годы его правления, прекратилась сразу же после смерти

его первой супруги Эдгит в 946 году. Как сообщает Видукинд, Матильда ходатайствовала перед старшим сыном и о пожаловании Генриху вакантного герцогства Баварского. В новом качестве он продолжил отвечавшую интересам Оттона I политику борьбы против мадьярских набегов, проводившуюся его предшественником герцогом Бертольдом. В 948 году Генрих одержал победу над мадьярами и, несмотря на то, что на следующий год потерпел от них поражение, в 950 году отважился даже на вторжение в их пределы, дойдя до Тиссы и захватив богатую добычу и множество пленных.

Серия восстаний, вызванных недовольством ближайших родственников, заставила Оттона I по-новому строить отношения королевской власти и племенных герцогств. Он решил, что единство королевства лучше всего крепить посредством родственных связей. Герцогство Франконское после гибели Эберхарда он вообще не стал замещать, подчинив его непосредственно короне. Саксонию король также держал в собственных руках. Обладание двумя герцогствами существенно упрочило его положение. В дальнейшем при назначении на важные и выгодные должности Оттон I отдавал предпочтение своим ближайшим родственникам. Важная роль в этой сознательной династической политике отводилась его детям от первого брака — сыну Лиудольфу и дочери Лиудгард. Так, в 940 году он обручил Лиудольфа с Идой, единственной дочерью герцога Швабии Германа, служившего его надежной опорой в период восстания Генриха. Лиудольф сразу же стал рассматриваться как наследник герцога. Правда, тогда жених и невеста были в детском возрасте, поэтому реально их бракосочетание состоялось лишь в конце 947 года. В декабре 949 года герцог Швабский Герман скончался, и в начале следующего года Лиудольф вступил в наследство покойного тестя. Благодаря заключению династических браков Бавария и Швабия перешли во владение королевской семьи — цель, которую на протяжении ряда лет преследовал Оттон I, была достигнута. Незадолго перед тем, как отправиться в свой первый

итальянский поход, Оттон I объявил сына Лиудольфа преемником на королевском престоле Германии. Это была необходимая мера предосторожности, поскольку в случае гибели короля в дальнейшей экспедиции в стране началась бы борьба за власть, способная вылиться в череду междоусобных войн.

Дочь Лиудгард Оттон I выдал замуж за графа Конрада Красного, одного из своих верных соратников в период подавления мятежа Генриха. И в последующие годы Конрад оставался в числе наиболее приближенных короля, так что в 944 году, когда стало вакантным герцогство Лотарингское, оно было ему пожаловано. Новый герцог продолжал служить верой и правдой Оттону I, поэтому в качестве особой награды он и был введен в круг королевских родственников, получив в 947 году в жены Лиудгард. Вместе с тем брачные узы должны были прочнее привязать Конрада к правящей династии. Однако дальнейшая судьба королевского зятя оказалась, как увидим, не столь безоблачной, а его жизненный путь — прямым.

Таким образом, все герцогства были замещены представителями королевской семьи. Этим Оттон I достиг двух целей: окончательно был решен вопрос о престолонаследии, поскольку принцы крови получили компенсацию в виде герцогств, и сформировалась породнившаяся с королевской семьей группа знати, представители которой только и могли претендовать на обладание герцогствами. База королевской власти стала более широкой и прочной. Путь от формального признания к реальной власти Оттоном I был пройден. С того времени никто больше не оспаривал право Оттона I на германский престол.

Борьба за Каролингское наследство

Вступление Оттона I на престол задало новый тон взаимоотношениям западной и восточной частей бывшей Каролингской империи: коронация нового германского короля в Ахене, как мы уже знаем, продемонстрировала его притязание на наследие Карла Великого. Оттон I пожинал плоды, возвращенные искусной политикой его отца. Однако заявить о притязаниях

было проще, чем реализовать их. Как уже упоминалось, во Франции в то время вернулась к власти Каролингская династия в лице Людовика IV (936–954), также заявившего о своих притязаниях на Лотарингию и принявшего в 939 году присягу на верность магнатов Лотарингии во главе с самим герцогом. В ответ на это Оттон I совершил опустошительный рейд по Лотарингии и принял присягу о мире и союзе от противников короля Франции — герцога Гуго Французского, женатого, как мы помним, на Хадвиг, младшей сестре германского короля, и графов Вильгельма Нормандского, Арнульфа Фландрского и Хериберта Вермандуа, после чего возвратился в Саксонию.

Людовик, в погоне за своей мечтой о Лотарингии начавший вражду с могущественным восточным соседом, проявил себя плохим политиком. Как только Оттон I возвратился в Саксонию, он направился в Верден, где на верность ему присягнули некоторые лотарингские епископы. Дело шло к тому, что и церковь могла отказать в доверии правителю Германии, а это грозило ему утратой всей Лотарингии. Затем Людовик двинулся в Эльзас и изгнал оттуда нескольких сторонников Оттона, после чего возвратился в свое королевство. Для Оттона сложилась опасная ситуация, но спасение пришло к нему благодаря удаче в уже упоминавшемся сражении, когда Эберхард был убит, а Гизельберт, пытаясь бежать, утонул в Рейне. Генрих бежал на Запад, но еще до конца года покорился старшему брату. 18-летний Людовик IV женился на вдове Гизельберта, сестре Оттона I Герберге (которая была на семь лет старше его), тем самым установив семейные связи, впоследствии имевшие большое значение. Герберга была умной и деятельной женщиной, послужившей крепкой опорой для клонившейся к упадку Каролингской династии. Она вступила в брак с Людовиком, как мы знаем, без предварительного согласования с братом, намеревавшимся выдать ее замуж за герцога Баварии Бертольда. Таким образом, Оттон I стал теперь шурином как Робертина, так и Каролинга. Его родство с обоими враждовавшими семействами придавало политике в отношении

Франции видимость внутрисемейного дела, а фактической гегемонии Германии — роль арбитра.

На следующий год Оттон I в свою очередь предпринял с большим войском поход против западного соседа. Был при нем и юный король Бургундии Конрад, сын скончавшегося в 937 году Рудольфа II. Поскольку, как уже упоминалось, король Италии Гуго, женившийся на вдове Рудольфа Берте и обручивший его шестилетнюю дочь Адельгейд со своим сыном Лотарем, явно вознамерился овладеть Бургундией, Оттон I решительно вмешался. Он взял на себя опеку над малолетним Конрадом и управление его страной. Пока Конрад не вернулся в 942 году в свое королевство, Оттон I фактически осуществлял в нем свою власть. Источники не позволяют определенно сказать, на какие правовые основания он при этом ссылался. Возможно, таким основанием послужил фактический сюзеренитет Германии над Бургундией со времен Генриха Птицелова. Во время этого рейда 940 года Оттон I вторгся в герцогство Бургундию, герцог которой Гуго Черный был важнейшим сторонником Людовика IV. Гуго пришлось дать заложников и клятвенно пообещать не чинить вреда Гуго Французскому и Хериберту Вермандуа, союзникам Оттона I. Эти двое, конфликтовавшие с Людовиком из-за Реймского архиепископства, встретили Оттона на самой границе и проводили в Аттиньи. Здесь, в старинной каролингской резиденции, где некогда предводитель мятежных саксов Видукинд преклонил колена перед Карлом Великим, Гуго, Хериберт и граф Роже Лаонский присягнули на верность германскому королю.

О значении этого события мнения историков расходятся. Хотел ли Оттон I распространить свое господство на часть западнофранкской территории, подобно тому, как Людовик попытался овладеть Лотарингией? Поскольку слабо сплоченные государства той эпохи крепились прежде всего узами вассально-ленных отношений, перемена сеньора могла повлечь за собой изменение границ. Однако, на мой взгляд, исключено, что Оттон I преследовал столь далеко идущие цели — не только с

учетом политической ситуации, но и потому, что такое нарушение условий Верденского соглашения 843 года противоречило бы правовым представлениям того времени. В отношении Лотарингии дело обстояло иначе: здесь правитель западных франков мог по праву заявлять о своих притязаниях. Не выдерживает критики и утверждение, что Оттон I намеревался установить немецкую гегемонию над Западно-Франкским королевством. Принятие присяги на верность в действительности было лишь средством политического нажима: таким способом Оттон I обеспечивал в формах ленного права свое влияние по ту сторону границы. Немецкий король, оказавшись жертвой агрессии, собирался лишь закрепить за своим государством Лотарингию.

Как уже упоминалось, после гибели Гизельберта Оттон I назначил герцогом Лотарингии своего брата Генриха, но тот не сумел утвердиться там и был изгнан. Немецкому королю пришлось назначить местного — могущественного графа Верденского Отто. Очевидно, ободренный внутригерманскими неурядицами, Людовик в том же 940 году предпринял еще одно вторжение в Лотарингию, и Оттон I двинулся ему навстречу, однако верным людям обоих правителей удалось примирить их. На следующий год герцог Гуго Французский и граф Вермандуа Хериберт нанесли Людовику сокрушительное поражение. Хериберт лично отправился к Оттону I, чтобы сообщить ему об одержанной победе. В 942 году за правителя западных франков, едва спасшегося бегством после понесенного поражения, заступился сам папа Стефан IX, пригрозивший Гуго и Хериберту отлучением от церкви. Тем не менее уже в сентябре того же года два враждебных войска стояли друг против друга на берегу Изера: с одной стороны, Людовик, получивший поддержку от графа Пуату Гильома и бретонских магнатов, и с другой стороны, Хериберт и Гуго, к которым присоединился герцог Отто со своими лотарингцами. Однако до сражения дело так и не дошло: противники заключили перемирие и с обеих сторон направили заложников к Оттону I, ходатай-

ствуя перед ним о посредничестве. В ноябре 942 года оба короля встретились на Маасе, между Люттихом и Маастрихтом, и заключили мирный договор, о содержании которого мы не имеем сведений. Вполне вероятно, что Людовик, учитывая несомненное превосходство Оттона I, официально отказался в его пользу от Лотарингии, хотя в источниках об этом не сообщается.

Среди историков бытовало мнение, что именно Герберга уговорила супруга отказаться от Лотарингии. Однако это предположение малоубедительно. Все ее предшествующие действия, прежде всего самовольное вступление в брак с Людовиком IV, не дают оснований полагать, будто она вдруг сделалась защитницей интересов старшего брата. Скорее наоборот: повторный брак, политическое значение которого Герберга не могла не понимать, и продолжение впоследствии борьбы за Лотарингию свидетельствуют об обратном. Соглашение 942 года не было результатом семейного сговора, а настоятельно диктовалось фактическим превосходством Оттона I. Если Герберга при этом и выступала посредницей, то для того лишь, чтобы по мере возможности сгладить неприятное впечатление от военно-политического поражения собственного супруга, на стороне которого она оставалась до конца его дней. В этой связи примечательно, что первенец, родившийся в 941 году у королевской четы Франции, был наречен Лотарем: в самом выборе имени предполагаемого наследника престола нашла отчетливое выражение решимость не отказываться от притязаний на Лотарингию.

Политике примирения с западным соседом немецкий король оставался верен и впредь. Что же касается Людовика, то он, почувствовав, как упрочилось его положение, попытался проводить политику, не считаясь с партнерами по соглашению, и его отношения с Оттоном I опять испортились. Дело дошло до того, что в 944 году его послам при немецком королевском дворе в Ахене оказали меньше уважения, чем послам герцога Гуго. На следующий год Людовик был предательски схвачен в

Руане своими нормандскими союзниками и выдан Гуго. Ему грозила участь отца, Карла Простоватого. И тогда супруга Людовика Герберга направила к своему брату Оттону I посольство с просьбой о помощи. Злопамятность никогда не была чертой характера германского короля, и он откликнулся на просьбу сестры, разрушив прежние политические союзы. Гуго, желая предотвратить невыгодное для себя развитие событий, попытался лично встретиться с немецким правителем, однако тот уклонился от встречи, направив к нему герцога Лотарингии Конрада Красного (своего будущего зятя), назначенного вместо незадолго перед тем умершего Отто. С Конрадом Гуго и имел беседу, которой остался очень недоволен. Поэтому он возвращался домой сильно сердитым на своего шурина Оттона I.

Оттон I не хотел допустить гибели Каролингской династии в соседнем королевстве, усматривая пользу для себя в том, чтобы две противоборствующие группировки уравнивали друг друга. Повинуясь нажиму, Гуго освободил пленника, однако Людовик был вынужден отдать ему в порядке компенсации Лан, последний оплот своей власти, обрекая себя на жалкое существование номинального короля. Оттону I пришлось лично вмешаться. В августе 946 года, во второй раз, но уже в качестве союзника, а не противника Людовика, он вступил во Францию во главе сильного войска. Вместе с Людовиком он произвел опустошения в землях герцога Гуго, от Луары на юге до Руана на севере. Города Лан, Санлис, Париж и Руан были взяты в результате трудной и продолжительной осады. Крупным успехом похода явилось взятие Реймса, откуда изгнали архиепископа-узурпатора, брата графа Вермандуа, после чего его законный предшественник архиепископ Артальд, сторонник короля Людовика, опять занял свое место. Безземельный король Франции получил важную опору благодаря обретению богатой Реймской церкви. В ноябре 946 года Оттон I возвратился домой.

На Пасху следующего года Людовик IV присутствовал в Ахене в качестве гостя Оттона I, а в августе состоялась их встреча близ Музона на реке Кьер. Короли пытались решить церковный спор относительно Реймса (изгнанный архиепископ-узурпатор не сдавался), однако собравшиеся епископы заявили, что для этого необходимо созвать синод. При посредничестве Оттона I Людовик и Гуго даже заключили для этого перемирие. Когда же два синода, в Вердене и Музоне, закончились безрезультатно, Артальд отправился в Рим. Папа Агапит II направил своего легата к Оттону I, чтобы обеспечить созыв большого церковного собора.

В старинной каролингской резиденции Ингельхайме в июне 948 года этот собор открылся. Присутствовали 32 архиепископа и епископа, причем Германия была представлена лучше, поскольку герцог Гуго и его союзники препятствовали прибытию прелатов со своих территорий. Присутствовали оба короля — немецкий и французский. После открытия собора поднялся Людовик и рассказал присутствующим, сколь много насилия и несправедливости он претерпел от Гуго. Если же собравшиеся решат, что виноват он сам, продолжал Людовик, то он готов очиститься покаянием или поединком. Виновным признали герцога Гуго, пригрозив ему церковным отлучением, если он к установленному сроку не возместит причиненный ущерб. Затем приступили к рассмотрению вопроса о Реймском архиепископстве. Собор признал Артальда законным обладателем Реймской кафедры, подвергнув церковному отлучению его соперника.

Людовик попросил Оттона I, чтобы тот поручил герцогу Конраду Лотарингскому оказать ему помощь против врагов. Лотарингское войско вынудило к капитуляции Музон (скрывавшемуся в нем отлученному архиепископу-узурпатору удалось бежать), а затем взяло крепость Монтегю, прикрывавшую с востока Лан, однако сам город устоял против натиска нападавших. Герцог Гуго, продолжавший, несмотря на все угрозы церковного отлучения, совершать опустошительные походы в

Реймское архиепископство, наконец в сентябре на Трирском синоде был отлучен от церкви.

Война продолжалась и в последующие два года. В 949 году Герберга праздновала Пасху у Оттона I в Ахене и опять просила об оказании помощи своему супругу. Большим успехом Людовика явилось занятие, благодаря военной хитрости, своей королевской резиденции — Лана. Чтобы удержать город, он просил о помощи герцога Конрада Лотарингского, которому и удалось договориться о перемирии между враждующими сторонами. Однако после политических консультаций с Оттоном I Людовик возвратился в Реймс, свою тогдашнюю резиденцию. Одним могущественным врагом у него стало меньше, когда ему покорился граф Вермандуа и заявил об отказе своего брата от притязаний на Реймское архиепископство. В феврале 950 года Людовик опять встречался в Лотарингии с Оттоном I, обратившись к нему с просьбой о посредничестве в заключении мира с герцогом Гуго. К тому времени обе противоборствующие стороны уже разуверились в возможности решить конфликт силой оружия. В качестве посредника выступил герцог Конрад с группой лотарингских епископов и графов. Оттона I постоянно информировали о ходе переговоров. На Марне встретились Людовик и Гуго. Сначала они стояли со своими дружинами на противоположных берегах реки и сносились друг с другом через послов. Наконец герцог Гуго Французский, послушавшись рекомендаций посредников, отправился к Людовику и снова присягнул ему как своему сеньору. Тем самым было достигнуто временное прекращение борьбы, в течение которой Людовик и Герберга не менее пяти раз прибывали к Оттону I в Германию, чтобы просить у него военной или дипломатической помощи.

Только благодаря поддержке со стороны Оттона I Людовик сумел выстоять в борьбе против несоизмеримо более могущественного герцога Гуго Французского. В Ингельхайме Оттон I выступил в качестве покровителя французской церкви. Роль верховного сюзерена, которую он фактически играл в отноше-

нии западного соседа, возвышала его над другими правителями Западной Европы, так что уже тогда все больше людей укреплялось во мнении, что он, официально являясь королем, фактически исполняет императорскую власть, является некоронованным императором.

Однако уже вскоре произошло новое обострение отношений между Людовиком и герцогом Гуго. Фридрих, граф Бара и Меца, обручившийся с Беатрикс, дочерью герцога Гуго, построил на границе с Лотарингией крепость и начал опустошать окрестности. Оттон I выразил послам Людовика, обратившимся к нему с жалобой, свое неудовольствие по поводу происходящего, однако ничего не предпринял против Фридриха. В то же время он пригласил Гуго на празднование Пасхи в Ахен. Тот предварительно выслал ему редкий подарок — двух львов, и был принят со всевозможными почестями, осыпан подарками и возвратился в сопровождении герцога Конрада. Оттон I не хотел допустить явного преобладания Каролинга, дабы не допустить возникновения угрозы для Лотарингии.

В последующие годы между королем Франции и герцогом Французским дело неоднократно доходило до вооруженных столкновений, однако благодаря дипломатическому искусству Герберги Людовик и Гуго 13 марта 953 года заключили в Суассоне договор о дружбе. Трудно сказать, сколько на сей раз продолжался бы мир между ними, если бы в сентябре следующего года в результате несчастного случая — падения с коня — не погиб Людовик. Общий баланс взаимоотношений — мирных и военных, политических и родственных — двух королей, французского и немецкого, оказался в пользу последнего: Лотарингия осталась в составе Германского королевства.

В момент смерти Людовика IV наследнику престола Лотарю было всего 13 лет. Герберга, вероятно, обратилась за помощью к братьям — Оттону I и Бруно, однако у тех были связаны руки из-за восстания Лиудольфа и набегов мадьяр. И тогда она

сделала неожиданный для многих политический шаг, обратившись за советом и поддержкой к герцогу Гуго. И так же неожиданно Гуго проявил себя лояльным вассалом: под его эгидой и при содействии Бруно Лотарь был избран в Реймсе на королевский престол магнатами трех главных народностей своего королевства — франками, бургундцами и аквитанцами. Правда, за свою вассальную верность Гуго предъявил огромный счет: юный Лотарь должен был пожаловать ему в лен герцогства Бургундию и Аквитанию. Таким образом, герцог Французский захотел стать также герцогом Бургундским и Аквитанским — герцогом трех важнейших племен, из которых состояло королевство. В этом случае он стал бы всесильным властителем при слабом короле. Однако лишь в отношении Бургундии он сумел реализовать свое намерение, да и то окружным путем: его сын Отто женился на наследнице герцога Бургундского и вскоре унаследовал герцогство, принеся вассальную присягу своему отцу, так что Бургундия утратила статус лена короны. В отношении же Аквитании грандиозные планы Гуго потерпели крах. И все же, несмотря на эту неудачу, Гуго Великий никогда не был столь могуществен, как в годы своей фактической опеки над Лотарем.

Внезапная смерть Гуго в июне 956 года радикально изменила ситуацию. Его старшему сыну Гуго Капету (будущему королю Франции, родоначальнику династии Капетингов) было не более 18 лет. Герберга и Хадвиг, сестры Оттона I, позаботились о сохранении мира между Каролингами и Робертинами. Верховное политическое руководство выпало на долю их брата Бруно, в 953 году ставшего архиепископом Кёльнским, а спустя несколько месяцев, после смещения Конрада Красного, — и герцогом Лотарингии. Чтобы подчеркнуть выдающееся положение Бруно, его биограф Руотгер придумал несуществующий титул «архигерцог» (archidux), по-немецки «эрцгерцог» — пройдут века, и правители герцогства Австрийского присвоят себе этот титул, дабы возвыситься над прочими князьями Священной Римской империи. Позднее в наследст-

венных владениях Габсбургов, а затем и в Австро-Венгрии эрцгерцогами будут называть наследников престола. Бруно в качестве своего рода управляющего действовал во главе «оттоновского семейного совета» на территории между Рейном и Луарой. Сам Оттон I теперь мог, всецело доверившись младшему брату, сосредоточиться на решении других проблем. Оттоновский протекторат над Францией обеспечил сохранение Лотарингии в составе Германии. С другой стороны, благодаря родственным связям королевы Франции Герберги власть Каролингов в этой стране продлилась на десятилетия.

Натиск на Восток

Установленное Генрихом Птицеловом более или менее прочное господство над племенами полабских и поморских славян послужило предпосылкой для проведения восточной политики его преемниками. Однако те пошли дальше самого Генриха, стремясь христианизировать и включить эти племена в состав раннефеодального немецкого государства. Уже первый, предпринятый по распоряжению Оттона I в 936 году поход против славян отличался от аналогичных предприятий его отца. Когда сразу же после смерти Генриха Птицелова восстали ротари, Оттон I не выступил лично против мятежников, а послал во главе войска уже упомянутого нами Германа Биллунга. Тому удалось быстро вернуть ротарей в зависимое состояние, что и послужило важным доводом в пользу назначения его в том же году маркграфом на Нижней Эльбе, в областях славянских племен ротарей, ободритов и вагриев, а также датчан. На следующий год Геро, управлявший небольшим графством на Бодe (южнее Магдебурга), был назначен маркграфом в области Средней Эльбы и Заале для обеспечения обороны против племен вильцев и сорбов. Так началось создание системы пограничных областей — марок (маркграфств), знаменовавшее собой начало новой фазы покорения полабских и поморских славян, которых Оттон I собирался не просто привести в зависимое состояние, как это делал его отец, но и включить в состав своего королевства.

В 938 году, когда начались мятежи германской знати против короля, славяне стали совершать нападения на немецкую территорию. Отражать эти атаки пришлось маркграфу Геро, прозванному Железным. При этом он не брезговал никакими средствами. Интересный эпизод этой борьбы содержится в хронике Видукинда Корвейского: «Варвары, пользуясь нашим затруднением, не прекращали поджоги, убийства и опустошения, а Геро, которого король поставил над ними, они задумали убить с помощью хитрости. Однако он, предупреждая хитростью хитрость, пригласил около тридцати князей варваров на большой пир и всех их, усыпленных вином, в одну ночь умертвил». На это вероломное убийство славянские племена отреагировали восстаниями, в 939 году охватившими и область расселения ободритов. Саксонское войско под командованием графа Хойко было разбито, а сам предводитель пал в бою. Ситуация настолько обострилась, что Оттону I пришлось лично выступить против славян. Поскольку не удавалось сломить их сопротивление в открытом бою, немцы прибегали к хитрости и обману. Так, они подкупили находившегося у них в плену князя гаволян Тугумира и инсценировали его побег. Соплеменники приняли его в своем городе Браниборе (Бранденбурге) и поставили во главе племени. Вскоре Тугумир убил племянника, сына своего брата, последнего князя гаволян, и сдал крепость немецкому войску, снова подчинив племя верховному господству Оттона I. Из-за этого предательства вся область Средней Эльбы вплоть до Одера попала под власть немцев, однако ободриты, сорбы и лужичи сохранили политическую независимость от Германского королевства.

Подавление в 939 году восстания славян и взятие Бранденбурга явились важным политическим успехом Оттона I. Однако он понимал, что для дальнейшего укрепления немецкого господства на территории между Эльбой и Одером одной только военной силы недостаточно. Необходимо было опереться на авторитет церкви, которая освятила бы его экспансионистскую политику. Покорение полабских славян следова-

ло вести «мечом и крестом»: на захваченную войском территорию должны были устремиться миссионеры, чтобы проповедью христианского учения примирить покоренные племена с немецким господством. В славянских областях стали возводить церкви, а в 948 году для координации миссионерской деятельности были учреждены Хафельбергское и Бранденбургское епископства, подчинявшиеся Майнцскому архиепископству. Это явилось началом нового этапа немецкой восточной экспансии. Вновь созданные епископства, главным назначением которых была координация деятельности миссионеров среди язычников-славян, охватывали область, совпадавшую с территорией маркграфства Геро и включавшую в себя земли славянских племен по Хафелю и Шпрее.

Славянские племена, селившиеся к северо-востоку от этих епископств, оставаясь вне сферы их юрисдикции, имели все основания опасаться, что и их ждет участь быть покоренными, христианизированными и принужденными к уплате податей, в том числе и десятины. С этими непокорными племенами время от времени вступали в сговор представители саксонской знати (например, уже известный нам Вихман, брат Германа Биллунга, считавший себя обойденным королевскими милостями), недовольные жесткими административными мерами маркграфов и потому хватавшиеся за любую возможность отстоять в борьбе с ними собственное привилегированное положение на восточной границе Саксонии. В 50-е годы X века маркграфы Геро и Герман Биллунг, иногда совместно с Оттоном I, предпринимали военные походы с целью сломить сопротивление славян, завершить их покорение и христианизацию и вместе с тем преодолеть оппозицию знати в собственной стране.

Эта борьба началась с похода Геро в 954 году против укрян. Они были покорены («В тот год Геро одержал славную победу над славянами... Добыча была взята огромная, и в Саксонии поднялось великое ликование», — пишет Видукинд), однако вскоре выяснилось, что их выступление было лишь прелюдией

к более массовому восстанию, в котором особенно активное участие приняли ободриты, подвластные маркграфу Герману Биллунгу. Они воспользовались критической ситуацией, в которой оказался Оттон I в результате мятежа нескольких герцогов, недовольных его централизаторской политикой (восстание Лиудольфа 953/954 годов, о котором у нас еще пойдет речь), и возобновившимися опустошительными набегами мадьяр. Вихман, изгнанный своим братом Германом Биллунгом с родины из-за попытки организации мятежа против короля, отправился к ободритам и подбил их князя Накона к нападению на Саксонию. В начале 955 года маркграф предпринял поход против ободритов, но не добился успеха. «Убив до сорока воинов и захватив доспехи с убитых, — пишет Видукинд, — Герман отступил».

После Пасхи того же года ободриты под предводительством Вихмана снова вторглись в Саксонию. И на этот раз войску Германа Биллунга оказалось не под силу дать отпор противнику. Какой-то саксонский город, местоположение которого неизвестно, поименованный хронистом как Кокаресцемий, был захвачен, его гарнизон перебит, а женщины и дети уведены в неволю. Положение еще больше обострилось после того, как немецкий отряд под командованием графа Дитриха, предпринявший вылазку на славянскую территорию, застрял в болоте, так что, пишет Видукинд, «не было возможности ни сражаться, ни обратиться в бегство». От рук славян тогда погибли 50 тяжеловооруженных всадников. Чтобы понять значение этой потери, стоит вспомнить, что 50 таких всадников под командованием Генриха I в 929 году решили исход сражения при Ленцене, нанеся сокрушительное поражение славянам. Эти военные успехи вдохновили ободритов в 955 году на массовое восстание, к которому присоединились и вильчане. Господству немцев вот-вот должен был наступить конец.

Смелости славянам придавала весть о том, что все немецкое воинство во главе с королем двинулось на юго-восток, дабы отразить очередное вторжение мадьяр. Однако Оттон I, одер-

жав в битве на реке Лех победу над мадьярами, направился к восточным рубежам своего королевства, где маркграфы не могли самостоятельно справиться с противником. Вихман, подбивавший ободритов на восстание, был предан королевской опале, после чего король при поддержке племени руян, враждовавших с ободритами, и князя Чешского Болеслава перешел в наступление против восставших. Одного этого оказалось достаточно, чтобы те направили посольство к Оттону I с компромиссными предложениями, соглашаясь выплачивать, как и прежде, дань, если им будет позволено жить самостоятельно под властью своих князей. На это король ответил, что согласится заключить мир лишь после того, как мятежники ответят за причиненные обиды. Переговоры были сорваны, и Оттон I, полный решимости беспощадно подавить мятеж, перешел в наступление.

16 октября 955 года на территории ободритов у реки Раксы (Рекниц) произошло сражение, закончившееся жестоким поражением славян. Их предводитель князь Стойгнев был убит, а голова его выставлена на позор в поле; около 700 пленных победители обезглавили. Князь ободритов Након после гибели брата покорился немцам, а Вихман бежал к западным франкам, где продолжил вынашивать планы реванша. В результате битвы на Раксе восстание славян было подавлено, однако их воля к сопротивлению не сломлена. Вплоть до 960 года Оттон I предпринимал против них военные походы, ликвидируя одно локальное волнение за другим. В конце концов и Вихман явился к нему и присягнул на верность, хотя впоследствии и не нашел в себе сил соблюдать принесенную присягу.

В 967 году на Эльбе опять начались военные действия, после того как князь ободритов Мстивой, пришедший на смену умершему князю Накону, вступил в конфликт с Желибором, князем племени вагриев. Последний обратился с жалобой к Герману Биллунгу. Герцог рассудил спор, приговорив Желибора к уплате штрафа в размере 15 марок серебра, однако тот не подчинился, предпочтя взяться за оружие. И на этот раз в

конфликт оказался замешан старый мятежник Вихман, который воспользовался случаем для выступления против своего заклятого врага Германа Биллунга, однако опять безуспешно. Князь вагриев потерпел поражение и вынужден был передать власть над племенем сыну, признавшему над собой верховенство Мстивоя. Вихману опять пришлось бежать — на сей раз к волинянам, населявшим остров Волин. Вместе с ними он выступил против польского князя Мешко I, однако на сей раз нашел свою смерть. Видукинд Корвейский, рассказавший о том, как Вихман передал свой меч знатнейшему из врагов со словами: «Возьми этот меч и отнеси своему господину, пусть он примет его в знак своей победы и пусть передаст своему другу императору (Оттону I. — *В. Б.*)», далее назидательно резюмировал: «Таков был конец Вихмана, как и почти всех, кто поднимал оружие против императора».

Этими событиями завершился первый период вооруженной борьбы между раннефеодальным немецким государством и западными славянами, начатой Генрихом Птицеловом и продолжавшейся без малого половину столетия. В ходе этой восточной экспансии или, как ее впоследствии называли, «натиска на Восток» Оттон I принял два важнейших решения, реализация которых позволила ему укрепить свое влияние на территориях к востоку от Эльбы: учреждение в 936/937 годах пограничных областей-маркграфств под управлением Германа Биллунга и Геро Железного, что обеспечивало доминирование в военном отношении, и в 948 году двух епископств, Бранденбургского и Хафельбергского, занимавшихся христианским миссионерством среди язычников-славян и тем самым освящавших немецкое господство авторитетом церкви. Хотя сопротивление славянских племен, вылившееся в 939 и 955 годах в массовые восстания, еще продолжалось некоторое время, в 60-е годы X века их протест против чужеземного господства иссяк. На территориях к востоку от Эльбы царил покой вплоть до конца правления преемника Оттона I — его сына Оттона II.

В Италию за невестой

Каких бы успехов Оттон I ни добивался в споре с западными Каролингами за наследство Карла Великого и в осуществлении «натиска на Восток», это было лишь подготовкой к главному — походу в Рим за императорской короной. Вместе с тем уже упоминавшаяся нами борьба немецкого короля с Гуго Прованским за Бургундию (установление опеки над малолетним Конрадом, сыном покойного короля Рудольфа II), втянувшая его в конфликты в Италии и тем самым положившая начало его итальянской политике, показывает, что это направление его государственной деятельности не было продиктовано чисто субъективным намерением продолжить каролингскую традицию. Сама логика политической борьбы толкала его на этот путь. В 40-е годы участие Оттона I в итальянских делах носило преимущественно косвенный характер. Даже если ему и хотелось двинуться прямо в Рим за императорской короной, он этого не мог сделать, поглощенный иными заботами. Своеобразным катализатором итальянской политики Оттона I, знавшей периоды затишья и бурной активизации, выступал Беренгар, маркграф Ивреи — области в Северной Италии. В 941 году он прибыл в Германию просить помощи, но Оттон I не мог оказать ее, ибо ему, как заметил Лиутпранд, «препятствовали другие дела». Когда безрезультатное пребывание Беренгара в Германии затянулось, он решил вернуться на родину и без помощи Оттона I отстаивать свои интересы. В 945 году он при поддержке швабов, преодолев один из альпийских перевалов, прибыл в Италию. Там его уже ждали многочисленные сторонники, и он перешел в наступление против Гуго. Соотношение политических сил в Италии резко изменилось: Гуго, вытесненный в Прованс, был лишен власти; его сын Лотарь сохранил корону, но вынужден был заключить с Беренгаром соглашение, фактически обеспечивавшее тому господство в королевстве, реальную власть при номинальном короле.

Этому двоевластию пришел конец, когда 22 ноября 950 года Лотарь скоропостижно и безвременно, в юном возрасте, умер во время поездки в Турин. Как и следовало ожидать, пошли слухи, что короля отравили по приказу Беренгара, хотя явных улик и не было. Едва похоронили несчастного Лотаря (погребение состоялось в церкви Св. Амвросия в Милане, в которой уже покоились три правителя Италии из рода Каролингов — Пипин, Бернгард и Людовик II, король и император), как в воскресенье 15 декабря 950 года Беренгар Иврейский и его сын Адальберт были объявлены королями и коронованы в церкви Св. Михаила в Павии, древней столице лангобардских королей. Эта коронация явилась не более чем признанием фактического соотношения сил. Сам же Беренгар притязал на лангобардскую корону, будучи внуком Беренгара I, короля Италии и последнего из тех, кто после Карла Великого обладал императорской короной. Кроме того, его супруга Вилла была племянницей свергнутого короля Гуго.

Таким образом, можно было бы отместить упреки в узурпации власти, говоря о законном ее наследовании, если бы не Адельгейд, молодая вдова Лотаря. У нее было не меньше прав на престол, и она не собиралась мириться с участью низложенной королевы, тем более что среди итальянской знати многие симпатизировали ей. К тому же Адельгейд могла претендовать на власть в Италии не только как вдова короля Лотаря, но и как дочь Рудольфа II, короля Верхней Бургундии, который также был и королем Италии. Сразу после смерти супруга Адельгейд даже пыталась править как вдовствующая королева. От нее исходила реальная угроза Беренгару, и потому кажется почти необъяснимым, почему он, отобрав у нее все владения, даже личные украшения, сразу же не заключил саму ее под стражу. Встречающееся в литературе предположение, будто Беренгар намеревался сочетать браком королеву-вдову со своим сыном Адальбертом, основано на косвенных свидетельствах источников и представляется неубедительным: в этом случае следовало бы ожидать более гуманного обращения с будущей не-

весткой. Адельгейд была арестована лишь 20 апреля 951 года. Это произошло в Комо, на итальянской границе, когда стало очевидным, что королева хочет перебраться через альпийские перевалы в Швабию, куда в свое время бежал и сам Беренгар, спасаясь от гнева Гуго. Не оставалось сомнений в том, что Адельгейд, претендуя на престол, не только собирала своих сторонников в Италии, но и отправилась за помощью в Германию, где у нее были родственники и друзья. Ее бегство в Швабию означало бы для Беренгара не менее серьезные затруднения, чем те, которые он 10 лет назад сам уготовил тогдашнему правителю Италии, ища помощи у немцев. Чтобы предотвратить эту угрозу, он распорядился поместить опасную противницу, которую сопровождали служанка и священник, под надзор в одну из крепостей на севере Италии.

Имеется замечательный исторический памятник — жизнеописание Адельгейд, написанное Одилоном, аббатом Клунийского монастыря в Бургундии. Вот как рассказывается там о злоключениях будущей императрицы: «Когда же скончался Лотарь, муж ее, престолом Итальянского королевства завладел некий человек по имени Беренгар, имевший супругу по имени Вилла. Безвинно схваченная ими, Адельгейд подверглась всевозможным мучениям, будучи остриженной, битой кулаками и ногами и, наконец, заточенной в мрачную темницу с единственной служанкой; чудесным образом освободившись, позднее по Божественному устроению была вознесена до вершин императорского достоинства».

Ровно четыре месяца юная королева была лишена свободы, но все это время в разных местах хлопотали о ее спасении. Примечательно, что наладил связь с узницей и предложил ей свою помощь епископ Адельхард, который в свое время, еще будучи простым священником, помог Беренгару прибыть в Италию и за это был награжден епископством Реджо. Однако в тот момент его услуги негодились: спутникам королевы удалось организовать ее побег через подземный ход, который они прорыли. Ночью 20 августа 951 года они бежали. В пути

беглецы прятались в лесах и пещерах и даже в болотах близ Мантуи, перенося всевозможные лишения, в том числе и голод. Впрочем, дадим опять слово аббату Одилону: «В ночь же своего вызволения из темницы она попала в какое-то поросшее тростником болото, где терпеливо скрывалась дни и ночи без еды и питья, взывая к Богу о помощи. В такой опасности она пребывала, когда вдруг появился некий рыбак с нимбом, везший в челне рыбу. Увидев их, спросил, кто такие и что там делают. Они дали ему ответ, довольно подходящий сообразно бедственным обстоятельствам: «Разве не видишь, что скитаемся здесь, по людскому умыслу брошенные на произвол судьбы, но что еще хуже, подвергаемся опасностям в пустынных местах и голодаем. Если можешь, дай нам хоть немного еды, если же нет, утешь хотя бы словом». Тронутый состраданием к ним, как и сам Христос (коим и был послан) некогда сжалился над бедняками, претерпевавшими голод в пустыне, он сказал им: «Ничего у нас нет для приготовления пищи, кроме рыбы и воды». Был у него с собой огонь, как обычно у тех, кто пробавляется рыбной ловлей. И был разожжен огонь, приготовлена рыба, и королева отведала блюдо, кое подавали ей рыбак со служанкой».

В погоню за беглецами пустился во главе отряда сам Беренгар, и лишь чудом Адельгейд удалось уйти. Спустя несколько дней она была в безопасности, укрывшись за стенами города Реджо, а затем в неприступной крепости Каносса.

Между тем сторонники Адельгейд (а по некоторым сведениям и она сама лично) обратились за помощью к Оттону I. Тот быстро сориентировался в обстановке, посчитав это хорошим поводом для вмешательства в итальянские дела. Прийти на выручку притесняемой вдове само по себе было благим делом, не требовавшим дополнительного оправдания. Более того, Оттон I, дорожа своей репутацией, просто не мог отказаться, и его первый итальянский поход начался под лозунгом защиты свободы и прав прекрасной молодой вдовы. Росвита Гандерсгеймская, как и подобает поэтессе, живописно изобразила, с

каким чувством Оттон I отнесся к просьбе Адельгейд: он будто бы давно уже обдумывал, как бы снискать благосклонность этой дамы, мечтая о ней бессонными ночами. Видукинд Корвейский, отнюдь не одобрявший итальянскую политику короля, дал совершенно убийственную характеристику Беренгару: «В то время, захватив власть, в Лангобардии правил Беренгар, человек жестокий и алчный, за деньги продававший правосудие». Судя по тому, с какой легкостью удалось Оттону I изгнать Беренгара, хронист был прав: очевидно, Беренгар не пользовался в Италии широкой поддержкой. Из двух претендентов на корону Лангобардского королевства более достойным представлялся немецкий король.

Теперь итальянская политика Оттона I вступила в новую фазу: он решает установить свою власть в Италии. Призыв о помощи был для него, разумеется, не более чем поводом. Решающее значение имели иные мотивы. Для Оттона важнее было спасти свой королевский авторитет, ущерб которому причинил Беренгар, нарушив вассальную присягу 941 года, и перехватить инициативу у южногерманских герцогов, совершавших походы в Италию. Руководствуясь соображениями большой политики, он вместе с тем следовал и примеру своих предшественников, восточнофранкского короля и императора Арнульфа Каринтийского, но особенно — Карла Великого, которые указывали ему путь в Италию, дабы овладеть ее землями и короной Итальянского королевства, а затем — в Рим за императорской короной. Силой традиции как побудительного мотива нельзя было пренебречь. Мы не знаем, сколь далеко уже тогда простирались его планы, однако вполне можем предположить, что, как и все мастера политики, каким он, несомненно являлся, Оттон I важнейшие решения принимал оперативно, исходя из сложившейся обстановки.

В Италию его влекла не только надежда стать императором, но и потребность внутреннего сплочения государства. Самостоятельная политика в Италии, которую издавна проводили герцоги Баварии и Швабии, серьезно угрожала целостности

королевства. Вопрос даже не в том, насколько успешной была итальянская политика герцогов (а именно на ее неуспешность упирают авторы, отрицающие этот довод в пользу итальянских походов Оттона I) — важно, что при Генрихе I и Оттоне I она имела место, являясь опасным наследием кризиса королевства при Конраде I. Обращение Оттона I к итальянской политике означало сознательное отрицание им права герцогов на проведение внешней политики, независимой от центральной королевской власти, установление своей монополии на внешнюю политику. Вместе с тем стремление герцогов Баварии и Швабии в Италию доказывает, сколь притягательна для немцев была эта страна, причем не только для короля, но и для южногерманской знати, раньше его открывшей туда путь для себя.

От внимания Оттона I не ускользнуло, что именно в Швабии Беренгару был оказан теплый прием и что не без помощи швабов он вернулся, вопреки его воле, в Италию. Не меняло дела и то, что в 951 году, к моменту похода в Италию, герцогом Швабии был его сын Лиудольф, а Баварии — брат Генрих. Порой с большим трудом Оттону I удавалось сладить даже с ближайшими родственниками. В одной из хроник того времени рассказывается о том, как Лиудольф, якобы желая угодить отцу, со своими швабами двинулся в Италию до него и без его ведома. Но герцог Баварии Генрих опередил племянника: через своих агентов он так настроил итальянцев против Лиудольфа, «что ни города, ни замки, вскоре раскрывшие ворота королевским хлебопекам и поварам, не отворились сыну короля».

Это единственное сообщение источников о самовольном походе Лиудольфа за Альпы, к сожалению, ничего не говорит о его причинах и о подоплеке соперничества герцогов. То и другое приходится реконструировать в качестве гипотез. Стремление Лиудольфа опередить отца могло быть продиктовано его собственными притязаниями на Италию, поскольку его супруга Ида состояла в родстве не только с итальянскими Ка-

ролингами, но и с вдовствующей королевой Адельгейд, мать которой, королева Берта, была дочерью герцога Бурхарда I Швабского и его супруги Регинлинды, которая во втором браке была замужем за преемником Бурхарда, герцогом Германом I Швабским, от которого родила дочь Иду — супругу Лиудольфа. Ида и Берта были, таким образом, сводными сестрами, а сам Лиудольф — дядей Адельгейд (будучи при этом ее ровесником, что давало повод для шуток). Возможно, он считал, что женитьба на родственнице итальянских Каролингов и маркграфов Фриульских позволяет ему претендовать на корону Итальянского королевства и, соответственно, дает право на вторжение в Италию. Поскольку герцог Баварии Генрих имел свои интересы в Италии (в частности, притязание на Фриуль), он помешал Лиудольфу, что послужило началом вражды между ними.

Швабских и баварских феодалов многое влекло в Италию, и они в любом случае пошли бы туда, с королем во главе или без него, создавая угрозу развала еще не окрепшего Германского королевства. С меньшим энтузиазмом, порой даже враждебно, относились к итальянскому предприятию Оттона I в его родной Саксонии. И все же саксонских феодалов было легче увлечь возможностью пожить в Италии, чем вести швабов в баварцев воевать с язычниками — датчанами и славянами. И Оттон I берет инициативу в свои руки, сам возглавляет военный поход, сплачивая единой целью потенциальных соперников, становящихся его помощниками. К тому времени он уже три года был вдовцом, и перспектива женитьбы на 20-летней королеве представлялась весьма заманчивой.

Источники прямо называют цели похода Оттона I в Италию: «освободить Адельгейд, вступить с нею в брак и вместе с ней приобрести Итальянское королевство». Господство в Италии, в свою очередь, должно было стать предпосылкой и основанием для обретения императорской короны. Очевидно, не один только автор процитированной хроники понимал, зачем Оттон I отправился в Италию и что у него было на уме. И тем не

менее Видукинд Корвейский пытается представить дело так, будто Оттон I хотел скрыть истинные цели: «И поскольку ему хорошо были известны достоинства королевы, он решил отправиться под видом паломничества в Рим». Была ли у Оттона I причина скрывать свои истинные намерения? Видимо, да. Может быть, он хотел до поры до времени утаить свое желание вступить в брак с Адельгейд, прежде всего от Беренгара, а также и от сына Лиудольфа, который, возможно, не знал о планах отца или до последней минуты не верил в их осуществление. Когда все же это случилось, пишет Видукинд, «Лиудольф в печали покинул короля и отправился в Саксонию», причем «не спросясь» его. Незадолго перед тем, как отправиться в итальянский поход, Оттон I официально назначил Лиудольфа своим преемником в Германском королевстве, поэтому женитьбу отца тот воспринял очень болезненно, усматривая в ней угрозу своим наследственным правам. В этом заключался зародыш будущего конфликта между отцом и сыном. Лангобардская свадьба Оттона I послужила если и не главной, то одной из причин смуты в Германии, известной как восстание Лиудольфа 953/954 годов.

Что касается исполнения намерений самого короля, то его поход 951 года в Италию на первых порах был исключительно успешен. Он выступил в путь с большим войском. С ним были его братья Генрих, герцог Баварии, и Бруно, возглавлявший тогда королевскую канцелярию, а также его доблестный зять Конрад, герцог Лотарингский, архиепископы Майнцский и Трирский, несколько епископов и множество других представителей знати королевства. На подступах к Италии присоединился к нему и сын Лиудольф, незадолго перед этим потерпевший фиаско в своем стремлении опередить всех. Уже самый состав войска Оттона I должен был показать итальянцам, что они имеют дело не с военной авантюрой, а с хорошо подготовленной крупномасштабной акцией. Местные магнаты толпами перебежали на его сторону в надежде извлечь выгоду от перемены господина. Беренгар бежал, не оказав сопротив-

ления, и укрылся в крепости Сан-Марино. Власть Оттона I признали всюду севернее Апеннин, кроме Равенны. Примечательно, что в этом походе наилучшими помощниками оказались его соперники по итальянской политике — баварцы. Этот факт не ускользнул от внимания современников, и в анналах епископства Пассау сохранилась следующая запись: «Король Оттон покорил Италию благодаря баварцам». Не следует усматривать в этом преувеличение, обусловленное региональным патриотизмом. Оттон I и сам высоко оценил заслуги герцога Баварии Генриха, некогда мятежного, а ныне верного брата, присоединив к его владениям маркграфства Истрию, Аквилею, Верону и Тренто.

23 сентября 951 года Оттон I победителем вступил в столицу Лангобардского королевства Павию, на время ставшую его главной резиденцией. Он решил пока не преследовать Беренгара, зато направил своих представителей во главе с братом, герцогом Баварии Генрихом, в Каноссу к Адельгейд, дабы официально просить ее руки. Ради обретения благосклонности королевы ей были преподнесены богатые дары. Впоследствии Адельгейд будут связывать с Оттоном I искренние чувства, но пока что имело место взаимное желание заключить брак по расчету. Тот факт, что Оттон I, преодолев Альпы через перевал Бреннер, сразу же направился в Павию, доказывает, что для него в первую очередь было важно установить господство над Лангобардским королевством и уж во вторую — спасти Адельгейд. Впрочем, спешить в Каноссу не было особой нужды, поскольку Оттон наверняка знал, что королева уже спаслась и находится в безопасности.

Невеста сама прибыла в Павию, где и отпраздновали пышную свадьбу. 9 октября 951 года столица Лангобардского королевства с раннего утра огласилась звоном колоколов базилики Сан-Микеле (Святого Михаила), возвещавших народу о венчании их королевы Адельгейд с правителем Германии Оттоном I. Второй раз Адельгейд преклоняла колени на холодный камень центрального нефа этого храма, дабы голова ее

увенчалась супружеским венцом: четыре года назад здесь же был освящен ее брак с королем Лотарем. Теперь сама Адельгейд в качестве приданого принесла новому супругу корону Италии. В ответ Оттон I подтвердил права Адельгейд на все, что она унаследовала в Италии как вдова Лотаря, дополнительно к этому пожаловав ей обширные владения в Эльзасе, Франконии, Тюрингии, Саксонии и в землях полабских славян. Адельгейд стала богатейшей женщиной в Европе.

Заметим, кстати, что брак с Адельгейд все же не был безусловно необходим для Оттона I: рассматривая себя наследником Каролингов и их имперской традиции, германский король претендовал и на власть в их бывшей сфере влияния, подтвердив это своим походом за Альпы. Однако Оттон I, видимо, считал более целесообразным использовать в собственных интересах авторитет, коим Адельгейд обладала в Италии: заключив с ней брак, он устранял потенциальную угрозу для своей власти в этой стране.

Павия фигурирует и как место составления дарственных королевских грамот, пожалованных Оттоном I в сентябре 951-го — феврале 952 года. Он действует как хозяин в своей разнородной державе, и география дарений охватывает области, лишь недавно признавшие его власть: Лотарингию, Швабию, Баварию и особенно Италию. Все без исключения пожалования, сделанные в Италии, адресованы церкви. Оттон I убедительно демонстрирует, что в Италию он пришел как защитник церкви, и этот аспект его итальянской политики является продолжением проводившейся в Германии политики церковной. Источники ничего не сообщают о коронации Оттона I в Павии (коронации как таковой, вероятнее всего, и не было). Свои притязания на господство в Италии он основывал или на одной только присяге итальянских феодалов или же на том, что он действовал в качестве преемника правителей Восточно-Франкского королевства, рассматривал эту страну как свою особую сферу интересов в рамках бывшей Каролингской империи. Тем не менее к формуле датировки его грамот добавля-

ется новый элемент: «в первый год нашего правления в Италии». Претерпевает изменение и его королевский титул: по каролингской традиции, как некогда Карл Великий, он величает себя «королем франков и лангобардов», а затем и «королем франков и итальянцев».

Для полноты успеха Оттону I недоставало лишь императорской короны, ради которой он прибыл в Италию. Замена в королевском титуле «лангобардов» на «итальянцев» не была случайна: второе понятие расширяло политический горизонт, включая в себя помимо Северной еще и Центральную Италию с Римом. Как и для Карла Великого в свое время, для Оттона I завоевание Лангобардского королевства явилось этапом, предшествовавшим обретению императорской короны. Став верховным сувереном двух королевств сразу, он фактически уже занял положение императора, гегемона, ибо, как мы знаем, императором в то время называли повелителя двух или более королевств одновременно.

Следующим шагом Оттона I и явилось направление в Рим посольства во главе с архиепископом Майнцским Фридрихом, первым среди князей церкви его королевства, прибытие которого в Италию в составе немецкого войска теперь получило объяснение. Фридрих должен был вести переговоры с папой римским об императорской коронации Оттона I. Переговоры ни к чему не привели: в Риме решал не папа римский, а уже упоминавшийся нами Альберик, все еще державший в руках бразды правления. Трудно сказать, в какой мере ответственность за провал миссии лежала на архиепископе Фридрихе, но с того времени он впал в большую немилость у Оттона I.

Можно было попытаться силой оружия добыть императорскую корону (на что толкали его горячие головы из ближайшего окружения), но Оттон I этого не сделал, хотя и опирался на поддержку своего войска и значительной части ломбардской знати. Он не пустился на такую авантюру, имея у себя в тылу пусть и отступившего, но не покорившегося Беренгара. Была и еще одна, возможно, более веская причина соблюдать

осмотрительность: обиженный сын Лиудольф вместе с оскорбленным архиепископом Фридрихом покинули Павию и отправились в Саксонию. Рождество 951 года они вместе праздновали в Заальфельде, где в 939 году уже родился заговор против Оттона I, активным участником которого был все тот же архиепископ Фридрих. Заальфельд, расположенный в горном массиве Тюрингский Лес, являлся традиционным местом сбора заговорщиков во время всех мятежей против короля в оттоновский период. И на сей раз, как доносили Оттону I, туда стали стекаться их многочисленные сторонники. Ситуация в Саксонии вынуждала отказаться и от похода на Рим, и от продолжения преследования Беренгара. Надо было возвращаться в Германию.

Но Рождество 951 года и новый, 952 год Оттон I встретил еще в Павии. Затем, уже приняв решение о возвращении на родину, он посетил несколько городов Ломбардии, в том числе и Милан, где ввел в обращение новую монету. Покидая Павию, он оставил там своим наместником зятя, герцога Лотарингии Конрада, дабы тот завершил борьбу против Беренгара. В феврале 952 года Оттон I отправился восвояси без императорской короны, но с важным приобретением — молодой женой, новой королевой Германии. В дарственной грамоте, составленной еще в Павии и пожалованной 6 февраля 952 года монастырю Св. Сикста в Пьяченце, он фигурирует уже просто как «милостью Божией король», без притязания на Италию, Рим и императорскую корону. Его первый поход в Италию закончился полууспехом. Уже покидая пределы страны, 15 февраля 952 года в Комо, на границе Италии, он «по ходатайству и просьбе дорогой супруги Адельгейд» пожаловал монастырю Св. Амвросия в Милане, где был похоронен ее первый муж Лотарь, многочисленные строения на рыночной площади. Это было первое документальное свидетельство об участии в государственных делах королевы Адельгейд, которая сыграла заметную роль в истории Германии второй половины X века.

Новые осложнения

В Германию Оттон I возвращался через Комо и Септимер, очевидно, чтобы чрезмерно не обременять поборами жителей тех мест, по которым он прошел, направляясь с войском в Италию. 1 марта 952 года он уже был в Цюрихе. Далее вниз по Рейну его путь лежал в Саксонию. Пасху (18 апреля) он отпраздновал в Магдебурге, где пробыл до конца июня. А между тем в Италии происходило не то, на что рассчитывал король. Конрад по ему одному известным причинам вместо того, чтобы продолжать, как было велено, борьбу против Беренгара, предпочел договориться с ним. Миролюбие королевского наместника могло объясняться и искренним желанием Беренгара любовно уладить конфликт, признав Оттона I своим сюзереном. Последующий ход событий дает право на такое предположение, и хотя в конце концов маркграф Иврейский опять стал врагом немецкого короля, на то были свои особые причины. Беренгар прибыл в Павию, где они с Конрадом решили вместе отправиться в Саксонию, дабы там оговорить с Оттоном I условия, на которых ему покорится поверженный противник. Наверняка Конрад дал Беренгару предварительные заверения, без которых тот едва ли отправился бы в дальний путь.

Они застали Оттона I в Магдебурге, где их ожидало первое разочарование. Беренгар хотя и был торжественно встречен знатью королевства еще за три мили от города, однако ни короля, ни королевы в тот день не увидел. Его даже не приняли в королевской резиденции, препроводив в специально приготовленное для него жилище, где он вынужден был трое суток ждать аудиенции у короля. Можно понять и Оттона I, и особенно Адельгейд, не желавших с распростертыми объятиями принимать недавнего врага, и тем не менее Конрад почувствовал себя оскорбленным, усматривая в этом неуважение к себе как поручителю и посреднику. Еще одним недовольным стало больше; впоследствии он сблизится с Лиудольфом и архиепископом Фридрихом, завершив тем самым формирование три-

умвирата главных заговорщиков, поднявших восстание против короля. Наконец обещанная встреча состоялась, и Беренгару удалось получить прощение не только у Оттона I, но и у Адельгейд, хотя окончательного ответа относительно условий его дальнейшего пребывания в Италии ему тогда не дали. Этот вопрос предполагалось решить на рейхстаге в Аугсбурге, намеченном на август. Вину за столь нежелательный для него оборот дела Конрад возложил на своего прежнего друга, герцога Генриха, младшего брата Оттона I, становившегося фаворитом королевской четы, оттесняя на задний план всех мечтавших о влиянии при дворе. Беренгару было милостиво позволено пока вернуться домой, но сложилось мнение, нашедшее выражение в одной из хроник того времени, что он возвращался не с тем, ради чего приезжал и на что рассчитывал: «однако он не получил ничего из того, чего желал... в Италию вернулся, едва выпросив себе жизнь и родину».

В начале августа 952 года Оттон I провел в Аугсбурге синод и рейхстаг с участием многочисленных иерархов церкви и светских магнатов. Аугсбург был не в состоянии принять такое количество знатных гостей, и они со своими свитами разместились лагерем южнее города на просторном поле по берегу реки Лех (запомним этот берег, ибо скоро здесь состоится совсем иного рода встреча). Присутствовал и сын Оттона I Лиудольф, в свое время обиженным удалившийся из Италии, вопреки воле отца. Возможно, они тогда временно примирились, судя по тому, что 9 августа того года Оттон I пожаловал по ходатайству «любезного нашего сына Лиудольфа» дарственную грамоту одному из монастырей. Король был склонен прощать своим близким, хотя зачастую и не встречал в этом отношении взаимности. Прибыли для решения своей участи короли Беренгар и сын его Адальберт. Присутствовали представители высшего духовенства из Германии и Италии: архиепископы Фридрих Майнцский, Герольд Зальцбургский, Манассе Миланский и Петр Равеннский, а также 21 немецкий и итальянский епископ. Над участниками синода витала старая

каролингская идея универсального государства, объемлющего в своих пределах многие христианские народы, и лейтмотивом выступлений стала забота о «состоянии христианской империи», о «благе всего христианства». Были приняты и решения, касающиеся внутрицерковной дисциплины. Подобно тому как некогда Константин Великий председательствовал на собраниях духовенства, душой синода был Оттон I. Он направлял ход совещания, и с его одобрения записывались постановления. Признали его право повелевать не только в государстве, но и в церкви, становившейся опорой германского короля.

Не менее важные решения приняли на рейхстаге. Беренгар и Адальберт принесли Оттону I вассальную присягу, получив за это в лен Итальянское королевство и золотой скипетр как символ власти. Из самовластного государя Беренгар превратился в ленника немецкого короля. В обмен на признание своего верховенства Оттон I пожаловал ему и его сыну в непосредственное управление Италию. Кроме того, они должны были уплачивать ежегодную дань (ее размер нам неизвестен, но, как заметила Росвита Гандерсгеймская, Беренгар купил королевство дорогой ценой) и уступить Баварии марки Верону и Аквилею, то есть все бывшее маркграфство Фриуль, с Истрией. Благодаря этому путь в Италию должен был оставаться открытым для немцев, когда бы они ни пожелали появиться там.

Аугсбургский рейхстаг лишь на время урегулировал конфликт, посеяв, незаметно для его участников, семена нового, более продолжительного и кровавого раздора. Слишком противоречивым оказалось положение Беренгара, ставшего теперь и королем, и зависимым человеком, вассалом Оттона I. Для самолюбия строптивого итальянца это было нестерпимо. Подвластный ему народ в полной мере испытал на себе его недовольство, вызванное унижением, которое приходилось ему сносить. Как отметил хронист, ненависть и враждебность Беренгара испытали на себе епископы, графы и прочие магнаты Италии, на которых он вымещал свою злобу. Упомянутыми епископами и графами, скорее всего, были те, кто в свое время

оказал поддержку Оттону I; они и подверглись преследованиям со стороны мстительного вассала немецкого короля.

Если сам Беренгар приобрел королевство ценой большой моральной жертвы, то его подданным пришлось раскошелиться, терпя все новые и новые денежные поборы. Он объяснял это необходимостью платить дань Оттону I, но, как выяснилось, не забывал и себя. Ради денег он не останавливался ни перед чем, попирая законы и обычаи и покушаясь даже на собственность Святого Престола. Еще более жадной и жестокосердной была его жена, злая Вилла, из-за которой, как свидетельствуют современники, его еще больше ненавидели. Тем самым Беренгар подрывал репутацию Оттона I, который не только не требовал от него поступать подобным образом, но и, как писала Росвита, вменил ему в обязанность более мягкое, чем прежде, управление народом. Оттон был обязан вмешаться и призвать к порядку зарвавшегося вассала, однако внутри-германская смута 953/954 годов, вошедшая в историю как восстание Лиудольфа, а также возобновившиеся набеги мадьяр надолго отвлекли его внимание от Италии. Вынужденная пауза в итальянской политике Оттона I позволила Беренгару фактически освободиться от вассальной зависимости.

Восстание Лиудольфа — последнее испытание для королевской власти Оттона I, крупный политический кризис, вызванный личными корыстными мотивами его противников. В конце 952 года у Оттона I и его новой супруги родился первенец, нареченный Генрихом. Ходили упорные слухи, что он был объявлен наследником престола, хотя в действительности младенец вскоре умер. Не менее упорно распространялась и молва о том, что против короля его сын и зять готовят заговор. Поэтому Оттон вопреки первоначальному намерению решил праздновать Пасху 953 года не в пфальце (королевской резиденции) Ингельхайм, лишенном надежных укреплений, а в хорошо защищенном Майнце. Архиепископ Майнцский Фридрих, состоявший в сговоре с мятежниками, принял его весьма неохотно. Вскоре туда прибыли Лиудольф с Конрадом, с на-

пускным смирением заявившие королю, что ничего не замышляют против него, но если бы его брат Генрих появился на Пасху в Ингельхайме, они схватили бы его. Однако, несмотря на заверения в лояльности, заговорщики принудили короля заключить с ними некое (в точности не знаем, какое именно) весьма неприятное для него соглашение.

Складывалась совсем не праздничная обстановка, и Оттон I предпочел перебраться на Пасху в Дортмунд, где был сердечно встречен своей матерью Матильдой. Вновь обретя на родине монарший авторитет, почти утраченный во Франконии, и ободренный присутствием друзей и родственников, Оттон I объявил недействительным договор, навязанный ему в Майнце. Однако присутствовавший при этом архиепископ Фридрих, по свидетельству Видукинда Корвейского, стал будто бы в интересах мира и согласия защищать не только этот договор, но и прежние соглашения. Здесь могло иметься в виду и соглашение, заключенное в 939 году тем же архиепископом Майнцским Фридрихом с Генрихом, мятежным братом короля. Эти договоры, очевидно, предполагали равное право герцогов и короля участвовать в управлении государством и заключать в случае необходимости соглашения в качестве равноправных партнеров. Оттон I решительно отвергал это, желая быть выше князей. Лиудольф и Конрад потому и ополчились против Генриха Баварского, что король, отдавая ему предпочтение, нарушал право остальных герцогов на равное участие в решении государственных дел.

После того как эта попытка достичь соглашения не увенчалась успехом, разразился военный конфликт. Король выступил против мятежников, засевших в Майнце, и осаждал город в течение двух месяцев. В это время круг противников Оттона I все более ширился, захватив и некогда правивший в Баварии род Лиутпольдингов. Последние проявляли недовольство чужим для них герцогом Генрихом, хотя тот и породнился с ними, женившись в свое время на их родственнице Юдит. Они не остановились даже перед тем, чтобы изгнать родную сест-

ру, супругу ненавистного герцога, вместе с ее малолетними детьми. Начались проявления недовольства и в самом войске короля, что вынудило Оттона вновь пойти на переговоры. Лиудольф и Конрад прибыли к нему с заверениями, что никогда не предпринимали и не собирались предпринимать что-либо против него. Оттон I будто бы не мог доказать их вину и потому не имел законных оснований для принятия против них решительных мер. Он лишь потребовал выдать соучастников, но получил отказ, и переговоры снова закончились безрезультатно.

Лиудольф со своими сторонниками укрылся за стенами Регенсбурга. Оттон I приступил к осаде, однако в конце 953 года был вынужден прекратить ее, не добившись успеха. Его положение в тот момент казалось критическим: мятеж охватил все королевство, и даже в родной Саксонии зрело недовольство. Но именно в этот момент и наметилась перемена в его пользу, происшедшая в результате, казалось бы, незначительного сражения. Когда пфальцграф Арнульф, брат Юдит, супруги Генриха Баварского, осадил верного сторонника Оттона I епископа Аугсбургского Ульриха и уже почти что принудил его к капитуляции, к тому неожиданно пришло подкрепление. В результате Арнульф был внезапно атакован и разгромлен. Следующий, 954 год ознаменовался окончательной победой короля над мятежниками.

В самый разгар восстания, поднятого против него сыном и зятем, Оттон I сумел опереться на другого своего ближайшего родственника — младшего брата Бруно. Тот с четырех лет был предназначен для духовного служения и потому получил хорошее образование, изучив даже греческий язык. Бруно едва исполнилось 14 лет, когда Оттон I поручил ему заведование королевской канцелярией. Примечательно, что это было во время мятежа Генриха, Эберхарда и Гизельберта, когда король особенно нуждался в преданных ему и толковых людях. Несмотря на юный возраст, Бруно успешно исполнял ответственную должность, во главе канцелярии сопровождая старше-

го брата в его военных походах. В качестве канцлера он являлся личным секретарем и ближайшим советником короля, через его руки проходили все документы. Поскольку делопроизводство велось на латинском языке, которым Оттон I не владел, Бруно состоял при нем и переводчиком, сделавшись незаменимым человеком.

В период заведования канцелярией Бруно практически постоянно находился при королевском дворе. Он сопровождал Оттона I и в его первом итальянском походе, заслужив право называться эрцканцлером королевства. Во время восстания Лиудольфа Бруно неоднократно выступал посредником между конфликтующими сторонами. Биограф Бруно Руотгер рассказывает, как в ходе осады Майнца Бруно встретился с Лиудольфом и увещевал его, напоминая ему о почтенном возрасте отца, об отеческой любви, которую тот испытал с младенческих лет, о том, что проступок против отца равнозначен преступлению против Бога. Таким образом, восстание Лиудольфа против короля здесь представлено как конфликт в семействе Лиудольфингов, который мог быть улажен благодаря посреднической миссии Бруно. Обращает на себя внимание и то, что в политической мысли эпохи Оттонов особое, можно сказать центральное место в государстве отводится королевской семье: нарушение сыновнего долга перед отцом, главой этой семьи, равнозначно государственной измене.

В 953 году Бруно, благодаря Оттону I, становится герцогом Лотарингии и архиепископом Кёльнским. Перед ним была поставлена задача сохранить это герцогство в составе Германского королевства, и он с ней успешно справился. Еще не бывало, чтобы один человек совмещал обязанности архиепископа с властью над целым герцогством. Подобное исключение могло быть сделано только для брата короля. Бруно удалось привлечь на свою сторону значительную часть лотарингской знати, многие представители которой служили при нем в качестве советников. При этом он умело использовал враждебное отношение крупных феодалов Лотарингии к герцогу Конраду,

бунтовавшему против короля. Он даже сумел лично встретиться с Конрадом и убедить его, что тот ведет борьбу не против Генриха Баварского, а против самого короля, после чего мятежный зять стал искать примирения с тестем.

Перемена в 954 году настроений в королевстве в пользу Оттона I произошла во многом благодаря обострению внешней угрозы. Венгры воспользовались внутренним раздором в Германии для возобновления набегов. Оба руководителя мятежа, Лиудольф и Конрад, постарались задобрить их «подарками», чтобы уберечь собственные владения от разграбления и направить орды дальше на запад. И все же, несмотря на эти меры предосторожности, немецкие земли подверглись страшным грабёжам, ответственность за которые люди возлагали на упомянутых герцогов. Когда Оттон I с войском прибыл в Баварию, он не встретил ни малейшего сопротивления. Как пишет Видукинд, баварцы, измученные внутренней и внешней войной, вынуждены были договариваться о мире.

Заключив перемирие, противники встретились для переговоров неподалеку от современного Нюрнберга. Присутствовали основные участники конфликта: с одной стороны Оттон I и герцог Баварский Генрих, а с другой — Лиудольф, Конрад и архиепископ Майнцский Фридрих, который, правда, и так не участвовал в открытой борьбе, с начала военных действий удалившись от дел. Король на этот раз не стал требовать выдачи сообщников, после чего Конрад перешел на его сторону. Архиепископ Фридрих заверил, что никогда не замышлял дурного против короля, и получил прощение. Только два наиболее непримиримых противника, Лиудольф и Генрих, пустились в перебранку, обвиняя друг друга в приглашении в страну венгров. Ближайшей же ночью Лиудольф покинул со своими сторонниками место переговоров, направившись в Регенсбург. Оттон I, очевидно, не имел возможности начать против непокорного сына судебный процесс, чтобы затем покарать его. Конрад же был наказан лишением герцогства Лотаринг-

ского, но сохранил при этом ранг герцога, став, таким образом, первым в немецкой истории титулярным герцогом.

Лиудольф в одиночку продолжил сопротивление против отца. Поскольку сам Оттон I возвратился в Саксонию, борьбу против мятежного племянника вел Генрих Баварский. Наконец Лиудольф тайком (возможно, Генрих сделал вид, что не заметил) отправился к отцу, бросился ему в ноги и вымолил прощение, обещая впредь повиноваться отеческой воле.

Окончательный мир между королем и мятежниками был заключен в декабре 954 года на рейхстаге в Арнштадте, в тюрингских владениях Оттона I. Лиудольф и Конрад, лишившись герцогств, тем не менее сохранили свои аллоды (наследственные земельные владения). Новым герцогом Швабии стал Бурхард, женатый на Хадвиг, дочери Генриха Баварского, то есть также представитель оттоновского семейства. Была еще раз подтверждена передача Лотарингии в управление королевскому брату, архиепископу Кёльнскому Бруно. Конрад Красный, оставаясь в последующие месяцы в окружении короля, свой проступок искупил ценой собственной жизни, менее чем через год пав смертью храбрых в битве на реке Лех.

На том же рейхстаге приняли и еще одно важное решение: старший, незаконнорожденный сын Оттона I Вильгельм был назначен архиепископом Майнцским, поскольку Фридрих, доставивший королю столько беспокойства, незадолго перед этим умер. Назначение Вильгельма не встретило серьезных возражений со стороны участников рейхстага, что свидетельствовало об упрочении авторитета Оттона I после ликвидации недавнего мятежа. Однако едва ли оно может быть признано бесспорным его успехом. Добиваясь назначения своего сына на место покойного Фридриха, много лет служившего дестабилизирующим фактором в королевстве, Оттон, очевидно, рассчитывал получить надежного помощника в проведении своей политики, каким был Бруно. Однако Вильгельм, хотя никогда не выступал открыто против отца и успешно справлялся со своими прямыми обязанностями, не был и послуш-

ным исполнителем отцовской воли. Отношения между ними порой становились весьма напряженными, особенно по вопросу об учреждении архиепископства Магдебургского, в чем архиепископ Майнцский усматривал ограничение собственного влияния. Лишь после смерти Вильгельма Оттон I сумел исполнить эту мечту своей жизни.

Посольство в Кордовский халифат

О месте и роли государства Оттона I в системе международных отношений той эпохи позволяет судить любопытный эпизод из жизнеописания Иоанна, аббата монастыря Горце в Лотарингии, побывавшего с дипломатической миссией при дворе кордовского халифа. В середине X века мусульманская Испания, называвшаяся по имени столицы государства Кордовским халифатом, была одной из наиболее развитых в экономическом и культурном отношении стран Средиземноморья. Время наивысшего расцвета халифата связано с именем Абдаррахмана III (912–961). За короткое время он сумел ликвидировать царившую до него раздробленность и создать строго централизованное государство. Успехи Абдаррахмана III привлекли к нему внимание всей Европы и вызвали у правителей других стран потребность искать политического союза с ним.

В связи с этим понятна попытка установления дипломатических отношений между королем Германии Оттоном I и правителем Кордовского халифата. Примечательно, что инициатором выступил Абдаррахман III. Очевидно, в конце 950 года он направил посольство ко двору Оттона I, прибывшее в первые месяцы следующего года в лотарингский город Туль. Остается лишь гадать, какие именно цели преследовал Абдаррахман III, поскольку в единственном источнике — упомянутом жизнеописании, об этом не говорится ни слова, а просто утверждается, что послы были привлечены славой и великими деяниями Оттона I. Эти хвалебные слова из жизнеописания аббата Иоанна правдивы в том отношении, что король Германии к тому времени получил достаточно широкую известность своими решительными действиями как внутри страны, так и

во взаимоотношениях с соседними государствами, в частности той ролью, которую он стал играть в Бургундии и Северной Италии. Будучи проницательным и дальновидным политиком, Абдаррахман III решил делать ставку на Оттона I, а не на Беренгара, присвоившего корону Итальянского королевства. Основанием для политического союза могло стать наличие общего противника в лице шиитского халифата Фатимидов, утвердившегося в Северной Африке и враждовавшего с суннитами Омейядами Кордовского халифата. Поскольку Фатимиды претендовали и на господство в Южной Италии, они неизбежно должны были рано или поздно столкнуться с правителем Германии, приступившим к активному проведению своей итальянской политики.

Угадав именно такое развитие событий и усмотрев в нем предпосылку для сотрудничества, Абдаррахман III направил ко двору Оттона I посольство, поставив во главе его епископа, своего подданного из числа христиан-мосарабов — покоренных арабами вестготов, хотя и сохранивших христианскую веру, но в результате тесного общения с мусульманами усвоивших арабский язык и обычаи. Прибыв, посольство передало королю в знак уважения дорогие подарки, а также письмо от своего повелителя, которое, однако, вызвало недовольство получателя. Дело в том, что в некоторых содержащихся в нем выражениях Оттон I усмотрел оскорбительные нападки на христианскую веру, которых там наверняка не было — неужели для этого халиф направил посольство во главе с христианином-епископом? Вероятнее всего, произошло недоразумение, обусловленное неумением королевской канцелярии общаться с мусульманами, хотя канцлером тогда был брат короля Бруно, считавшийся, благодаря знанию греческого языка, широко образованным человеком. За поношение христианской веры вполне могли принять само титулование халифа, а также непременно присутствовавшие в официальных документах цитаты из Корана. По этой причине, а также и потому, что халиф в глазах Оттона I и его советников был «правитель свято-

татственный и нечестивый, ибо сарацин», с послами обошлись крайне нелюбезно, три года продержав их в Германии на положении пленников.

Возможно, послание Абдаррахмана III, имевшее своей целью лишь заявить о дружественных намерениях, не содержало конкретных политических предложений, способных заинтересовать Оттона I, в то время как раз собиравшегося совершить свой первый поход в Италию и уже лелеявшего мечту об императорской короне. Лишь после возвращения на родину и преодоления внутренней смуты, вызванной восстанием его сына Лиудольфа, он нашел время довести до конца дело, связанное с посольством. Оттон I решил направить к Абдаррахману свое посольство, дабы, во-первых, достойным образом ответить на содержащиеся в письме, как он полагал, выпады против христианства и, во-вторых, попытаться привлечь халифа к совместной борьбе против угрозы, вот уже более полувека исходившей для христианских стран, и прежде всего для Италии, которую он только что подчинил своей власти — против арабов, засевших в крепости Фраксинет (северо-западнее местечка Сен-Тропез на юге современной Франции) и державших под своим контролем всю западную половину Альп. Как тогда полагали, эти пираты-мусульмане, в свое время прибывшие из Испании, признавали верховную власть Абдаррахмана III, и Оттон I надеялся с помощью посольства убедить халифа отозвать назад этот форпост ислама. Во всяком случае, стоило попытаться, посмотреть, как в Кордове отнесутся к этому намерению.

Оттон I дал своему брату Бруно поручение найти людей, которые не побоялись бы взяться за выполнение этого опасного задания. Долгое время поиски были тщетными, поскольку никто не хотел подвергать себя тяготам рискованного путешествия. Наконец некий монах монастыря Горце в Лотарингии по имени Иоанн добровольно вызвался во имя веры претерпеть любые опасности. Ему тогда уже перевалило за 50 лет (возраст, в котором благочестивые христиане больше думали о

спасении души, нежели о продлении дней бренного существования), и его страстным желанием было завершить свой земной путь, приняв смерть мученика за веру. Поездка к сарацинам, полагал он, обеспечит ему такой исход. Это в полной мере соответствовало общему умонастроению, царившему тогда в христианской Европе, видевшей в мусульманах злейших врагов. Иоанну и доверили ответственное поручение, дав ему в попутчики купца из Вердена, неоднократно уже бывавшего по торговым делам за Пиренеями, а также монаха, сведущего в письме, и несколько человек прислуги. К ним присоединился и пожелавший вернуться на родину священник из Испании, сопровождавший того епископа, который возглавлял посольство Абдаррахмана III (сам он тем временем уже умер в Германии).

В конце 953 года Иоанн и его спутники отправились в путь, получив королевское послание с наказом вручить его лично халифу. Это послание, составленное с намерением защитить христианскую веру, содержало нападки на ислам и потому таило в себе большую угрозу для самого подателя. К этому Иоанн был готов. Однако он не мог и предполагать, с какого рода трудностями ему предстоит столкнуться в Кордове. Посольство отправилось в Лион, а оттуда на судне вниз по Роне, где подверглось нападению разбойников. Ограбленные послы едва спасли свои жизни и часть имущества. Наконец они прибыли в Барселону, где пробыли две недели, направив оттуда гонца в Тортосу, первый арабский город на их пути. Находившийся там начальник войска халифа велел им прибыть, с почетом принял их и сразу же отправил гонцов к халифу, чтобы получить от него дальнейшие указания. Спустя месяц Иоанн со своими спутниками беспрепятственно продолжили путь. Их повсюду принимали с почетом, и так они добрались до Кордовы, где их поселили в роскошном дворце сына халифа, расположенном примерно в полумиле от города. Здесь они ни в чем не знали нужды и все же по прошествии некоторого времени заявили о своем неудовольствии, поскольку встреча с

халифом, ради которой они прибыли, оттягивалась. Но по-настоящему они заволновались, когда от приставленных к ним людей узнали, что им предстоит ждать трижды по три года, поскольку Оттон I на три года задержал посланников халифа.

В действительности же ничего подобного на уме у Абдаррахмана III не было, и причина задержки, как потом выяснилось, состояла в другом. Оказалось, что прибывший вместе с посольством испанский священник-мосараб ознакомился с письмом и, поспешив в Кордову раньше Иоанна, доложил о его содержании. Это известие вызвало большое беспокойство в городе, ведь по непреложному закону ислама никто под страхом смертной казни не мог возражать против заповедей Корана, и если бы халиф, выслушав подобные высказывания, на следующий же день не казнил виновного, то сам подлежал бы смерти. Наиболее уважаемые люди города письменно, как это было принято при дворе, доложили халифу о волнении народа. И халиф ответил им тоже в письменной форме, что к нему прибыло с дружескими намерениями посольство от короля Оттона, которое он велел поселить во дворце сына, но сам еще не принимал и потому ничего не знает о содержании послания. Когда же халифу изложили суть письма, он решил не принимать его, дабы не подвергать смертельной опасности ни послов, ни самого себя. Потому он и затягивал предоставление аудиенции Иоанну в надежде заставить его утаить послание Оттона I и воздержаться от каких-либо нападок на учение Магомета.

Сначала он подослал к немецкому монаху ученого еврея, раввина Хасдая, пользовавшегося его особым расположением. Хасдай сначала постарался завоевать доверие Иоанна, знакомя его с обычаями и нравами арабов и правилами поведения среди них, а потом начал выспрашивать, с каким заданием тот прибыл. Монах откровенно рассказал ему о цели своей миссии и о послании короля. «Опасно, — ответил Хасдай, — с таким письмом идти к халифу. Тебе, конечно, известна строгость закона; надо подумать, как его обойти. А потому будь осмотри-

телен в словах, когда халиф пошлет за тобой». Сказав это, Хасдай оставил монаха.

Тот факт, что возглавляемое Иоанном посольство от Оттона I поселили не в самой Кордове, а в предместье, вовсе не свидетельствовал о плохом отношении к нему халифа. Такова была общепринятая в халифате практика. Точно так же было встречено и посольство от византийского императора. Так легче было держать послов в изоляции, пресекать неконтролируемые контакты и в случае необходимости оказывать на них известное психологическое давление. На сей раз такая необходимость появилась.

Прошло еще несколько месяцев, а Иоанна по-прежнему не вызывали по его делу. Наконец к нему пришел испанский епископ и по поручению халифа сообщил, что Иоанн будет принят, если он пожелает лишь передать подарки, а письмо от своего короля утаит. Монах отказался действовать вопреки данному ему распоряжению. Когда же епископ попытался переубедить его, сказав, что передачей письма он осложнит ныне весьма благоприятное положение христиан в государстве Абдаррахмана III, Иоанн сильно вознегодовал от такого малодушия, что ради житейских благ его пытаются удержать от защиты христианской веры. Он в резких выражениях порицал беспринципность испанского христианина. «Я слышал, — сказал он, — что вы даже соглашаетесь на обрезание и воздерживаетесь от еды, недозволенной арабам». Епископ попытался оправдаться тем, что еще их предки проявляли в этом уступчивость. Иоанн же ни о чем подобном и слышать не хотел. В главном вопросе он был тверд, собираясь выполнить поручение короля Оттона I и передать его письмо. Тщетно прибегал халиф и к другим способам переубедить Иоанна. Все было напрасно: монах упорно держался своего изначального решения.

И тогда халиф прибегнул к угрозам. Когда Иоанн в одно из воскресений (ибо только по этим дням, да еще по большим праздникам дозволялось ему и его спутникам под надзором двенадцати охранников ходить в ближайшую церковь) на-

правлялся помолиться Богу, ему передали от халифа письмо, чрезвычайно большое и написанное на овечьей коже. Иоанн не ждал от него ничего хорошего, поэтому, дабы не портить себе молебен, даже не открыл его и прочитал лишь после богослужения. Письмо содержало самые свирепые угрозы: если он не уступит, то не только он сам, но и все христиане в Испании будут казнены — халиф никого не пощадит. «Подумай, — говорилось в конце, — как души убиенных будут обвинять тебя перед Богом. Из-за твоего упрямства они погибнут, хотя благодаря тебе могли бы обрести счастье и покой. Будь ты не столь своенравен, то мог бы просить у меня для них чего угодно». Душа Иоанна пребывала в смятении, но не оттого, что он трепетал перед смертью (как помним, он был рад разделить участь великомучеников), а поскольку возможность гибели столь великого множества единоверцев-христиан наполняла его сердце тяжелой печалью. Но ему пришлось на ум изречение: «Переложить свою заботу на Бога», и он успокоился. Он велел своему товарищу, монаху-грамотею, взять пергамен и перо и продиктовал ему длинное письмо к халифу, полное отваги и веры. Он прибыл послом от своего короля, было написано там, и в точности исполнит его задание — не в его власти изменить что-либо; даже пытки и смертельные муки не могут заставить его отступить, даже если халиф заставит день за днем рвать его на куски; он уже доказал, что не страшится смерти, но если из-за его верности долгу христианство в Испании будет истреблено, то не он на Страшном суде ответит за эту кровь, но сама эта кровь будет обличать перед Богом халифа как убийцу, тогда как он и другие убиенные за веру обретут вечную жизнь; если же будет Божия воля не допустить такого злодейства, то пусть свершится чудо, и да спасет Всевышний верующих в Него из рук халифа.

Это письмо было встречено более благосклонно, нежели ожидал Иоанн. Люди из окружения Абдаррахмана III подсказали ему выход из создавшегося положения. Один из них предложил спросить самого Иоанна, как развязать этот узел.

Халиф согласился, и к Иоанну обратились с вопросом, как сделать так, чтобы избежать вручения королевского послания. Иоанн заявил, что не знает другого выхода, кроме как направить к королю специальное посольство, и что распоряжению относительно дальнейших действий, которое будет доставлено ему в письменном виде, он подчинится.

Халиф с удовлетворением воспринял этот ответ и велел объявить, что любое вознаграждение получит тот, кто согласится отправиться послом к Оттону I. Добровольцем вызвался некий Ресемунд, христианин, служивший в канцелярии халифа и в равной мере владевший латинским и арабским языками. Осведомившись у Иоанна об опасностях пути и о приеме, на который можно было рассчитывать при дворе Оттона, он, ободренный монахом, согласился на это рискованное предприятие при условии, что ему дадут как раз освободившееся тогда епископство в Эльвире. Это ему было обещано. Поскольку Ресемунд являлся мирянином, он принял священство и тут же был рукоположен в сан епископа, после чего незамедлительно отправился в дорогу. Без серьезных затруднений проделав путь, через десять недель он уже прибыл в монастырь Горце и обрадовал тамошнюю братию известием об Иоанне. Затем он отправился к королевскому двору. В феврале 956 года он был представлен во Франкфурте Оттону I, который любезно его принял и исполнил то, ради чего тот прибыл. Иоанну было дано другое распоряжение: первое письмо не вручать, передать лишь подарки, потребовав отозвать назад разбойничьи банды из Фраксинета, заключить с халифом союз и тут же возвращаться назад. Одновременно король направил к халифу нового посланника с многочисленными сопровождающими лицами, некоего Дудо из Вердена, который должен был вручить халифу новые подарки и новое письмо, в котором уже не содержалось нападок на учение Магомета. Ресемунд и Дудо поспешили в путь. В конце марта они покинули монастырь Горце и в первых числах июня прибыли в Кордову.

Когда новых послов Оттона I хотели немедленно провести во дворец халифа, тот сам воспротивился этому, сказав: «Сначала должны предстать передо мною со своими подарками послы, которые так долго ждали, и лишь после этого мне угодно видеть новых. Но они должны показаться мне на глаза не раньше, чем обрадуют того упрямого монаха новостями с родины о его близких и о короле». Итак, Иоанну надлежало, наконец, предстать перед халифом, и по случаю этого торжественного приема ему велели постричь волосы, помыться и облачиться в парадное одеяние. Однако тот отказался что-либо менять в своей одежде. Когда об этом доложили халифу, он подумал, что у монаха нет денег на приобретение лучшей одежды, и прислал ему десять фунтов серебра для покупки всего необходимого. Иоанн принял деньги, но лишь для того, чтобы раздать их бедным. Узнав это, халиф сказал: «Узнаю его нескгибаемый характер. И все же я хочу его видеть, даже если он появится предо мной, завернувшись в мешковину; теперь он мне еще больше нравится».

В день торжественного представления халиф велел все организовать с величайшей пышностью. От самого загородного дворца, где жил Иоанн, и до Кордовы, а затем и в самом городе до дворца халифа по обеим сторонам дороги и улиц стояли вооруженные воины. Можно было видеть то сомкнутые ряды пехотинцев с поставленными на землю пиками, то воинов, метавших в воздух копьа и устраивавших военные представления. А за ними виднелась тяжелая конница. С удивлением, но и не без некоторого страха смотрели послы на все это. Когда они прибыли ко дворцу, у входа их встретили знатные придворные халифа и препроводили внутрь. Прихожая и покои были устланы дорогими коврами и увешаны красивейшими покрывалами. Но богаче и красивее всех были убраны палаты, в которых халиф принимал послов. Одинокое, словно Бог, халиф царил во всем своем величии, и лишь немногим счастливым было позволено приближаться к нему.

Войдя в эту парадную комнату, Иоанн увидел на необыкновенно роскошном диване халифа с подогнутыми по обычаю его народа ногами. Абдаррахман III протянул монаху для поцелуя свою ладонь, что служило знаком особой милости, оказываемой лишь немногим. Затем он жестом велел ему садиться в специально приготовленное кресло. После долгой, торжественной паузы он начал: «Я знаю, ты сердишься на меня, потому что так долго я не принимал тебя, но пусть будет тебе известно, что я не мог устранить препятствия, мешавшие принять тебя, и что я действовал так, а не иначе, вовсе не из неприязни к тебе. Я узнал твое мужество и непреклонность и потому не только охотно принимаю тебя, но и с готовностью выполняю все, о чем меня попросишь». Иоанн, уже собиравшийся было вознегодовать из-за пережитых мытарств, от любезных слов халифа смягчился, и горечь отхлынула от его сердца. Поэтому он ответил, что хотя угрозы людей, присланных к нему халифом, и огорчили его, однако, по здравом размышлении, он решил, что не стоит принимать сказанное ими столь серьезно; теперь препятствия, три года стоявшие на его пути, устранены, и у него есть все основания предположить, что причиной их не была неприязнь по отношению к нему; вся горечь улетучилась из его сердца, и он испытывает лишь благодарность к халифу, оказавшему ему столь блестящий прием; он счастлив приветствовать государя, сочетающего в себе такую твердую волю со столь мудрой снисходительностью.

Халифу необычайно понравился ответ Иоанна, и он уже собирался было начать обстоятельную беседу с диковинным монахом. Однако тот попросил позволения выполнить поручение своего короля и тотчас же отправиться в обратный путь. Халиф удивился. «Почему, — спросил он, — ты хочешь так быстро покинуть меня? Столь долго надеялись мы свидеться и, едва встретившись, должны тут же расставаться, даже не узнав поближе друг друга? При первой встрече сердце сердцу лишь слегка приоткрылось, при второй — мы лучше поймем друг друга, а если встретимся в третий раз, то достигнем полного

взаимопонимания и сердечной дружбы; лишь после этого я хочу отослать тебя назад к твоему господину с почестями, достойными его и тебя». Иоанн пообещал продлить пребывание, раз халифу так угодно. Затем ввели Дудо и второе посольство Оттона; они в присутствии Иоанна вручили новые подарки для халифа, после чего были отпущены вместе с Иоанном.

Спустя некоторое время Иоанна вновь вызвали к халифу, вступившему с ним в доверительный разговор. Он много говорил с ним о власти и уме, о войске, о славе, богатстве, военном искусстве и счастливых успехах Оттона I, однако при этом превозносил и собственное могущество, хвалясь, что его войско превосходит рать любого другого правителя. Дабы не прогневать халифа, Иоанн охотно соглашался со многим из того, что тот говорил, однако заключил свою речь следующими словами: «Если уж говорить правду, то во всем мире я не знаю короля, владеющего столь обширной страной и таким храбрым рыцарством, как наш повелитель». Халифу было неприятно слышать это, однако он, скрыв свое недовольство, лишь сдержанно возразил: «Напрасно ты так превозносишь своего короля». И далее, проявляя незаурядную осведомленность в политических событиях в Германии, Абдаррахман III перечислил слабые, на его взгляд, стороны Оттона I как правителя: что он не держит всю власть в собственных руках, а дает своим магнатам слишком много воли; если он думает, что тем самым обеспечивает себе их верность и покорность, то очень ошибается, поскольку этим он лишь питает высокомерие и строптивость магнатов, что доказывается недавними действиями его зятя, настроившего против него его собственного сына, поднявшего против него мятеж и призвавшего в страну венгров, чтобы все опустошить огнем и мечом.

Что Иоанн ответил халифу, столь точно указавшему на слабое место немецкого государства, как дальше протекала миссия при дворе халифа и чего он добился, мы не знаем, поскольку на этом месте рассказ обрывается (средневековая ру-

копись не сохранилась полностью). Известно лишь, что упомянутое разбойничье гнездо сарацин в Альпах не было ликвидировано Абдаррахманом III. Правда, соседним христианским правителям постепенно удалось пресечь их набеги, а когда Оттон I отправился в свой третий итальянский поход (966–972), он поставил перед собой цель навсегда покончить с Фраксинетом, что и было сделано.

Битва на реке Лех

В конце июня 955 года в Саксонию прибыли венгерские послы, заверившие короля Оттона I в своих мирных намерениях, верности и дружбе. В действительности же посольство имело своей целью разведать, как обстоят дела в Германии и преодолен ли внутренний раздор. И правда, едва лишь Оттон с миром и подарками отпустил от себя этих посланцев, как из Баварии прибыли гонцы от его брата Генриха, сообщившие, что венгерские орды, настроенные весьма воинственно, перешли границу Германского королевства. Король незамедлительно принял решение выступить против врага. Поскольку ситуация на саксонско-славянской границе оставалась беспокойной, он смог повести из Саксонии лишь немногочисленное войско.

Легкие успехи, сопутствовавшие мадьярам прошлым летом, и обременившая их богатая добыча придавали им смелости и вдохновляли на повторение набега. На сей раз они вторглись в Южную Германию, заплотив ее области вплоть до Шварцвальда, в таком количестве, какого еще никто из живущих не видал. Современники оценивали численность вторгшейся мадьярской конницы по меньшей мере в 100 тысяч человек, сами же кочевники похвалялись, что нет силы, способной остановить их, разве что под ними развернется земля или небо обрушится на них. Не изменяя собственному обычаю, они опустошали мечом и огнем все на своем пути, не щадя церквей и монастырей. Переправившись через реку Лех, южный приток Дуная, они осадили Аугсбург, сильно пострадавший в ходе недавней братоубийственной войны. Вообще мадьяры не имели привычки штурмовать города, предпочитая более дос-

тупную поживу, но то был особый случай: по дошедшим до них достоверным, как они полагали, сведениям, в Аугсбурге хранилась казна Баварии. Город, не имевший достаточно мощных, на их взгляд, стен и башен, казался им легкой добычей. Однако они недооценили боевой дух его защитников во главе с уже известным нам епископом Ульрихом. Попытку штурма, в ходе которого погиб один из предводителей мадьяр, удалось отразить.

Епископ, во время сражения разъезжавший верхом на коне в своем церковном облачении, без лат и оружия, ношение которых не позволялось ему как духовному лицу, по окончании схватки деятельно руководил восстановлением поврежденных стен и укреплением слабых мест. Потом он еще большую часть ночи провел в молитве, лишь под утро позволив себе на короткое время забыться сном. На рассвете следующего дня защитники города, ободренные святым причастием и напутственными словами епископа, готовы были отразить очередной натиск врагов, вплотную подступивших к стенам и подтянувших стенобитные орудия. С высоты цитадели можно было видеть, как предводители мадьяр бичами подгоняют особенно нерасторопных или оробевших воинов. Вот-вот должен был начаться штурм, как вдруг раздался сигнал, по которому ожидавшие отошли, чтобы собраться вокруг своего главного командира. Оказалось, прибыл гонец, между прочим, немец, сын некоего опального пфальцграфа, изгнанника с родины, по суду лишенного своих имений, и сам предатель родного народа, сообщивший, что приближается с войском король Оттон.

Мадьяры, прекратив осаду города, двинулись навстречу немецкому войску, полагая, что, разгромив его, потом легко овладеют и городом. Епископу Ульриху оставалось лишь уповать на победу своих, тем более что ее предсказал накануне явившийся ему в сонном видении святой Афра, покровитель города. Оттон же, выступивший из Саксонии с явно недостаточным войском, уповал на то, что герцоги откликнутся на его призыв и явятся во главе многочисленных отрядов. И он не

обманулся в своих упованиях: из всех герцогств, и даже из Чехии, в срок явились ополчения, составив в итоге внушительное войско, хотя и далеко не столь многочисленное, как орды вторгшихся мадьяр. Королевское войско могло бы стать еще более многочисленным, если бы пришло подкрепление из Лотарингии, но Оттон велел брату Бруно оставаться на страже западных рубежей, дабы не рисковать столь важной для королевства областью, ибо, как подсказывал опыт прежних лет, нельзя было положиться на благонадежность западных соседей. Особенно порадовал короля его зять, герцог Конрад, явившийся во главе отборного конного отряда и полный решимости в бою искупить свой прежний проступок.

Когда конные разъезды донесли, что враг близок, Оттон I объявил 9 августа днем подготовки к сражению, днем всеобщего поста и молитвы. Наутро, в день святого Лаврентия, его воины взаимно простили обиды и прегрешения и торжественно поклялись в нерушимой верности своим предводителям и друг другу. Сам же Оттон дал святой обет угоднику Лаврентию учредить, если тот своим заступничеством принесет ему победу, в его честь епископство в Мерзебурге. Затем войско, развернув знамена, выступило из лагеря в составе восьми подразделений, каждое из которых насчитывало по меньшей мере тысячу конных воинов. Первые три отряда составили баварцы. Правда, во главе их не было герцога Генриха, у которого открылись старые раны, так что он не мог встать на ноги. Весть о славной победе 10 августа он еще успеет получить, но со смертного одра так и не поднимется и 1 ноября отдаст Богу душу. Четвертый отряд образовали франконцы во главе с доблестным герцогом Конрадом. В пятом, королевском, наиболее многочисленном отряде был сам Оттон I, окруженный храбрецами и горячей молодежью из разных племен, в том числе и прибывшими с ним немногочисленными саксами; перед ним несли в сопровождении надежной охраны королевский штандарт с изображением архангела Михаила. Шестой и седьмой отряды сформировались из швабов во главе с герцогом Бур-

хардом. Восьмой, замыкающий отряд составили чехи под водительством князя Болеслава. Им как арьергарду была поручена охрана обоза, однако события стали развиваться непредвиденным образом.

Южнее Аугсбурга, на левом берегу реки Лех, раскинулась обширная, свободная от деревьев и кустарника равнина, на которой мадьяры разбили свой лагерь. Там 10 августа 955 года и состоялось грандиозное сражение, вошедшее в историю как битва на реке Лех. Оттон вел свое войско с соблюдением необходимой предосторожности, дабы не подвергнуть его внезапному нападению со стороны противника и не стать мишенью для шквала мадьярских стрел. Однако эта предосторожность оказалась тщетной. Часть мадьяр умудрилась зайти в тыл королевского войска и ударить в спину чешского арьергарда, внезапно осыпав его стрелами. Арьергард дрогнул, началась неразбериха, и в результате весь обоз вместе с чехами, кроме тех, кто пал от стрел или успел бежать, попал в руки врагу. Уже дрогнули было седьмой и шестой отряды, когда Оттон, заметив угрозу с тыла, направил туда франконцев во главе с Конрадом. Тому удалось отбить обоз и освободить пленных, обратив в бегство мародеров. Победителем возвратился он к королю, вдохнув уверенность в товарищей по оружию.

Благополучно устранив непредвиденную заминку, Оттон повел войско на главные силы противника. Верхом на коне, со Священным копьем в руке, он был в первых рядах сражавшихся. Немцы верили, что Священное копье принесло победу над мадьярами Генриху Птицелову и поможет опять одолеть врага. Видукинн Корвейский, как полагают, лично наблюдавший за этим сражением, а может, и принимавший участие в нем, не мог не заметить, что король «первым направил коня на врага, выполняя обязанность и храбрейшего воина, и выдающегося полководца». Битва была долгой и кровавой, так что хронисты того времени не преминули отметить, как воды Леха окрасились в багряный цвет. И это был не просто привычный

литературный штамп: раненые мадьяры пытались спастись, вплавь переправляясь через реку, своей кровью окрашивая ее воды. Наконец все войско мадьяр обратилось в беспорядочное бегство, увлекая за собой даже наиболее отважных. Бежавших преследовали и, догнав, беспощадно уничтожали. Никого не щадили, пленных не брали. Были убиты и главные вожаки мадьяр. С ними обошлись не как с полководцами, достойными уважения, а как с главарями разбойничьих шаек.

Поздним вечером Оттон со своим воинством вступил в город Аугсбург, избавленный от смертельной угрозы. Верный епископ Ульрих с почетом встречал освободителей. К радости победы, за которую благодарили Бога, примешалась горечь утрат. Пал смертью храбрых и один из главных героев битвы, королевский зять герцог Конрад. Его раскаяние в ранее содеянном против короля было столь глубоко и искренне, что покайнную рубашку он не снял даже на поле битвы.

По своему значению победа на берегу реки Лех вполне сопоставима с той, что в 732 году при Пуатье одержал над сарацинами дед Карла Великого Карл Мартелл, положивший предел их экспансии в Европе. Благодаря победе, одержанной Оттоном, Европа навсегда была избавлена от угрозы разбойничьих набегов мадьяр, полвека державших ее в страхе и вызывавших в памяти худшие времена гуннов. Именно после этой победы Оттона I прозвали Оттоном Великим. Что касается самих мадьяр, то поражение на берегу реки Лех ознаменовалось для них отнюдь не гибелью — напротив, оно стало отправной точкой нового исторического бытия этого народа, вхождения его в семью христианских народов Европы.

Таким образом, победа на реке Лех 10 августа 955 года имела далеко идущие последствия. Авторитет Оттона I укрепился не только в Германии, но и среди правителей других государств. Об этой победе упоминают многие источники того времени, но с особым воодушевлением писали о ней авторы, симпатизировавшие германскому королю. В анонимной хронике «Продолжателя Регинона» читаем: «Венгры... потерпели

от королевского войска у реки Лех столь сокрушительное поражение, что никогда еще прежде наши не имели такой победы и не слышали о ней». Видукинд Корвейский, подробнее других описавший эту битву, резюмирует: «Король снискал славу благодаря замечательной победе, и войско провозгласило его отцом отечества и императором» и далее в своей хронике называет Оттона I исключительно императором. Таким он стал для него, как и Генрих Птицелов, благодаря одержанной победе.

Впрочем, Видукинд не был одинок в подобного рода оценке. Тогда для многих, особенно в Саксонии, титул императора ассоциировался с триумфальной победой на поле брани, а не с коронацией в Риме. Иного мнения придерживался сам Оттон I. Он не стремился стать солдатским императором, как бывало во времена Древнего Рима. Для него победа 955 года стала важным этапом на пути к императорской короне, но имперская идея в собственном смысле слова связывалась с Италией и получением императорского достоинства от папы в Риме. Будучи глубоко религиозным человеком, он хотел быть христианским императором, возглавить с благословения папы «христианскую империю». Любая другая имперская идея в Европе того времени была бесперспективна и не давала преимуществ перед другими королями.

Обретение короны Римской империи

После победы над венграми на берегу реки Лех Оттон I занял доминирующее положение в системе европейских государств, сопоставимое с императорской властью. Теперь он обладал очевидным перевесом над королями Франции, Бургундии и Италии, успешно защищая границы западного христианского мира от языческих племен на севере и востоке и исполняя почетную миссию по распространению христианской веры. Словом, он мог чувствовать себя главой «христианской империи», некогда возглавлявшейся Карлом Великим.

Союз Оттона I с церковью и франко-имперская традиция, которую он решил продолжать в качестве преемника политики

Карла Великого, указывали ему путь в Италию. В этом отчетливо просматривается параллель с каролингской политикой: союз с церковью вел Оттона I в Рим, подобно тому, как союз с «апостолом Германии» Бонифацием, учредившим ряд монастырей, в том числе и его любимый — Фульдский, привел туда Каролингов. В конце лета или ранней осенью 955 года он послал аббата Фульдского монастыря Хадамара в Рим. Цель этой поездки была многообразна: утверждение Бруно, брата короля, архиепископом Кёльнским, приобретение реликвий для возводившегося в Кёльне храма Св. Панталеона (Пантелеймона), а особенно — получение санкции на учреждение Магдебургского архиепископства, которое должно было стать центром христианской миссии среди славян Восточной Европы. Это детище Оттона I явится на свет лишь после того, как сам он будет увенчан императорской короной, что наглядно демонстрирует связь его итальянской политики с задачами и целями восточной экспансии. Вместе с тем на Хадамара возлагалось изучение общей обстановки и настроений в Риме — благоприятствуют ли они визиту самого Оттона? Оказалось, что нет: в тот год в Риме появился новый папа, Иоанн XII, коим стал Октавиан, 18-летний сын незадолго перед тем умершего Альберика, унаследовавший также и административную власть в городе и решивший продолжать прежнюю независимую политику.

Зато Оттону I удалось в 956/957 годах восстановить свое господство по крайней мере в Северной Италии, куда прибыл прощенный отцом Лиудольф. О его походе в Италию в 956 году в источниках содержатся весьма скудные сведения. Ничего не говорится о сражениях, сообщается лишь, что Лиудольф, «изгнав Беренгара, овладел почти всей Италией». Очевидно, Беренгар и его сын Адальберт отступили без боя. Столь же успешно Лиудольф действовал и в следующем году. Одержав победу в сражении над Адальбертом, он овладел всем Итальянским королевством, то есть Северной Италией. На его сторону перешли даже многие из бывших сторонников Берен-

гара. Оттон I был рад этому успеху и поручил сыну управление Италией, уполномочив его принимать от народа присягу на верность. Выполнив поручение отца, Лиудольф собрался обратно в Германию. Войско с набранными в итальянских городах сокровищами он отправил вперед и уже сам было намеревался двинуться в путь, но 6 сентября скоропостижно умер от горячки в Помбии, в области Новара, южнее озера Лаго-Маджоре. (Непривычный для немцев климат Италии служил причиной их частых болезней со смертельным исходом.) Его тело было доставлено в Майнц и погребено в церкви Св. Альбана, где уже покоилась его сестра Лиутгард.

После смерти Лиудольфа господству немцев в Северной Италии во второй раз пришел конец. Беренгар опять стал там полновластным хозяином. В 959 году он напал на герцогство Сполето, угрожая непосредственно папе Иоанну XII, и тот, оказавшись в весьма затруднительном положении, вынужден был обратиться за помощью к Оттону I. От папы прибыли послы, призвавшие короля «на защиту Италии и Римского государства от тирании Беренгара». Папа римский не был одинок в своем стремлении найти управу на лангобардских королей. В Италии ширилось недовольство тираническим правлением Беренгара и Адальберта, так что в Германию прибыла весьма представительная делегация — и это не считая итальянцев, уже находившихся при дворе Оттона I на положении изгнанников. Лиутпранд Кремонский, также искавший спасения у правителя Германии, свою «Историю Оттона» как раз и начинает с характеристики сложившейся в Италии ситуации: «Когда в Италии правили или, вернее говоря, свирепствовали, осуществляя свою тиранию, Беренгар и Адальберт, папа Иоанн направил кардинала-диакона Иоанна и скринария (то есть служащего канцелярии, нотариуса. — В. Б.) Ацо к сиятельному и благочестивейшему тогда королю, а ныне императору Оттону...», упоминая далее ряд представителей итальянской знати, нашедших прибежище при германском королевском дворе. Лично для Иоанна XII этот шаг, как впоследствии

выяснилось, оказался роковым. Поэтому родилась версия, нашедшая отражение в «Хронике Бенедикта», что к Оттону I на самом деле прибыли противники папы, не отличавшегося добродетельной жизнью, чтобы найти управу на него самого. В «Хронике Салерно», в свою очередь, говорится о том, что послы лангобардов и римлян тайно прибыли к Оттону, приглашая его прийти и принять под свою власть Италию. Поскольку здесь не уточняется, втайне от кого отправились послы, можно считать, что они действовали без ведома и Беренгара, и папы. Думается, эти версии возникли не случайно: и Беренгар с сыном Адальбертом, и папа Иоанн XII своими поступками нажили себе много врагов в Италии, отчего и родилась мысль пригласить для наведения в стране порядка немецкого короля, пользовавшегося репутацией сильного и справедливого правителя, защитника христианства, да к тому же еще женатого на бывшей королеве Италии Адельгейд.

Очередной «крик о помощи» из Италии явился для Оттона I удобным поводом для продолжения и завершения дела, начатого 10 лет назад. Просьба папы о предоставлении защиты (будем исходить из того, что от его имени Иоанн и Ацо обратились к немецкому королю: только папа мог предложить ему императорскую корону и титул патриция; и вообще, без согласия со стороны папы едва ли было мыслимо такое приглашение) давала ему возможность добиться того, к чему он тщетно стремился во время своего первого итальянского похода — императорской короны и установления прочной власти в Италии. И Беренгар, нарушив вассальную присягу, дал ему достаточные основания для вторжения; теперь ни о каких соглашениях с ним не могло быть и речи. Казалось бы, само собой разумеется, что Оттон I был рад представившейся возможности и что он обязательно должен был откликнуться на приглашение, и все же с некоторым волнением (вот оно — документальное подтверждение логических выкладок!) читаешь в упомянутой «Хронике Салерно»: «Услыхав это (то есть приглашение прибыть в Италию. — В. Б.), король Оттон весьма

обрадовался». Даже если хронист и домыслил эту деталь, дабы приукрасить свое повествование, все равно сообщение о радости, охватившей Оттона I, бесспорно, передает царившие тогда настроения, свидетельствует о сложившемся общественном мнении.

Таким образом, приглашение в Италию не застало Оттона I врасплох и не повергло его в мучительные раздумья. Для него это был решенный вопрос. Включение Северной Италии в сферу своего влияния он, добившись доминирующего положения в западном христианском мире, считал тем более важным, что Южная Италия, находившаяся под властью Византии, становилась объектом экспансии со стороны сарацин. Разворачивалась борьба за преобладание в Италии в целом, в этой древней стране западной цивилизации. Кроме того, лишь король Италии мог считаться законным претендентом на императорскую корону, на получение которой Оттон I рассчитывал еще во время своего итальянского похода 951 года. Корона римского императора должна была закрепить и узаконить его доминирующее положение на Западе и позволить ему сравняться, хотя бы внешне, с византийским василевсом.

И все же он не бросается очертя голову, а тщательно готовит военный поход. Все, что бы теперь ни делал немецкий король, находилось в прямой связи с реализацией этого замысла и должно было служить его воплощению. Внимание Оттона I теперь приковано к Италии, и впервые за много лет этой стране предназначается королевское пожалование: летом 960 года он подтверждает привилегии и владения монастыря Св. Сикста во Фриуле. Оттон как бы сигнализирует о возобновлении активной итальянской политики. Примечательно и то, что пожалование опять адресовано церковному учреждению, а грамота составлена в Магдебурге, новом центре христианской миссии. Немецкий король не упускает случая показать, сколь много для него значит забота о делах христианства.

Уладив неотложные текущие дела в государстве, Оттон I созывает в мае 961 года в Вормсе большой съезд знати, на кото-

ром и предполагалось обсудить его поход в Рим. Важнейшим вопросом, успешно решенным им на этом рейхстаге, было избрание его шестилетнего сына Оттона королем. Учитывая все неожиданности, с которыми мог быть сопряжен поход в Италию, избрание королем Оттона II должно было обеспечить наследование престола. Тот факт, что Оттон I сумел добиться этого, свидетельствует о прочности его власти и личном авторитете. Однако он не ограничился предварительным избранием сына на престол, а тут же отправился с ним в Ахен, где 25 лет назад состоялась его собственная торжественная коронация. На Троицу, 26 мая 961 года, в столь же торжественной обстановке, в присутствии знати королевства Оттон II был коронован и помазан архиепископами Бруно Кёльнским, Вильгельмом Майнцским и Генрихом Трирским. Было решено, что последний будет сопровождать Оттона I в Италию, а первые два во время его отсутствия в Германии берут на себя заботы по воспитанию шестилетнего Оттона II и управлению страной: младший брат короля архиепископ Бруно — на западе, в Лотарингии, где он уже давно исполнял по совместительству функции герцога, а Вильгельм, внебрачный сын Оттона I, — на прочих территориях; он также должен был заниматься воспитанием юного короля. Управление Саксонией и столь важную для государства охрану восточных рубежей Оттон Великий поручил своему испытанному соратнику герцогу Герману Биллунгу, наряду с которым и независимо от которого должен был нести свою службу маркграф Геро Железный.

Одновременно велись приготовления к торжественной коронации в Риме: в Майнцском аббатстве Св. Альбана разработали порядок императорской коронации, а ювелиры изготовили императорскую корону, которую должны были возложить на голову германского короля. Прибытие в Рим со своей короной имело для Оттона I первостепенной важности значение: если бы папа короновал Оттона I своей короной, то акт коронации можно было истолковывать как пожалование им императорского достоинства германскому королю; если же Оттон I

прибыл в Рим со своей короной, то акт помазания представлял собой лишь духовное освящение независимой от него светской власти. Становиться вассалом папы римского германский король не собирался (как в свое время не собирался этого делать Карл Великий).

Завершив подготовку, Оттон I в августе 961 года с большим войском отправился в Италию. С ним были королева Адельгейд и множество епископов. Как и в первый раз, был выбран наиболее надежный путь из Баварии через Бреннер и Тренто в Ломбардию. Многочисленное войско Оттона I, в состав которого входили, по свидетельству современников, и язычники, вероятнее всего, славяне из сопредельных с Саксонией областей, произвело, как написано в хрониках, сильное впечатление на итальянцев, словно наводнив их территорию. Он совершил переход в Ломбардию, не встречая сопротивления, хотя, по сообщению «Хроники Салерно», было кому дать ему отпор: в долине реки Адидже, севернее Милана, находился с войском в 60 тысяч человек сын и соправитель Беренгара Адальберт, однако его сторонники из числа знати заявили, что согласны вступить в сражение с немцами лишь при условии, что его отец отречется от престола, передав ему корону. Заявить этот ультиматум их заставило то, что они более не могли сносить деспотизм Беренгара и Виллы. Войско двинулось в Павию, где находилась королевская чета, и Беренгар будто бы согласился уступить требованию, но Вилла решительно воспротивилась. Когда Адальберт сообщил об этом своим воинам, они покинули его и разошлись по домам, тем самым открыв Оттону I путь для беспрепятственного вторжения.

Во всем этом, возможно, приукрашенном вымыслом рассказе бесспорно достоверно то, что Беренгар своим деспотическим правлением многих настроил против себя, поэтому можно признать вполне вероятным, что Оттону I был оказан именно такой теплый прием, о каком сообщается в анонимной хронике «Продолжателя Регинона»: «Там вышли ему навстречу графы и епископы почти всей Италии, и он, как полагается,

с почестями принятый ими, властелином, не встречая сопротивления, вступил в Павию». Он пока решил воздержаться от дальнейшего преследования Беренгара, Виллы и их сыновей Адальберта и Видо (все четверо укрылись в разных крепостях, дабы вынудить Оттона I распылить свои силы и затруднить осаду, если тот надумает ее предпринять) и заняться делами Итальянского королевства. Он по возможности восстановил в правах всех, кого обидел Беренгар (как пишет Лиутпранд: «Добрый король, собирая рассеянное и сплывавшее разбитое, каждому возвратил принадлежащее ему»), тем самым укрепляя свои собственные позиции в стране. Лиутпранд, особенно ненавидевший Беренгара и в течение нескольких лет живший изгнанником в Германии, тогда по милости Оттона I стал епископом Кремоны. Король посвятил свыше двух месяцев этим первоочередным заботам, в том числе и восстановлению разрушенного Беренгаром дворца. Самозванный властитель словно вымещал свою злобу, подвергая разграблению и разрушению древнюю королевскую резиденцию. Возвратиться в нее он, надо полагать, не надеялся. За ходом восстановительных работ наблюдала сама Адельгейд, хорошо знавшая дворец и его внутреннее убранство.

Наконец, весьма благополучно завершив первый этап похода, Оттон I приступил к решению своей главной задачи. В декабре 961 года он направил в Рим аббата Фульдского монастыря Хатто, который должен был заняться «обустройством королевской резиденции», то есть вести с папой Иоанном XII переговоры об условиях пребывания короля в Риме и о порядке коронации. Переговоры затянулись, и Оттону пришлось праздновать Рождество 961 года в Павии, хотя он рассчитывал, следуя примеру Карла Великого, именно в этот день обрести императорское достоинство. Пройдут годы, и он добьется, чтобы его сын Оттон II короновался как раз на Рождество 967 года. Во время затянувшегося ожидания его помыслы не были обращены только к Риму. Король уделял внимание и другим делам: так, по ходатайству королевы Адельгейд он

пожаловал монастырю Св. Зенона в Вероне грамоту, коей подтвердил его права и привилегии и обеспечил ему королевскую защиту.

Трудные переговоры в конце концов завершились заключением взаимоприемлемого соглашения. Под натиском обстоятельств общее настроение в Риме изменилось в пользу имперской идеи. Папа Иоанн XII и знать готовы были видеть в лице Оттона I главу восстановленной Римской империи. В начале 962 года Оттон I с супругой направился в Рим и без каких-либо осложнений достиг его 31 января, остановившись на холме Монте-Марио, с которого открывалась величественная панорама города. Этот холм прозвали также «Горой радости», поскольку с него паломники впервые могли взглянуть на Рим с его святынями. Однако прежде, чем перед Оттоном открылись ворота Вечного города, он еще в тот же день принес присягу, в которой обещал возвеличивать римскую церковь и ее управителя, не причинять вреда жизни, здоровью и чести папы и других не подстрекать к этому; без согласия папы не вершить в Риме суд и не делать распоряжений, относящихся к сфере его компетенции; возвращать папе территории Папской области, если таковые окажутся во владении императора; кому бы он, Оттон I, ни передал Итальянское королевство, того заставит дать клятву, что будет защищать папу и его область. Принесенная Оттоном I присяга продолжала традиции Франкской империи, явившись, в свою очередь, важным основанием для становления и развития империи Оттонов и Священной Римской империи в целом. На первый взгляд присяга отвечала интересам исключительно папы, обязывая Оттона I всячески защищать его. Именно в таком буквальном смысле и понял ее Иоанн XII, на первых порах явно недооценивший германского короля и рассматривавший его как меньшее, по сравнению с Беренгаром, зло. Он думал, что пригласил в Рим защитника, а оказалось, что нового хозяина. Это «недоразумение» вскоре перерастет в ожесточенную борьбу между первым императором возрожденной Римской империи и папой.

Наконец в ближайший же церковный праздник, в день Сретения Господня, 2 февраля 962 года, состоялось торжественное вступление Оттона Великого в Рим. Представительная делегация папских сановников и городской знати встречала и сопровождала его по роскошно украшенной древней Триумфальной дороге к воротам Порта-Санкти-Перегрини, а затем вела по улицам, запруженным восторженно ликовавшим народом, к храму Св. Петра, в котором и была проведена церемония помазания и венчания Оттона I императорской короной, сопровождавшаяся аккламацией — одобрительными возгласами римлян и клира. Вместе с ним была коронована и Адельгейд, впредь именовавшаяся в документах как «соправительница». Ее участие в управлении империей состояло, к примеру, и в том, что по ее ходатайству сделано большинство распоряжений Оттона I в Италии. В источниках упоминается и пожалование Оттону I титула патриция, связанного с его обязанностью защищать римскую церковь. Коронацию император ознаменовал щедрыми подарками, пожаловав храмам города Рима драгоценные камни, золото и серебро. В ответ папа, знавший о намерении Оттона I приобрести святыне реликвии для новых церквей в Германии, подарил ему железный прут от решетки, на которой казнили мученика Лаврентия, помещенную в серебряный реликварий голову мученика Себастьяна, руку мученицы Фелицитаты и также руку мученика Кириака. Затем Оттон I уже в новом качестве «императора августа» заставил Иоанна XII и римскую знать присягнуть над гробницей апостола Петра в том, что они будут хранить ему верность и не станут больше поддерживать Беренгара и его сына Адальберта. Римляне и папа охотно согласились на это, но, как вскоре выяснилось, не придавали своей присяге слишком большого значения, готовые в любой момент нарушить ее.

События того дня знаменовали собой рождение средневековой Римской империи, с середины XII века именовавшейся Священной Римской империей. Это центральное событие немецкой истории и одно из важнейших в истории Европы. Но,

судя по резонансу в исторических источниках, современники не придали ему столь большого значения. Еще свежа была память о римских коронациях ничтожных императоров конца IX — начала X века, и лишь время могло показать, что выйдет из начинания Оттона I. Это эпохальное событие удостоилось лишь сухих и кратких сообщений в Санкт-Галленских анналах, у «Продолжателя Регинона» и Лиутпранда Кремонского. Только в панегирическом стихотворении Росвиты Гандерсгеймской, посвященном деяниям Оттона Великого, слышится ликование. Примечательно, что за пределами германских земель один лишь французский хронист Флодоард удостоил своим вниманием возрождение империи на Западе: «Король Оттон с миром прибыл в Рим и был любезно принят, а затем возведен там в императорское достоинство». Далее Флодоард называет Оттона I исключительно императором. Остался верен самому себе и Видукинд Корвейский. О втором походе Оттона I в Италию он счел возможным написать лишь следующее: «Итак, упорядочив должным образом дела по всей Франконии и Саксонии и повсюду среди соседних народов, он, решив отправиться в Рим, прибыл в Лангобардию». Сама римская коронация Оттона I даже не упоминается, хотя дальше, напустив на себя показную скромность («При моих малых способностях мне не рассказать...»), хронист перечисляет основные события того похода. Несомненно, Видукинд был наиболее враждебно настроенным к Риму, римской идее и итальянской политике представителем оттоновской историографии, хотя в его произведении нет откровенно враждебных Риму высказываний. Однако это была политическая позиция не одного только Видукинда, но и значительной части саксов, не одобрявших итальянскую политику Оттона I. Коронация в Риме явилась лишь формальным признанием фактического положения вещей, ничуть не прибавив Оттону I могущества и власти. И все же эта коронация натолкнулась на критику, причина которой коренилась в распространенном в

раннее Средневековье представлении об императорской власти, не связанной с Римом (неримская идея империи).

После коронации Оттон I оставался в Риме менее двух недель, которые ознаменовались появлением двух важных документов. 12 февраля 962 года при участии императора состоялся большой синод, на котором обсуждалось положение дел в христианском мире. Папа Иоанн XII исполнил давнюю мечту Оттона I об учреждении Магдебургского архиепископства как центра христианской миссии в Восточной Европе, а также Мерзебургского епископства, об основании которого король дал обет Богу перед битвой с венграми на реке Лех. В пожалованной по этому случаю папской грамоте проводится прямая связь между победами, одержанными Оттоном I над венграми (и для самого римского понтифика императорская коронация Оттона I явилась неизбежным следствием его победы над этими страшными врагами христианского мира) и другими язычниками, и прибытием его в Рим для получения из рук папы императорской короны, чтобы стать защитником церкви. Таким образом, обретение императорской власти здесь связывается не просто с триумфальной победой (как это понимал Видукинд), а с победой над язычниками и с защитой церкви. Свою главную задачу Оттон I видел в защите церкви и в обращении язычников к Богу. Это убеждение находит свое выражение в грамоте об учреждении Магдебургского архиепископства: «Полагаем, что в распространении веры заключаются спасение и прочность королевства и империи нашей» Именно эта имперская идея была близка Оттону I, такой императорской властью он хотел обладать. Становится понятной и связь его итальянской политики с экспансией в Восточной Европе, подготовлявшейся миссионерством среди язычников-славян.

На следующий день, 13 февраля 962 года, Оттон I пожаловал римской церкви привилегию, так называемый «Оттониа-нум», роскошно выполненный экземпляр которой, написанный золотыми буквами на пурпурном пергаменте, до сих пор

хранится в Ватикане. Эта грамота, содержащая прямые апелляции к Пипину и Карлу Великому, наглядно демонстрирует стремление Оттона I продолжать франкско-каролингскую традицию. Свою главную задачу император видит, как уже отмечалось, в защите церкви, что, рассуждая логически, предполагает некоторого рода право надзора за ней (в частности, контроль за выборами новых пап) и, соответственно, определенные властные функции в Риме. Из этого вырастали конфликты пап с императорами, их споры о верховенстве в христианском мире. «Оттонианум» позволяет лучше понять представление Оттона I об императорской власти. Оно непосредственно примыкает к каролингской идее IX века. Империя для него связана с папством и Римом. Власть императора как защитника церкви выше власти любого короля. Император возвышается над королями благодаря освящению и коронации папой, его власть является «священной». Так, Лиутпранд Кремонский с 962 года называет Оттона I «священным» и даже «священнейшим императором». Сам же он в качестве официального титула использовал «*imperator augustus*» («император август»). Предпринятое в 966 году добавление к титулу названий титульных, образующих государство народов («император август римлян и франков») не вошло в постоянную практику. Оттон I не хотел давать жителям Рима хоть какое-то преимущество перед обитателями Саксонии и других герцогств Германии.

Коронацией 2 февраля 962 года завершился важный этап итальянской политики Оттона I, с которой и началась в собственном смысле слова средневековая итальянская политика Германии, хотя она имела предшественников в лице восточнофранкских королей и герцогов Баварии и Швабии. Возникла Священная Римская империя, рассматривавшаяся ее творцами как продолжение Каролингской и Древней Римской империй. Для обоснования этой преемственности появилась теория передачи императорской власти («*translatio imperii*») от римлян к франкам, а от них — к саксам. Короновавшись в Риме импера-

торской короной, Оттон I включил свое государство в традицию христианской священной истории, рассматривавшей Древнюю Римскую империю в качестве последней из великих, всемирных монархий, гибель которой знаменует собой наступление конца света и пришествие Антихриста. Это служило лучшим оправданием итальянской и в целом имперской политики.

Оттон Великий стал императором, защитником папства, управителем Церковного государства, вождем римско-католического христианского мира. Поскольку императорская коронация явилась лишь формальным признанием фактического положения вещей, последующие германские короли, еще не коронованные в качестве императоров, но занимавшие доминирующее положение среди правителей Западной Европы, тоже стали претендовать на императорское достоинство. В дальнейшем германский король в качестве наследника Оттона Великого с момента своего избрания королем Германии сразу же становился также и королем Италии, а в этом качестве — и претендентом на императорскую корону. При этом папа не жаловал императорское достоинство, а лишь совершал формальный акт коронации, с которым связывалось обретение нового титула. Считалось, что императорскими правами изначально обладает германский король как таковой. Именно эта точка зрения утвердилась со времени императорской коронации Оттона Великого. Его империя, хотя и связанная с древним императорским городом Римом, была Германской империей, а сам он, как уже было сказано, довольствовался простым титулом «император август».

Оттона I упрекают за то, что он толкнул Германию на гибельный путь: в борьбе за Италию, Рим, императорскую корону немецкие короли обескровили страну, причинили много вреда и своему народу, и соседям. Исходя из этого, роль Священной Римской империи в истории обычно получает отрицательную оценку. Оставляя в стороне вопрос о том, в какой мере Оттон I несет ответственность за имперскую политику сво-

их преемников в последующие века, отметим лишь, что возникновение империи Оттонов не было чем-то случайным, явившимся на свет по прихоти одного человека. Империя родилась как результат взаимодействия различных политических сил и отвечала интересам Германии X века.

БОРЬБА ЗА ГОСПОДСТВО В ИТАЛИИ

Неотложные дела

4 февраля 962 года Оттон I покинул Рим, но не для того, чтобы вернуться в Германию, хотя давно намеченная цель и была достигнута. Ему, многоопытному политику, было ясно, что пока лишь обретен символ императорской власти, а сама власть еще не имеет и не будет иметь надежного основания до тех пор, пока не сломлено сопротивление Беренгара и Адальберта. Теперь предстояло утвердить свое господство в Италии. Благоприятное начало второго итальянского похода и римская коронация позволяли надеяться на успешное решение и этой задачи. Определенно, Оттон I извлек урок из своей первой экспедиции за Альпы: если опять уйти из Италии, не доведя дело до конца, то потом придется начинать все сначала. И все же, вероятнее всего, он тогда не представлял себе, с какими проблемами ему предстоит еще столкнуться. Если б он знал, что целых три года ему теперь не вырваться из Италии, решился ли бы он на столь длительный срок оставить без присмотра Германию? Мы не знаем, какие планы тогда выстраивались в его голове; реальный политик, он обычно решал ближайшие задачи с учетом сложившейся обстановки, не позволяя увлечь себя несбыточным надеждам.

Для утверждения собственного господства в Италии Оттону I предстояло ликвидировать царившую в ней анархию. Он уже испытал на собственном опыте, сколь трудна эта задача. Не удалось решить ее в полной мере и его каролингским предшественникам, политику которых он продолжал. В Северной Италии приходилось заново утверждать позиции Империи в борьбе с местными феодальными властями. В Пап-

ской области ждала своего разрешения задача разграничения полномочий с другой универсальной властью западного христианского мира — папством, которое без поддержки со стороны императора само могло деградировать до положения локальной власти. Однако решение этих двух задач неизбежно ставило перед Оттоном I новую проблему — урегулирование в Южной Италии взаимоотношений с Византией и столкновение с недавно появившимся новым опасным противником — сарацинами. Поскольку же географическим, историческим и государственно-политическим центром Италии был Рим, в нем и следовало приводить в действие рычаги для решения всех перечисленных проблем. Именно поэтому Оттон I и пошел в Рим еще прежде, чем были полностью покорены его противники в Северной Италии. Не решаясь устроить в Риме свою постоянную резиденцию, он возвращался туда всякий раз, как возникала необходимость разрешения конфликтов или принятия важнейших решений общеимперского значения. (Всего в Риме Оттон I побывал девять раз, проведя там в общей сложности шесть с половиной месяцев.) Устройство постоянной резиденции (столицы) было весьма проблематично для того времени, когда король правил страной «из седла», непрерывно объезжая свои владения. Применительно к Италии это было вдвойне сложно, учитывая в массе своей враждебное иноплеменное окружение и настороженно-подозрительное отношение родных саксов к итальянской политике короля. Провозглашение Рима столицей Империи встретило бы решительное возражение и со стороны папства, издавна привыкшего рассматривать Вечный город как свою вотчину, и, вероятнее всего, со стороны самих римлян (как это случилось при Оттоне III, о чем позднее пойдет речь). Как в Германии, так и в Италии король предпочитал иметь множество резиденций. Еще Карл Великий велел обустроить для себя временное жилище примерно там, где сейчас находится Ватиканский дворец, и там же обычно располагалась резиденция германских королей из Саксонской династии.

Из Рима императорская чета отправилась в Павию, служившую ей главным местопребыванием в Италии. Этот путь занял около полутора месяцев. Так долго, даже по тем временам, Оттон I добирался потому, что по дороге он решал важнейшие государственные дела. Готовясь к предстоящей борьбе, надо было собирать силы. Ощутимую поддержку в Италии, как и в Германии, он мог получить от епископов, которые в Ломбардии набирали силу по мере того, как падал авторитет королевской власти в предшествовавший период, иногда именуемый временем анархии. Еще до Оттона Великого итальянские епископы во главе собранных ими отрядов оказывали помощь немцам: в 956–957 годах Вальперт Миланский и Вальдо, епископ Комо, поддерживали Лиудольфа в его борьбе против Беренгара. Для установления и надежного поддержания своего господства в Италии Оттону I было недостаточно одних только немецких военных отрядов. Со всей очевидностью это проявилось, когда прорвалось наружу недовольство папы Иоанна XII, не желавшего опускаться до положения верховного имперского епископа и выполнять распоряжения того, кого он собственноручно увенчал императорской короной. Папа осознал масштабы постигшей его утраты, понял, сколь сильно ошибся в своих расчетах. Он пригласил Оттона I, чтобы обеспечить себе светскую власть, а тот прибрал к рукам город, который понтифик считал своей наследственной вотчиной. И не он один так думал: император, не просто обязавшийся защищать римскую церковь, но и собиравшийся господствовать над Римом и Италией, для многих был нежелателен. Оттон I держал себя в Риме весьма осмотрительно, и тем не менее вскоре уже само его присутствие там стало восприниматься как унижительное иноземное господство.

Определенное беспокойство должно было возникнуть у папы из-за того, что щедрыми пожалованиями Оттон I хотел привлечь на свою сторону прежде всего итальянское духовенство. Уже 21 февраля 962 года, находясь в Риньяно, севернее Рима, император подтвердил дарственной грамотой владения

монастыря Сан-Сальваторе в Тоскане. 13 марта, пребывая в Лукке, резиденции тосканских маркграфов, он аналогичным документом возобновил владения епископской церкви Сан-Мартино, некогда пожалованные ей королем Гуго и подтвержденные Лотарем, которых он, что следует отметить, называл своими предшественниками, желая тем самым подчеркнуть законную преемственность своей власти в Италии. И в дальнейшем он не упустит случая напомнить, что является преемником не только итальянских королей, но и императоров Карла Великого, Людовика Благочестивого, Лотаря и Людовика Немецкого, не называя имен последующих правителей, чья императорская власть стала чисто номинальной. В тот же день он предоставил большие и важные привилегии епископу Пармскому Губерту: графские полномочия в Парме, право собирать пошлины и все государственные подати, исполнять функции специального королевского представителя и по собственному усмотрению назначать делопроизводителей (нотариусов), что могло объясняться наличием тесных дружественных отношений с ним. В качестве лица, ходатайствующего о пожаловании дарственных дипломов, выступает императрица Адельгейд, тем самым не только проявляя заботу о благополучии итальянской церкви и о спасении души, но и объективно способствуя расширению круга сторонников Оттона I, укреплению его положения в Италии. Дипломы датированы «первым годом империи государя Оттона I». Эти документы убедительно свидетельствуют о том, какие цели преследовала его итальянская политика, и о его намерении опираться прежде всего на епископов. Духовенство по достоинству оценило проявленное к нему внимание: в повествовании о переносе мощей Св. Епифания из Италии в Германию говорится, что Оттон I восстановил итальянские церкви, разоренные свирепыми и алчными правителями (нетрудно догадаться, кем именно: Беренгаром и его супругой Виллой).

На Пасху (30 марта) Оттон I прибыл в Павию, где пробыл свыше месяца, поглощенный государственными делами. Если

в период своего первого пребывания в Италии он совсем не занимался вопросами управления (видимо, не успел), то теперь уделил им внимание. Речь идет о создании итальянского отделения имперской канцелярии и об учреждении должности эрцканцлера (архикапеллана) для Италии. Эрцканцлер являлся руководителем королевской канцелярии. Эта высшая государственная должность впервые упоминается в документах в начале IX века. Некоторое время функции эрцканцлера совмещались с должностью архикапеллана, который со времен Карла Великого руководил капеллой придворного духовенства, являвшейся, помимо исполнения литургических обязанностей, королевской канцелярией. С X века титул эрцканцлера вытесняет более древнее название архикапеллана. Архиепископы Майнцский, Кёльнский и Трирский исполняли обязанности эрцканцлера, а со второй половины X века эта должность постоянно закрепилась за архиепископом Майнцским.

Теперь Оттон I унифицировал имперское управление, распространив его и на Италию. Так, если в грамоте от 2 апреля, подтверждающей права и привилегии, предоставленные монастырю Лено его предшественниками, архиепископ Кёльнский Бруно упоминается как архикапеллан, а в аналогичной грамоте от 9 апреля, пожалованной монастырю Сан-Пьетро в Павии, он же поименован как эрцканцлер, то уже в дипломе от 20 апреля, коим император подтверждает обширные права и привилегии епископской церкви в Реджо в качестве эрцканцлера фигурирует епископ Модены Видо. Таким образом, Италия, ставшая составной частью империи Оттона I, обрела собственного, отдельного от Германии, начальника своей государственной канцелярии, и им стал прелат, занимавший аналогичную должность при Беренгаре. Тем самым император не просто привлекал на свою сторону еще одного крупного итальянского феодала, но и в очередной раз подчеркивал преемственность своей власти. Однако ответственную должность пфальцграфа (при Оттонах он отвечал за управление государственными, королевскими имениями и за судопроизводство на

территории отдельных герцогств или составных частей империи — в Италии, а затем и в Бургундии — и рассматривался в качестве королевского противовеса политическому влиянию герцогов) занял маркграф Отберт, сопровождавший Оттона I из самой Саксонии и пользовавшийся его особым доверием.

Во время этого пребывания в Павии Оттон I провел — возможно, без предварительного согласования с папой (не присутствовали ни он сам, ни кто-либо из его полномочных представителей) — новый синод, на котором рассматривались многие вопросы церковной жизни, в том числе и некоторые из тех, что уже были решены в Риме два месяца тому назад. Уподобляясь Константину Великому, Оттон активно вмешивается во внутрицерковные дела, в какой-то мере оттесняя на второй план самого папу, и было бы трудно возразить Иоанну XII, если бы он усмотрел в этих действиях императора нарушение его собственных прав. Тогда, к примеру, еще раз обсудили дело Ратгера, в свое время пострадавшего от произвола Беренгара, и восстановили его в должности епископа Веронского. Ратгер добился торжества справедливости не в последнюю очередь благодаря своим дружеским отношениям с братом императора, архиепископом Кёльнским Бруно. В этом можно видеть еще одно подтверждение существования близких отношений между феодалами Германии и Северной Италии, благодаря которым итальянская политика Оттона I находила поддержку как в той, так и в другой стране. Марка Верона, занимавшая важное стратегическое положение на пути из Германии в Италию, как и десять лет назад, была присоединена к Баварии, а в саму Верону на должность графа был назначен немец.

Меч и мантия

Из Павии в мае 962 года Оттон I начал войну против итальянского королевского дома, хотя и оттесненного, но еще не поверженного. Беренгар собрал отовсюду своих сторонников и укрылся с ними в неприступной крепости Сан-Лео, расположенной на скале, неподалеку от Сан-Марино. Его сыновья

Адальберт, король-соправитель, и Видо, маркграф, рыскали по стране, удерживая со своими сторонниками крепости Гарда у одноименного озера и Вальтравалья у озер Лаго-Маджоре, а также остров Комачина на озере Комо. Королева Вилла укрылась на небольшом острове Сан-Джулио на озере Орта. Оттон I выступил сначала против Виллы, возможно, потому, что имевшегося в его распоряжении войска было еще недостаточно для взятия такого мощного укрепления как Сан-Лео (собираение военных контингентов тогда шло полным ходом). Не исключено, впрочем, что у него имелся и определенный расчет, который, как далее увидим, не оправдался. Все подходы к озеру были заблокированы, а противник ежедневно подвергался обстрелам луков, катапульт и других орудий. Наконец, спустя два месяца, королева была вынуждена капитулировать и отдать остров, который в свое время Беренгар отобрал у епископа Новары и который теперь Оттон I возвратил прежнему дельцу. Сдавшемуся в плен Виллу император вскоре отпустил на свободу — то ли это было предусмотрено условиями капитуляции, то ли Оттон I надеялся своим великодушием обезоружить противницу и побудить ее к тому, чтобы она и супруга своего уговорила сложить оружие. Эти благие упования оказались тщетными: своенравная дама тут же отправилась к Беренгару лишь за тем, чтобы подстрекать его к еще более упорному сопротивлению.

В августе 962 года Оттон I несколько недель находился в районе озера Комо, видимо, чтобы продолжать борьбу против сыновей Беренгара и их сторонников, предположительно сосредоточившихся как раз в этой местности. Одновременно он потребовал от епископов близлежащих областей собрать войско для осады крепости Гарда на берегу одноименного озера. Сделать это Оттону I было тем проще, что и раньше участие в военных действиях отрядов, собранных, а зачастую и возглавленных итальянскими епископами, считалось обычным делом. Еще в начале X века значительная часть бремени по отражению мадьяр, вторгавшихся в Италию, ложилась на епископов,

поэтому король Беренгар I предоставлял им право строить укрепления, вследствие чего многие из них владели хорошо укрепленными городами и крепостями. Оттон I возобновил это право поддерживавших его епископов. Напомню, что епископы Вальперт Миланский и Вальдо из Комо помогали Лиудольфу, когда тот в 956–957 годах воевал против Беренгара II, а епископ Верчелли Атто даже обратился с письменным воззванием к своим собратьям по служению, побуждая их всячески помогать королю, хотя он же в сочинении «О притеснениях церкви» резко выступал против злоупотреблений со стороны королевской власти, использовавшей духовных сановников в политических целях. В своей резкой критике царивших в церкви порядков он то и дело ссылаясь на древние авторитеты, например, на Амвросия Миланского, запрещавшего священникам носить оружие: «Поэтому говорит блаженный Амвросий: “Военное дело кажется чуждым нашему служению уже потому, что мы стремимся служить более душе, нежели телу”».

Немецкое войско, прибывшее в 961 году в Италию, по своему составу сильно отличалось от приведенного Оттоном I во время его первого итальянского похода. Если тогда король опирался на отряды герцогов, то на сей раз герцоги полностью отсутствовали и основная нагрузка легла на епископские контингенты. Из Германии с королем пришли архиепископ Гамбургский, епископы Хильдесхаймский, Минденский, Оснабрюкский, Шпейерский и Страсбургский. Но этого было мало: когда Оттон I выступил весной 962 года на борьбу против Беренгара и его сыновей, ему потребовалась поддержка и итальянских епископов, с которыми у него еще осенью 961 года установились хорошие отношения: почти все они, как помним, вышли навстречу ему, приветствуя его. Последующий ход событий показал правильность этой политики императора. Итальянские епископы активно участвовали в военных действиях против Беренгара. Повинуясь приказу Оттона I, они со-

брали ополчение для осады Гарды, продолжавшейся с августа 962-го по декабрь 963 года.

Осада занятой Адальбертом крепости затянулась, и Оттон I в сентябре 962 года вернулся в Павию, где собирался провести зиму. В его ближайшем окружении в это время находились многие итальянские епископы. Эрцканцлеру Видо Моденскому тогда было пожаловано богатое аббатство Нонантола, которого тот давно добивался. Не были обойдены императорским вниманием и светские феодалы, доказавшие ему свою преданность. Павия в эти месяцы была столицей не только Ломбардии, но и всей империи Оттона I (как в античности: «Где император, там и Рим»), поэтому пожалованные там дарственные грамоты были адресованы не только итальянским, но и немецким получателям.

В Павии же приключилась история, весьма типичная для итальянских походов германских королей. Епископу Хильдесхаймскому Отвину, неизменному спутнику короля в его походе в Италию, удалось с помощью одного из подвластных ему священников похитить мощи святого Епифания из мраморного гроба, замурованного под полом церкви. Это дерзкое похищение мощей второго по значению святого покровителя Павии вызвало всеобщее возмущение духовенства, первоначально разделявшееся и Оттоном I. Однако преступник, несмотря на предпринятое расследование, не был изобличен, поскольку он уже успел переправить свою добычу в надежное место — в монастырь Райхенау в Германии. Затем, получив у императора разрешение на отлучку, Отвин увез драгоценную реликвию в свое епископство — в Хильдесхайм, куда он триумфально прибыл в феврале 963 года. Не менее важным для Хильдесхайма приобретением явились книги теологического и философского содержания, тогда же привезенные Отвином из Италии. Они восполнили большой дефицит литературы, ощущавшийся в Хильдесхаймском епископстве, однако их дальнейшая судьба оказалась печальной: книги сгорели во время большого пожара 1013 года.

Эта воистину детективная история с похищением и вывозом святых реликвий и книг имеет прямое отношение вопросу о культурном влиянии Италии на Германию в эпоху Оттонов. Вопрос этот при всей своей кажущейся очевидности тем не менее вызывает споры. Если одни усматривают в этом влиянии существенный импульс для культурного подъема Германии при Оттонах (так называемое Оттоновское возрождение, о котором еще будет рассказано более подробно), то другие смотрят на это весьма скептически: по их мнению, Италия в X веке не имела собственной культурной жизни, представляя собой лишь территорию, хранившую воспоминания о римской и раннехристианской культуре; немцам она могла предложить не идеи, а только материальные свидетельства о былом. Что касается самого Оттона I, то, на мой взгляд, совершенно очевидно его стремление перенести итальянскую культуру в Германию, для чего он приглашал на свою родину итальянских ученых и даже отдавал распоряжение о транспортировке колонн из Равенны для строительства собора в Магдебурге, подобно тому, как в свое время Карл Великий распорядился привезти из Италии подлинные античные колонны для собора в Ахене. Вместе с тем приобретение мощей святых имело и важное политическое значение: воссозданная Оттоном I империя, нуждаясь в собственном оправдании и возвышении своего авторитета, как раз и восполняла этот дефицит вывозом из Италии святых реликвий.

Отпраздновав Пасху 963 года (19 апреля) в Павии, Оттон I еще на некоторое время задержался в этом городе. Здесь и дошли до него слухи о том, что папа, нарушив свои клятвенные обязательства, вступил в соглашение с Адальбертом, который после изгнания из Италии отправился к арабам во Фраксинет — своего рода разбойничье гнездо у западных отрогов Альп, откуда совершались нападения на соседние территории, а затем на Корсику. Когда Оттон I узнал, что Иоанн XII пригласил к себе Адальберта для оказания ему помощи, он направил надежных людей в Рим, чтобы удостовериться

ся в правдивости почти невероятного слуха. Посланцы, досконально расследовав дело, сообщили скандальные сведения о папе, полученные от римлян, в частности, что он собирается действовать заодно с Адальбертом, сверх того передав много жалоб на его беспутный образ жизни. Оттон I, выслушав сообщение, будто бы не поверил этим жалобам, сказав: «Он еще мальчик, и его легко можно исправить примером добрых мужей». Император еще надеялся воздействовать на папу уговорами, обращением к его совести, дабы удержать его от дальнейших неблагоприятных и опрометчивых поступков. Гораздо более важным представлялось ему окончательное устранение Беренгара.

В конце апреля 963 года Оттон I в сопровождении супруги отправился из Павии на корабле вниз по реке По, по пути посетив Равенну, и уже 10 мая был с войском у Монте-Фельтро (неподалеку от Сан-Марино). Там в крепости Сан-Лео, расположенной на неприступной скале, нашли свое последнее убежище Беренгар, Вилла и их дочери. Император считал нужным лично возглавить военную операцию против Беренгара. Его войско в значительной мере состояло из ополчения, предоставленного итальянскими епископами, причем пятеро из них лично приняли участие в походе. Вероятно, там же находился и служивший верой и правдой императору Лиутпранд Кремонский, поскольку именно он осенью того года, спустя несколько месяцев, был направлен с важной миссией в Рим. Во время второго итальянского похода Оттона I Лиутпранд Кремонский или находился при императоре, или выполнял его важные поручения. Оттон, не доверяя папе и понимая, сколь серьезным противником является Беренгар, вызвал также подкрепление из Германии: архиепископ Трирский получил распоряжение прибыть с войском в Италию. Императору нужны были военные контингента прелатов для борьбы против Беренгара, а их голоса — для становившейся неизбежной тяжбы с папой.

О штурме крепости, в которую вела лишь узкая тропинка, нечего было и думать, поэтому пришлось приступить к осаде, чтобы голодом принудить осажденных к капитуляции. Крепость окружили со всех сторон, однако осада безрезультатно продолжалась до конца лета. Осажденные питали надежду на то, что их выдержка будет вознаграждена, когда итальянский народ, внемля призывам Адальберта и папы римского, поднимется на их защиту. А между тем в лагере у стен Сан-Лео, раз там находился государь, продолжалась и обычная государственная деятельность, в коей проявилась благосклонность императора к ряду епископов, права и привилегии которых были тогда подтверждены. Несколько опережая события, Оттон I подарил своему эрцканцлеру и старшему советнику епископу Видо Моденскому все, чем владели Видо и Коно, сыновья еще не капитулировавшего Беренгара, в графствах Модена, Болонья и Реджо. Уже тогда Оттон I начал устанавливать полезные во многих отношениях связи с Венецией: 26 августа он подарил некоему венецианцу, «верному человеку», королевский двор и прочие владения в графстве Треviso и подтвердил владельческие права и привилегии венецианского монастыря Св. Захарии. Там же, у горы Сан-Лео, Оттон I устроил суд, на котором восстановил поправленные права вдов, сирот и многих других, обратившихся к нему. Не забывал император и о другом деле, которому уделял много внимания на протяжении всего своего пребывания в Италии — о приобретении святых реликвий. Он отправил в Германию епископа Шпейерского, по его заданию доставившего мощи святого Геронтия в новую столицу Саксонии город Магдебург. Святые реликвии нужны были для возвышения авторитета Магдебурга, который должен был стать, по замыслу Оттона I, центром христианской миссии среди славян, а затем и экспансии немцев в Восточной Европе — столицей немецкого Востока, как его впоследствии прозвали.

Эти государственные заботы разгоняли скуку монотонного течения затянувшейся осады. Не давал заскучать Оттону I и

папа римский: как раз в это время были задержаны в Капуе гонцы с посланиями от Иоанна XII к византийскому императору и мадьярам, благодаря чему выяснилось, что вероломный понтифик намерен вступить в союз не только с православными византийцами, но и с язычниками. У Оттона I появились бесспорные доказательства вины папы. Когда тот узнал, что его козни раскрыты, он заподозрил, что кто-то из его посланцев предательским образом добровольно отдался в руки германского императора и открыл ему секретное поручение. Его подозрение пало на послов в Константинополь — того самого кардинала-диакона Иоанна, которого он в свое время отправил к Оттону I с приглашением явиться в Италию, и его товарища по миссии епископа Веллетри Льва. Чтобы удостовериться в обоснованности своих подозрений и вместе с тем выяснить настроение императора, папа направил к нему посольство, как раз и заставшее его у крепости Сан-Лео. Посланники — а ими были протоскриптарий (начальник папской канцелярии) Лев и некий знатный римлянин по имени Деметрий — заявили, что папа отчасти признает жалобы на грехи своей молодости и обещает впредь не давать повода для нареканий. В свою очередь и сами они высказали претензии к императору за то, что он вопреки данному слову принимает присягу верности на территориях, принадлежащих папе, и привечает у себя его вероломных подданных, таких, как епископ Лев и кардинал-диакон Иоанн. Оттон I с одобрением встретил изменение в устроении папы и даже снизошел до заверений в собственной невиновности; он полностью отверг обвинения в нарушении верности, ибо обещал передавать папе все территории святого Петра (Папская область), какими завладеет, и именно поэтому он собирается изгнать Беренгара с его семейством, чтобы освобожденные от его власти земли передать папе.

Оттон I счел необходимым направить в Рим ответное посольство в составе двоих епископов, одним из которых был Лиутпранд Кремонский, дав в поддержку им несколько рыца-

рей. Епископы должны были клятвенно засвидетельствовать невиновность императора, а рыцари — подтвердить это поединком, ежели того потребует папа. Однако по весьма нелюбозному приему послы почувствовали неприязнь папы к Оттону I: ни клятвой, ни поединком Иоанн XII не пожелал удостовериться в невиновности императора, а спустя неделю отправил посольство назад. Очевидно, переговоры ему были нужны лишь для того, чтобы выиграть время, в течение которого он предпринимал шаги против императора, ибо еще прежде, чем возвратились императорские посланцы, в Риме объявился Адальберт, нашедший там исключительно теплый прием.

Эти тревожные вести заставили Оттона I незамедлительно принять меры. Он разделил свое войско, оставив часть воинов, в основном итальянские контингенты, под предводительством верных императору епископов Модены, Тортон и Пьяченцы, для продолжения осады Сан-Лео. Переждав в прохладной горной местности жаркую пору, Оттон I во второй половине сентября с основными силами направился к Риму. В октябре он разбил лагерь у стен города. В Риме же в ту пору произошел раскол: хотя большинство было на стороне папы, однако значительная часть знати открыто заявила, что поддерживает императора, и призывала его на помощь. Иоанн XII, поначалу настроенный весьма решительно, лично руководил организацией обороны города (его даже видели в полном боевом снаряжении с мечом на боку). Однако в этой обстановке он не отважился вступить в открытую борьбу с императором и предпочел бросить Святой престол и бежать вместе с Адальбертом, скрываясь, по выражению современника, «подобно дикому зверю» в лесах и горах Кампании, предварительно прихватив с собой большую часть церковной казны. Впрочем, по некоторым сведениям, папа, напуганный приближением императора, бежал, прихватив казну, еще до его прибытия, так что упомянутой выше «героической» обороны Рима и не было вовсе.

После этого римляне, каково бы ни было их отношение к императору, не посмели оказать ему сопротивление и со всевозможными почестями встретили его. 3 ноября во главе войска Оттон I во второй раз вступил в Рим — на сей раз в качестве победителя над папой. Император в полной мере воспользовался своей победой: римляне не только поклялись хранить ему верность, порукой чему должны были служить данные ими заложники, но и присягнули, что никогда впредь не выберут и не рукоположат папу римского, предварительно не заручившись согласием императора Оттона I и его сына короля Оттона II. Эта клятва римлян представляла собой модификацию прежнего соглашения с императором о выборах папы. Лиутпранд Кремонский говорит о ней как о дополнении к новой присяге на верность, принесенной тогда римлянами. Тем самым они поступились своим важнейшим правом по собственному усмотрению замещать папский престол, а император приобрел привилегию, которой в таком объеме никогда не обладал даже Карл Великий. Реализация этой прерогативы фактически означала бы включение папы в систему имперской церкви. Благодаря тому, что замещение престола Св. Петра теперь должно было точно так же зависеть от воли Оттона I, как и пожалование архиепископств и епископств в Германии и Италии, не только укреплялось его господство в Риме, но и появилась возможность в значительной мере влиять на всю западную церковь. Далеко за пределами его империи теперь должны были прислушиваться к повелениям зависимого от него папы.

6 ноября 963 года в церкви Св. Петра открылся по инициативе Оттона I синод для суда над папой. Председательствовал и фактически выступал в качестве судьи сам император. Это противоречило и традиции, и церковному праву, однако чрезвычайные обстоятельства допускали подобного рода нарушение (для оправдания действий Оттона I Лиутпранд передает слова, якобы сказанные римлянами: «Небывалую язву надлежит истреблять еще не виданным средством»). В какой-то ме-

ре оно компенсировалось широким представительством иерархов церкви: присутствовали архиепископы Миланский, Равеннский и Гамбургский, а заболевший патриарх Аквилеи прислал своего доверенного; явились 36 итальянских и два немецких епископа, а кроме того все римское духовенство и служители Латерана. Были допущены в большом количестве даже миряне — представители римской знати и городского ополчения. Благодаря этому суд Должен был стать предельно открытым и гласным. Лишь сам папа, как и следовало ожидать, не явился, о чем, открывая собрание, первым делом выразил свое сожаление император, поинтересовавшийся затем причинами его отсутствия. Ему ответили, что причины ясны, ибо папа даже и не пытается скрывать свои преступления. Тогда император потребовал все изложить как можно подробнее, дабы можно было на основании этих фактов принять решение. И тогда один из прелатов заявил, что сам видел, как папа служил мессу, не приняв причастия; другие сообщили, что видели, как он рукоположил диакона на конюшне в неурочный час. Было зачитано и письменное обвинение, в коем говорилось, что папа пропускал всенощные и заутрени, за деньги назначал епископов, однажды даже рукоположив десятилетнего мальчика, грабил церкви, а о его распутстве было широко известно; не таясь, он отправлялся на охоту; своего крестного Бенедикта он велел ослепить, вследствие чего тот умер; одного римского священника он велел оскотить; его видели с мечом, в шлеме и латах — в полном воинском облачении (канонический запрет ношения оружия здесь был, таким образом, использован в качестве средства политической борьбы). Мало того, так он еще пил за здоровье сатаны, а при игре в кости выкрикивал имена языческих богов.

Все это были страшные обвинения, и после того как присутствующие единодушно удостоверили клятвой их истинность, император одобрил предложение вызвать папу на синод, дабы тот получил возможность лично оправдаться. Было составлено ему письмо, в коем излагались основные пункты обвинения и

давалось заверение в том, что ему не следует опасаться иного наказания, кроме предусмотренного каноническим правом. Вызов на синод был вручен папе, однако тот и не думал являться, в ответном письме пригрозив епископам отлучением. Не им созданный синод он отказался признавать.

Этот ответ был зачитан на втором заседании синода, проведенном 22 ноября 963 года, на котором к прежним участникам присоединились еще архиепископ Трирский Генрих и три итальянских епископа — Модены, Тортоны и Пьяченцы. Это были те три епископа, которые остались обеспечивать осаду крепости Сан-Лео, где укрылись Беренгар с Виллой и дочерьми. Их прибытие могло означать, что крепость к тому времени уже капитулировала. Сочинили еще одно письмо папе, в котором указывалось, что он неподобающим, неканоническим образом отказался последовать вызову на синод, и еще раз было высказано требование лично явиться и опровергнуть, если сможет, выдвинутые против него обвинения. Если он сумеет оправдаться, то ему будет, как и прежде, оказываться должное послушание. Если же он не явится, то, не убоявшись его анафемы, самого его отлучат от церкви. Было поручено двум кардиналам передать письмо папе.

Когда посланники прибыли в Тиволи, где по последним сведениям должен был находиться папа, они его там не застали, поскольку он со своим поваром уехал на охоту. Так они ни с чем и вернулись на синод, собравшийся 4 декабря на свое третье заседание. На сей раз обвинителем выступил сам император, вменив папе в вину наиболее важные из доказанных преступлений: он объявил Иоанна XII вероломным предателем, вдохновившим и возглавившим внутреннюю войну, а также вступившим в союз с врагами Империи. Приговор синода гласил: сместить это чудовище с папского престола и избрать на его место более достойного.

Император утвердил принятое решение и поручил римлянам назвать кандидатуру нового папы. Синод единодушно избрал папой уже известного нам протоскриптария Льва. Лев был хотя

и мирянином, что могло оказаться препятствием для избрания, но человеком безупречной репутации. Оттон I познакомился с ним в лагере под Сан-Лео, куда тот прибыл в качестве посланника Иоанна XII. Желания синода и императора совпали, и последний сразу же одобрил этот выбор. Новоизбранного папу повели, как того требовал обычай, в торжественной процессии под пение хвалебных гимнов в Латеранский дворец. 6 декабря 963 года, в воскресенье, в церкви Св. Петра епископ Остии рукоположил Льва в сан священника, после чего тот в установленном порядке был рукоположен епископами Порто и Альбано в качестве папы Льва VIII. По завершении обряда новый папа принял от римлян присягу на верность. Тот факт, что Лев VIII до своего избрания не имел даже низшего духовного сана и в один день, вопреки каноническому праву, был проведен через все ступени духовной карьеры, возможно, давал врагам императора повод оспаривать законность свершившегося, однако новый папа был опытным в делах, к тому же известным и уважаемым в Риме человеком. Этого императору было достаточно.

В течение нескольких недель Рим был резиденцией Оттона I. На Рождество 963 года он предстал перед народом во всем великолепии своего императорского облачения, появившись вместе с супругой Адельгейд на богослужении в соборе Св. Петра. Многие церкви Рима получили тогда богатые подарки от императорской четы. Не забывал Оттон I и о приобретении реликвий: сам папа передал ему в церкви Св. Климента руку святой Фелицитаты; в благодарность за это император подтвердил папские владения, прибавив к ним еще Пентаполис (Пятиградье) и римскую часть Тосканы. Как раз в это время умер находившийся в Риме патриарх Аквилей, и Оттон I сразу же воспользовался своей прерогативой главы имперской церкви, в состав которой теперь был включен и папа римский: он назначил на вакантное место своего человека и велел папе Льву VIII вручить ему знаки патриаршего достоинства.

В эти дни триумфального успеха императора одна добрая весть следовала за другой: еще до Рождества пришло сообщение о взятии Гарды, а вскоре затем капитулировала и крепость Сан-Лео. Беренгара вместе с супругой и дочерьми отправили по распоряжению Оттона I в изгнание в Германию, где этот опасный враг и закончил свои дни, более не пытаясь противиться императору, тогда как три его сына продолжали борьбу. Казалось, наметились положительные перемены и в устроении Иоанна XII: узнав о своем смещении с папского престола, он будто бы из чувства раскаяния разорвал союз с Адальбертом, не отказавшимся от притязаний на Итальянское королевство и потому отправившимся за поддержкой к своим друзьям на Корсику.

От мятежа к мятежу

Однако судьба ни к кому не бывает безгранично милостива, и на долю Оттона I тогда выпало серьезное испытание. Выяснилось, что он еще плохо знал непостоянный нрав римского народа. Чтобы не обременять чрезмерно жителей Рима, он сразу после избрания папы Льва VIII вывел из города большую часть своего войска, оставив себе лишь незначительную охрану (решение об отводе из Рима основной части войска было принято, очевидно, в связи с капитуляцией крепости Сан-Лео и пленением Беренгара, а также расторжением союза между Иоанном XII и Адальбертом). Как вскоре выяснилось, это была роковая ошибка, едва не стоившая ему жизни. Смещенный папа Иоанн XII, находившийся поблизости от Рима и хорошо информированный о всех событиях в городе, решил воспользоваться сокращением численности императорского воинства. Зная, сколь падки римляне на золото, он через тайных агентов пообещал им все сокровища римских церквей, если они согласятся убить императора и поставленного им папу. Богатая добыча соблазнила римлян, и возник заговор, в котором оказались замешаны также и многие крупные феодалы (владельцы замков, так называемые кастеляны) Кампании.

И все же, думается, нельзя объяснить мятеж только тем, что римляне, позарившись на золото, забыли про честь и совесть (не все же были под стать Иоанну XII), хотя для падкой на поживу черни это и могло служить достаточным основанием. Причиной, по которой низложенного папу поддержали феодалы, могло быть уважение к заслугам его отца, но вероятнее всего — ненависть к чужеземным господам. 3 января в Риме началось восстание. Римляне поднялись по сигналу трубы и, не рассчитывая встретить отпор со стороны малого числа сторонников Оттона I, сбежались, чтобы убить его. Дабы лишить императора и папу возможности для бегства, они повозками перегородили мосты через Тибр. Восставшие надеялись захватить Оттона I врасплох, однако нашли его с рыцарями, готовыми к бою. Это обстоятельство порой истолковывается так, что император будто был предупрежден о готовящемся на него покушении. Едва ли можно согласиться с подобной трактовкой, ибо в этом случае Оттон I должен был бы подготовиться более основательно. Врасплох не удалось его застать потому, что его отборное рыцарство всегда было в боевой готовности. Его опытные в военном деле спутники бросились на римлян и рассеяли их, по выражению Лиутпранда Кремонского, «словно соколы стаю мелких птиц». Обратившимся в бегство нигде не было спасения, даже в ямах для нечистот; избиение продолжалось до тех пор, пока император из милости не прекратил резню.

Поражение римлян было полным. На следующий день они добровольно предоставили императору сто заложников и вновь поклялись повиноваться и соблюдать верность ему и папе Льву VIII. Оттон I считал, что на сей раз достаточно убедительно продемонстрировал жителям папской столицы, сколь малого они могут добиться, выступая против него с оружием в руках. По просьбе папы он даже возвратил им всех заложников, в очередной раз проявив свое великодушие. Видимо, заступничество Льва VIII (будто бы бросившегося в ноги Оттону I) не было бескорыстным актом милости: новый папа

хотел снискать симпатии римлян, и прежде всего их наиболее знатной части, из среды которой эти заложники, скорее всего, и происходили.

Пробыв в Риме еще неделю, Оттон I покинул город, дабы установить свою власть над герцогством Сполето и маркграфством Камерино. По имевшимся сведениям, в тех местах находился Адальберт. Верный однажды избранной стратегии, Оттон I продолжал привлекать к себе сторонников из числа духовенства. В феврале он подтвердил все владельческие права и привилегии монастыря Св. Михаила в Баррее, а затем монастыря Монте-Кассино, спустя некоторое время подарив этот монастырь епископу Альберiku, предстоятелю епископства Марсика, заодно подтвердив все его имущественные и прочие права и привилегии. Епископ не остался в долгу перед императором, позволив ему забрать из монастыря мощи святой Фелицитаты (той самой, руку которой он уже получил в Риме от папы Льва VIII) и семи ее сыновей. Иначе Оттон обошелся с графом Марсики, вместе с епископом приветствовавшим его: для обеспечения верности он потребовал от него заложников.

Тем временем римляне в очередной раз продемонстрировали императору, сколь мало можно им доверять. Счастье Оттона I (словно сам Бог помогал ему) должно было бы держать их в узде, однако слишком тяжело переживали они господство северного чужака и слишком глубоко сожалели о том, что принесли ему в жертву свои привилегии. Едва император покинул Рим, как там опять началось движение в пользу изгнанного папы, организованное знатными дамами, с которыми тот находился в близких отношениях. Опять, как и совсем недавно, среди римлян произошел раскол, и Иоанн XII, приглашенный сторонниками, тотчас вернулся из Кампании, где до сих пор скрывался, в город с большим войском. Вся тяжесть ненависти, которую он испытывал к императору, обрушилась на папу Льва VIII, и тот уже на третий месяц своего понтификата был вынужден покинуть Рим и, лишенный почти всех средств, в сопровождении немногих спутников бежать к Оттону I в мар-

ку Камерино. Там, вдали от Рима, они вместе праздновали Пасху (3 апреля), поскольку у самого императора тогда не было достаточных военных сил, дабы сразу двинуться на Рим. Видимо, в декабре 963 года Оттон I не просто вывел большую часть войска из Рима, но и распустил ополчение по домам, и теперь, чтобы собрать его, требовалось время.

Нашлись еще двое, на ком Иоанн XII выместил свою злобу: он учинил расправу над обоими посланниками, которые в свое время по его же поручению пригласили Оттона I в Рим. Кардиналу-диакону Иоанну он велел отрубить правую руку, а протоскринарию Аццо отрезать язык, нос и два пальца правой руки. То ли это была месть за измену, то есть сотрудничество с императором, то ли он хотел так покарать их за полученный когда-то от них плохой совет — пригласить в Рим Оттона I. Не избежал злой участи и епископ Отгер Шпейерский, оставшийся в городе в качестве специального уполномоченного лица императора: его схватили, бичевали, а затем держали в заточении.

Утолив, таким образом, жажду мести, Иоанн XII открыл 26 февраля 964 года в церкви Св. Петра синод с участием шестнадцати епископов из прилегающих к Риму областей и римского духовенства, причем большинство из них на недавнем синоде голосовало за решения, принятые против него. Постановления синода от 4 декабря 963 года были объявлены не имеющими силы, а папа Лев VIII — лишенным духовного сана. При этом Иоанн XII, видимо, еще надеялся на соглашение с императором: решения его синода не были направлены против Оттона I, они определенно признавали императорскую власть в городе, и спустя некоторое время епископ Отгер Шпейерский получил свободу и был направлен к императору в качестве посредника. Но мог ли император вести переговоры с этим папой? Кроме того, любая уступка означала утрату им уже приобретенных и реально используемых прав. Однако Иоанну XII не суждено было убедиться в бесплодности предпринимавших им усилий и тщетности питаемых надежд, ибо

когда он одной из майских ночей покинул город, дабы предаться любовным утехам с чужой женой, его внезапно хватил удар, от которого спустя восемь дней (14 мая) он и умер в возрасте всего лишь двадцати семи лет, даже без последнего причастия.

Император тем временем вел военные приготовления, получив подкрепление и из Германии — набранную в Лотарингии его братом архиепископом Кёльнским Бруно тяжелую конницу во главе с герцогом Готфридом. Оттон I со своим войском уже находился на пути к Риму, когда к нему из города прибыло посольство. После смерти Иоанна XII римляне захотели примириться с императором, однако не желали принимать у себя Льва VIII, мести которого боялись. Поэтому их представители, сообщив о Божьем суде, свершившимся над низложенным и вновь воссевшим на престол святого Петра нечестивым папой, сразу же предложили в качестве нового папы кардинала-диакона Бенедикта. На это Оттон I ответил резким отказом, заявив, что пока держит в своей руке меч, не допустит того, чтобы Лев VIII лишился папского престола. Послы возвратились в Рим и передали ответ императора. Несмотря на это и вопреки клятве, данной Оттону I, что не будут без его согласия выбирать пап, римляне все равно избрали и рукоположили в папский сан Бенедикта V, клятвенно пообещав ему, что никогда его не оставят, а будут защищать от императора. Тем самым они еще раз попытались настоять на своем праве избрания папы, вырвать у императора эту прерогативу, которую тот уже считал своей.

Бенедикт V, получивший из-за своей редкой для того времени учености прозвище Грамматик, был достойным человеком. Он решительно осуждал развратную жизнь Иоанна XII и безобразное обмирщение римской церкви, поэтому сознательно принимал участие в синоде Оттона I против папы. И он тоже вместе с другими римлянами присягал императору не выбирать без его согласия и не рукополагать пап. Однако он вскоре раскаялся в этом, увидев церковь в полном подчинении у вер-

ховной светской власти. Как и многие представители римского духовенства, он вернулся к Иоанну XII и на его синоде участвовал в низложении Льва VIII, которого сам выбирал. Теперь он стал папой римским и был полон решимости отстаивать право римлян выбирать по собственному усмотрению и рукополагать пап и готов был до последних сил защищать свободу церкви от посягательств со стороны светской власти. Неизбежно назревало очередное столкновение папы с императором.

Хотя Бенедикту V не мог быть адресован ни один из упреков, которые заслужил Иоанн XII, Оттон I считал делом чести отстаивать Льва VIII. Его войско, состоявшее из немецких и итальянских контингентов, окружило Рим столь плотным кольцом, что никто не мог вырваться из города, не угодив в руки врагов и не подвергшись изувечению. Окрестности города были опустошены, так что осажденным грозил голод. И все же, несмотря на усиливавшуюся день ото дня нужду, римляне мужественно защищали город и своего папу Бенедикта V. А тот вдохновлял их на сопротивление: поднимался на крепостные стены и оттуда грозил императору и его войску анафемой; в полном сознании своего высшего духовного достоинства он распоряжался, невзирая на все опасности. Но осадные машины и голод сделали свое дело: римлян покинуло мужество, они сочли тщетным дальнейшее сопротивление и 23 июня 964 года открыли императорскому войску ворота города. Бенедикта V передали в руки Оттона I. Как не без сарказма написал итальянский хронист Бенедикт, тезка этого несчастного папы, бывший не слишком высокого мнения о римлянах, они оправдывали собственное клятвопреступление следующими словами: «Пусть лучше он один умрет за всех, дабы души наши избавились от мук голода». Выходит, голод мучил не только бранные тела осажденных, но и сами их души. Не мудрено, что Оттон I одолел их и во второй раз победителем ступил в Рим.

Лев VIII был торжественно, под пение хвалебных гимнов, встречен в Риме и восстановлен на папском престоле. И опять

римляне клялись над гробом святого Петра в верности императору и папе Льву VIII, которым, однажды присягнув, изменили и против которых еще несколько дней назад как враги сражались с оружием в руках. И на этот раз, как показали последующие события, они не придавали своей клятве слишком большого значения. У Оттона I, наученного горьким опытом, не было оснований всецело доверяться вероломным союзникам, поэтому он, дабы обезопасить себя от повторения случившегося, восстановил некогда существовавшую должность префекта Рима, назначив на нее некоего Петра, о котором нам известно лишь то, что он не оправдал доверия, позднее приняв участие в антипапском (а следовательно, и антиимператорском) мятеже, за что жестоко поплатился, о чем еще будет подробно рассказано.

Поскольку политическая раздробленность Италии в X веке делала невозможным совместное выступление в масштабах всей страны, сопротивление иноземному господству проявлялось в локальных восстаниях, саботаже и мелких акциях. Однако центром сопротивления всегда был Рим — очаг всевозможных волнений, в котором не только иностранные господа, но и собственные правители никогда не чувствовали себя в безопасности. В отличие от других регионов Италии, здесь еще были средства воспрепятствовать установлению прочного иноземного господства. То и дело прорывавшаяся наружу враждебность римлян была прямым следствием этого господства: они не могли чувствовать себя равноправным народом Империи, видя, что дружина германского короля обращается с ними, как победители с побежденными.

Спустя несколько дней опять был созван синод, открывшийся под председательством императора и папы в Латеранском дворце. Присутствовали два немецких архиепископа, Адальдаг Гамбургский и Генрих Трирский, многочисленные епископы, а также все римское духовенство и представители мирян. Бенедикта V судили как самозванца, сместили с папского престола и приговорили к изгнанию, правда, по просьбе Отто-

на I, при этом сохранив за ним сан диакона. Его мужество было сломлено, и он, покайсявшись, по одной из версий, в посягательстве на величие Римской империи, бросился в ноги императору и папе Льву VIII, чем до слез растрогал Оттона I. Тот не испытывал личной неприязни к низложенному папе и при иных обстоятельствах, отдавая Должное его достоинствам, возможно, предпочел бы его другим. Теперь же Оттон I переживал свой очередной триумф: императорская власть одержала верх над свободным папством. Бесславно закончилась отчаянная попытка наместника святого Петра отстоять свою независимость перед лицом усиливавшейся светской власти. Бенедикт был отправлен в изгнание в Гамбург. В Германию он прибыл в свите самого Оттона I, возвращавшегося домой, что может быть расценено как знак особого к нему расположения монарха. Здесь Бенедикт прожил еще несколько лет в почетном заточении, пользуясь уважением окружающих. Вместе с ним умерли последние живые традиции того свободного папства, которое возвысилось над руинами Каролингской империи.

Божий гнев и милость Божия

В начале июля, покинув Рим, Оттон I направился на север Италии. До сих пор дела его шли хорошо, ему удавалось все, и он на гребне успеха триумфатором собирался вернуться в родную Саксонию. И тут внезапно в войске в условиях летней жары разразилась эпидемия. Погибло множество народа, в том числе и недавно прибывшие на подмогу императору архиепископ Трирский Генрих и всеми любимый и уважаемый герцог Готфрид, верный помощник «эрцгерцога» Бруно. Эпидемии были настоящим бичом для немцев, совершавших в Средние века походы в Италию, поэтому сложилось даже мнение, что итальянский климат сыграл отрицательную роль в средневековой немецкой истории вообще. Позднее хронист Титмар Мерзебургский истолковал эпидемию 964 года как Божью кару за смещение папы Бенедикта V. Правда, Титмар не объясняет, почему сия кара не пала на головы главных виновников,

прежде всего самого Оттона I, которому удалось благополучно добраться до Лукки, где был более здоровый климат и где он провел несколько недель до начала августа. До нас дошло несколько дарственных грамот, составленных в Лукке, подтверждавших и расширявших права и привилегии итальянской церкви — как будто и вправду Оттон хотел искупить перед Всевышним совершенный грех. Особо следует сказать о грамоте, пожалованной 8 августа 964 года епископству Реджо: в ней специально оговариваются права монастыря на землю, некогда занятую лесом, подаренным монастырю самим Карлом Великим. То ли Оттон I хотел лишний раз напомнить о своей преемственной связи с великим императором, то ли это была и вправду какая-то особенная земля, из-за которой возникали разногласия, но уже на следующий день он опять жалуется этому епископству грамоту, в коей говорится, что под его личным председательством состоялся суд, решением коего подтверждается, что предыдущая грамота выдана епископу Реджо по распоряжению императора, вследствие чего обеспечиваются все перечисленные в ней владения и права епископства. Таким образом, справедливость восторжествовала: Оттон I по закону и совести рассудил своих сварливых подданных.

Наконец, когда, «по состраданию Божьему», эпидемия утихла, император отправился в горы Лигурии, чтобы предаться там своей любимой забаве — охоте. С наступлением зимы он перебрался в Ломбардию. Плодотворный год Оттон I завершил в Павии, где отпраздновал Рождество 964 года. После пленения Беренгара и восстановления на папском престоле Льва VIII вся Северная и Центральная Италия покорилась ему. В конце года Видо, епископ Комо, при поддержке франконского графа Удо завоевал, а затем стер с лица земли расположенную на острове на озере Комо Комачину, последнюю крепость Беренгара, продолжавшую сопротивление и после его капитуляции. Правда, Адальберт еще не отказался от своих притязаний на корону Ломбардии, однако не осмеливался оставаться в стране, бежав к арабам на Корсику.

Сразу после нового года Оттон I отбыл из Павии и направился на родину, «уладив в Италии дела королевства». По пути сделав остановку в Милане, в монастыре Св. Амвросия (очевидно, по желанию императрицы Адельгейд, пожелавшей почтить память погребенного там своего первого супруга Лотаря), он по ходатайству сопровождавших его советников-епископов, подтвердил владения и права монастыря Св. Марии в Павии. Так, ознаменовав еще одним богоугодным делом свое пребывание на земле Италии, Оттон I незамедлительно двинулся в Германию, пределов которой достиг через несколько дней. Его второй итальянский поход, продолжавшийся более трех лет, завершился. Это были годы, насыщенные событиями, ознаменовавшиеся триумфальными успехами и досадными неудачами. Главное было сделано: германский король возвращался домой с императорской короной. После долгой и трудной борьбы ему удалось водворить на папский престол безусловно верного ему человека, сделав, таким образом, папство составной частью системы имперской церкви. Неизмеримо упрочилось по сравнению с временами первого итальянского похода Оттона I его господство в Италии, хотя для этого ему пришлось бороться дольше и потратить гораздо больше сил, чем он, видимо, первоначально предполагал. Впрочем, мы не имеем достоверных сведений о его намерениях и дальнейших планах после обретения императорской короны: не исключено, что именно в Италии он собирался проводить значительную часть своего времени. Экспедиция Оттона I в Кампанию в 964 году дает основание предположить, что уже тогда у него зрели планы покорения Южной Италии, и это станет для него главной задачей во время его очередного похода на Апеннины.

ТРЕТИЙ ИТАЛЬЯНСКИЙ ПОХОД

Радости и тревоги императора

Едва Оттон I покинул пределы Италии, как его власть в этой стране вновь подверглась испытанию — не слишком серьез-

ному, как будто нарочно ниспосланному Всевышним для того, чтобы лишний раз продемонстрировать сомневающимся силу императора. Весной 965 года группа феодалов Ломбардии, симпатизировавших Адальберту и мечтавших видеть его своим королем, подняла восстание против немецкого господства. Повстанцев возглавили епископ Пьяченцы Сигольф и несколько графов. К находившимся в бегах Адальберту и его брату Видо были направлены гонцы с приглашением прибыть и взять на себя руководство. Те, как и следовало ожидать, не заставили себя долго упрашивать. Оттон I не считал происшедшее достаточно важным для того, чтобы возвращаться в Италию и лично возглавить подавление мятежа. Он направил туда герцога Швабии Бурхарда с одним лишь швабским ополчением, к которому позднее присоединились верные императору ломбардцы. Это войско на судах по реке По добралось до места, где находились восставшие. 25 июня произошло сражение. Маркграф Видо погиб, а Адальберт бежал в горы, где мог чувствовать себя в безопасности. Герцог Бурхард не стал его преследовать, а сразу же возвратился в Германию, чтобы доложить о победе Оттону I.

Возможно, Бурхарду следовало бы после одержанной победы еще задержаться на некоторое время в Италии, где оставался Адальберт. Последний не помышлял о капитуляции, зато активно поддерживал отношения со многими графами и епископами, до сих пор считавшимися сторонниками немцев. Этот мятеж, лишь слегка пошатнувший господство немцев в Северной Италии, для Оттона I был особенно неприятен тем, что изобличил как изменников тех, кого он считал своей опорой — епископов. Даже эрцканцлер Видо Моденский, более других попользовавшийся от щедрот императора, пошел на сближение с Адальбертом и будто бы по его заданию поехал в Саксонию, притворно изображая из себя человека, преданного Оттону I и прибывшего с целью выдать ему изменников. Однако тот его даже не принял (очевидно, на основании каких-то подозрений или своевременного доноса), а сразу же отослал

назад. Но не успел епископ Видо еще добраться до Италии, как его арестовали и доставили в Саксонию, заключив там под стражу — разумеется, не без ведома Оттона I. Остается лишь гадать, что послужило причиной перемены решения монарха, поскольку источники об этом молчат, так же, как и о причинах, по которым решились на мятеж против императора люди, пользовавшиеся его благорасположением и заявлявшие о своей преданности ему. Если предположить, что исключительно из корыстных побуждений они перешли в свое время на сторону Оттона I, а затем по той же причине решили сменить хозяина, то рисуется слишком неприглядный образ иерархов итальянской церкви. Впрочем, и император проявил в этом случае непонятную снисходительность, спустя некоторое время простив и снова приблизив к себе и Видо Моденского, и Сигольфа. А пока что эрцканцлером Италии был назначен епископ Пармы Губерт, также немало получивший от Оттона I. Губерт в свое время был канцлером Беренгара, и назначение его свидетельствовало о намерении императора обеспечить преемственность власти в Италии.

Если в Ломбардии власть немцев пошатнулась, то в Риме она оставалась незыблемой. Когда в марте 965 года умер папа Лев VIII, римляне, на сей раз не забыв о принесенной императору присяге, отправили послов в Саксонию с просьбой назначить нового папу, будто бы выразив при этом свое пожелание возвратить на папский престол изгнанного Бенедикта V. Оттон I с почетом принял посольство, однако своего решения относительно низложенного папы не изменил. Он направил в Рим в качестве своих уполномоченных двоих епископов, хорошо знавших обстановку в городе и уже не раз выполнявших его ответственные поручения, — Отгера Шпейерского и Лиутпранда Кремонского. Под их руководством был единодушно, как уверяют очевидцы, избран лично преданный императору епископ Нарни Иоанн, рукоположенный 1 октября 965 года под именем Иоанна XIII. Новый папа происходил из старинного римского рода Крешенциев, который тогда начал

возвышаться, вследствие чего возникли враждебные отношения между ним, с одной стороны, и семейством Альберика, давшим миру беспутного папу Иоанна XII, — с другой. Поскольку значительная часть римской знати продолжала поддерживать род Альберика, этот антагонизм мог быть полезен Оттону I, позволяя ему контролировать Рим в соответствии с испытанной тактикой «Разделяй и властвуй».

Около полутора лет, проведенных Оттоном I в Германии в период между вторым и третьим итальянскими походами, были заполнены государственными делами и заботами, но, к счастью для него, не теми, что после его первой экспедиции за Альпы. На сей раз сколь-либо значительных проявлений недовольства в стране не наблюдалось. Верные Оттону I люди поддерживали мир в государстве, обороняли его рубежи и даже влияли на ход дел в соседних странах. В Кёльне, где по случаю возвращения короля собрались все его родственники и цвет светской и духовной знати Германии, в июне 965 года был проведен рейхстаг, на котором Оттон I впервые предстал перед своими подданными во всем блеске недавно обретенного императорского достоинства. Среди многочисленных обсуждавшихся тогда вопросов особое внимание современников привлекла помолвка короля Франции Лотаря, племянника Оттона I, с его падчерицей Эммой, единственной дочерью Адельгейд от ее первого брака. И без того тесная связь между обоими государствами, частями некогда единой Каролингской империи, стала еще более прочной. Эта канувшая в Лету держава словно бы возродилась под скипетром империи Оттонов, когда под непосредственной властью представителей рода Оттона I оказалась вся территория бывшего государства Карла Великого. Кёльнский рейхстаг 965 года стал звездным часом Оттона Великого, триумфом его государственной и династической политики.

Тем больнее ранила его смерть старого служачи маркграфа Геро Железного 20 мая 965 года и особенно — неожиданная и безвременная, всего на сорок первом году жизни, кончина его

младшего брата Бруно, наступившая в ночь с 10 на 11 октября 965 года. Бруно на протяжении двадцати с лишним лет был его вернейшим помощником в делах, в последние годы совмещая две важнейшие должности, архиепископа Кёльнского и герцога Лотарингского, вместе с тем являясь и эрцканцлером Империи. Делами на западе государства Оттон I был занят до марта 966 года, дав графу Фридриху герцогскую власть над Лотарингией, которую тот исполнял еще при Бруно, а архиепископом Кёльнским утвердив Фолькмара, также ближайшего помощника покойного брата. Должность эрцканцлера перешла к сыну Оттона I, архиепископу Майнцскому Вильгельму, с того времени постоянно закрепившись за местоблюстителями этой старейшей в Германии епархии. Отношения с Западно-Франкским королевством (Францией), которым так много внимания уделял Бруно, теперь отошли на задний план. Новый, 966 год Оттон I встретил в Кёльне в обществе супруги Адельгейд и сыновей Оттона II и Вильгельма.

Однако императору не дано было долго наслаждаться этой семейной идиллией. К обычным повседневным государственным заботам добавились тревожные вести, поступившие из Италии и заставившие его поторопиться с очередным переходом через Альпы. Папа Иоанн XIII, очевидно, слишком усердно принявшийся проводить линию Оттона I в Риме, к тому же допускавший бестактность и высокомерие по отношению к римской знати, очень скоро вызвал вспышку недовольства в городе. Против него возник заговор, возглавленный префектом Рима Петром, которого император поставил на эту должность для соблюдения порядка, неким графом Ротфридом из Кампании и Стефаном, занимавшим ответственную должность вестиария (постельничего) во дворце папы. Помимо знати в движении приняли участие и многие представители народа, мечтавшие сбросить навязанного им папу, а вместе с ним и иноземное иго. 16 декабря 965 года папу схватили, избили и заперли в замке Святого Ангела, откуда он спустя некоторое время был переведен в Кампанию под надзор людей Ротфрида.

Те, однако, надзирали за ним недостаточно прилежно, и спустя несколько месяцев ему удалось бежать.

Волнения в Риме эхом отозвались и в Ломбардии, где король Адальберт, хотя и ослабленный недавним поражением на реке По, но не сломленный, готовился к продолжению борьбы и собирал своих сторонников. Примечательно, что он нашел помощника даже за пределами Италии: граф Удо из Франконии собирался прибыть, дабы совместно с Адальбертом покарать ненавистного им обоим Вальдо, епископа Комо, — ослепить его. Однако план графа был раскрыт раньше, чем удалось его осуществить, и он, обвиненный в измене императору, был вынужден отправиться в изгнание. Этот эпизод политической борьбы наглядно свидетельствует, сколь тесные связи существовали в то время среди итальянских и немецких феодалов, имевших общих друзей и общих врагов. На поддержку в Германии могли рассчитывать не только сторонники, но и противники императора.

Невеселое Рождество в Риме

События в Риме и Ломбардии послужили скорее поводом, нежели причиной очередного, третьего похода Оттона I в Италию, заставили его поторопиться с осуществлением Давно задуманного. Ближайшей задачей было восстановить пошатнувшееся господство в Северной и Центральной Италии, а затем и распространить свою власть на юг Апеннинского полуострова. Хотя мы и не имеем прямых документальных свидетельств того, что в голове императора уже тогда был готовый план покорить Южную Италию и заставить Византию считаться с собой, многими исследователями это рассматривается как нечто само собой разумеющееся.

Прежде чем отправиться в поход, Оттон Великий тщательно подготовился, что потребовало много времени. Поручив управление Саксонией своему верному соратнику Герману Биллунгу, он прибыл в Вормс, где по его распоряжению 15 августа 966 года, в день Успения Пречистой Девы Марии, открылся рейхстаг с участием всей знати королевства. Оттон I

официально объявил присутствующим о своем намерении совершить очередной итальянский поход и заручился их одобрением. Без этого он, возможно, не рискнул бы надолго покинуть Германию. Править страной во время его отсутствия, а заодно быть воспитателем юного короля Оттона II он поручил своему внебрачному сыну Вильгельму, архиепископу Майнцскому. После этого он сразу же отправился в путь вверх по Рейну и 21 августа уже был в Шпейере, 25-го — в Страсбурге, а затем, перейдя Альпы через перевал Септимер, ступил на территорию Италии. На сей раз с ним не было многочисленных немецких князей, поскольку он рассчитывал на поддержку верных ему итальянцев, обещавших предоставить в его распоряжение своих вассалов для похода на Рим. Из немецких епископов его сопровождали Лантвард Минденский и Отгер Шпейерский, хорошо знакомые с обстановкой в Италии и потому служившие ему советниками. В Ломбардии Оттон I не встретил сопротивления. Адальберт, хотя и не расставшийся еще со своими надеждами на власть, уклонился от столкновения с ним. Епископ Пьяченцы Зигольф и несколько графов, изменивших императору, были отправлены в изгнание в Саксонию и Франконию. 2 декабря, на пути в Рим, Оттон I был уже в графстве Пиза, где подтвердил владения епископа Вольтерры Петра, предоставив ему королевскую защиту и прочие привилегии.

Но еще прежде, чем Оттон I столь близко подошел к Риму, настроение в городе под впечатлением от приближения императора полностью переменялось. Сторонники изгнанного папы подняли восстание под водительством некоего Иоанна из рода Крешенциев, который будто бы собственноручно убил одного из зачинщиков переворота — графа Ротфрида. Очевидно, при тех же обстоятельствах погиб и вестийский Стефан. Так, спустя 10 месяцев и 28 дней Иоанн смог 12 ноября 966 года вернуться из изгнания в Латеран, причем римляне под водительством духовенства с пением гимнов вышли ему навстречу, с покаянием покорились ему и просили прощения.

Во время своего изгнания папа нашел дружеский прием у князя Капуи Пандульфа по прозвищу Железная Голова, который потом лично сопровождал его до Рима. В благодарность за оказанную услугу папа учредил в Капуе архиепископство, о чем, как сообщает источник, его просил сам Пандульф, причем первым архиепископом Капуанским стал его брат Иоанн. Наличие в Капуе своего архиепископства должно было повысить политический вес княжества и личный авторитет его правителя.

Если римляне, изображая радушный прием ими же изгнанному папе (ибо что могло послужить причиной появления искренней симпатии к нему?), надеялись избежать возмездия разгневанного императора, то они жестоко просчитались. Возмездие последовало сразу же, как только Оттон I на Рождество вступил с войском в Рим. На сей раз для римлян выдались невеселые рождественские праздники: 12 (а по другим сведениям 13) зачинщиков мятежа были схвачены и повешены, а многих представителей знати (консулов, как их называли) отправили в изгнание в Саксонию. Не пощадили даже останков уже покойных к тому времени Ротфрида и Стефана: их могилы были разрыты, а трупы растерзаны. Но наибольшее поругание выпало на долю префекта города Петра, которого схватили при попытке к бегству, возвратили в Рим и передали папе. Тот, не знавший пощады к побежденным врагам, велел обрезать ему бороду, а затем, в назидание всем, кто еще вздумает бунтовать, за волосы подвесить на конной статуе Марка Аврелия, стоявшей в то время на площади перед Латеранским дворцом, где все напоминало об императоре Константине, и, видимо, потому считавшейся его скульптурным изображением. Учиняя подобную экзекуцию, ее инициаторы, возможно, полагали, что первый христианский император, не отличавшийся кротостью нрава, одобрил бы их действия. Но этим для Петра мучения не закончились: сняв со статуи, его посадили задом наперед на осла, украшенный бубенчиками хвост которого он должен был взять в руки как узду. На голову ему на-

дели шутовской колпак и в таком виде возили по Риму. Затем его бичевали, бросили в темницу и после длительного заключения выслали за Альпы. Множество других людей было перебито или ослеплено.

Эта расправа над побежденными противниками, имевшая своей целью устрашение, даже в тот жестокий век показалась чрезмерно свирепой. Еще спустя два года, когда Лиутпранд Кремонский прибыл в качестве посла Оттона I к византийскому императору Никифору Фоке, тот напомнил ему о кровавости его господина, который казнил многих римлян мечом и через повешение, а других лишил зрения или отправил в изгнание. Лиутпранд, естественно, на это возразил, что были наказаны клятвопреступники и мятежники, выступившие против императора и папы римского. Самая жестокая из всех экзекуций, коим Оттон I подвергал строптивых римлян, не умиротворила их, не примирила с мыслью о необходимости подчиняться власти чужеземного короля. Это была ошибка Оттона I, ибо императоры, стремившиеся утвердить свое влияние в Италии, лишь тогда достигали успеха, когда демонстрировали спокойную, уверенную в себе силу и великодушие. Впрочем, есть и другие мнения: историки, одобрявшие итальянскую политику германских императоров, не осуждали и проявления их жестокости, поэтому, называя расправу над римлянами, учиненную Оттоном I и папой в декабре 966 года, ужасной, тем не менее признавали ее необходимой, поскольку надо было нагнать страху на переменчивых в своих настроениях жителей Рима, дабы обеспечить прочную власть в городе императора и поставленного им папы.

Плодотворный год

967 год был для Оттона I годом успехов. При участии папы и архиепископа Петра Равеннского, а также многих немецких и итальянских епископов он провел в начале января 967 года в соборе Св. Петра синод. Среди присутствующих был и князь Пандульф, обеспечивший папе безопасное возвращение в Рим. Владевший княжеством Капуа и, совместно с младшим братом

Ландульфом, княжеством Беневент, он благодаря Оттону I стал также маркграфом Сполето и Камерино. Его владения, таким образом, простирались от моря и до моря, охватывая значительную часть Южной Италии, что обеспечивало ему могущество, каким давно не обладал ни один из князей Италии. Это был смелый и честолюбивый князь, мечтавший о дальнейшем расширении своих владений, однако его устремления наталкивались на противодействие со стороны арабов и византийцев, что вызывало в нем заинтересованность в союзе с Оттоном I. Тот, в свою очередь, был весьма рад иметь такого союзника и охотно принял от него как своего ленника присягу на верность. Пандульфу отводилась весьма важная роль в реализации планов Оттона I относительно присоединения всей Южной Италии к Империи. Не забывая и о своих традиционных союзниках, император тогда же подтвердил все владения монастырей Субьяччо и Фарфа, не преминув отметить преемственность своей власти, законно воспринятой от лангобардских королей и императоров Каролингской династии.

В феврале 967 года Оттон I покинул Рим и направился на юг, выйдя за пределы своей прежней сферы влияния. В собственных притязаниях он мог опереться на исторический прецедент: в свое время Карл Великий повелевал герцогством Беневент, а потому ему тоже должны были подчиняться образовавшиеся на его месте княжества Беневент, Салерно и Капуа. В этом отношении он далеко продвинулся к своей цели: помимо Пандульфа, ему подчинился еще и его брат Ландульф, правитель княжества Беневент. Произошло это, вероятнее всего, полюбовно, поскольку тогда же по просьбе Ландульфа (которого он называет «нашим дорогим Ландульфом») Оттон I подтвердил все владения и привилегии епископа Беневентского. Неясной остается позиция князя Салерно Гизульфа, враждовавшего с братьями Пандульфом и Ландульфом. Возможно, тогда он еще не присоединился к Оттону I, но вероятно и то, что и Гизульф уже признал в то время над собой верховенство императора. Не будем гадать и множить версии, отметим

лишь, что Оттон I, возобновив старинные каролингские притязания на области Южной Италии, вступил в конфликт с Византией, император которой также претендовал на эти территории. Как показало последующее развитие событий, это был сознательный вызов. Начинался новый этап борьбы за Италию.

Из этой экспедиции Оттон I вскоре вернулся в Рим, а затем вместе с папой отправился через Салерно в Равенну, резиденцию последних императоров Западной Римской империи, чтобы там праздновать Пасху (31 марта). 23 марта он уже был в Равенне, пожаловав маркграфу Аледраму грамоту, закрепившую его права и привилегии и дававшую ему и его потомкам королевскую защиту. Ходатайствовала о пожаловании дарственной грамоты императрица Адельгейд, очевидно, и прежде знавшая упомянутого маркграфа. Таким образом, возобновлялись сохранившиеся еще с прежних времен связи с местной светской знатью, пополнявшей число сторонников императора. В Равенну съехалось множество светских и Духовных магнатов, принявших участие в проведенном императором одновременно рейхстаге и синоде, когда был решен ряд важнейших государственных и церковных вопросов. Присутствовали три архиепископа: Петр Равеннский, Вальберт Миланский и Радоальд Аквилейский, имевший также звание патриарха, и свыше пятидесяти епископов из Северной и Центральной Италии, а из немецких прелатов — только двое верных спутников Оттона I, Лантвард Минденский и Отгер Шпейерский. Из числа наиболее известных деятелей можно упомянуть эрцканцлера Оттона I Губерта Пармского и его смещенного предшественника Видо Моденского, а также Ратгера Веронского и Лиутпранда Кремонского.

В пригороде Равенны, близ позднеантичной церкви Сан-Аполлинаре, у стен монастыря Сан-Северо, Оттон I велел построить для себя дворец, где впоследствии неоднократно и подолгу жил. (И вообще в Италии Оттон I чаще всего устраивал свои резиденции у стен монастырей, способных обеспечить

всем необходимым его многочисленную свиту.) В какой-то мере его появление здесь было продиктовано желанием продемонстрировать Византии свое императорское достоинство, намерение закрепиться на территориях, служивших объектом и ее притязаний. Кроме того, Равенна по своему географическому положению была более удобна для управления Германией и Италией одновременно. При этом формально власть над городом должна была принадлежать папе: Оттон I восстановил тогда в полной мере Папскую область, возвратив ей Равенну и другие территории, давно от нее отторгнутые. Однако эта уступка в дальнейшем не мешала Оттону I осуществлять свои императорские права в Равенне, а позднее и передать город во владение императрицы Адельгейд.

То, к чему Оттон I тщетно стремился пять лет назад при своем первом посещении Рима — в полном единодушии с папой решать все духовные и светские вопросы, теперь свершилось. Важнейшим из решений синода в Равенне было учреждение Магдебургского архиепископства. С мечтой о нем как центре христианской миссии среди славян Оттон I жил все годы своего правления, неоднократно ходатайствовал перед папами. Иоанн XII, короновавший его императорской короной, даже выдал ему грамоту об учреждении Магдебургского архиепископства, но тогда из-за противодействия немецких прелатов и конфликта с папой не удалось реализовать уже принятое решение. На этот раз дело было доведено до конца. Император обратился с речью к участникам синода, сообщив, какого труда стоило обратить в христианство славян, а посему очень важно позаботиться о том, чтобы новообращенные остались верны христианской вере. Синод согласился, что Магдебург заслуживает быть центром христианской миссии среди славян Восточной Европы, и одобрил придание магдебургской церкви Св. Маврикия статуса архиепископства. В опубликованной по этому случаю 20 апреля 967 года папской булле новому архиепископству подчинялись епископства Бранденбургское и Хафельбергское. Вместе с тем императору предоставлялось

право учреждать в Магдебургской епархии новые епископства, в частности, Мерзебургское, Цейцское и Мейсенское. В этой же булле Иоанн XIII особо отметил заслуги Оттона I перед Римом и католической церковью, которые едва не погибли по вине врагов, но были им спасены и восстановлены в своем прежнем достоинстве. Далее Оттон I именуется августейшим из всех императоров, третьим после Константина (вторым, надо думать, подразумевался, по его заслугам перед христианством, Карл Великий), но больше, чем кто-либо другой, возвысившим римскую церковь. Именно с учетом всех этих заслуг Оттона I учреждаемое по его просьбе Магдебургское архиепископство должно было числиться среди первых и древних, то есть быть перворазрядным архиепископством.

Таким образом, две ближайшие задачи были решены: восстановлен порядок в Италии и учреждено, как хотелось Оттону I, Магдебургское архиепископство, и он мог бы возвращаться в Германию, если бы только ради этого и совершал свой третий итальянский поход. Но замыслы императора шли столь далеко, что это было лишь начало. Главное и самое трудное еще предстояло совершить. Вместе с тем Оттон I, как свидетельствуют документы, был постоянно занят и повседневной государственной работой. К числу таких его обязанностей относится суд. Куда бы он ни прибыл, к нему обращались с жалобами, по которым обязательно принималось решение. В те дни в Равенне под председательством его самого и папы Иоанна XIII состоялось заседание императорского суда, рассмотревшего жалобу архиепископа Равенны Петра на некоего Райнерия, посягнувшего на его имущество. Поскольку ответчик и после третьего вызова не явился в суд, он был подвергнут опале, а все его имущество перешло к архиепископу Петру. Патриарху Аквилеи Радоальду император пожаловал аббатство Сесто и владения, конфискованные у опальных лангобардов (инициатором пожалования выступил находившийся в ближайшем окружении императора Лиутпранд Кремонский). Эта грамота интересна тем, что в ней слышатся отголоски не-

прекращающейся политической борьбы сторонников и противников господства германского императора в Италии. При этом, как и в большинстве других случаев, союзником Оттона I выступает церковь, а противником — светские феодалы.

Еще во время пребывания Оттона I в Равенне туда прибыло византийское посольство с предложением мира и дружбы от своего императора. Однако, несмотря на дружеские заверения, греки пытались добиться от Оттона I отказа от Капуи, Беневента и Салерно как областей, принадлежащих Византии. Тот не хотел даже обсуждать этот вопрос, но решил использовать представившийся случай для реализации своего плана — заключения союза между обеими империями, скрепленного брачными узами. Если бы ему удалось получить в жены для своего сына византийскую царевну, был бы решен мирным путем и спор из-за территорий — их можно было бы потребовать в качестве приданого за невестой. Не менее важным соображением для Оттона I было и то, что предполагаемый династический союз послужил бы фактическим признанием со стороны Византии Западной империи, его императорского достоинства. Но это признание означало бы, что византийский император добровольно отказывается от универсального, всеобъемлющего значения своего императорского достоинства, признает, что в Европе появился еще один, равновеликий ему император. Добиться такого признания от правившего тогда в Византии Никифора Фоки, волевого, талантливого полководца и политика, было нелегко, и Оттон I это понимал. С почетом приняв и проводив греческих послов, он, в свою очередь, отправил посольство с сообщением, которое должен был передать некий венецианец Доминик. Заверив греков в мирных намерениях правителя Западной империи, он должен был просить для молодого короля Оттона II руки царевны Анны, четырехлетней дочери Романа II и его супруги Феофано, то есть падчерицы императора Никифора Фоки.

Столь ответственное поручение было дано венецианцу, видимо, потому, что у Священной Римской империи тогда скла-

дывались добрые отношения с Венецией, а венецианцы, имея тесные торговые связи с Константинополем, были хорошо информированы о положении дел там. Венецианский дож Петр Кандиано IV (959–976) наладил политические и торговые отношения с обеими империями — на Западе и Востоке, с помощью дипломатического искусства добившись от Оттона I возобновления выгодных для Венеции соглашений. Верно оценивая значение нового западного императора, он стремился к установлению широких политических и даже семейных связей с ним, женившись вторым браком на его племяннице Вальдраде Тосканской. Этот брак принес дожу большие земельные владения на севере Италии и важную для него дружбу с Саксонским домом.

С этим династическим браком, который должен был придать дополнительный блеск новой Западной империи и вместе с тем подтвердить ее притязания на Южную Италию, было связано и решение, принятое Оттоном I совместно с преданным ему папой, — еще при здравствующем императоре короновать императорской короной наследника германского королевского престола. Благодаря этому юный император воспринимался бы как более достойный претендент на руку порфирородной царевны. Не меньшее значение для Оттона I имела эта коронация и потому, что она обеспечивала преемственность императорской власти. Не зря в свое время Карл Великий собственноручно возложил императорскую корону на голову своего сына Людовика. Поэтому папа и император направили совместное приглашение Оттону II к Рождеству прибыть в Рим. Архиепископу Майнцскому Вильгельму и прочим князьям Империи Оттон I повелел обеспечить достойное сопровождение сыну. Затем папа и император на время расстались: Иоанн XIII отправился в Рим, а Оттон I решил провести жаркое время года в более прохладных горных местностях Тосканы.

Между тем Оттон II собирался в Италию. В Вормсе, откуда и его отец отправлялся в свои итальянские походы, он провел первый в своей жизни рейхстаг, на котором, по мнению со-

временников, уже проявил признаки характерных для него мудрости и снисходительности, коими он впоследствии особенно отличался. Затем он вернулся в Саксонию, а в начале сентября с надлежащим сопровождением выступил в свой первый итальянский поход. Пройдя уже ставшим традиционным маршрутом по Швабии, он через перевал Бреннер ступил на территорию Италии.

Во второй половине октября наследник германского престола прибыл в Верону, где состоялась его встреча с отцом. Поскольку у Оттона I не было там своей резиденции, он предполагал жить в монастыре Св. Зенона и потому, еще находясь в Равенне, но уже готовясь перебраться в Верону, где была намечена встреча с сыном, пожаловал этому монастырю город Романьяно с округой, с доходами и со всеми властными правами в отношении его свободного населения, своим дарением заранее возместив ему все расходы, сопряженные с пребыванием высоких гостей. Надо полагать, император остался доволен созданными для него условиями, поскольку вскоре после отъезда из Вероны пожаловал епископу этого важного для него города грамоту, в которой подтвердил дарения, сделанные своими предшественниками, кое-что добавив от себя и гарантировав епископству особую защиту. При встрече отца с сыном присутствовали Конрад Бургундский, брат императрицы Адельгейд, некогда взятый на попечение Оттоном I, дядя юного Оттона II, и многочисленные представители итальянской духовной и светской знати, в том числе и патриарх Аквилеи Радоальд.

В монастыре Св. Зенона 29 октября состоялось имперское собрание, на котором были рассмотрены многочисленные жалобы на злоупотребления простой клятвой на Евангелии для подтверждения якобы имеющихся прав собственности. Для пресечения сего зла был принят закон, который, как предполагалось, позволит впредь эффективнее улаживать подобного рода споры: вместо клятвы вводилась практика Божьего суда, то есть выявление истины через поединок. Собственно, прак-

тика судебных поединков (*duellum*) не представляла собой абсолютное новшество — они и в прежние времена применялись у лангобардов в случаях имущественных споров. Правда, лангобардские короли старались по возможности ограничить сферу их применения, в частности, не распространяя эту практику на лиц, живших по римскому праву. Веронский эдикт 967 года возродил судебные поединки и распространил их на всех жителей Италии. К ним впредь надлежало прибегать, если в случае спора о владении одна сторона объявляет поддельными доказательства другой стороны, при условии, что обвиняющий в фальсификации сам готов к поединку. При судебном разбирательстве споров о церковных владениях фогты, представлявшие интересы церкви в мирских делах, обязаны были обращаться к этому средству. Поединком должны были решаться и споры относительно пожалования имения в лен, в случае присвоения чужого имущества стоимостью свыше 20 шиллингов, при краже и грабеже на сумму свыше 6 шиллингов, а также принуждении кого-либо к отказу от собственности. Церквям, графам и фогтам разрешалось посылать на поединок доверенное лицо, а прочие свободные люди должны были выступать лично, и лишь слишком юный или преклонный возраст, а также болезнь давали право выставять на поединок своего заместителя. Этот закон должен был распространяться на всех обитателей Итальянского королевства, в том числе и на тех, кто жил по римскому праву, и включался в качестве дополнения в лангобардское право. Веронский эдикт 967 года особенно отвечал интересам епископов — не случайно автором его текста был епископ Верчелльский Лев. Отныне этому способу отстаивания правоты отдавалось предпочтение, поэтому епископы требовали, чтобы судебные поединки проводились в их присутствии, а когда они делегировали полномочия фогтам, то старались сохранить за собой именно это право.

Так Оттон I с помощью чисто германского обычая Божьего суда, который он считал справедливым решением трудных во-

просов, пытался устранить укоренившиеся среди итальянцев пороки, и прежде всего лжесвидетельство, ставшее обычным явлением. Принятые императором меры могут показаться архаичными и даже реакционными в условиях более развитой и культурной, нежели Германия, Италии, однако они оказались достаточно эффективными. На том же собрании были назначены постоянные королевские представители для отдельных областей Италии, так называемые королевские посланцы, в обязанность которых вменялось осуществление интересов государя, в частности, при исполнении судебных функций.

После того как Оттон I с сыном отпраздновали в Вероне День Всех Святых (1 ноября), они отправились в Мантую, а оттуда на корабле в Равенну, где были уже 5 ноября. Там, в монастыре Св. Севера, где весной проходил синод, Оттон I в течение нескольких дней обсуждал с патриархом Аквилеи Радоальдом, архиепископом Петром Равеннским и немецкими епископами Меца и Миндена дела и нужды церкви. Специальной дарственной грамотой император отблагодарил монастырь за проявленное гостеприимство, возвратив ему все некогда отчужденные владения, добавив еще и новые. Участие немецких и итальянских иерархов церкви в обсуждении вопросов государственной важности наглядно демонстрирует, что созданная Оттоном Великим система имперской церкви как единое целое включала в себя Германию и Италию.

В Равенну тогда прибыли два посла, Иоанн Контарини и диакон Иоанн, от венецианского дожа Петра Кандиано IV, с которым Оттон I поддерживал дружеские отношения. Когда Оттон приступил к решению задач своей итальянской политики, дож Петр Кандиано IV перешел на его сторону, хотя сначала поддерживал его противника, Беренгара II. Эта перемена союза позволила Венеции регулировать взаимоотношения с новым сувереном на итальянской территории. По сложившейся традиции новые правители подтверждали специальным документом соглашения венецианских дождей с их соседями и торговыми партнерами. И на сей раз по просьбе послов и при

ходатайстве императрицы Адельгейд Оттон I подтвердил венецианцам их владения в Итальянском королевстве, существовавшие еще со времен Карла Великого, а также возобновил старый договор о границе между Венецией и ее итальянскими соседями. Однако он подтвердил не все привилегии, приобретенные Венецией в предшествующий период. Были отменены юрисдикция дожа в отношении всех венецианцев, прибывавших на территорию Итальянского королевства, и полный фискальный иммунитет коммерческих сделок, которыми прежде пользовалось семейство дожа. Ежегодный налог, который должна была выплачивать Венеция за полученные привилегии, был увеличен до 50 венецианских фунтов плюс отрез драгоценной парчи. В порядке компенсации за это предусматривалось возобновление документа не через каждые пять лет, как раньше, а лишь при смене правителя. Оттон I гарантировал своим указом и защиту владений Венеции в своей Империи.

Из Равенны императорский двор направился в Рим и уже 21 декабря был у стен города, входивший в который в тот же день Оттон I не стал. Он предпочел пока оставаться за пределами Рима, дабы приурочить торжественное вступление в него к великому празднику Рождества Христова. Вероятнее всего, так было задумано изначально, однако дорога заняла, очевидно, меньше времени, чем рассчитывали. А пока Оттон I, как обычно, был поглощен государственными делами и заботами. К нему обращались подданные, и он решал их проблемы. Аббат монастыря Каза Ауреа в Пескаре просил подтвердить прежние пожалования, сделанные еще Карлом Великим, и Оттон I, считавший себя его преемником и не упускавший случая напомнить об этом, удовлетворил просьбу аббата, дополнительно предоставив ему от своего имени новые привилегии, в частности, право самостоятельно распоряжаться судьбами людей, живших на монастырских землях, и производить сыск. Торжественный въезд императора состоялся 24 декабря. Сенаторы с крестами, хоругвями и хвалебными песнопениями

встречали его еще за три мили от города, а затем сопроводили к собору Св. Петра, на ступенях которого его ожидал папа Иоанн XIII. На следующий день, в праздник Рождества, юный король Оттон II принял перед алтарем собора Св. Петра из рук папы императорскую корону. Римляне, всего лишь год назад подвергшиеся жестокой экзекуции со стороны императора и папы, бурно, криками ликования выражали свой восторг, демонстрируя переменчивость собственных настроений и симпатий.

Обеспечив сыну преемственность императорской власти, Оттон I занялся устройством его женитьбы на византийской царевне, что оказалось непростым делом. Василевс Никифор Фока считал непозволительно дерзким само намерение северного варвара породниться с византийским императорским домом, равно как и его притязания на императорский титул и владения в Южной Италии. Направленный несколько месяцев назад с миссией в Константинополь венецианец Доминик незадолго до Рождества возвратился в Рим. Как оказалось, он существенно превысил свои полномочия. О переговорах самого Доминика с правителем Византии источники совершенно умалчивают, и мы вынуждены довольствоваться тем, что рассказал об этом Лиутпранд Кремонский в своем отчете о поездке в Константинополь, куда он отправился год спустя по поручению Оттона I. В ходе беседы Никифор Фока будто бы напомнил ему, что его предшественники по посольской миссии клятвенно заверили и письменно подтвердили отказ Оттона I от притязаний на Южную Италию и даже на императорский титул. Правда, благодаря этим своевольным уступкам Доминик сумел отговорить Никифора от его военных намерений, когда тот отправил войско в Апулию и собирался последовать за ним и даже уже выступил через Македонию на Запад, в пути и повстречав посла от немецкого государя. Впоследствии раздосадованный Никифор, беседуя с Лиутпрандом, высказал предположение, что в свое время Доминик его обманул, а Оттону I, соответственно, оказал важную услугу, предотвратив

войну. Однако правитель Византии в тот раз столь охотно отказался от своих военных намерений потому, что и сам был заинтересован в союзе с Оттоном I. На Востоке ему грозили сарацины, и он не отверг с ходу сватовство, сколь бы дерзким по представлениям византийцев оно ни было. Никифор направил в Италию еще одно посольство, прибывшее в Рим вскоре после Доминика. Переданное послами требование василевса признать все византийские притязания в Италии было неприемлемым для Оттона I, однако мирные заверения позволяли надеяться на продолжение переговоров. Понравилось германскому императору и то, что в составе посольства были знатные особы, что можно было истолковать как знак уважения со стороны правителя Византии. Правда, это не давало оснований думать, будто греки прибыли «настойчиво просить» мира, как решил Оттон I.

Кому владеть Южной Италией?

Новый, 968 год начался, как и предыдущий, с синода в Церкви Св. Петра в Риме, в котором участвовали папа и оба императора, отец и сын, а кроме того около сорока иерархов церкви, в том числе патриарх Аквилеи и архиепископ Равенны. Из немцев присутствовали епископы Минденский, Шпейерский, Мецский и Верденский. По просьбе обоих императоров Иоанн XIII подтвердил привилегии многих церковных учреждений, но важнее всего было то, что папа утвердил учреждение Мейсенского епископства, которому отводилась роль форпоста в распространении христианства среди полабских славян, и подчинил его Магдебургскому архиепископству.

По завершении работы синода Оттон I сразу же отправился на юг, дабы заняться делами Южной Италии. Последнее посольство из Византии разочаровало его, не принеся долгожданного положительного ответа, но вместе с тем и зародило в нем надежды, как вскоре оказалось, беспочвенные. Благородный состав посольства и сдержанный тон донесения, говорившие о нежелании Никифора Фоки идти на прямую конфронтацию, были ошибочно истолкованы Оттоном I как сла-

бость василевса, что позволяло занять в отношении его более жесткую позицию. Константинополь выражал свое недовольство сближением германского императора с маркграфом Капуи и Беневента, считавшимся вассалом Византии. (В поведении Пандульфа, очевидно, не усматривавшего противоречия в принесении присяги на верность как византийскому василевсу, так и западному императору, могло проявляться желание стать вассалом их обоих, дабы тем самым гарантировать большую независимость для себя; возможно также, что он хотел стать, как и его предки, не подданным, а скорее союзником, в данном случае Оттона I, верность которому он сохранял до конца.) Именно поэтому Оттон I и направился в Капую. Оттуда он написал 18 января 968 года письмо герцогу Герману Биллунгу и прочим представителям саксонской знати, в коем объяснял причину своего южно-итальянского предприятия. Выразив уверенность в том, что византийцы ни в коем случае не осмелятся напасть на него, он заявил о своем намерении отобрать у них Апулию и Калабрию, если не сумеет договориться. Не уточнялось, о чем предстояло договориться, и на этом основании можно заключить, что адресатам был хорошо известен предмет переговоров — заключение династического брака. В случае успеха («Если же они подчинятся нашей воле», — самонадеянно писал Оттон I, уже собравшийся диктовать свои условия Византии) предполагалось отправиться во Фраксинет в Провансе для борьбы против пиратов-сарацин.

Впрочем, Оттон I и не отказался бы от Апулии и Калабрии и в качестве приданого за невестой. Что касается Капуи и Беневента, то они, по мнению Оттона I, вообще не могли быть предметом торга. Хотя Византия и претендовала на них, однако он рассматривал эти лангобардские княжества как часть древнего Лангобардского королевства, короной которого он теперь обладал. Вместе с тем, рассказывая об этих событиях тысячелетней давности, мы не будем даже предполагать наличие у Оттона I намерения объединить политически раздробленную Италию. Это, разумеется, не означает, что людям

X века были совершенно чужды представления о королевстве как стране, населенной людьми, говорящими на одном языке. В отчете Лиутпранда Кремонского о его посольской миссии в Константинополь по этому поводу высказываются интересные соображения: в споре с Никифором Фокой по территориальной проблеме, доказывая, что Капуя и Беневент должны входить в состав империи Оттона I, он приводит в качестве аргумента тот факт, что жители этих княжеств говорят на языке Итальянского (то есть Лангобардского) королевства. Апулия и Калабрия при этом не упоминаются. Очевидно, речь их обитателей весьма сильно отличалась от лангобардского диалекта, что не позволяло говорить о принадлежности их к Итальянскому королевству, политически в состав которого они и не входили — лангобарды в свое время не дошли до тех мест. Впрочем, согласно каролингским представлениям, разделявшимся Оттоном I и его советниками, Итальянское королевство должно было включать в себя весь полуостров, во всяком случае, и Апулию, которую германский император собирался отобрать у греков и вернуть в состав своего Итальянского королевства. Проблема заключалась в том, что со времени упадка Каролингской империи вся Италия опять стала сферой интересов Византии. Возрастание здесь византийского влияния проявилось и в том, что итальянские правители стремились заключать династические браки с царевнами из Константинополя.

Уверенный в успехе, Оттон I вскоре покинул Капую и отправился в Беневент. 16 февраля он уже прибыл туда, о чем свидетельствует составленная там дарственная грамота аббату Герсфельдского монастыря за его верную службу. В марте император, полагая, что греки не отважатся выступить против него с оружием в руках, двинулся из Беневента в Апулию, чтобы завладеть этой областью и по крайней мере использовать ее в качестве залога в ходе дальнейших переговоров с Византией. С немногочисленным немецко-итальянским войском он приступил к осаде хорошо укрепленного города Бари, уже

около ста лет являвшегося опорным пунктом греков в Южной Италии. Однако Оттон I вскоре убедился, что, не имея флота, он не сможет взять город, хотя и опустошил мечом и огнем все его окрестности. Ему не оставалось ничего иного, как снова стать на путь переговоров с Византией. Тем охотнее он послушался совета Лиутпранда Кремонского, рекомендовавшего в обмен на отказ от Апулии и Калабрии получить в жены Оттону II византийскую царевну.

Не теряя времени, поскольку Никифор не терпел проволочек, в Константинополь был направлен с надлежащими полномочиями и подарками Лиутпранд, владевший греческим языком и потому считавшийся пригодным для исполнения этой миссии. 4 июня 968 года он прибыл к месту назначения, а тем временем Оттон I с сыном и войском покинул Апулию и направился в Рим. Совет Лиутпранда Кремонского был разумным, полезным как для немцев, так и для Византии. Уступая области на юге Италии, Оттон I терял то, что и так не принадлежало ему, зато избегал трудной и опасной борьбы. Никифору примирение с новым западным императором давало возможность бросить все силы против общего врага христианского мира — сарацин.

* * *

Благодаря посольству Лиутпранда Оттон I получил короткую передышку в решении итальянских проблем, что позволило ему всецело посвятить себя германским делам. И территориально он теперь был ближе к родине — в гористой местности близ Пистой, где легче было переносить летнюю жару. Впрочем, и в те дни он не мог полностью отгородиться от забот своих итальянских подданных, о чем говорят дошедшие до нас дарственные грамоты, коими император пожаловал владения, права и привилегии и гарантировал защиту монастырям Сан-Винченцо и Монте-Кассино, расположенным в Южной Италии, на территории, из-за которой и шел спор с Византи-

ей — наглядное подтверждение того, что Оттон I вовсе не отказался от собственных намерений.

В Германии же ситуация к тому времени существенно изменилась. 2 февраля 968 года умер епископ Хальберштадтский Бернгард, занимавший епископскую кафедру на протяжении тридцати четырех лет и пользовавшийся большим авторитетом благодаря своему благочестию. Именно Бернгард был наиболее непримиримым противником учреждения Магдебургского архиепископства, и теперь не стало этого последнего препятствия. 2 марта скончался сын Оттона I, архиепископ Майнцский Вильгельм. Хотя он первоначально и противился планам Оттона I относительно создания Магдебургской метрополии для обеспечения христианской миссии среди язычников-славян, однако в конце концов, видимо, ослабил сопротивление: на Равеннском синоде 967 года сохранялось лишь противодействие со стороны епископа Хальберштадтского. В остальном Вильгельм был надежным помощником Оттона I. 14 марта последовала смерть вдовствующей королевы Матильды, матери Оттона Великого. Для избрания нового архиепископа Майнцкого Оттон I послал из Италии аббата Герсфельдского монастыря, который всюду его сопровождал. Он должен был сделать все возможное, чтобы преемником Вильгельма стал человек, полностью разделяющий планы Оттона I относительно Магдебургского архиепископства. Выбор пал на аббата Фульдского монастыря Хатто, активно содействовавшего проведению императором итальянской политики. Новым епископом Хальберштадтским стал Хильдевард.

Обоих вновь избранных прелатов Оттон I вызвал к себе в Италию, чтобы обсудить с ними магдебургский вопрос еще до того, как они будут рукоположены в сан. Для этого в начале октября в Равенне был специально созван синод. Получив от Хильдеварда согласие на уступки, необходимые для учреждения Магдебургского архиепископства, Оттон I утвердил его в должности. При этом новый аббат продемонстрировал императору свою лояльность, заявив, что было бы недостойно из

желания получать десятины препятствовать делу, свершаемому во благо церкви. В подтверждение искренности сказанного он тут же согласился передать Магдебургскому архиепископству часть своей епархии. Новый архиепископ Майнцский Хатто дал письменное согласие на создание Магдебургского архиепископства для славян Восточной Европы и уступил в его пользу епископства Бранденбургское и Хафельбергское. Присутствовавшие 34 епископа своими подписями скрепили эти соглашения. Первым архиепископом Магдебургской епархии был поставлен Адальберт, бывший монах монастыря Св. Максимиана в Трире, некогда рукоположенный в качестве епископа для Руси, куда он и отправился с миссией, закончившейся, правда, безрезультатно. Это был уважаемый, хорошо образованный человек, благодаря знанию славянского языка, как никто другой пригодный для исполнения новой должности.

* * *

Завершив столь важное дело, служившее предметом его забот на протяжении последних пятнадцати лет, Оттон I вновь обратился к проблеме взаимоотношений с Византией. Со времени отъезда Лиутпранда Кремонского прошло уже более четырех месяцев, а от него не поступало никаких вестей. Как впоследствии выяснилось, на то были свои причины. Единственным источником, подробно сообщаящим о посольстве Лиутпранда, является составленный им отчет императору. Не имея возможности проверить путем сопоставления его достоверность, мы вынуждены довольствоваться им, хотя некоторые его недостатки очевидны. Прежде всего бросается в глаза тщеславие Лиутпранда, его стремление показать себя, полное отсутствие дипломатического такта в общении с греками, ненависть к ним, лишавшая его способности непредвзято излагать факты. Даже если допустить, что у него не было причин с симпатией относиться к императору Никифору Фоке, его карикатурное, пасквильное описание способно вызвать лишь

чувство недоумения и настороженности по отношению к тому, кто дал подобную характеристику. Столь разнузданные поношения византийского императора не имеют, по мнению историков, равных себе. Как дипломат Лиутпранд оказался не на высоте, и в целом неуспех миссии в какой-то мере на его вести.

Правда, справедливости ради следует признать, что не он начал обострять отношения. Поскольку Лиутпранд однажды уже исполнял дипломатическую миссию в Константинополе в качестве посланца от маркграфа Беренгара и в ранге простого диакона был хорошо принят греками, он рассчитывал, что теперь его, уже епископа и уполномоченного представителя могущественного императора, встретят еще более радушно. Однако он обманулся в своих ожиданиях. Мало того что в порту ему пришлось долго стоять под проливным дождем, ожидая встречающих, так еще его заставили идти пешком до отведенной ему резиденции. Обидчивый Лиутпранд истолковал это как нанесение обиды не столько ему лично, сколько Оттону I, послом от которого он прибыл. Правда, расстояние, которое тогда пришлось ему преодолеть пешком, было невелико, судя по тому, что из его резиденции была видна гавань, но все равно эта прогулка противоречила дипломатическому протоколу и должна была расцениваться как неуважение к послу и его государю. Император Никифор и не отрицал этого, в личной беседе признавшись Лиутпранду, что охотно принял бы его милостиво и с почетом, но политика Оттона I не позволяет ему поступить подобным образом. Более того, он назвал Лиутпранда шпионом.

Причиной, по которой Никифор отнесся к нему с недоверием, явилось предшествующее посольство Доминика, опрометчиво обещавшего ему, что германский император не будет никоим образом причинять Византийской империи ущерба; между тем теперь Оттон I присвоил себе императорский титул и претендовал на византийские провинции. Получалось, что или Доминик был лжецом-клятвопреступником, или же Лиутпранд

не признает правду. В еще более неловкое положение поставило его прибытие посланцев от папы римского, доставивших письмо, в котором Никифор именовался как «император греков», а об Оттоне I говорилось как о «римском императоре». Папские легаты прибыли в Константинополь с той же целью, что и Лиутпранд Кремонский — для установления дружественных и родственных отношений между правителями двух империй, но из-за оплошности в тексте письма (впрочем, можно полагать, что это была сознательная формулировка, отражавшая приверженность папы идее Римской империи, воплощением которой для него являлся Оттон I) едва не испортили все дело. Византийцы пришли в бешенство: для них был только один римский император, один всемирный правитель-космократор — их василевс. Послы папы еще легко отделались, будучи лишь брошенными в темницу (их даже не сочли достойными казни ввиду их невысокого общественного положения), но и Лиутпранда продержали в Константинополе почти как пленника четыре месяца. Наконец, ему позволили уехать, вручив два послания, одно для Оттона I, скрепленное золотой печатью (хрисовулом), а другое для папы римского с серебряной печатью.

О содержании послания, доставленного из Константинополя Лиутпрандом, мы не знаем. Можно предположить, что Никифор не пошел на прямой разрыв отношений с Оттоном I — об этом свидетельствует золотая печать на послании, которой удостоивались только наиболее уважаемые партнеры Византии. Возможно, греки продолжали придерживаться прежних условий, которые обсуждались в ходе переговоров: за порфирородную царевну Оттон I должен был уступить им лангобардские княжества, Равенну и Рим. Дешевле обошлась бы ему дружба с Византией без заключения династического брака: Фока требовал только свободу для Рима и сюзеренитет над княжествами Капуа и Беневент. Однако это были заведомо неприемлемые для Оттона I требования, поэтому он решил возобновить военные действия против византийцев. Это реше-

ние было принято еще задолго до возвращения Лиутпранда. Очевидно, у него была договоренность с Оттоном I, что его долгая задержка в Византии и отсутствие добрых вестей означают провал миссии. Именно так следует истолковывать слова Лиутпранда, сказанные им во время переговоров с греками, что его государь, если долго не получит от него вестей, обратит против них свой гнев. Впрочем, Никифор, очевидно, и не ждавший ничего хорошего от переговоров с Лиутпрандом (на наш взгляд, об этом свидетельствует присутствие тогда же в Константинополе посла от Адальберта, врага Оттона I, продолжавшего претендовать на власть в Италии), еще раньше вернулся к военному варианту решения проблемы. В июле, когда посла от немецкого императора еще не отпустили домой, он вызвал к себе представителя Адальберта и велел ему с многочисленным военным флотом отправиться в итальянские воды, что по праву могло рассматриваться как объявление войны. Примечательно, что в составе флотилии находились и два русских корабля.

Итак, военные действия на юге Италии возобновились. Отчет о посольстве, представленный Лиутпрандом Оттону I по возвращении из Константинополя, весь пропитанный враждебным отношением к грекам, фактически служил призывом к новой войне и оправданием ее. Это подстрекательское донесение задавало тон военной кампании Оттона I 969 года в Южной Италии. Сразу после Равеннского синода Оттон I выступил против греков, продвигаясь на юг по Адриатическому побережью. 31 октября он уже был в Анконе, где пожаловал дарственную грамоту в пользу наконец-то утвержденного Магдебургского архиепископства. 2 ноября Оттон I провел в присутствии многочисленных епископов, графов и других представителей знати судебное заседание в Фермо, на котором подтвердил грамотой независимость монастыря Сан-Кроче от епископа и его земельные владения. В тексте документа прямо говорится о намерении императора двинуться в Апулию, чтобы отобрать ее у греков и присоединить к своим итальянским

владениям. Продвигаясь к намеченной цели, он совершил остановки в Альтерно и Пескаре, где были составлены дарственные грамоты в пользу его супруги, императрицы Адельгейд, причем ходатайствовал о пожаловании владений не кто иной, как их сын, император Оттон II.

Оттон I собирался овладеть Бари, важным в стратегическом и торговом отношении портовым городом на Адриатике, служившим яблоком раздора для греков, немцев и сарацин. Однако он натолкнулся на сильное сопротивление, поскольку город защищали не только сухопутные войска, но и флот, которого у него самого не было. Очевидно, здесь действовали те самые корабли, которые в июле вышли из константинопольской гавани. Сознавая невозможность захвата Бари, Оттон I ограничился тем, что разорил окрестности города. Более подробных сведений о событиях того похода нет. В источниках сохранилось упоминание только об одном примечательном происшествии: когда немецкое войско после неудачной попытки штурма Бари направлялось в Калабрию, 22 декабря 968 года между девятью и десятью часами утра случилось полное солнечное затмение, вселившее ужас в воинов Оттона I.

Император со своей свитой и войском в течение нескольких месяцев оставался на юге Италии. В Апулии он праздновал Рождество, а Пасху (11 апреля 969 года) в Калабрии. В этой еще не завоеванной и не покоренной стране он уже чувствовал себя господином: в грамоте, пожалованной 18 апреля близ Кассано в Калабрии, он говорит о себе, что по праву императора устанавливает законы и раздает приказы своим подданным, как калабрийцам, так и прочим итальянцам, равно как и немцам. Хотя в этом походе Оттона I сопровождал такой испытанный в боях союзник, как Пандульф Железная Голова, военные успехи были более чем скромны, что, очевидно, пытались компенсировать (или просто сорвать злость), опустошая страну грабежами и пожарами.

Видимо, убедившись в бесполезности продолжения этой кампании, Оттон I вскоре поворачивает назад и уже 28 апреля

находится опять в Апулии, где жалованной грамотой благодарит своих союзников, каноников из Болоньи, служивших, несмотря на свое духовное звание, в его войске. 1 мая он прибыл в Бовино, где, продолжая вознаграждать преданное ему духовенство, подтвердил монастырю Каза Ауреа в Пескаре все его владения, права и привилегии и разрешил возводить укрепления (которые, как, очевидно, полагал, могли быть полезны и ему самому в случае возобновления военных действий) и иные постройки. Примечательно, что в тексте грамоты содержится фраза, уточняющая обстоятельства, при которых было совершено дарение: «К нам, возвращающимся из Калабрии, которую мы пытались подчинить своей власти...» В этих словах звучат и горечь от постигшей неудачи, но вместе с тем и напоминание самому себе о поставленной цели, хотя и не достигнутой на сей раз, но не отмененной. Затем он покидает территорию, ради которой вступил в борьбу с Византией, и уже 20 мая располагается лагерем в Романье, где по ходатайству эрцканцлера Италии, епископа Пармского Губерта, делает щедрые пожалования монастырю Асти. Однако наступление жаркого времени года вынуждает немцев переместиться еще дальше на север, и уже 26 июля Оттон I находится в своей резиденции в Павии, где, словно бы замыкая цикл дарений, совершает пожалование земель в пользу Магдебургского архиепископства, чем ознаменовалось и начало его экспедиции в Южную Италию в октябре предыдущего года.

Этот военный поход, предпринятый с целью завоевания Апулии и Калабрии, мало что принес Оттону I. По всей видимости, греки в открытом бою чувствовали себя слабее, поэтому укрывались за городскими стенами (о штурме городов источники ничего не сообщают), предоставляя немцам возможность безнаказанно опустошать открытую местность. Герцога Салерно Гизульфа, то и дело менявшего свою позицию по отношению к германскому императору, Оттон I силой вынудил примкнуть к себе, тем самым приобретя ненадежного союзника. Как раз во время этой кампании умер брат Пандульфа гер-

цог Беневента Ландульф, что заставило верного соратника Оттона I также прекратить на некоторое время военные действия против греков и отправиться в Беневент, дабы обеспечить господство над княжеством для себя самого и сына Ландульфа. Эта вынужденная отлучка Пандульфа со службы ничуть не испортила отношения к нему императора, продолжавшего считать его своей надежной опорой в Южной Италии. Свидетельством непреходящей его благосклонности к лангобардскому маркграфу служит то, что на синоде в Риме 26 мая 969 года папа по желанию Оттона I (о чем просили и сам Пандульф, и его сын) преобразовал Беневентское епископство в архиепископство. При этом в числе подчиненных ему епископств фигурировали также Асколи и Бовино, расположенные в Апулии, на территории, не подвластной германскому императору. Таким образом, возвышая род Пандульфа и расширяя архиепископскую власть Беневента на часть Апулии, Оттон I заявлял о неизменности своего намерения продвигаться в этом направлении.

Летом 969 года, когда Оттон I оставался на севере Италии, Пандульф снова двинулся в Апулию, к Бовино, где находился с войском Евгений, полководец византийского императора. Пандульф командовал отрядами из Капуи и Беневента, а также предоставленными ему по его личной просьбе Оттоном I дружинами из Германии. В совокупности составилось не слишком многочисленное войско. Во всяком случае, когда греки, укрывшиеся за стенами Бовино, увидели его, они не только не испугались, но даже совершили боевую вылазку. У городских ворот завязалось сражение, в гуще которого ; бился как доблестный воин сам Пандульф. Под ним убили коня, но он сумел тут же пересесть на запасного и продолжал отражать натиск противника до тех пор, пока не был повержен наземь могучим ударом греческого богатыря. Так Пандульф попал в руки вражеского полководца Евгения, который и отправил его, предварительно приказав заковать в цепи, в Константинополь. Лишившись предводителя, войско Пандульфа рассеялось. Если

бы князь Салерно Гизульф, которого незадолго перед тем вынудили перейти на сторону немцев, своевременно выполнил свое обещание прийти на помощь, то исход сражения мог бы быть иным. Однако Гизульф находился еще в пути, когда к нему пришла весть о пленении Пандульфа и разгроме его войска, и он тут же повернул назад в Салерно, а спустя некоторое время вновь присоединился к грекам.

По-другому историю пленения Пандульфа рассказывает в своей хронике Видукинд: Оттон I якобы по предварительному соглашению с греками направил часть своего войска со многими знатными мужами к условленному месту, где им должны были передать невесту для Оттона II. Однако греки обманули, внезапно напав на людей, не подозревавших о таком коварстве. Маловероятно, что Видукинд не знал, что же произошло у стен Бовино на самом деле (мы уже отмечали его хорошую осведомленность о ходе событий). Скорее всего, такое выражение нашло его неприятие, отражавшее мнение многих саксов, завоевательной политики Оттона I в Южной Италии. По этой версии получается, что войско германского императора отправилось в Апулию не на войну, а с мирной миссией и лишь коварные греки все испортили.

Но как бы то ни было, Оттон I потерпел в своей политике очередную неудачу, особенно тяжелую из-за потери Пандульфа, на поддержку которого он так рассчитывал. Последствия этого поражения не заставили себя долго ждать. Греки оккупировали всю территорию княжеств Капуа и Беневент и приступили к осаде самой Капуи. Хотя Евгений нашел союзника в лице герцога Неаполитанского Марина, давно враждовавшего с соседями и решившего теперь перейти на сторону греков, осада Капуи безуспешно продолжалась в течение сорока дней, пока Оттон I, наконец, не послал на помощь осажденному городу немецкое войско, усиленное отрядами из Сполето. Правда, сам император не принял участия в этом походе, поручив командование маркграфу Мейсенскому Гюнтеру, а также графам Зигфриду и Коно. Когда же войско пришло к стенам Ка-

пуи, противника там уже не было. Узнав о приближении немцев, Евгений предпочел возвратиться в Салерно, где он воспользовался гостеприимством Гизульфа. Освободив владения Пандульфа, войско Гюнтера вступило в Неаполитанское герцогство, опустошив его огнем и мечом. Город Авелино, за несколько дней перед тем открывший ворота грекам, был предан огню, а сам Неаполь осажден. Тем временем греки под командованием Евгения возвратились в Апулию, попутно совершив опустошения в княжестве Беневент. Свою злость от неудачного похода византийцы выместили на собственном военачальнике, схватив его и в кандалах отправив в Константинополь, сославшись в качестве причины на его жестокое обращение с ними. Пока дела шли хорошо, они терпели жестокость Евгения, а как только потребовалось найти виноватого за неудачу, тут же сделали из него козла отпущения.

Придя в Беневент, войско Гюнтера присутствовало на мессе, которую отслужил недавно рукоположенный в сан архиепископа Ландульф, приняло от него причастие и получило благословение для дальнейшего похода. Когда немецкие отряды двигались в направлении Асколи, навстречу им вышел с многочисленной армией патриций Абдила, взявший на себя командование вместо Евгения. Неподалеку от Асколи произошло сражение, в котором отличился один из полководцев Оттона I — граф Коно; византийцы потерпели полное поражение, пав на поле битвы или спасая жизнь бегством. Сам их предводитель избежал плена только благодаря хорошему коню, на котором он, раненый, ускакал в Асколи. Другой отряд греческого войска, выступивший против сполетанцев, был разбит графом Зигфридом. Командир этого отряда, Ромуальд, брат Пандульфа, выросший на положении заложника у византийцев и являвшийся их сторонником, вместе со многими другими попал в плен. Немецкое войско вернулось с богатой добычей в Беневент, получив дань с греков в Калабрии и Апулии.

Добрая весть

Можно считать, что Оттон I взял реванш за несколько недавних неудач, но вместе с тем и в результате этой кампании он не достиг желаемого успеха, поскольку не удалось ликвидировать господство греков в Южной Италии. Очевидно, за ними остались и города, о взятии которых источники ничего не сообщают. Эта война с Византией, ознаменовавшаяся более опустошениями, нежели военными подвигами, могла бы затянуться, учитывая решительный характер Никифора Фоки, но в ночь с 10 на 11 декабря 969 года тот был предательски убит в результате заговора, устроенного его супругой императрицей Феофано. Императором стал Иоанн Цимисхий. Когда Оттон I праздновал в Павии Рождество 969 года, он еще не знал об этом дворцовом перевороте в Константинополе. В Павии он провел весь январь 970 года вместе с женой и сыном, по ходатайству которых были сделаны многочисленные дарения Магдебургскому архиепископству. Одна привилегия по ходатайству патриарха Аквилеи Радоальда предназначалась монастырю Св. Марии в Вероне. Где был император и чем занимался в течение февраля, нет сведений. 7 марта 970 года он пожаловал дарственную грамоту Зальцбургскому архиепископству, составленную в Павии. Надо думать, там Оттон I и провел первые месяцы 970 года. Затем он отправился в Равенну, в которой праздновал Пасху (27 марта) и где оставался не менее двух недель, занимаясь государственными делами. Равенна в эти дни была столицей всей его Империи, куда прибыли со своими жалобами и просьбами его подданные из самой Германии. Аббат монастыря Св. Максимиана в Трире жаловался на притеснения со стороны соседей и получил от императора право выбирать себе по собственному усмотрению фогта для защиты интересов монастыря. Разбирая спор, возникший между церковью Св. Петра в Вормсе и Лоршским монастырем по вопросу о владельческих правах, император вынес вердикт в пользу первой.

Вероятнее всего, находясь в Равенне, Оттон I получил приятную для себя весть о государственном перевороте в Византии и решил, что наступил благоприятный момент повести войско в Южную Италию и покончить там с господством греков. О ходе этой военной кампании в источниках мало сведений. Известно лишь, что летом немецкое войско razорило окрестности Неаполя. В лагерь к Оттону I прибыла Алоара, супруга плененного византийцами герцога Пандульфа, с сыном и просила императора содействовать его освобождению. Выполнить эту просьбу, равно как и решить задачу овладения Южной Италией в целом, можно было лишь оказав нажим на Византию, поэтому Оттон I повел войско в Апулию, где поблизости от Бовине закрепился и, прибегнув к обычной тактике, начал разорять окрестности.

Наконец, пришла добрая весть из Константинополя: Иоанн Цимисхий, дабы иметь возможность сосредоточить все силы для борьбы с русским князем Святославом, решил урегулировать отношения с Оттоном I и отправил в Италию находившегося у него в плену Пандульфа, чтобы тот уговорил своего господина вывести войска из Апулии и тем самым положить конец войне. Вероятнее всего, хотя источники и не сообщают об этом, Пандульф должен был передать германскому императору и другие предложения греков, касающиеся династического брака и заключения мира. Более того, эти предложения понравились Оттону I, судя по тому, что он прекратил военные действия и вскоре покинул Апулию, а самого Пандульфа восстановил в прежнем достоинстве. Уже в сентябре 970 года тот вместе с Оттоном I председательствовал на суде в Марси, область Абруцци, на котором были рассмотрены и еще раз подтверждены владельческие права монастыря Сан-Винченцо-ди-Волтурно, а монастырь Каза Ауреа получил свои прежние имения.

В последующие несколько месяцев наступило полное затишье в политике Оттона I, судя по тому, что источники не сообщают о нем ничего более важного, нежели развлечение

осенней охотой близ Перуджи. Теодорих (Дитрих), епископ Меца, в жизнеописании которого упомянут сей важный факт из биографии императора, был его двоюродным братом и в то время сопровождал его во всех поездках по Италии, имея целью приобретение реликвий для своей епархии — занятие, которое Оттон I весьма поощрял. На Рождество 970 года император был уже в Риме. Видимо, тогда он познакомился с монахом Гербертом из Орильяка, впоследствии знаменитым ученым, наставником Оттона III, ставшим папой римским Сильвестром II. Представленный императору папой Иоанном XIII как знаток математики, Герберт был оставлен при дворе, благодаря чему завязались его тесные связи с домом Оттонов.

Источники совершенно умалчивают о том, чем император занимался в первые месяцы 971 года и когда именно покинул Рим. Известно лишь, что он отправился в Равенну, которую особенно любил за время своего шестилетнего пребывания в Италии и проводил здесь много времени в специально выстроенной для него резиденции. Равенну Оттон I посещал десять раз и провел здесь в общей сложности свыше года. И на сей раз он долго оставался в этом городе, с небольшим перерывом для посещения Павии, судя по тому, что все немногочисленные дошедшие до нас дарственные грамоты этого периода составлены именно в Равенне. Доподлинно известно, что он праздновал здесь Пасху 971 года. Очевидно, географическое положение этого города представлялось ему наиболее удобным для управления всей обширной империей и для поддержания дипломатических отношений с Византией, которым он придавал большое значение. С ним был и верный Пандульф, по ходатайству которого («любимейшего верного нашего маркграфа») он пожаловал новые привилегии монастырю Сан-Винченцо-ди-Волтурно. Вместе с императором находились тогда в Равенне супруга Адельгейд и сын-соправитель Оттон II — по их ходатайству он пожаловал имение Магдебурге кому архиепископству, «ради прочности и невредимости королевства и империи нашей», признавая тем самым, что

свои надежды возлагает на этот «северный Константинополь» — подобно тому, как в свое время Ахен стал для Карла Великого «Новым Римом». По просьбе Адельгейд были подтверждены владельческие права и привилегии каноников Мантуи. Свидетельством сохранявшихся добрых отношений с Венецией служит дарение местечка Изола в Истрии, по ходатайству Адельгейд совершенное императором в пользу некоего венецианца Виталиса Кандиана.

В числе обычных государственных дел, которыми Оттон I занимался в тот год, можно упомянуть заседание под его председательством императорского суда, на котором рассудили спор, возникший между аббатом монастыря Фарфа Иоанном и неким монахом Хильдепрандом, в пользу первого, что и было подтверждено специальной грамотой. Об этом аббатстве, о царивших там совсем не монастырских нравах шла речь и на проведенном с участием итальянских князей имперском собрании. Источники донесли до нас свидетельство еще об одном примечательном событии того года: достигшего преклонных лет архиепископа Равеннского Петра, которого часто можно было видеть в окружении императора, по его собственной просьбе освободили от должности.

Находясь в Равенне, Оттон I не терял контакта и с Германией. Старый епископ Аугсбургский Удальрих (Ульрих), имевший немалые заслуги перед государством и особенно запомнившийся потомкам героической обороной Аугсбурга от мадьяр в 955 году, совершал паломничество в Рим и на обратном пути посетил императора. Оттон I был так обрадован встрече, что выбежал за ворота своей резиденции, в спешке успев надеть только один башмак. Он охотно удовлетворил просьбу епископа еще при его жизни поручить управление епархией его племяннику, которого прочил в свои преемники.

Императорская свадьба

Из Равенны Оттон I отправил в конце 971 года еще одно, на сей раз особенно представительное посольство в Константинополь. Архиепископ Кёльнский Геро в сопровождении двух

епископов и одного графа отбыл в качестве свата к византийскому двору. В Константинополе он был благосклонно принят и привез оттуда, помимо согласия выдать византийскую царевну замуж за Оттона II, в качестве драгоценного подарка мощи св. Пантелеймона, мученика из Никомидии времен Диоклетиана, которые и поныне покоятся в Кёльне в соборе этого святого.

Очевидно, летом 971 года Оттон I временно прервал свое пребывание в Равенне посещением Павии, где на рейхстаге был принят закон, который можно рассматривать как дополнение к принятым ранее в Вероне постановлениям. Речь вновь шла о судебном поединке как способе решения спорных вопросов. Если прежде поединок должен был считаться средством доказательства только тогда, когда оспаривалась подлинность документа, подтверждающего право земельного владения, то теперь во всех процессах, в которых речь шла о земельных владениях, судебный поединок становился единственным доказательством. Тот, кто не отваживался вступать в единоборство, не только проигрывал дело, но и подвергался конфискации имущества. Это противопоставление рыцарской доблести крючкотворству, впоследствии выродившееся в Германии в господство кулачного права, в Италии X века сыграло благотворную роль, помогая бороться с клятвопреступлением и лжесвидетельством. Очевидно, Веронский эдикт 967 года принес положительные результаты, поэтому сочли целесообразным расширить сферу его действия.

Из Равенны Оттон I направился в Рим, где и праздновал Пасху 972 года, пришедшуюся на 7 апреля. В то время он уже знал, что четырехлетние усилия по заключению династического брака с Византией наконец увенчались успехом: невеста для Оттона II Феофано находилась на пути в Рим. Вопрос о происхождении Феофано породил целую полемику в исторической литературе. Помимо чисто генеалогического интереса эта проблема важна для определения уровня отношений, сложившихся между империей Оттона I и Византией. Само собой

разумеется, что если византийский император отказался дать в жены Оттону II порфирородную царевну, то он признавал новоявленную империю на Западе лишь в силу необходимости, так сказать *de facto*, но никак не *de jure*. Одни исследователи, вопреки фактам, предпочитали видеть в Феофано все же дочь императора Романа II, то есть порфирородную царевну. Другие, признавая царственное происхождение Феофано, считали ее дочерью императора Константина VII Порфирородного, то есть сестрой Романа II. Большинство же исследователей полагают, что Феофано была не порфирородной и приходилась племянницей Иоанну Цимисхию. Именно эта точка зрения имеет прямое подтверждение в источнике — анналах Монте-Кассино, где о Феофано говорится именно как о племяннице Иоанна Цимисхия. На наш взгляд, косвенным подтверждением этого факта служит умолчание большинства источников о ее царственном происхождении, о чем, скорее всего, встретилось бы упоминание, если бы она являлась дочерью василевса.

Еще в начале 972 года Феофано в сопровождении многочисленной свиты и с богатыми дарами высадилась на побережье Апулии и направилась в Беневент, где ее встретило специальное посольство императора во главе с Дитрихом, епископом Меца, чтобы далее сопровождать в Рим. Некоторые из окружения Оттона I, узнав, что прибыла не царевна Анна, порфирородная дочь императора Романа II (Анна спустя много лет, когда на престоле в Константинополе будет ее брат Василий II, достанется в жены русскому князю Владимиру Святославичу), а лишь родственница нового василевса Иоанна, не царственного происхождения, советовали императору отправить ее назад, однако тот предпочел принять Феофано, полагая, что цель, ради которой заключался династический брак, будет достигнута и в этом случае. Источники не дают возможности установить, какими именно соображениями руководствовался Оттон I, идя на такой компромисс. Думается, что он принимал во внимание печальный опыт борьбы с Византией за господство в Южной Италии. Византийская невеста

должна была служить залогом мира между двумя империями. События, как предшествовавшие заключению византийско-германского династического брака, так и следовавшие за ним, убеждают, что Оттон I, осознав невозможность добиться всего и сразу, пошел на вынужденный компромисс, довольствуясь значительно меньшим, чем хотелось бы ему. И все же дом Оттонов много приобрел, приняв к себе Феофано, ибо это была, как ее характеризуют современники, красивая, умная, красноречивая, образованная и скромная девушка. Она сыграла важную роль в истории Германии, внося большой вклад в ее культурное развитие — так называемое Оттоновское возрождение многим обязано ей.

Ровно через неделю после Пасхи, 14 апреля 972 года, Феофано торжественно встречали в Риме, и в тот же день состоялось ее венчание с Оттоном II в соборе Св. Петра. Тогда же папа Иоанн XIII помазал и короновал ее как императрицу. Следует предположить, что свадьбе предшествовало заключение мира с Византией, хотя мы и не имеем непосредственного свидетельства об этом. Если допустить, что в отношениях между Западной и Восточной империями продолжало сохраняться состояние «ни войны, ни мира», то непонятно, для чего из Константинополя была направлена в Италию невеста, хотя бы и не порфирородная. Если же договорились, что процедура официального заключения мирного договора переносится на более поздний срок, то и в этом случае должны были сохраниться свидетельства современников. Неужели мир с Византией не показался им событием, заслуживающим внимания? Впрочем, нельзя полностью исключать и того, что вовсе не существовало мирного договора, о котором не упоминается ни в одном из источников. Но как бы то ни было, противоборство империи Оттона I и Византии прекратилось. Они поделили сферы влияния в Италии: Беневент и Капуа остались под властью немцев, зато Апулия, Калабрия, Неаполь и Салерно — греков.

Из-за отсутствия прямых указаний в источниках остается спорным и вопрос, признала ли Византия за Оттонами достоинство римских императоров одним только фактом бракосочетания Оттона II с Феофано. Сложилось мнение, что главным содержанием переговоров с Византией 967–972 годов как раз и было достижение признания Западной империи со стороны греков и что Оттон I, согласившись на брак сына с Феофано, не отказался от своих первоначальных замыслов, поскольку Феофано давала ему те же преимущества, какие могла дать и дочь Романа II. Однако нельзя считать опровергнутой (все по той же причине молчания источников) и точку зрения, что в ходе переговоров вопрос о признании Оттона I просто не затрагивался. На наш взгляд, она интересна тем, что предполагает наличие готовности к компромиссу с обеих сторон. Правитель Византии никак не мог отказаться от единоличного притязания на титул римского императора, официально признав таковым Оттона I, однако, учитывая сложившуюся политическую ситуацию, готов был молчаливо согласиться с тем, что немецкий король короновался в Риме императорской короной. Оттон I, в свою очередь, как расчетливый политик, согласившись на брак своего сына с Феофано, решил довольствоваться фактическим признанием своей империи, полагая, что отныне в глазах западного мира он становится вровень с византийским императором. Именно компромиссным характером достигнутого соглашения может объясняться тот факт, что и теперь, по достижении мира с Византией, он избегал именовать себя римским императором, предпочитая более нейтральную формулировку: «*Otto divina favente clementia imperator augustus*» («Оттон благосклонной Божьей милостью император август»). Весьма примечательно, что еще год назад, когда исход борьбы с византийцами был неясен, словно в пику им Оттона I поименовали на рейхстаге в Павии «великим императором римлян».

Торжественная церемония бракосочетания Оттона II с Феофано знаменовала собой, по мнению некоторых историков, за-

вершение имперской политики Оттона I. Даже если термин «имперская политика» считать синонимом итальянской политики германских королей (эта точка зрения широко распространена в литературе, мы же в понятие имперской политики вкладываем более широкий смысл, подразумевая под ней всю политику, внутреннюю и внешнюю, германских императоров), едва ли можно согласиться с этим. И после свадьбы сына Оттон I еще долго, до мая включительно, оставался в Риме, где он подтвердил все владельческие права и привилегии монастырей Св. Софии в Беневенте и Бreme. В тот период епископ Меца Дитрих, благодаря длительному общению и родству с обоими императорами, приобретает все большее влияние при дворе.

В мае 972 года Оттон I завершает свое последнее пребывание в Риме и отправляется в Равенну, где он 25 мая подтвердил владения монастыря Сан-Аполлинаре. 11 июля он уже в Брешии, где дарственной грамотой подтвердил права и привилегии монастыря Пфэфферс в Германии, словно сигнализируя о своем возвращении на родину. 29 июля, находясь в Павии, он по ходатайству Дитриха Мецкого подтвердил все пожалования своих предшественников патриархату Аквилеи. На следующий день, только на одни сутки посетив Милан, он вместе с сыном провел там в монастыре Св. Амвросия судебное заседание, в результате которого этот монастырь был вынужден возвратить каноникам Бергамо их незаконно присвоенные им владения. 1 августа он уже снова был в Павии, пожаловав в тот день капелле Св. Марии в своей резиденции в Ахене лотарингское аббатство Шевремон.

Последнее свидание с родиной

В первой половине августа 972 года Оттон I с сыном, супругой и всей придворной свитой двинулся в путь за Альпы, как и прежде, через Септимер к Боденскому озеру. 18 августа он уже был в Констанце, где дарственной грамотой подтвердил монастырю Райхенау право выбирать своего аббата. Шесть лет император отсутствовал в Германии, что якобы вызвало недо-

вольство саксов, оскорбленных столь пренебрежительным отношением государя к своей родине. Об этом как о слухе, не стоящем даже того, чтобы о нем рассказывать, упоминает Видукинд Корвейский. Впрочем, некоторые историки пишут о недовольстве саксов долгим отсутствием своего короля и его итальянской политикой в целом как о реальном факте, истолковывая отдельные события как акты неповиновения и протеста. Об одном таком «антиоттоновском» деянии, скорее заслуживающем названия анекдотического случая, сообщает Титмар Мерзебургский: Оттон I будто бы рассердился на архиепископа Магдебургского Адальберта за то, что тот во время его отсутствия оказывал герцогу Саксонии Герману Биллунгу королевские почести, встретив его в Магдебурге колокольным звоном и зажжением всех светильников в храме, а затем усадил его за стол на почетное королевское место и даже уложил спать на королевскую кровать. За это Оттон I в своем праведном гневе потребовал от Адальберта прислать ему столько коней, сколько звонило колоколов и горело свечей в честь Германа, однако архиепископу, исполнившему предписание императора, удалось через своих посланцев смягчить его гнев. За все годы отсутствия Оттона Великого в Германии его авторитет оставался незыблемым, а мир в стране прочным, о чем позаботились преданные ему люди, и не в последнюю очередь Герман Биллунг.

Двигаясь вниз по Рейну, Оттон I прибыл во Франконию, и здесь в Ингельхайме в середине сентября состоялся синод всей немецкой церкви, решение о проведении которого было принято еще в Риме. Рождество 972 года император праздновал во Франкфурте-на-Майне. Здесь же он встретил и новый 973 год, после чего отправился в Саксонию. Ему не терпелось увидеть построенный за время его отсутствия собор I в Магдебурге, для украшения которого он, подобно тому как в свое время Карл Великий для Ахенского собора, присылал из Италии мраморные колонны, золото и драгоценные камни, а также бесценные реликвии. Поскольку в этом храме были похороне-

ны многие верные ему люди, а также его первая супруга Эдгит, он велел подготовить рядом с ней и могилу для себя. В Магдебург Оттон I прибыл к Вербному воскресенью (16 марта). Как и подобает по большим церковным праздникам, он, в сопровождении епископов и прочего духовенства, во главе торжественной процессии с крестами, реликвиями и кадилами направился на молебен в собор. На следующий день в присутствии и с одобрения императрицы и сына он щедро одарил магдебургскую церковь Св. Маврикия землями, книгами и украшениями, при этом точно определив права и полномочия фогтов.

Затем Оттон I направился в Кведлинбург, чтобы праздновать Воскресение Христово в городе, в котором были похоронены его отец и мать. Здесь он и встретил Пасху (23 марта) в блестящем окружении как своих подданных, так и иностранных правителей и посланников. По велению императора прибыли князья Болеслав Чешский и Мешко Польский. Источники упоминают еще о прибытии посольства из Руси, а также из Италии — от жителей Беневента и Рима. О присутствии итальянцев свидетельствует и грамота, составленная в Кведлинбурге 28 марта и пожалованная Кремонскому епископству, которой Оттон I по просьбе Адельгейд подтверждал преемнику незадолго перед тем умершего Лиутпранда Одельриху все права его церкви. Италия не выпадала из поля зрения императора и после его ухода из нее. Спустя несколько недель, когда Оттон I уже находился в Мерзебурге, к нему прибыло и посольство из Африки, очевидно, от египетских сарацин. Вероятнее всего, это посольство было связано с положением дел на юге Италии и на Сицилии, где сталкивались интересы трех держав — Фатимидского Египта, империи Оттонов и Византии. О содержании переговоров с арабскими послами, которых, как сообщает Видукинд, Оттон I держал при себе, в источниках нет сведений. Впрочем, и времени для переговоров уже оставалось не так много. 7 мая 973 года, находясь в Мем-

лебене, где он собирался праздновать Троицу, император Оттон I скоропостижно скончался.

Даже Видукинд, упорно не желавший связывать императорскую власть своего повелителя с Римом, после кончины назвал его римским императором и «царем народов», используя библейскую реминисценцию из Книги пророка Иеремии: «Кто не убоится Тебя, Царь народов?» (Иер. 10, 7). Нет причин предполагать, что под впечатлением от успехов итальянской политики Оттона I Видукинд пересмотрел свое отношение к самой идее Римской империи — он по-прежнему оставался сторонником императорской власти, не связанной с Римом. Скорее всего, библейское определение «царь народов» потребовалось Видукинду для того, чтобы пояснить, какой смысл лично он вкладывает в императорское достоинство Оттона I: универсальная, распространяющаяся на множество народов власть германского короля, не связанная с Римом и независимая от него. Для него Оттон I был и оставался «главой всего мира», «величайшим в Европе государем».

Успехи Оттона I были слишком очевидны, а слава велика, чтобы не замечать их. Даже если оценивать итоги его военной и дипломатической борьбы с Византией как вынужденный компромисс, в целом третий итальянский поход был вполне успешен. Временно пошатнувшееся за полтора года его отсутствия господство в Северной и Центральной Италии было без труда восстановлено, и после расправы над мятежными римлянами в декабре 966 года не было ни одного крупного проявления недовольства. Бесспорным и полным успехом явилось завершение многолетних усилий по созданию Магдебургского архиепископства, непосредственно связанного с итальянской политикой Оттона I, прежде всего с его доминирующим положением в Риме. Что касается взаимоотношений с Византией, попыток добиться с ее стороны признания возроденной Западной империи и распространить германское господство на Южную Италию, то и здесь был достигнут максимум возможного: пусть не прямое, документально засвидетельствованное,

но хотя бы молчаливое фактическое признание было получено, что в глазах современников делало Оттона I равным византийскому императору. Установить господство над Южной Италией не удалось, но и у византийцев было не больше оснований считать себя там хозяевами положения. Как вскоре выяснилось, ни Византия, ни Священная Римская империя не рассматривали эти результаты противоборства как окончательные.

Итоги и перспективы

Оттон I положил начало имперской политике Германского королевства, возродив империю на Западе. Империя Оттонов, как и многое в средневековой Европе, была каролингским наследием. Оттон I, решив продолжать традицию Карла Великого, овладел Итальянским королевством и добился того, чтобы папа короновал его в Риме императорской короной. Каролингская имперская традиция служила убедительным оправданием восстановления империи в Западной Европе, само же исполнение замысла было вопросом власти. Королевство Оттона Великого, несмотря на свое доминирующее положение, обладало лишь политическим преимуществом, и только императорская корона обеспечивала ему более высокое по рангу, нежели королевское, достоинство. Универсальный характер Империи узаконивал власть над ее негерманскими частями, а включение ее в Священную историю в качестве последнего из четырех великих всемирных царств, привидевшегося пророку Даниилу, гарантировало ей, согласно политико-теологическим представлениям Средневековья, существование вплоть до пришествия Антихриста. На императора как «всемирного монарха», стоявшего во главе христианского мира, возлагались большие надежды: он должен был оборонять от врагов, защищать правую веру и нести через своих миссионеров Христово слово язычникам.

Таким образом, имперскую политику Оттона I следует оценивать исходя из условий и представлений его времени и пытаясь понять мотивы, которыми он руководствовался: стрем-

ление овладеть Лангобардским королевством, чтобы реально стать королем в Южной Германии, установить протекторат над Римом, дабы властвовать в Итальянском королевстве и, наконец, закрепиться в Южной Италии ради безопасности Рима. Он чувствовал себя обязанным защищать римскую церковь, но вместе с тем и влиять на папство, чтобы держать в руках немецкий епископат и проводить широкомасштабную миссионерскую политику на Севере и Востоке. Утверждая свое господство в Италии, он хотел быть хозяином в этой стране точно так же, как в Германии и на любой другой из находившихся под его властью территорий.

Германское королевство, когда Оттон I вступил на престол, было еще сравнительно молодым государством, не осознавшим своей идентичности и жившим воспоминаниями и традициями племенных герцогств и Каролингской империи. Единственным, что объединяло входившие в его состав германские племена, как раз и было традиционное представление об их принадлежности к Каролингской империи. Однако ее неотъемлемой составной частью наряду с Лотарингией была Италия — точно так же, как любое из германских племен. Следовательно, Оттон I, повелевая Швабией и Баварией, должен был, по традиции Каролингской империи, повелевать также Ломбардией и Римом. Несомненно, еще и в середине X века были оборваны не все связи и пресеклись не все традиции, соединявшие Германское королевство с универсальной монархией Карла Великого.

Итальянская политика Оттона I была необходима для консолидации молодого Германского государства, угрозу Целостности которого представляли самостоятельные походы за Альпы герцогов Баварии и Швабии. Король сумел использовать давние и прочные связи этих герцогств с Италией в общегосударственных интересах, обратив их сепаратистские устремления в фактор интеграции. Хотя в его родной Саксонии многие отрицательно относились к итальянской политике, все же гораздо проще было повести саксов в Италию, соблазнив их добычей в

этой богатой стране, чем швабов и баварцев в леса и болота северо-восточного пограничья на войну против язычников — датчан и славян. Для феодальной знати всех германских герцогств в Италии открылось широкое поле деятельности. При этом особенно большую материальную выгоду для себя извлекла из участия в господстве над Италией наиболее близкая королю аристократия Саксонии. Благодаря этому удалось быстрее сократить цивилизационное отставание области между Везером и Эльбой от более развитых южных и западных частей Германии, уже давно испытывавших римское и франкское влияние.

С 962 года, после императорской коронации Оттона I, каролингская традиция возродилась и в своей имперской форме. Лишь теперь король Германии в полной мере стал преемником Карла Великого, что позволило ему в значительной мере погасить амбиции различных группировок могущественной знати и устранить причину ранее неоднократно повторявшихся кризисов всей политической системы его государства. Благодаря обретению Оттоном I более высокого, императорского достоинства сгладился антагонизм между знатью и королевской властью, была устранена угроза, вытекавшая из перманентного соперничества с представителями высшей знати германских племен: если короля они рассматривали в лучшем случае как первого среди равных, то император по определению олицетворял собой власть, стоящую над герцогами и королями. Таким образом, в форме возрожденной империи еще рыхлое Германское королевство обрело специфическую возможность для дальнейшей интеграции, а тем самым и предпосылку для своего исторического бытия. На наш взгляд, лишены какого-либо основания оценки итальянской политики Оттона I как противоречившей национальным интересам Германии. Подобного рода суждения, основанные на теории современного национального государства, антиисторичны и в силу этого лишь затемняют смысл событий и поступков людей X века.

Оттону I удалось без особого труда присоединить к своему Германскому королевству территории бывшего Лангобардского королевства, утвердиться там и установить порядок, оказавшийся весьма стабильным. Его господство в Северной Италии выдержало испытание временем и несколькими мятежами противников из числа местной знати. Большинство же светских и духовных феодалов сочли более выгодным для себя поступить на службу к новому властителю. Что касается Рима, то здесь, видимо, уместнее говорить не о господстве императора, как в Ломбардии, а о своего рода протекторате над городом и папством. Формально Оттон I признавал порядок, установившийся здесь якобы со времен Константина Великого и по его соизволению, закрепленный в «Псевдоконстантиновом дар» (привилегии, якобы пожалованной Константином Великим епископу Рима, на самом же деле сфабрикованной значительно позже) и предполагавший, что в Риме не должно быть иной власти, кроме папы римского. В действительности же и папство вошло в структуру имперской церкви.

Гораздо труднее дать оценку политики Оттона I в Южной Италии. Формально поставленные им задачи не были выполнены, и все свелось лишь к установлению сюзеренитета над Капуей и Беневентом, однако компромисс, достигнутый во взаимоотношениях с Византией, закрепленный династическим браком и позволявший говорить о фактическом признании Оттоновской империи со стороны византийского императора, не может быть истолкован как крушение планов Оттона I. Думается, что ему удалось добиться максимума возможного и на этом направлении своей итальянской политики.

В государственно-правовом отношении средневековая империя — Священная Римская империя — рассматривалась современниками как возрождение или продолжение Древней Римской империи, что сыграло весьма важную роль, благоприятствуя распространению ренессансных идей — сначала в виде Каролингского, а затем и Оттоновского возрождения. Этот очевидный факт не опровергается, вопреки мнению не-

которых исследователей, тем, что Оттон I воздерживался от употребления применительно к себе титула римского императора, довольствуясь простым «император август». На то были причины политического, но отнюдь не идейного порядка. Императорское достоинство, обретенное Оттоном I в Риме, явилось результатом развития, протекавшего в Западной Европе со времен Карла Великого, сумевшего достичь фактической гегемонии над западным христианским миром. Можно говорить в известной мере и о европейской гегемонии Оттона I, повелевавшего, помимо Германии, значительной частью Италии, осуществлявшего протекторат над Бургундией, сюзеренитет над частью Польши и над Данией и занимавшего положение третейского судьи в отношении противоборствовавших сил во Франции. императорская корона хотя и не добавила ему реального могущества, однако узаконила и освятила авторитетом церкви его положение европейского гегемона.

В государственно-правовом отношении содержанием его императорской власти служил протекторат над Римом, Церковным государством и прежде всего над папой. Оттон I был покровителем курии, фогтом Св. Петра, политически распоряжаясь папством и его непосредственными владениями. Вместе с тем возможность реально влиять на папу служила предпосылкой для господства над германским епископатом, а также для утверждения своего доминирующего положения среди европейских стран: подобно тому, как он окружным путем, через курию, воздействовал в собственных интересах на немецкую церковь, у него появилась возможность таким же способом влиять на церкви, а через них и на государственные структуры других стран Европы. Наконец, совершенно очевидна прямая связь итальянской политики Оттона I с его миссионерскими планами в Восточной Европе, успех которых непосредственно зависел от положения императора как европейского гегемона и протектора римской церкви.

В качестве негативного последствия итальянской политики Оттона I некоторые исследователи указывают на проявления

недовольства длительным отсутствием его в Германии и на оппозиционные движения 50-х годов X века. Хотя подобного рода утверждения и могут быть в той или иной мере убедительно подкреплены фактами, все же не следует преувеличивать их значение. До серьезного кризиса дело так и не дошло, и в целом положение Оттона I как короля Германии оставалось прочным в течение всего времени его пребывания в Италии.

В связи с этим следует учитывать еще один немаловажный момент: нельзя действия правителя X века оценивать исключительно с позиций государственной пользы или вреда, поскольку государственные интересы в то время далеко не всегда служили критерием для принятия решений королями. Правитель тогда зачастую хотел быть не столько политиком и государственным деятелем, сколько героем, отправлявшимся на подвиги, не всегда считаясь с насущными интересами страны, и общественная мораль оправдывала его. Было бы анахронизмом оценивать политику Оттона I исключительно с точки зрения пользы для Германского государства; многое из того, что он делал, в большей мере определялось требованиями воинской, рыцарской морали или религиозного благочестия, нежели соображениями целесообразности и государственного интереса. Во всяком случае, он не мог проигнорировать просьбы о помощи, исходившие от притесняемой королевы-вдовы Адельгейд и папы римского.

И все же, даже с точки зрения общегосударственного интереса Германии X века, итальянская политика Оттона I была более предпочтительна, нежели завоевательные походы против славян. Даже если допустить, что эсхатологические ожидания той эпохи и воспринятые ею традиции и идеи универсальной империи не вынуждали настоящим образом немецкого короля отправиться в Италию, эти представления, бесспорно, сыграли стимулирующую роль. Если немецкий король и не нуждался в господстве над Италией и папством, чтобы повелевать церковью у себя в стране, овладевать славян-

ским Востоком или осуществлять гегемонию в Европе, то, несомненно, это господство придавало его власти и положению дополнительный блеск. Даже если в Германии и была оппозиция его итальянской политике, то, вероятнее всего, отказ от этой политики вызвал бы по меньшей мере такую же оппозицию, прежде всего в лице герцогов Баварии и Швабии. Если в стране и были сторонники неримской, автономной (по типу франкско-ахенской) империи, то, несомненно, многие считали, что добытая в Риме императорская корона в политическом отношении более целесообразна и придает власти монарха больше авторитета.

Было и еще одно обстоятельство, делавшее в глазах германской знати завоевание Лангобардского королевства более привлекательной целью, нежели покорение славянских племен: славяне казались ей совершенно чужими варварами, чуждыми по языку, религии и культуре. Лангобардская же знать Италии была ей родственна. Между ними, несмотря на все различия, существовала своего рода германская общность интересов, о чем упоминал Лиутпранд Кремонский, особенно заметная на фоне непримиримой вражды со славянами. Идя в Италию, немцы оказывались в почти родственной стране, а на славянских территориях — в абсолютно чуждом и враждебном окружении. Но, определяя направление завоевательной политики, еще важнее было помнить, что славянские земли тогда были бедны, а Италия — богата. Понятно, что завоевателей привлекала одна из богатейших стран Европы. Играл свою роль и столь немаловажный для Германии X века аспект, как обилие в Италии культурных сокровищ и святых реликвий. Имперская политика Оттона I, хотя и сыграла важную роль во внутривнутриполитической стабилизации и консолидации Германского королевства, в первую очередь была наступательной и завоевательной, имевшей целью распространение немецкого господства за пределы собственной страны. Однако при этом, дабы избежать односторонних оценок, надо иметь в виду, что Оттон I со своей завоевательной политикой не был одинок

среди правителей того времени: каждый из них по мере возможности старался поступать так же.

В пакте, заключенном с папой римским вскоре после коронации («Оттонианум»), Оттон I, заявляя о преемственности с каролингской имперской традицией, вместе с тем дал понять, что обретенное им императорское достоинство должно перейти по наследству к его сыну, дабы начатое отцом не пресеклось, а продолжилось и приумножилось. И действительно, проводившаяся Оттоном I итальянская политика оказалась отнюдь не тупиковым, а весьма перспективным направлением экспансии молодого Германского королевства, ставшего империей Оттонов, которой суждено было продолжить свое существование в качестве Священной Римской империи.

Глава третья

ОТТОН II: ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ НОВОГО ГОСУДАРЯ

Княжеская оппозиция

На следующий день после кончины Оттона Великого Оттон II приступил к правлению доставшейся ему в наследство Империей. Еще в Мемлебене, наутро после смерти отца, он принял от присутствовавших магнатов присягу на верность. Они, рассказывает Видукинд Корвейский, присягнули своему государю «как в первый раз», хотя тот уже обладал королевской и императорской коронами. Так Видукинд, низведший эти коронации до уровня простого предназначения на престол, отметил решающую роль избрания в форме принесения магнатами присяги на верность как неопременного условия законного престолонаследия, тем самым еще раз выразив свое неприятие итальянской, имперской политики Оттонов. Вместе с тем истолкование спонтанной присяги случайного круга магнатов как формального акта возведения на трон «всем народом» («Итак, он снова всем народом был избран государем», — написал Видукинд) могло быть адресовано тем, кто сомневался в законности непосредственного наследования Оттоном II отцовской власти.

Преемственность власти на первых порах обеспечивалась и благодаря участию в государственных делах матери императора, вдовствующей императрицы Адельгейд, влияние которой особенно заметно в первые два года правления Оттона II. Другой саксонский хронист, Титмар Мерзебургский, не преминул отметить, что Оттон II как правитель формировался под влиянием своей пользовавшейся непререкаемым авторитетом

матери, по инициативе которой принимались важные решения. Лишь по мере возмужания, накопления политического опыта он становился более самостоятельным.

Первые семь лет новый король Германии был поглощен борьбой за утверждение своей власти внутри страны и за Лотарингию. Прежде всего Оттону II пришлось столкнуться с оппозицией южногерманских герцогств Баварии и Швабии. Уже в начале 974 года при замещении первого освободившегося епископства он не сумел реализовать собственную волю, вынужденно согласившись на то, чтобы преемником Ульриха Аугсбургского, верного помощника Оттона I, стал Генрих, обязанный своей должностью совместным усилиям баварского и швабского герцогских дворов — герцога Баварии Генриха Сварливого, как его называли еще современники, и его матери Юдит из рода Луитпольдингов, с одной стороны, и герцога Швабии Бурхарда III и его супруги Хадвиг, сестры Генриха Сварливого и дочери Юдит — с другой. Епископ Генрих был сыном Бурхарда, маркграфа Баварской Восточной марки (с 996 года она станет называться Австрией), и братом Юдит и, следовательно, представителем обеих южногерманских герцогских династий. Однако вскоре Оттону II удалось в какой-то мере взять реванш: когда Хадвиг, вдова умершего бездетным Бурхарда III, решила посредством нового брака обеспечить наследование герцогства по собственному усмотрению, он назначил герцогом Швабии своего племянника Отто, сына Лиудольфа (сына Оттона I Великого от первого брака с Эдгит), перечеркнув тем самым планы Луитпольдингов, нацеленные на более тесное взаимодействие южногерманских герцогств.

Главным возмутителем спокойствия выступал баварский герцог Генрих Сварливый — сын Генриха, младшего, «порфирородного» брата Оттона I. Генрих Сварливый, как и его отец, попытался захватить власть в государстве, завладев королевской короной (забегая вперед, скажу, что ему, как и его «порфирородному» отцу, не суждено было стать правителем Германии, зато его сын, тоже Генрих, спустя почти тридцать лет

будет германским королем). При этом он нашел поддержку не только в Баварии, но и у князей Чехии и Польши. Однако Оттон II при помощи Бертольда Швайнфуртского, могущественного франконского графа, который был верным соратником еще Оттона I и остался сторонником его сына, сумел заключить под стражу Генриха Сварливого и его сообщников. Но тому спустя некоторое время удалось уйти из заточения и возобновить борьбу. Даже в Саксонии, в родном герцогстве императора, он нашел единомышленников. И все же Оттон II опять одержал верх, на сей раз лишив Генриха герцогской власти. Своему племяннику герцогу Швабии Отто он передал в 976 году также и Баварию, за исключением Каринтии и североитальянских марок. Каринтия сама получила статус герцогства и была пожалована Генриху, представителю искони правившего в Баварии рода Луитпольдингов. С того времени североитальянские марки были связаны личной унией не с Баварией, а с Каринтией. Баварскую Восточную марку получил Бабенберг Лиудпольд (Леопольд), брат Бертольда Швайнфуртского, роду которого суждено было править Австрией более двух с половиной веков. Однако лишь после еще двух походов против чешского князя и подавления в 977 году восстания трех Генрихов — Генриха Сварливого, Генриха Каринтийского и епископа Генриха Аугсбургского — Оттон II стал хозяином положения в Германском королевстве. Итоговая черта была подведена на Пасху 978 года на съезде знати в Магдебурге. Болеслав II Чешский присягнул на верность императору, немецкие мятежники были изгнаны, а Каринтию получил Отто, внук Оттона I — сын его дочери Лиудгард и герцога Лотарингского Конрада Красного, героически сражавшегося в битве на реке Лех в августе 955 года и павшего там смертью храбрых. Вновь дом Оттонов утвердился в Южной Германии.

Уже в самом начале этой борьбы против оппозиции внутри государства Оттону II пришлось отражать натиск датского короля Харальда Синезубого, еще в 965 году обращенного в христианство и с тех пор поддерживавшего хорошие отноше-

ния с Оттоном Великим. Однако, как только тот умер, Харальд, вступив в союз с норвежским ярлом Хаконом, попытался захватить Нордальбингию — область в низовьях Эльбы. Поскольку Хакон вскоре разорвал союз с датским королем, Оттону II без особого труда удалось осенью 974 года самому перейти в наступление и укрепиться в Шлезвиге, подчинив эти земли немецкому господству и принудив Харальда к уплате дани.

Борьба за Лотарингию разгорается снова

К этому времени кризисная ситуация сложилась на западной границе государства Оттона II. Младшему брату Оттона Великого Бруно, архиепископу Кёльнскому и одновременно герцогу Лотарингскому («эрцгерцогу»), успешно проводившему западную политику Империи, не нашлось достойного преемника. Среди епископата Лотарингии наибольшую близость к императорскому двору сохранял Дитрих Мецский, сын сестры королевы Матильды (супруги Генриха Птицелова). Однако ни он, ни назначенный еще при Бруно герцог Лотарингским Фридрих не сумели занять господствующего положения во всей Лотарингии.

После смерти Оттона Великого ничто не сдерживало желания Каролингов обладать Лотарингией, их исконной областью. Новый характер отношений между Германией и Францией вскоре обнаружился в связи с событиями в Нижней Лотарингии. Регинар IV Геннегауский и его брат Ламберт, жившие на положении беженцев при французском королевском дворе в Лане, в 973 году собрали сторонников и отправились отвоевывать свое наследственное владение — Геннегау (ныне в составе Бельгии). Оттону II пришлось лично вмешаться, чтобы изгнать их из Лотарингии. Спустя три года Регинар и Ламберт повторили попытку, на сей раз прибегнув к помощи графов Вермандуа и брата французского короля Лотаря — принца Карла, не имевшего своего удела и мечтавшего завоеванием поправить собственные дела. Маркграф Готфрид, брат архиепископа Реймского Адальберо, был осажден в Монсе и во

время одной из вылазок тяжело ранен. Однако и на этот раз интервенты не добились успеха и отступили, очевидно, опасаясь прибытия войск императора. Во время этой кампании король Лотарь с войском находился на севере Франции, видимо, с намерением поддержать собственного брата. Оттон II решил изменить свою тактику. Он возвратил Регинару и Ламберту их наследственные владения, за исключением Монса, главного города Геннегау, который он оставил за верным Готфридом, и назначил в 977 году принца Карла, рассорившегося со своим братом Лотарем, герцогом Нижней Лотарингии. Резиденцией ему был определен Брюссель. И хотя в целом Карл оказался неспособным исполнять свою должность, его назначение оказалось изощренным тактическим ходом: один из последних отпрысков Каролингской династии стал вассалом германского короля, что весьма благоприятным образом сказывалось на репутации Оттона II.

Король Лотарь весной 978 года наконец-то решился реализовать давно вынашиваемый замысел захвата Лотарингии. Это предприятие оказалось возможным лишь благодаря тому, что Лотарь нашел взаимопонимание со своими могущественными соперниками внутри страны — Робертинами. В апреле он созвал в своей резиденции в Лане собрание знати, участники которого, и в первую очередь Гуго Капет, одобрили его военные планы, видимо, надеясь на хорошую поживу. Цель похода держали, вопреки закону и обычаю, в строгом секрете. Первым объектом атаки стали земли по Маасу. Правда, Лотарь не нашел там столь широкой поддержки, какой в свое время пользовался его отец Людовик. Лишь дойдя до Люттиха или Маастрихта, король узнал, что Оттон II находится в Ахене.

Лотарь жил в предвкушении большого успеха: если бы удалось захватить в плен ничего не подозревавшего императора (и, напомню, своего двоюродного брата: мать Лотаря королева Герберга была сестрой Оттона I), то было бы гарантировано обретение Лотарингии в обмен на его освобождение. Соображения чести при этом в расчет не принимались. Оттон II пона-

чалу даже не поверил вести о приближении французского войска, пока не убедился в этом благодаря проведенной разведке. Правда, Лотарь не сумел воспользоваться своим преимуществом: вместо того чтобы совершить стремительную атаку во главе отборного отряда, он медленно двигался со всем своим обозом, тем самым дав императору возможность спастись. Ввиду превосходивших сил противника Оттон II предпочел, не пытаясь защищать свою ахенскую резиденцию, бежать вместе с беременной супругой Феофано в хорошо укрепленный Кёльн. Ожидавшегося триумфа в Ахене у Лотаря не получилось. Пришлось довольствоваться разграблением города и похищением императорских регалий — знаков императорского достоинства. Дабы показать, что он стал обладателем столицы Каролингской империи, Лотарь приказал повернуть императорского орла, еще при Карле Великом установленного на крыше дворца, на восток. Спустя три дня он покинул Ахен, направляясь в Верхнюю Лотарингию, ситуация в которой, казалось, обещала легкий успех: как раз умер герцог Фридрих, и его вдова из рода Робертинов правила в качестве опекуны малолетнего сына. Однако нападение на Мец, обороной которого умело руководил епископ Дитрих, двоюродный брат императора, оказалось безрезультатным, так что Лотарю пришлось возвратиться восвояси, не добившись ощутимого успеха.

Епископ Дитрих побуждал императора к мести. В середине июля на рейхстаге в Дортмунде Оттон II доложил собравшимся магнатам о нанесенном ему оскорблении. Было принято решение собрать многочисленное ополчение. 1 октября 978 года он объявил Лотарю войну, которую собирался вести без вероломства и хитрости. Во главе большого войска, в состав которого входили и вспомогательные отряды из Италии, он двинулся во Францию, дойдя до самого Парижа. Встречавшиеся на пути церкви и монастыри он пощадил, а каролингские резиденции приказал разрушать, опустошая по тогдашнему обычаю ведения войны прилегающие территории. Гер-

цог Нижней Лотарингии Карл сумел овладеть Ланом, а затем, побуждаемый епископом Меца Дитрихом, действовавшим конечно же не без ведома императора, провозгласил себя королем в пику живому и здравствовавшему правителю Франции. Лотарь укрылся за стенами Парижа. Оборону города взял на себя Гуго Капет. Осада продолжалась несколько недель. В конце ноября Оттон II решил прекратить ее. На прощание, перед тем как уйти от Парижа, он велел всем имевшимся в его войске клирикам пропеть на вершине Монмартра «Аллилуйя». Поредевшее в результате болезней немецкое войско не могло противостоять подтягивавшимся к Парижу французским отрядам, поэтому император предпочел не вступать в сражение. Вздвинутая от осенних дождей реку Эн не удалось форсировать достаточно быстро, так что обоз попал в руки преследователей. Карл, естественно, не мог удержаться в Лане, в конце 978 года перешедшем в руки Лотаря, и присоединился к отступавшему войску императора. Рождество Оттон II праздновал во Франкфурте-на-Майне.

Лотарь, сознавая свою зависимость от доброй воли Гуго Капета и не доверяя ему в полной мере, решил договориться за спиной у герцога с Оттоном II. Тайно прибывшие послы были хорошо приняты императором. Договорились о личной встрече двух правителей. Она состоялась в мае 980 года близ Ивуа, неподалеку от границы с Германией. Лотарь отказался от своих притязаний на Нижнюю Лотарингию (а притязаний на Верхнюю, то есть Южную, Лотарингию он даже не успел как следует заявить). С легким сердцем Оттон II, у которого вскоре после этой встречи родился наследник престола, мог отправляться в Италию. Для Лотаря пакт с императором означал вместе с тем и тактический ход против своего самого могущественного союзника-соперника, Гуго Капета, лояльность которого во время немецкого вторжения спасла ему трон. Однако заключенный за спиной Гуго мир грозил тому серьезным ослаблением позиций, поэтому и он спустя некоторое время, на Пасху 981 года, присягнул в Риме на верность императору.

Хотя отступление Оттона II от стен Парижа в ноябре 978 года больше походило на бегство, однако в конечном счете он добился главного — Лотарингия осталась в составе Германии.

Успешное урегулирование Оттоном II конфликта вокруг Лотарингии заметно повысило его авторитет в народе. Если прежде нередко раздавались голоса недовольных его то слишком опрометчивыми, то чересчур нерешительными действиями и пренебрежением советами людей более зрелого возраста, а особенно влиянием на него супруги-гречанки, то теперь недовольство утихло. (Участие Феофано в государственных делах документально засвидетельствовано сразу же после вступления Оттона II на престол: уже в первый год его правления пожалованы четыре грамоты, в которых упоминается Феофано как ходатайствующее лицо, правда, сначала вместе с императрицей Адельгейд; весной 974 года Оттон II по собственному усмотрению подарил владения своей «соимператрице» («*coimperatrici augustae*») — этим титулом подчеркивалось особое значение Феофано как соправительницы; в титуле «соимператрица», несомненно, заключалось более весомое, нежели в «соправительнице», правовое содержание: как «*coimperator*», так и «*coimperatrix*» имели право на наследование власти; здесь решающую роль сыграл византийский образец: в Византии императрицы в качестве «соимператриц» после смерти супруга могли наследовать власть и править от имени своего малолетнего сына. И все же не следует преувеличивать личное влияние Феофано на Оттона II, сильного и волевого человека; в полной мере роль Феофано как «соимператрицы», а точнее говоря правительницы, проявилась лишь после безвременной кончины Оттона II, в годы малолетства их сына Оттона III, о чем речь пойдет в следующей главе.) Заговорили даже, что дух отца, Оттона Великого, возродился в сыне, что молодой государь способен на мужественные поступки и предназначен Провидением для великих дел. И даже Титмар Мерзебургский, порицавший Оттона II за упразднение Мерзебургского епископства (правда, весьма сдержанно, с полным

почтением к его императорской особе), больше сообщал о его триумфальных успехах, нежели о горестных неудачах: «В своей триумфальной славе император такого страху нагнал на врагов, что никогда более они не осмеливались предпринимать что-либо против него», а также: «Между тем кесарь так управлял Римской империей, что Удерживал всё прежде принадлежавшее своему отцу и мужественно противостоял нападавшим сарацинам, прогоняя их Далеко от собственных пределов».

И действительно, Оттон II жил с мыслью о продолжении дела отца, о придании Империи еще большего величия и прежде всего о реализации последних замыслов Оттона I относительно покорения Италии, чтобы земли к югу от Альп слились в единую с германскими землями Империю.

БИТВА ЗА ЮЖНУЮ ИТАЛИЮ

Вновь на Апеннинах

Как только воцарился мир в Германии, император отправился в итальянский поход. В отличие от своих предшественников и преемников на германском престоле, Оттон II шел в Италию не за императорской короной, которая у него уже давно была, а чтобы обеспечить порядок в стране, исполнить свои обширные обязанности императора. Собираясь в путь, императорская чета оставила обеих дочерей, Адельгейд и Софию, в Германии, взяв с собой только сына и наследника престола Оттона. Сначала они отправились на Рейн, откуда и должен был начаться поход в Италию. Император решил на время своего отсутствия в Германии поручить эрцканцлеру, архиепископу Майнцскому Виллигису и герцогу Саксонии Бернгарду обеспечивать порядок в стране и в экстренных случаях принимать необходимые меры. Епископ Меца Дитрих находился при Оттоне II в качестве советника и помощника в делах. Кроме того, императора сопровождали в его итальянском походе епископы Вормса и Мерзебурга, герцог Швабии и Баварии Отто и саксонские графы с рыцарскими отрядами, жаж-

давшими военных подвигов. Предстояло наглядно продемонстрировать императорское могущество, хотя на сей раз отправлялись не в завоевательный поход. Первая (и, как оказалось, последняя) самостоятельная экспедиция Оттона II в Италию начиналась как мирный визит для обеспечения императорской власти и восстановления порядка, где он был нарушен; о завоевании формально принадлежавшей Византии Южной Италии и о борьбе с сарацинами он сначала как будто бы и не помышлял. В Швабии, где была сделана продолжительная остановка, состоялась его встреча с французским и итальянским духовенством. Император подтвердил епископству Реджо его владения, права земельной собственности, заявив при этом о своем решении всеми силами бороться против притеснений, которым подвергается итальянская церковь со стороны светской знати. Двигаясь по Швабии, императорский кортеж 24 октября достиг Констанца на Боденском озере. Далее продолжали путь вверх по Рейну, а затем через один из альпийских горных перевалов Оттон II и сопровождавшие его лица прибыли в Кьявенну. В то время этот итальянский город с прилегающей территорией входил в состав Швабского герцогства, так что император формально находился еще не в Италии, а лишь у ее границ.

Но далее его путь пролегал по долинам Италии, через Монцу и Милан в Павию. Здесь он 5 декабря пожаловал епископу Хильдибальду, который изрядно потратился на обеспечение продовольствием императорской свиты и многочисленного рыцарского войска, дарственную грамоту, предоставлявшую ему право собирать в свою пользу таможенную пошлину на мосту близ Кьявенны, и подчинил ему всю императорскую администрацию этого столь важного для сообщения с Италией города.

Свою деятельность на итальянской земле император начал с примирения со своей матерью, вдовствующей императрицей Адельгейд. В свое время у него возникли разногласия с ней по многим вопросам управления Империей, приведшие к ухуд-

шению личных отношений, так что Адельгейд предпочла удалиться в Бургундию, ко двору своего брата, короля Конрада, много лет тому назад бывшего подопечным Оттона I. Правда, следует заметить, что нет причин говорить о враждебных отношениях между матерью и сыном. Хотя Адельгейд и поддерживала контакты с баварской оппозицией, с которой Оттон II боролся в период с 974 по 976 год, однако он никогда не утрачивал теплых сыновних чувств к ней. В самый разгар борьбы с мятежом в Баварии, в июне 975 года, он подтвердил дарственной грамотой все владения своей матери, пожалованные ей Оттоном I. В 977 году его новорожденная дочь была по имени своей бабушки наречена Адельгейд, чтобы, как написал сочинитель Магдебургских анналов, блистать красотой ее имени и пользоваться ее заслугами. И если, тем не менее, Адельгейд покинула политическую арену, то причиной послужила утрата ею своего прежнего влияния, перешедшего к Феофану и архиепископу Майнцскому Виллигису. Теперь, после того как Оттон II полностью утвердился в своих правах, преодолев оппозицию внутри государства и с выгодой для себя урегулировав внешнеполитические конфликты, он считал необходимым устранить все недоразумения во взаимоотношениях с матерью, которая, в свою очередь, ответила ему взаимностью. Посредниками в их примирении выступили король Бургундии Конрад и аббат Ключийского монастыря Майоль, благодаря которым мать и сын, не стесняясь проявления чувств, обливаясь слезами, в Павии возвратили друг другу прежнюю любовь. Вместе с тем это примирение матери с сыном было настоятельно необходимо и в политическом отношении: именно теперь, находясь в Италии, Оттон II нуждался в том, чтобы иметь на своей стороне Адельгейд. Позднее он назначит ее наместницей Ломбардии с резиденцией в Павии — весьма разумный шаг, учитывая, что его мать все еще рассматривалась многими как законная королева, подлинная хозяйка страны.

В качестве дорогого гостя тогда прибыл из Франции архиепископ Реймский Адалберо, в свите которого находился и тот примечательный монах, который еще десять лет назад был представлен юному императору и который теперь будет постоянно поддерживать весьма плодотворные отношения с его двором — схоласт из Реймской соборной школы Герберт Орильякский, будущий папа римский Сильвестр II.

В Ломбардии и Центральной Италии мало что изменилось после кончины Оттона I. Несмотря на внутренние неурядицы в самой Германии, здесь не было сепаратистских настроений. Только в Риме наблюдались беспорядки, связанные с наследованием престола св. Петра после смерти папы Иоанна XIII, наступившей 6 сентября 972 года. Его преемником стал, очевидно, с одобрения императора, Бенедикт VI, так и не сумевший в то время, пока Оттон II был вынужден оставаться в Германии, утвердиться в борьбе против представителя рода Крешенциев, видимо, пользовавшегося поддержкой из Византии и являвшегося тогда наиболее могущественным семейством в Риме. В июне 974 года Крешенции сместили Бенедикта VI, заточили его в римской цитадели, известной в Средние века как замок Ангела, и возвели на престол св. Петра собственного ставленника, диакона Франко, под именем Бонифация VII. Однако тот основательно скомпрометировал себя в глазах римлян, распорядившись удавить в темнице своего соперника. Этим обстоятельством и воспользовалась имперская власть: граф Зикко в качестве уполномоченного императора в союзе с римлянами сумел восстановить порядок. Бонифаций бежал в Византию, а его сообщники были осуждены. Зикко обеспечил избрание папой Бенедикта VII, бывшего епископа Сутри, представителя дома Феофилактов (об этом семействе мы еще услышим). Родство с влиятельным в Риме домом Крешенциев делало его также приемлемым и для них. Однако летом 980 года он был вынужден бежать от возвратившегося в Рим Бонифация и обратиться с просьбой о помощи к императору. Традиция про-

должилась: очередной «крик о помощи» из Италии опять заставил правителя Германии поспешить с походом за Альпы.

Из Павии император со всеми придворными и гостями отправился на корабле в Равенну, где он праздновал Рождество и оставался до середины января следующего года. В Равенне тогда собрались видные представители североитальянской церкви. 28 декабря император подтвердил каноникам Пармы их владения и пожаловал им привилегии; ходатайствовала об этом перед сыном Адельгейд, что служит прямым подтверждением состоявшегося между ними примирения. 31 декабря по ходатайству епископа Павии Петра были пожалованы привилегии епископской церкви в Лукке. Во второй день нового, 981 года Оттон II подтвердил монастырю святых Хилария и Бенедикта в Венеции все владения, приобретенные им со времен Карла Великого, и предоставил его людям право свободного передвижения и неограниченного распоряжения собственным имуществом. 18 января к императору явился аббат монастыря Лено, учрежденного в давние времена королем лангобардов Дезидерием, и, предъявив грамоты, свидетельствующие о пожаловании этому монастырю еще Карлом Великим владений, привилегий и права выбирать аббата, просил подтвердить их; Оттон II удовлетворил эту просьбу, выдав дарственную грамоту. Пожалование дарственной грамоты служило для Оттона II хорошим поводом для демонстрации преемственности и нерушимости императорской власти в Италии, а также для поминовения отца своего, как написано в грамоте, «блаженной памяти непобедимейшего императора августа Оттона».

Среди этих государственных дел, которых бывало много всякий раз, когда император появлялся в Италии, Оттон II нашел время и для решения научных проблем. Вместе с ним в Италию прибыл Отрих, в недавнем прошлом первый ученый Магдебургской соборной школы, снискавший себе широкую известность, а теперь входивший в состав императорской придворной капеллы. Между ним и Гербертом Орильякским, уже

известным нам схоластом Реймской соборной школы, состоялся диспут о классификации наук. На этом равеннском симпозиуме, на котором председательствовал сам император, имевший великолепное, по сравнению с прочими представителями светской знати, образование, не пришли к единому мнению, но не было и победителя в споре. Спустя некоторое время Оттон II пожаловал Герберту богатое аббатство Боббио. Этим назначением император хотел не только привлечь на свою службу знаменитого ученого, но и передать в надежные руки управление имуществом монастыря, которому отводилось важное место в его военных и политических планах. Неудивительно, что образованный император, интересовавшийся научными и философскими проблемами, лично сблизился с Гербертом Орильякским. Оттон II и Герберт произвели впечатление друг на друга. Их встреча в Равенне имела значение не только для императора, но и для развития мировоззрения реймского схоласта, увидевшего в Оттоне II подлинное воплощение идеи единства христианского мира — идеи, которая давно его увлекала и которую он узрел облеченной в формы всемирной империи. Безвременная смерть Оттона II похоронила и наметившийся союз императора с выдающимся ученым, мечтавшим о возрождении Римской империи. Спустя много лет Герберт увлечет своими идеями его сына, императора Оттона III, и на свет явится диковинная программа возрождения Древней Римской империи на христианской основе, о чем будет подробно рассказано в следующей главе.

Во второй половине января 981 года император, совершив переход через Тосканские Апеннины, направился в Рим. 3 февраля, находясь в Пулья-ди-Ареццо, он по просьбе аббата Иоанна подтвердил все права и привилегии, пожалованные его предшественниками монастырю Фарфа, в частности, земельные владения и королевскую защиту. Вскоре Оттон II прибыл в Рим. Ближайшей его задачей было восстановление там папской и императорской власти. Обстановка в Риме была настолько неспокойна (хотя дело и не дошло до открытого мя-

тежа), что папе Бенедикту VII даже пришлось, как мы знаем, покинуть город, однако, очевидно, еще до прибытия Оттона II он смог возвратиться, после того как его соперник Бонифаций бежал в Константинополь. Некоторые историки полагают, что Бенедикт VII возвратился в Рим вместе с императором, однако источники не сообщают о том, что он был вместе с ним в Павии и Равенне, следовательно, папа, вероятнее всего, возвратился в Рим еще до прихода туда императора. Для восстановления порядка оказалось достаточно одного известия о прибытии императора. Фундамент власти, заложенный Оттоном I, был столь прочным, что и его сын мог на первых порах строить на нем свою политику, не прибегая к военной силе.

Великолепное общество собралось вокруг императора, когда он праздновал в Риме Пасху (27 марта): обе императрицы — мать и супруга, сестра Матильда, аббатиса Кведлинбургского монастыря, король Бургундии Конрад, брат Адельгейд, с супругой, герцог Швабии и Баварии Отто, герцог Гуго Капет, а также многочисленные представители светской и духовной знати из Германии, Франции, Испании и Италии. Гуго Капет болезненно переживал примирение императора с королем Франции, однако не решался на мятеж против него, предпочтя также снискать благосклонность Оттона. Это ему удалось. Довольный достигнутым, герцог отправился в обратный путь, и император с почетом проводил его до границ Италии. Это празднование в столь блестящем окружении в Риме Пасхи 981 года, за которым последовало проведение в соборе Св. Петра синода под председательством папы и императора, явилось одним из апогеев итальянского похода Оттона II — возможно, главным апогеем в сопоставлении с катастрофической неудачей, постигшей его летом 982 года. Состав собравшихся вокруг императора на Пасху 981 года в Риме убедительно свидетельствует, что Оттон II уже начинал пользоваться таким же авторитетом, как и его отец Оттон Великий.

Помимо решения политических вопросов император занимался и церковными делами. На состоявшемся в Латеране си-

ноде был улажен спор между архиепископом Равеннским Хонестом и епископом Феррары Лео, на другом синоде в соборе Св. Петра был торжественно оглашен запрет на симонию — стяжание за деньги церковных должностей и духовного сана. Были пожалованы грамоты в пользу немецких и итальянских монастырей. 30 марта по ходатайству герцога Баварии Отто люди Ашаффенбургского монастыря в Германии были освобождены из-под власти королевских чиновников и подчинены пробсту и фогту. 18 апреля по просьбе епископа Павии Петра монастырю Каза Ауреа в Пескаре были подтверждены все владения и различные права, пожалованные императорами-предшественниками Оттона II, а 5 мая — аналогичные привилегии монастыря Фарфа.

Император оставался в Риме до наступления летней жары, а затем отправился в более прохладную горную местность. Но и там он не забывал о своих обязанностях защитника церкви. 7 июля он подтвердил монастырю Сан-Винченцо на горе Вольтурно владения, привилегии, право производить сыск и гарантировал ему королевскую защиту. 18 июля, находясь в герцогстве Сполето, по просьбе епископа Луни Готфрида пожаловал привилегии людям его епархии. Чтобы императору легче было пережить самое жаркое время года, августовскую жару, в более прохладной местности Абруцци, на холме Рокка-де-Чедичи, был возведен летний дворец, предназначенный для длительного проживания. В течение всего времени пребывания императора в этой удаленной от крупных городов местности она стала центром его державы, куда прибывали подданные, имевшие дело к своему государю. 6 августа Оттон II, удовлетворив просьбу аббата монастыря Монте-Кассино, подтвердил все его прежние владения, а также иммунитет (изъятие из ведения светских властей) и прочие права и привилегии. В последующие дни он по просьбе епископа Лоди Андрея подтвердил владения его церкви, гарантировал ему свою особую защиту и предоставил право получать таможенные и иные сборы, вершить суд в городе и его округе и обладать

полномочиями императорского посланца, а Пармскому епископству подтвердил все дарения своих предшественников, иммунитет и судебные полномочия.

Как раз в эти дни делегация Магдебургской церкви принесла весть о смерти Адальберта, первого архиепископа Магдебургского, наступившей 20 июня 981 года, и об избрании Отриха, вышеупомянутого участника диспута в Равенне, его преемником на основании предоставленного два года назад императором соборному капитулу неограниченного права проводить выборы. Оттон II, очевидно, по соглашению с Адальбертом, еще в 978 году думал об упразднении Мерзебургского епископства, чтобы усилить соседние диоцезы Цейц и Мейсен, а также уладить еще не урегулированный конфликт с Хальберштадтским епископством. Теперь он уступил настоятельным просьбам находившегося при дворе епископа Гизилера Мерзебургского, отверг избрание Отриха, проведенное магдебургским соборным капитулом, заявившим таким образом о своем несогласии с упразднением Мерзебургского епископства, и велел магдебургским посланцам незамедлительно избрать Гизилера, которого в случае упразднения его епископства и так следовало как-то устроить и который казался ему более приемлемой кандидатурой на пост архиепископа Магдебургского, чем знаменитый философ Отрих. Серьезные канонические возражения, препятствовавшие упразднению епископства и смещению епископа, были обстоятельно обсуждены на Римском синоде, состоявшемся 10–11 сентября 981 года в Латеране, и преодолены. Решающим аргументом послужило то, что Мерзебургское епископство в свое время было учреждено без согласия епископа Хальберштадтского, то есть не канонически. Мерзебургский диоцез был поделен между Хальберштадтом, Цейцем и Мейсеном. Гизилер стал архиепископом Магдебургским, получив также, к великому разочарованию епископа Хальберштадтского, и восстановленный Мерзебургский монастырь св. Лаврентия, по обету учрежденный Оттоном Великим после одержанной им победы над венграми. Упраздне-

ние Мерзебургского епископства впоследствии истолковывалось как причина постигших в дальнейшем Оттона II неудач из-за возмездия разгневанного святого Лаврентия. В связи с упразднением Мерзебургского епископства Титмар Мерзебургский, знаменитый хронист и предстоятель этого, к тому времени восстановленного новым императором аббатства, весьма нелицеприятно высказался о Гизилере, действовавшем не как подобает местоблюстителю епархии, а словно наемник, работающий за деньги и постоянно мечтающий о большем.

Навстречу катастрофе

Сразу же после синода Оттон II покинул Рим, чтобы продолжить начатую еще отцом политику утверждения власти немцев в Южной Италии. Он вынашивал грандиозный план окончательного изгнания сарацин и греков из Италии, уповав на то, что и здесь у него дела пойдут столь же хорошо, как и в Германии. Еще 15 октября 980 года, собираясь в итальянский поход, в одной из дарственных грамот он высказал гордую уверенность в том, что унаследованная им Империя не только сохранит свое могущество, но и, Божией милостью, выйдет за пределы владений его отца. По сообщению Санкт-Галленских анналов (велись в знаменитом Санкт-Галленском монастыре, Южная Германия, являвшемся крупнейшим культурным центром еще с Каролингской эпохи), к Оттону II прибыло византийское посольство, дабы предостеречь его от вторжения в Южную Италию. Однако он не отступился от своего намерения, и тогда греки натравили на него сарацин с Сицилии, из Египта и с островов близ африканского побережья. Некоторые исследователи подвергали сомнению достоверность этого сообщения о посольстве византийского императора к Оттону II с целью отговорить его от реализации задуманного, полагая, что столкновение немцев с арабами было на руку Константинополю. Признавая логичность этого суждения, вместе с тем невозможно пренебречь сообщением упомянутого источника: во-первых, составитель Санкт-Галленских анналов не мог просто выдумать сообщение о посольстве; во-вторых, и Ви-

зантия не могла не напомнить германскому императору о своих притязаниях на Южную Италию. Отвечает принципам византийской дипломатии и натравливание на Оттона II сарацин, о чем прямо говорится в нашем источнике.

Окончательный план кампании у него сложился, очевидно, лишь в Риме. Свидетельством в пользу того, что первоначально у Оттона II не было замысла о вторжении в Южную Италию, можно считать малочисленность приведенного им с собой войска. Для реализации плана южноитальянской кампании потребовалось вызывать из Германии подкрепление. Хотя он и раньше имел общее представление о политической обстановке на юге Италии (благодаря своему прежнему пребыванию в стране и от супруги Феофано), но только по прибытии в Италию он смог на месте ознакомиться с ситуацией, сложившейся за последние годы. На юге полуострова созданные Оттоном Великим стабильные условия давно уже не существовали. Новым обстоятельством было прежде всего ослабление позиций греков в Италии, обусловленное тяжелыми внутренними неурядицами в Византии после гибели в 976 году Иоанна Цимисхия. Хотя законная Македонская династия формально была восстановлена, правительственный кризис еще был далек от завершения. При таком параличе власти в Византии греческий юг Италии оказался беззащитным от нападений сицилийских сарацин. Эмир Абуль-Касим, подвластный фатимидскому халифу Египта, устроившему в 973 году в Каире свою резиденцию, после относительно мирного периода возобновил нападения на континент. Пандульф Железная Голова, правивший княжествами Капуа и Беневент и герцогством Сполето, поначалу успешно защищал южные границы Империи и сумел даже подчинить своему влиянию Салерно. Его смерть в марте 981 года создала трудную ситуацию, с которой не могли справиться его сыновья, Пандульф II в Салерно и Пандульф в остальных владениях отца.

Как угроза со стороны сарацин для всей Италии, так и слабость Византии должны были подтолкнуть Оттона II к вмеша-

тельству. Как всегда в подобных случаях, отсутствие прямых документальных свидетельств здесь восполняется догадками и версиями. В свое время высказывалось предположение, что на принятие Оттоном II решения об активном вмешательстве в дела Южной Италии повлияла Феофано, не питавшая теплых чувств к новым византийским правителям, пришедшим к власти после убийства ее дяди Иоанна Цимисхия. Возможно, это обстоятельство и сыграло свою роль. Однако не меньше оснований предполагать, что Оттон II принял решение о войне против сарацин и о завоевании Южной Италии, получив весть о смерти Пандульфа Железная Голова, из-за которой Империя лишилась важного оплота в борьбе против греков и сарацин. Вероятно, Оттон II решил лично заполнить образовавшийся вакуум силы и власти — но решил сам, без посторонней подсказки.

Однако и помимо того, как бы ни складывались обстоятельства, император, заботясь о своей репутации и влиянии на Западе, не мог оставить южноитальянский вопрос без внимания хотя бы и по той причине, что не имел права допустить, чтобы Рим сделался пограничным городом между Западом и Востоком, между христианским и мусульманским мирами. Хотя непосредственным противником являлись сарацины, его наступление было направлено и против греков. Встречаются даже утверждения, что поход против сарацин был для Оттона II лишь предлогом, а подлинной целью экспедиции являлось отторжение от Византии итальянских территорий, которые еще Оттон I пытался присоединить к своей Империи. Однако, даже если конечной целью ставились территориальные приобретения в южноитальянских владениях Византии, все равно поход против сарацин не мог быть лишь предлогом: военное столкновение с ними в любом случае было неизбежно, ибо только победа над сарацинами могла быть предпосылкой для реализации главного замысла.

Речь теперь шла уже не о гегемонии над лангобардскими герцогствами, а об овладении византийскими провинциями

Южной Италии. Не исключено, что население городов, находившихся под властью греков, само позвало западного императора на помощь, поскольку византийские наместники хотя и исправно взимали дань, однако были не в состоянии обеспечить защиту от сарацин. Оттон II, в свою очередь, мог заявлять, что выступает не противником, а защитником Византии от общего врага, и византийские власти были вынуждены соблюдать нейтралитет, хотя и пытались удержать его от осуществления намеченного плана.

Находясь в Риме, император получил представление о положении дел в Апулии и Калабрии и потребовал набрать в Германии войско в 2100 тяжеловооруженных всадников, с помощью которого и собирался проводить свою политику. Титмар Мерзебургский представлял ситуацию так, будто Южная Италия уже находилась под властью западного императора, подвергаясь частым набегам греков и опустошениям со стороны сарацин, и Оттон II, узнав об этом, вызвал подкрепление из Баварии и Швабии, дабы начать военные действия, причем швабы характеризуются как «смелые на войне» — еще один штрих к вопросу о роли южногерманских герцогств в итальянской политике Оттонов. Дошедший до нас перечень контингентов позволяет судить о значительном участии имперской церкви: свыше двух третей затребованной конницы должны были предоставить архиепископы, епископы и аббаты, что служит убедительным доказательством той большой роли, которую играла оттоновская система имперской церкви также и в военной области.

В поход Оттон II выступил, даже не дожидаясь прибытия подкрепления. Первую остановку в Апулии он сделал в Лучере, где 23 сентября по ходатайству императрицы Феофано пожаловал недавно назначенному архиепископу Магдебургскому, который тогда вместе со своим проигравшим соперником находился при императоре, земельные владения, некогда принадлежавшие Оттону Великому, а также учрежденный королевой Матильдой монастырь в Пельде. 1 октября он жало-

вал монастырю Монте-Кассино грамоту, коей гарантировал свою защиту его владений в области Лезина.

Из Лучеры император, видимо, собирался продвинуться дальше на юг, однако события в лангобардских княжествах вынудили его отказаться от первоначального замысла и заняться урегулированием возникших там конфликтов. За последние восемь лет здесь произошли существенные перемены. Когда в 977 году умер правитель Салерно слабый Гизульф, Пандульф Железная Голова присоединил это княжество к собственным владениям (Сполето, Беневент и Капуа). Однако после его смерти в марте 981 года этот единый комплекс владений распался. В ноябре того года Пандульф II был изгнан из Салерно герцогом Амальфи Манзо, завладевшим, таким образом, всем побережьем Салернского залива и отрезавшим от моря герцогство Сполето. Это шло вразрез с интересами императора и уже само по себе могло послужить поводом для вмешательства, однако решающую роль в этом сыграли успехи, достигнутые сицилийскими сарацинами под предводительством их эмира Абуль-Касима. Византия, занятая в то время войной с Болгарией, не могла уделять должного внимания своим итальянским провинциям, так что арабы получили возможность беспрепятственно совершать свои набеги на Апулию и Калабрию, закрепившись там во многих местах. При этом постоянные гарнизоны они имели только в Калабрии, довольствуясь в Апулии грабежами и взиманием дани.

В этой критической ситуации, требовавшей решительных действий, и вмешалась новая сила — германский император. Абуль-Касим подошел столь близко к территории, находившейся под контролем Оттона II, что в любой момент можно было ожидать его нападения. Это следовало предупредить. Если бы арабы продолжили укрепление своего господства в Италии, то под угрозой оказался бы и Рим. Ни в коем случае император не мог допустить, чтобы на границах его империи сохранялась тревожная обстановка. Еще от отца он усвоил, что для обеспечения территориального единства необходимо

господство над всей Италией, несовместимое с владычеством там другой державы — будь то Византия или арабы; кроме того, с императорским достоинством было неразрывно связано обязательство вести борьбу против неверных.

Прежде всего он решил уладить вопрос о наследовании власти в лангобардских княжествах после смерти Пандульфа Железная Голова. В Беневенте и Сполето отцу наследовал Ландульф IV, однако спустя уже полгода, в сентябре-октябре 981 года, он был изгнан восставшим народом, и на его место заступил двоюродный брат Пандульф II, сын Ландульфа III. Император, находившийся в Беневенте с 7 по 18 октября, очевидно, под впечатлением от последних событий решил, что на сей раз глас народа был гласом Божьим, и оставил в покое вновь избранного правителя. Это был вынужденный компромисс: Оттон II признал перемены в Беневенте и Салерно, дабы не откладывать более важное дело — войну против сарацин. Зато он уделил внимание делам церкви, потерпевшей ущерб от греков и сарацин, возвратив монастырю Сан-Винченцо ранее отнятые у него крепости, церкви и земельные владения и подтвердив все владения женского монастыря Св. Марии близ Капуи, разрушенного сарацинами и незадолго перед тем восстановленного, и пожаловал ему иммунитет. Аналогичную привилегию получил монастырь Св. Софии в Беневенте. 7 октября в Беневенте умер магдебургский схоласт Отрих, не сумевший пережить столь серьезные неудачи в этот несчастный для него год. Он, осознав, что напрасно бросил свою мирную и весьма успешную деятельность в Магдебурге, пожелал возвратиться туда, но исполниться этому желанию было не суждено. В чужой стране он встретил смертный час и обрел вечный покой, не оставив после себя, как писал Титмар Мерзебургский, равного себе по мудрости и красноречию.

Далее император вместе с супругой и маленьким сыном направился в Неаполь, где его уже ждали и встретили весьма радушно. 4 ноября датирована составленная там примечательная дарственная грамота. Судя по имени получателя, она предна-

значалась, скорее всего, итальянцу (возможно, даже неаполитанцу), отличившемуся на императорской службе, а дарение — марка (пограничная территория) Гумиете — располагалось в области полабских славян. Не исключено, что Оттон II сделал это по совету своей умной супруги Феофано (она упоминается в грамоте в качестве ходатайствующего лица), дабы крепче связать воедино отдельные части своей Империи: итальянцы получают владения на новых территориях к востоку от Эльбы, ради сохранения которых должны впредь поддерживать императора, служить опорой его власти. Глубокий смысл имеет в связи с этим и упоминание (якобы он тоже обратился с просьбой к отцу) маленького Оттона, которому тогда едва исполнился год: получатель должен испытывать чувство благодарности не только к императору, но и к его будущему наследнику, привыкая к мысли о преемственности власти дома Оттонов.

Следующим пунктом назначения в походе императора на юг Италии был Салерно, встретивший его запертыми воротами. Герцог Амальфи Манзо, незадолго перед тем изгнавший из княжества другого сына Пандульфа Железная Голова — Пандульфа II, проявил разумную осмотрительность, не сдавшись сразу же на милость императора. Лишь после осады и проведения переговоров Оттон II смог войти в город, в котором и оставался длительное время. Он был вынужден ради достижения главной цели признать Манзо законным правителем Салерно, правда, под верховным сюзеренитетом императора. Так Оттон II, не желая более откладывать осуществление задуманного, признал перевороты, происшедшие против его воли, и тем самым лишился главной опоры своего господства в Южной Италии, поступившись при этом в какой-то мере и императорским авторитетом. Главным он считал то, что его тыл был прикрыт, когда он в январе 982 года повел войско из Салерно в Апулию.

Но еще 5 декабря в Салерно под председательством Оттона II состоялось судебное разбирательство спора по поводу

владений, возникшего между Иоанном, аббатом монастыря Сан-Винченцо, и графом Ландульфом, и было вынесено решение в пользу первого. Здесь же император со своей свитой праздновал Рождество 981 года и оставался еще в первые дни нового, 982 года, подтвердив дарственной грамотой от 6 января права и привилегии Страсбургского епископства. Епископ Страсбургский Эрхенбальд был одним из тех германских князей, которые по вызову императора прибыли со своими военными отрядами в Италию и уже находились в Салерно. Оттуда и начался тщательно подготовленный поход против сарацин. В качестве промежуточной цели был намечен хорошо укрепленный портовый город Тарент (современный Таранто), который предполагалось сделать опорным пунктом в Апулии.

Туда Оттон II и повел свое войско — через Эболи, Потенцу и Матеру, где задержались на несколько дней. Пребывание императора в Матере подтверждается несколькими составленными там дарственными грамотами. Матера, в то время находившаяся под византийской юрисдикцией, указана как место составления грамот, но поскольку источники не сообщают ни о взятии города штурмом, ни о том, что его ворота открылись перед императором как союзником и защитником от сарацин, то вполне вероятно, что Оттон II просто остановился лагерем у его стен, подобно тому как позднее его лагерь два месяца стоял у ворот Таранта. Во время южноитальянского похода Оттона II византийцы применяли тактику, которую издавна практиковали в войнах против сицилийских арабов: без боя сдавали открытые территории, ограничиваясь обороной городов. Тот факт, что Оттон II даже и не входил в города, располагаясь лагерем у их стен, косвенно подтверждается указанием мест составления грамот, пожалованных им во время похода: «около города Матеры», «близ города Тарента». Вероятнее всего, Оттону II не удалось войти в эти города, у ворот которых он стоял по много недель. Пассивное сопротивление греков сильно мешало его продвижению, послужив одной из

причин катастрофического поражения, которое он потерпел в июле 982 года.

Итак, в январе того года, находясь «около города Матеры», он подтвердил каноникам Флоренции их владения и пожаловал им иммунитет. Интересно, что с ним опять был архиепископ Магдебургский Гизилер, после непродолжительного пребывания в своей епархии снова поспешивший в Италию. Именно по его ходатайству Оттон II подарил некоему Гундарию, находившемуся при нем немцу духовного звания, свое имение в Зундхаузене, в Германии, а Магдебургскому архиепископству — город Корин и деревню Присниц на территории полабских славян.

Из Матеры немецкое войско двинулось в юго-западном направлении к Таренту. Хотя этот богатый торговый город и имел мощные укрепления, взятие его якобы не составило труда, так что Пасху (18 апреля) Оттон II праздновал уже в нем. Однако нет точных сведений о том, когда немцы подошли к Таренту и когда добились его капитуляции. (О взятии Тарента силами герцога Баварии Отто сообщается только в хронике Титмара Мерзебургского, однако единичность этого сообщения, а также то обстоятельство, что все грамоты были составлены у стен города, а не в нем самом, позволяют некоторым историкам делать предположение, что Оттон II, Дабы не затягивать долее свой поход, довольствовался тем, что путем соглашения с городом добился его нейтралитета, не сумев овладеть им; не считая возможным признать достаточно убедительным это мнение, не подкрепленное данными источников — напротив, сообщение источника, хотя и единственное, свидетельствует об обратном — мы должны все же отметить, что в «стоянии у Тарента» много неясного.) Возможно, дело обстояло так: хотя Пасху император праздновал в городе, свой лагерь он разместил, по всей видимости, вне его стен — потому-то при указании места составления дарственных грамот с 16 марта по 18 мая и делается уточнение: *iuxta (foras) muros* — «у (вне) стен». Объяснения этому могут быть разные: очевид-

но, у императора были основания не доверять его жителям; возможно, достаточно многочисленной войску было просто негде разместиться в самом городе или же пребывание вне его стен, в полевом лагере, представлялось более предпочтительным в санитарно-гигиеническом отношении.

В течение этого более чем двухмесячного пребывания у стен Тарента император продолжал собирать силы для предстоящей схватки с арабами. Прибывали новые подкрепления из Германии и от итальянских союзников, в основном от князей церкви, в пользу которых, дабы отблагодарить их и заинтересовать в дальнейшем сотрудничестве, Оттон II жалует дарственные грамоты. 16 марта по ходатайству эрцканцлера Италии Петра, одновременно являвшегося епископом Павии, он подтверждает все владения Кремонского епископства и предоставляет ему иммунитет. В самый день Пасхи, 18 апреля, аналогичная грамота была пожалована Салернскому архиепископству. Весьма примечательно, что в этой грамоте Оттон II впервые именуется «милостью Всевышнего римским императором августом» («*Otto superno favente clementia Romanorum imperator augustus*»), хотя в последующих двух грамотах титул римского императора опускается: «Оттон милостью Божьей император август» («*Otto divina favente clementia imperator augustus*»). Переменчивость титулования объясняется, вероятнее всего, более серьезными причинами, нежели простой оплошностью или небрежностью императорской канцелярии: назвать себя римским императором означало бросить открытый вызов правителю Византии, чего в тот момент Оттон II по тактическим соображениям еще не хотел делать. В Константинополе, где ко всем вопросам протокола относились с величайшей щепетильностью, и так с большой настороженностью следили за передвижениями западного императора, не без оснований полагая, что в случае победы над сарацинами он подчинит своей власти Апулию и Калабрию. Неудивительно, что вскоре стали распространяться слухи о тайных связях между Византией и сарацинами.

18 мая состоялось вознаграждение двух немецких князей церкви, прибывших с военными отрядами в Италию, аббата Фульдского монастыря Верингара, которому было разрешено взимать годовой оброк с города Меденгейма, прежде поступавший в королевскую казну, и архиепископа Зальцбургского Фридриха, которому были подтверждены древние владельческие права и иммунитет. О важности последнего пожалования можно судить и по тому, что перед императором ходатайствовали его супруга Феофано и такое влиятельное, приближенное к императорской особе лицо, как епископ Меца Дитрих. В те дни в Таренте находились также архиепископ Равеннский и епископы Шпейерский, Аугсбургский, Верчелльский и Тортонский.

В конце мая многочисленное хорошо вооруженное войско выступило в поход, направляясь в Калабрию по старой римской военной дороге, которая вела то непосредственно по морскому побережью, то уходила в глубь полуострова. Однако длительное стояние у стен Тарента и связанная с ним задержка в продвижении немцев имели своим следствием то, что войну пришлось вести в период губительной для жителей севера летней итальянской жары (чего немцы обычно избегали), а противник получил дополнительное время для собирания сил. Весть о движении императорского войска достигла эмира Сицилии, который незамедлительно принял брошенный вызов и объявил священную войну. Еще в то время, когда император находился у стен Тарента, Абуль-Касим переправился через пролив и двинулся через горы Калабрии к восточному побережью, которого достиг близ Стило. Оттуда он продолжил движение в северо-западном направлении. Тем временем император подошел к одной из крепостей, в которой собрались бежавшие от него сарацины. Предположительно это была крепость Россано. Эмир поспешил на выручку к своим, однако, узнав, что немцы овладели крепостью, решил повернуть назад. Имперское же войско остановилось в Россано. Здесь император оставил супругу и сына под попечительством епи-

скопа Мецского Дитриха и под охраной отборного отряда рыцарей (там же остался и весь обоз) и повел большую часть войска, командование которым разделил с герцогом Баварии Отто, в погоню за противником. Эмир с частью своих отрядов занял позицию на равнинном мысу Колонне южнее Котроне, тогда как другие укрылись в ущельях гор, вплотную подходивших к морю.

Этот тактический прием в конечном счете сыграл решающую роль в исходе битвы, состоявшейся, как пишет Титмар Мерзебургский, 13 июля 982 года (впрочем, по другим источникам датировка колеблется между 13 и 16 июля). Рыцари в войске императора были полны решимости победить или умереть. Некий граф Конрад завещал в случае собственной гибели передать все свои владения в Лотарингии монастырю Св. Горгония в Горце. Расставаясь с жизнью, люди думали о спасении души. Всей своей мощью немцы обрушились на противника, и завязалась жестокая битва. Абуль-Касим, видимо, недооценил ударную силу тяжелой конницы императора, однако в тактическом отношении сарацины, имевшие большой опыт войн с византийцами, превосходили северного противника, на которого к тому же изнуряюще действовала июльская жара. Первая атака немецкой конницы оказалась сокрушительной. Боевые порядки сарацин были расстроены, и рыцарям удалось прорваться в самый центр вражеского войска, где в окружении наиболее доблестных воинов находился эмир Абуль-Касим, который вскоре и был сражен ударом меча. Арабы пришли в смятение и начали беспорядочно отступать, однако немцам не суждено было долго ликовать, поскольку из горных ущелий вылетела находившаяся в засаде вражеская конница. Те сарацины, которые уже было обратились в бегство, воспрянули духом и с новой силой обрушились на воинов императора, измученных не столько битвой, сколько южным зноем. У них уже не было сил противостоять свежему пополнению противника. Спустя короткое время арабы одержали победу. Мало кому из немцев удалось бежать — большинство

были убиты (а вернее, добиты, находясь в состоянии полного изнеможения от усталости, зноя и жажды) или попали в плен. Среди множества павших в тот день источники упоминают епископа Аугсбургского Генриха, герцога Франконии Удо, императорского копьеносца Рихара, герцога Капуи и Беневента Ландульфа и его брата Атенульфа, немецких графов Титмара, Гебехарда, Гюнтера, Эцелина, Буркхарда, Деди, Кунимунта, Ирмфрида, Арнольда, Берхтольда, Верингара, двух Бецелинов и двух Конрадов. Епископ Верчелли Петр в числе многих других попал в плен.

Сам император находился в величайшей опасности. Убедившись в невозможности изменить исход битвы в свою пользу и собрать под свои знамена обратившихся в бегство, он вместе с герцогом Баварии Отто и несколькими верными ему людьми стал отходить к берегу. Затем по совершенно непонятным причинам (ни один из источников не дает объяснения) он решил спастись в одиночку. В то время как остатки его войска отступали по суше (а точнее говоря, просто продолжали движение, поскольку сарацины вскоре прекратили преследование), сам он верхом на коне пустился, попутно срывая с себя доспехи, вплавь по морю в направлении видневшегося корабля, на борт которого его вскоре и подняли. Если бы рассказ об этом морском приключении Оттона II содержался лишь в одном источнике, его достоверность наверняка подвергли бы сомнению, столь авантюрной и невероятной представляется эта история. Впрочем, и многократное повторение того или иного сообщения в разных источниках не гарантирует его достоверности, ибо мифы живучи, и чем невероятнее, авантюрнее история, тем охотнее ее пересказывают. Оказалось, что корабль принадлежал грекам, для которых германский император представлял собой ценнейшую добычу, однако ему удалось на первых порах сохранить инкогнито. Когда же моряки узнали, кого они в действительности подняли на борт, Оттон II сумел соблазнить их обещанием богатого выкупа, и те согласились доставить его в Россано. Приплыв к месту

назначения, император послал доверенного человека к супруге и епископу Дитриху, которые уже знали о катастрофе, принимая в крепости остатки разбитого войска, и сильно опасались за Оттона II. Но и в Россано продолжились его приключения: ему удалось, прыгнув за борт, бежать на берег даже без уплаты выкупа. Стены Россано защитили его и остатки его войска от дальнейшего преследования. Здесь император встретился с супругой, и между ними в первый и последний раз в жизни произошла ссора, вызванная тем, что Феофано будто бы посмеялась над поражением немцев, до небес превознося доблесть своих земляков-греков. Достоверность этого сообщения, содержащегося в жизнеописании епископа Мецского Дитриха, столь сомнительна, что его не следовало бы и упоминать, если бы о нем не говорилось практически во всех работах, где речь идет о политике Оттона II. Императрицу-гречанку многие в Германии не любили (сильно недолюбливал ее и Дитрих Мецкий), рассказывая про нее небылицы, одну из которых и увековечил автор упомянутого жизнеописания. Феофано была слишком умна и воспитанна, чтобы позволять себе столь неуместные шутки.

Казалось бы, сокрушительное поражение, сопряженное с большими потерями отборного воинства, — очевидный факт. Спустя годы Бруно Кверфуртский, автор Жития святого Адальберта Пражского, будет оплакивать гибель лучших рыцарей, «пурпурного цвета отечества, белокурой красоты Германии». И тем не менее в литературе встречаются различные оценки этого события и его последствий для Оттона II. В суждениях одних проступает откровенная горечь: поход в Южную Италию не был подготовлен, в частности, в дипломатическом отношении; если Оттон I здесь продвигался осмотрительно и разумно, то Оттон II перенапряг силы и собственной неудачей причинил большой ущерб немецкому народу. Другие акцентируют свое внимание на том, что это первое тяжелое поражение императора из династии Оттонов имело негативные моральные последствия, особенно в Германии, где оно еще долго

отзывалось эхом в более поздних сообщениях. Зато третьи склонны рассматривать эту неудачу как своеобразный показатель успешности политики Оттона II в целом, поскольку и после его поражения нигде в Италии не возникло сопротивления ему; в результатах сражения на мысе Колонне они не усматривают катастрофы ни для Оттона II, ни для Империи, ибо, несмотря на большие потери немцев, сарацины из-за гибели своего эмира покинули континент. Действительно, само по себе это поражение, при всей своей сокрушительности, не было и не могло быть катастрофой для Оттона II — подлинной катастрофой оказалась его безвременная кончина спустя год с небольшим. Если бы ему было суждено прожить более долгий век, он, вероятнее всего, остался бы в памяти потомков не этой роковой неудачей, о которой чаще всего вспоминают, подводя итоги его правления в целом.

И все же битва на мысе Колонне весьма неблагоприятно повлияла на положение императора в Южной Италии, равно как и на его репутацию в целом. Правда, наибольшую выгоду от поражения немцев извлекли не сарацины, которые, лишившись предводителя, не смогли воспользоваться одержанной победой. Не помышляя о продолжении священной войны, они вернулись на Сицилию, так что в глазах обитателей Южной Италии поражение немцев на мысе Колонне обратилось в их победу. В воспоминаниях сарацин боль из-за гибели эмира жила дольше, чем радость от одержанной победы. И хотя спустя несколько лет они возобновили свои грабительские походы на полуостров, все же получилось так, что византийцы и без вмешательства немцев смогли укрепить свое господство в Апулии и Калабрии. Именно Византия извлекла наибольшую выгоду от военного конфликта немцев с сарацинами.

Веронский рейхстаг

После роковой битвы на мысе Колонне дальнейшее пребывание в тех краях, к тому же отличавшихся нездоровым для жителей севера климатом, стало бессмысленным для императора. Поэтому он решил переместиться с остатками своего

войска в более безопасные места. По горному маршруту, защищенному от внезапного нападения со стороны греков, он двинулся к той части побережья, где военная дорога вела к Салерно. В Кассано император задержался на несколько дней, чтобы заняться текущими государственными делами. Это можно было сделать и в Россано, однако Оттон II поспешил покинуть город, напоминая ему о самой большой неудаче в его жизни. Спустя несколько дней, прибыв в Кассано, он не только обрел душевное равновесие, но и исполнился решимости взять реванш за поражение. В этом отношении весьма примечательна дарственная грамота, пожалованная им 27 июля 982 года епископству Фьезоле: в ней он опять, после непродолжительного перерыва, именует себя римским императором. Впервые, как мы помним, Оттон II был титулован римским императором в дарственной грамоте от 18 апреля 982 года, после чего он именовался просто «императором августом», словно бы не желая злить правителя Византии. И вот теперь, после сокрушительного поражения, он демонстративно претендует на высший в христианском мире титул, а вместе с ним — и на всю Италию как неотъемлемую составную часть своей империи.

Назло судьбе и всем врагам Оттон II заявил о своих притязаниях на высокое достоинство именно римского императора, чего избегал его отец Оттон Великий. Присвоив этот титул, до сих пор признававшийся исключительно за византийским василевсом, император бросал вызов прежде всего Византии, с которой собирался бороться за господство в Южной Италии. Новый титул прижился. Римское именование сначала императора, затем империи, а потом также и германского короля как претендента на императорское достоинство («Римский король», *Römischer könig*) берет свое начало именно в то время, когда Оттон II, вступив в соперничество с Восточным Римом на его южноитальянской территории, заявил притязания на императорские права, по протоколу ставившие его не ниже правителя Византии.

В те дни в пользу того же епископства Фьезоле, расположенного в Северной Италии, он пожаловал еще одну грамоту, подтвердив его права на монастырь Алина в графстве Пистойя. Вероятнее всего, это епископство имело особые заслуги перед императором, в свою очередь проявлявшим заинтересованность в поддержке со стороны североитальянской церкви. Не забывал он и о союзниках в Южной Италии: 2 августа, остановившись на короткое время в Лао, подтвердил владения монастыря архангела Михаила на горе Вольтуре близ Мельфи, недавно разоренного сарацинами, гарантировав ему также иммунитет и защиту.

18 августа император уже был в Салерно. О том, сколь важно было для Оттона II поддержание дружественных отношений с Салерно, можно судить по дарственной грамоте, пожалованной 2 ноября его архиепископу: подтверждались права владения всеми мужскими и женскими монастырями диоцеза, передавалось в собственность имение низложенного князя Ландульфа и предоставлялся иммунитет. Столь щедрое дарение можно рассматривать как вознаграждение за теплый прием, оказанный императору и его свите в Салерно, хотя имеется и иная трактовка императорской щедрости: своим пожалованием Оттон II якобы купил у архиепископа Салерно разрешение войти вместе со свитой и войском в город и пребывать там в течение определенного времени, о чем и было заключено соответствующее соглашение, однако это мнимое соглашение не имеет документальных подтверждений.

В сентябре он продолжил путь и остановился в Капуе. Здесь состоялась его встреча с матерью, поспешившей на встречу с сыном, дабы оказать ему поддержку после пережитой катастрофы. В то время многочисленные просители обратились к императору. 26 сентября он исполнил торжественное волеизъявление павшего в битве с сарацинами графа Конрада: по ходатайству императрицы Феофано, герцога Баварии Отто и епископа Меца Дитриха, в епархии которого находился монастырь Горце, он передал этому аббатству все лотарингские

владения упомянутого графа. Как видим, размолвка Оттона II с супругой, якобы случившаяся после трагической для него битвы на мысе Колонне, если и была, то продолжалась недолго — Феофано опять пользуется его доверием и расположением. 30 сентября по просьбе императрицы Адельгейд он подтвердил владения монастыря Спасителя в Павии, которому та особенно благоволила, пожаловав ему также иммунитет и право избрания аббата. Тогда же монастырь Нонантола получил две жалованные грамоты, подтверждавшие его владельческие, иммунитетные и иные права и привилегии, а также защиту от посягательств на его собственность. 1 октября император, уважив просьбу баварского герцога Отто, подарил церкви Св. Петра в Ашаффенбурге свои владения в Майнингене и Вальдорфе. 3 ноября он подтвердил владения монастыря Св. Софии в Беневенте, в свое время подаренные еще Пандульфом Железная Голова. Тогда же он по ходатайству императрицы Феофано пожаловал Адаму, аббату монастыря Каза Ауреа, монастырь Фарфа, предоставив ему полномочия, необходимые для хозяйственного возрождения этого важного для империи аббатства.

Наряду с этими повседневными государственными делами императору приходилось принимать решения и по более важным вопросам. Когда пришла весть о смерти епископа Аугсбургского Генриха, Оттон II решил назначить его преемником аббата Фульды Верингара, но поскольку тот отказался, выбор пал на некоего Этиха. Для урегулирования как этого, так и других вопросов в Баварии и Швабии в начале октября император направил на родину неотступно находившегося при нем в последние два года герцога Отто, к которому присоединился и аббат Верингар. Однако их поездка закончилась трагическим образом: 30 октября в Лукке скончался аббат Верингар, а на следующий день — герцог Отто. О причине их скоропостижной смерти, как и многих других немцев, безвременно ушедших в Италию из жизни, приходится лишь гадать, поэтому

обычно винят тяжелый для жителей севера климат страны, а также физическое и нервное перенапряжение.

Во время тогдашнего пребывания в Капуе император решил и такой важный вопрос, как урегулирование престолонаследия в бывших владениях Пандульфа Железная Голова. Поскольку два его сына пали в битве на мысе Колонне, княжество Капуа перешло к малолетнему сыну Ланденульфу, регентшей при котором стала его мать Алоара. Сполето и Камерино остались за Траземундом. Таким образом, непосредственное наследство Пандульфа ограничилось только Капуей, и его некогда обширные владения были раздроблены. Тогда же эрцканцлер для Италии грек Иоанн по ходатайству императрицы Феофано стал аббатом Нонантолы, получив ответственное и вместе с тем почетное задание заниматься обучением и воспитанием наследника престола Оттона III. Этот Иоанн Филагат, грек из Калабрии, обучавший наследника престола греческому языку, пользовавшийся доверием правящей четы и, казалось бы, заслуживавший самых лестных эпитетов, коими наградил его император в своей дарственной грамоте, позднее, уже при императоре Оттоне III, совершит то, чего от него явно не ждали (впрочем, не будем забегать вперед). Несмотря на сокрушительное поражение на мысе Колонне, не возникло открытого сопротивления императору даже в Южной Италии, среди наиболее беспокойной части его итальянских подданных, что могло внушить ему Уверенность в несокрушимости собственного авторитета.

Очевидно, еще в ноябре, находясь в Капуе, император получил известие о смерти в Лукке своего родственника, друга и ближайшего соратника — герцога Баварии и Швабии Отто. Эту утрату он переживал очень тяжело, возможно, даже впал в депрессию, судя по резкому снижению деловой активности. Мы почти ничего не знаем о том, где он был и чем занимался в последующие пять месяцев. Известно лишь, что в декабре 982 года, будучи в Салерно, он подтвердил по ходатайству Феофано владельческие права и привилегии епископской

церкви в Лукке. Стоит отметить как весьма примечательное обстоятельство тот факт, что Оттон II в течение почти полугода после сокрушительного поражения в Южной Италии упорно не хотел покидать этот регион, словно бы самым своим присутствием желая показать, что не собирается отказываться от намерения подчинить себе эти области, ставшие объектом притязаний двух империй — Западной и Восточной. Это упорство можно расценивать как новый этап в политике Оттонов, нацеленной на создание и упрочение Священной Римской империи, как логическое продолжение Оттоном II усилий, прилагавшихся его отцом ради овладения всем Апеннинским полуостровом. По всей видимости, лишь к началу 983 года император прибыл в Рим, где провел несколько месяцев.

Как оказалось, поражение Оттона II на мысе Колонне в целом не имело столь катастрофических последствий, каких можно было бы ожидать. Его положение не пошатнулось ни в Риме, ни в Северной Италии, ни, что особенно важно, в самой Германии. Не наблюдалось ни малейших признаков смуты. Напротив, была выражена готовность сотрудничать с императором. Когда он находился в Риме, к нему доставили письмо от немецких князей, которых взволновала весть о постигшем его поражении, а потому они просили о встрече, дабы совместно обсудить создавшееся положение, на что тот охотно согласился. Решили собраться в Вероне, куда добираться было одинаково удобно как немецким, так и итальянским господам.

Прерогатива созыва рейхстага принадлежала королю (императору), поэтому особенно примечательно, что на сей раз инициаторами проведения рейхстага выступили князья, очевидно, озабоченные не только поражением в битве с сарацинами (любое, даже самое разгромное поражение могло быть лишь эпизодом в политической карьере), но и дальнейшим развитием итальянской политики императора в целом. Источники не уточняют, кто именно предложил Верону в качестве места проведения рейхстага. Думается, на этом настоял император, поскольку так было проще сохранить лицо: его готовность

встретиться с князьями, о чем те настоятельно просили, уже не походила на капитуляцию. Император давал понять, что не уходит из Италии, а, напротив, намерен продолжать свою итальянскую политику. Кроме того, проведение рейхстага в Вероне, на стыке Германского и Итальянского королевств (как помним, этот исторически исконный итальянский город тогда входил в состав Швабского герцогства), отчетливо выражало намерение Оттона II связать обе страны в единую Империю. Об этом же свидетельствовало и предполагавшееся совместное участие в рейхстаге немецкой и итальянской знати.

В самом конце апреля Оттон II отправился в путь и в мае прибыл в Верону. Относительно точной даты прибытия императора невозможно сказать ничего определенного. Первая составленная в Вероне дарственная грамота датирована 7 мая. Получается, что императорский кортеж за неделю преодолел расстояние не менее 450 километров. Хотя в принципе это было возможно, однако не было необходимости так спешить — императора могли и подождать. Если Оттон II прибыл в Верону все-таки 7 мая, то неясно, чем он был занят три недели (и, соответственно, для чего так спешил), поскольку следующий диплом датирован уже 1 июня. Высказывалось предположение, что императорский двор прибыл в Верону около середины мая, однако эта версия не основывается ни на чем, кроме догадки о допущенной в свое время переписчиком ошибки. Кроме того, все равно оставалось много времени до начала работы рейхстага, открывшегося в начале июня. Так позволим же и мы себе высказать догадку: Оттон II прибыл в Верону не позднее упомянутой даты 7 мая и последующие три недели, до открытия рейхстага, посвятил предварительным индивидуальным консультациям с наиболее влиятельными магнатами, дабы подготовить принятие желательных для себя решений.

В Вероне тогда собралось поистине блестящее общество: помимо императора, его матери Адельгейд, супруги Феофано и сына Оттона прибыли патриарх Аквилеи Радоальд, архиепископы Виллигис Майнцский, Эгберт Трирский и Гизилер Ма-

гдебургский, епископы Ноткер Люттихский, Вольфганг Регенсбургский, Петр Павийский, Адам из Паренцо, Петр из Комо, аббаты Рамвольд Регенсбургский, Майоль Клунийский, Рудольф Кемптенский, капеллан Хуго, герцог Каринтии Отто, герцогиня Беатрикс из Верхней Лотарингии, Генрих из герцогского рода Луитпольдингов послы из Венеции и Чехии, представители от Бремена и Корвея. Кроме того, присутствовало множество знати и духовенства, прибывших по этому случаю со всей Империи.

Высокому собранию предстояло принять решение по многим важным вопросам. Прежде всего нашли преемника умершему около полугода тому назад герцогу Швабии и Баварии, точнее говоря, двоих преемников, для каждого из двух герцогств. Оттон II не решился передать их в одни руки, поскольку не видел такого надежного и преданного ему человека, каким был герцог Отто. Швабия тогда возвратилась во владение франконского дома, который укоренился там еще во времена короля Генриха I Птицелова: император передал ее в лен Конраду, графу из Рейнгау, брату графа Удо, погибшего в сражении на мысе Колонне, двоюродному брату той самой Иды, женившись на которой в свое время Лиудольф, сын Оттона I, получил герцогство Швабское. Герцогом Баварии стал Генрих Луитпольдинг, известный как Генрих Младший, сын герцога Берхтольда, в 978 году осужденный к изгнанию за участие в мятеже против императора, но позднее вымоливший прощение; ему вскоре были переданы также Каринтия и Веронская марка, и с тех пор он, добившись исполнения своих желаний, оставался верен императору и его дому. Таким образом, в Баварии герцогское достоинство было возвращено представителю исконной династии. Поскольку вновь избранные герцоги не были столь приближенными к императорской особе, как покойный Отто, они практически не пользовались влиянием на принятие решений по общеимперским вопросам, сосредоточившись на делах своих герцогств, что неизбежно повлекло за собой возрастание влияния обеих императриц и духовных

князей. Вместе с тем в этих назначениях усматривают признак того, что император после поражения на юге Италии должен был идти на известные уступки немецким князьям, по крайней мере в самой Германии. И вообще Веронский рейхстаг ознаменовался компромиссами, готовностью сторон идти на уступки друг другу, а не стремлением одержать верх.

В тесной взаимосвязи с решением вопросов, касавшихся Южной Германии, находилось назначение новым епископом Праги чеха Адальберта. Собственно, его избрали еще на родине, после чего он в сопровождении специального посольства прибыл в Павию, где был представлен императору, в свите которого он затем направился в Верону и там 3 июня 983 года получил из его рук епископский жезл и кольцо.

Важнейшее решение, принятое в Вероне, касалось престолонаследия. Собравшиеся на рейхстаге немецкие и итальянские магнаты продемонстрировали свою преданность императору, согласившись с его намерением короновать своего трехлетнего сына королем-соправителем с целью обеспечить наследование престола. Без возражений с их стороны состоялось единогласное избрание мальчика королем, что, благодаря присутствию на рейхстаге немецкой и итальянской знати, должно было иметь законную силу как для Германии, так и для Италии. Впрочем, можно считать весьма вероятным, что избрание трехлетнего Оттона наследником престола было отнюдь не безусловным: император сделал князьям важную уступку, согласившись, чтобы впредь юный король, доселе находившийся под покровительством своей матери-гречанки, которую многие представители германской знати не жаловали, был на воспитании у архиепископа Майнцского Виллигиса, которому его и передали; думается, что эта догадка не лишена оснований, учитывая, что в Германии многие считали влияние Феофано на государственные дела чрезмерным и хотели бы дать наследнику престола «немецкое» воспитание.

В этом избрании, равно как и в последующем участии архиепископа Равеннского Иоанна в церемонии коронации, состо-

явшейся на Рождество 983 года в Ахене, отчетливее, нежели в присутствии итальянских и немецких магнатов на имперских собраниях, нашло выражение слияние двух королевств в единую Империю. Согласившись на избрание трехлетнего сына Оттона II королем Германии и Италии, князья тем самым одобрили итальянскую политику императора. Однако намерение перейти от личной унии к реальной интеграции тогда не было воплощено в полной мере из-за последовавшей вскоре смерти Оттона II. Оттон III, несмотря на избрание и коронацию совместно немцами и итальянцами, был признан королем Италии только лишь после того, как он по достижении совершеннолетия появился там в 996 году. Период с 984 по 996 год в Италии считался временем «бескоролевья». Императрица Адельгейд, избравшая после Веронского рейхстага своей резиденцией Павию и представлявшая в Ломбардии интересы Империи, хотя и могла реализовать в Итальянском королевстве свои старые королевские права, однако формально королевой не являлась.

Обсуждался также и вопрос о новом походе против сарацин. Поскольку в источниках нет прямых указаний на решение Веронского рейхстага относительно продолжения или приостановки Оттоном II политики в Южной Италии, высказывались суждения, основанные на одних только логических умозаключениях, например, подвергалась сомнению вероятность того, что немецкие князья одобрили в Вероне продолжение войны против сарацин, от которых, как и со стороны Византии, тогда будто бы не исходило реальной угрозы. И все же, вероятнее всего, князья одобрили и этот замысел императора, связанный с его намерением продолжать политику в Южной Италии, судя по тому, что сразу же после Веронского рейхстага он туда и отправился. Правда, после катастрофы на мысе Колонне он едва ли мог в ближайшее время рассчитывать на немецких князей, поэтому полагался прежде всего на военные отряды итальянцев. Он считал возможным после завоевания Калабрии напасть на сарацин в их цитадели — на Сицилии. Как расска-

зывается в Санкт-Галленских анналах, он даже задумал построить мост из кораблей через Мессинский пролив, как в свое время персидский царь Ксеркс через Геллеспонт, дабы совершить вторжение на Сицилию, и лишь преждевременная смерть помешала ему осуществить свой замысел. Ранее уже говорилось о твердости его намерений продолжить покорение Южной Италии, так что приведенное сообщение из Санкт-Галленских анналов при всей кажущейся фантастичности не лишено, на наш взгляд, смысла.

На Веронском рейхстаге было уделено внимание и венецианской проблеме. Во времена Оттона I между Империей и Венецией существовали дружественные отношения. Правивший тогда дож Петр Кандиано IV всячески стремился снискать расположение к себе могущественного императора, получая взамен подтверждение торговых и иных привилегий. Столь тесные отношения с немцами вызывали недовольство у многих в Венеции, опасавшихся за судьбу республики. Уже после смерти Оттона Великого противники Кандиано подняли 12 августа 976 года восстание. Дворец дожа был спален, а сам Петр убит. Однако его противники не сумели удержать доставшуюся им власть. Избранный дожом Петр Орсеоло был вынужден 1 сентября 977 года покинуть город и укрыться в одном из монастырей Каталонии. Род Кандиано опять пришел к власти: Виталис Кандиано, брат убитого дожа, возглавил республику. Однако он спустя два года умер, и на его место пришел некий Трибунус Мениус, оказавшийся слабым правителем. При нем опять разгорелась борьба группировок — сторонников и противников тесного союза с Германией. Дружественную немцам группировку возглавляло семейство Колоприни, а во главе их противников были Маурочени. Когда Оттон II пришел в Италию, Колоприни стали одерживать верх, но после трагической для императора битвы в Калабрии влияние Маурочени на дожа усилилось.

Император внимательно следил за этой борьбой в Венеции, поскольку нуждался в ее поддержке, особенно в предоставле-

нии флота, для реализации своих планов относительно Южной Италии, поэтому благосклонно принял прибывших на Веронский рейхстаг венецианских послов. Благодаря их дипломатическому искусству, а также ходатайству перед сыном императрицы Адельгейд, хорошо знакомой с положением дел в Италии, пользовавшейся в этой стране авторитетом и проявившей заинтересованность в благополучном исходе переговоров (она непосредственно участвовала в принятии решений по вопросам, касавшимся Италии; так, она приняла участие и в работе совета князей 7 июня наравне с сыном Оттоном II и невесткой Феофано), их цель была достигнута. На торжественном заседании совета германских и итальянских князей 7 июня было решено подтвердить прежние договоры о мире и союзе с Венецией, предоставив венецианцам право свободно торговать в Империи. Однако эти соглашения недолго оставались в силе. Спустя несколько недель, когда император находился в Равенне, к нему явились Колоприни, изгнанные своими противниками из города, и просили его о помощи, обещая передать ему Венецию, если он сделает дожом одного из представителей их семейства. Остается лишь гадать, что побудило Оттона II изменить недавнее решение и принять предложение Колоприни, но он предоставил им средства, необходимые для осады Венеции с суши, а затем издал эдикт, запрещающий венецианцам торговать на территории Империи, а своим подданным появляться в этом городе. Трудно сказать, сколь эффективны были бы эти меры, принятые против Венеции, имевшей возможность беспрепятственно сообщаться по морю со всем миром, но и от этой неприятности ее избавила вскоре затем последовавшая смерть Оттона II.

В Вероне император проявил большую деловую активность, судя по многочисленным пожалованным им тогда дарственным грамотам. Он милостиво исполнил просьбы многих из тех, кто в те дни обратился к нему. 1 июня монастырь Св. Лантберта получил по ходатайству герцога Каринтии Отто земельные владения в упомянутом герцогстве, королевскую

защиту и иммунитет. 5 июня подтверждены владения регенсбургского монастыря Св. Эммерама, а монастырь Св. Блазия в Шварцвальде получил иммунитет. 7 июня император подтвердил владения епископства Паренцо и пожаловал ему иммунитет, 9 июня одобрил учреждение монастыря Реепсхольт, подчиненного Бременскому архиепископству, освободил его от всех податей и пожаловал иммунитет. 10 июня он подтвердил привилегию Кемптенского монастыря выбирать аббата и другие пожалования своих предшественников, 11 июня — многочисленные владения Аквилейского патриархата, одновременно пожаловав ему иммунитет. Примерно в те же дни (точная дата не известна) он по просьбе своей матери императрицы Адельгейд подтвердил владения каноников Вероны, пожаловал им иммунитет и освободил жителей поименованных бургов от обязанности предоставлять *fodrum* — специальный денежный и натуральный оброк для содержания войска и свиты императора во время его пребывания в Италии и уплачивать городскую пошлину. 14 июня, удовлетворяя просьбу, с которой к нему одновременно обратились мать Адельгейд, супруга Феофано, архиепископ Магдебургский Гизилер и епископ Меца Дитрих, он подтвердил владения Майнцкого архиепископа. 15 июня он пожаловал аббату Майолю и монахам монастыря Петерлинген, в свое время учрежденного матерью Адельгейд, королевскую защиту, иммунитет и право выбирать своего фогта. 17 июня он возобновил прежние дарения Корвейскому монастырю ввиду утраты им дарственной грамоты. В тот же день по просьбе архиепископа Магдебургского Гизилера он подарил основанному тем аббатству Св. Сервация в Пёльде свое имение в Боннроде. Пожалование было совершено хотя и по просьбе архиепископа Магдебургского, однако «ради упрочения империи, во здравие нашей дорогой супруги Феофано и во спасение души благочестивого родителя нашего» — Оттона I, для которого Магдебургская епархия была любимым детищем, воплотившим в себе единство итальянской и восточной политики и выражавшим смысл его импер-

ской политики в целом. 18 июня по ходатайству епископа Пьяченцы Петра, названного «дорогим верным человеком», он подарил сыну упомянутого Петра отрезок городской стены Комо с прилегающим земельным участком.

Как видим, пожалования совершались почти исключительно в пользу церкви — как в Италии, так и в Германии. Система имперской церкви, созданная Оттоном I, исправно действовала, обеспечивая материальную основу для проведения итальянской политики. Не слишком продолжительное, в сравнении с предшественником, однако насыщенное бурными событиями пребывание Оттона II в Италии не дает столь обильного материала, позволяющего судить о взаимоотношениях императора с церковью, как при Оттоне I, однако ранее наметившаяся тенденция, бесспорно, сохранилась. Пожалования в пользу епископов Северной Италии и крупных имперских монастырей (прежде всего Боббио, Нонантола и Фарфа) в церковной политике Оттона II сочетались со стремлением не допустить отчуждения церковной собственности. Как и при его отце, осуществлялись пожалования епископам широких публичных прав над городом и округой. Так, в связи с назначением своего канцлера Герберта епископом Тортоны Оттон II подтвердил владения Тортонского епископства и предоставил епископу, дабы прекратить то и дело возникавшие там беспорядки и феодальные мятежи, публичные права в городе и округе на три мили.

Веронский рейхстаг 983 года явился одним из важнейших событий в истории правления Оттона II, однако в оценках его результатов мнения исследователей разошлись. Одни склонны усматривать в них очевидный успех Оттона II: на рейхстаге все происходило так, как хотел император; несмотря на поражение на мысе Колонне, его положение не пошатнулось, а оппозиция нигде не пришла в движение; утверждается даже, что немецкие князья в Вероне согласились начать подготовку к продолжению войны в Южной Италии — и вообще ни одно из принятых тогда решений не было направлено против Оттона II

и его итальянской политики. Другие же, напротив, утверждают, что принятые в Вероне политические решения скорее свидетельствуют об ослаблении авторитета императора, отвечая интересам прежде всего германских князей, по настоянию которых проводился рейхстаг и чья воля там была реализована, в результате чего произошло ослабление власти Оттона II в Германии как следствие его долгого пребывания в Италии и тяжелого военного поражения. Есть и такие, которые, словно бы затрудняясь дать однозначную оценку итогов Веронского рейхстага 983 года, ограничились простой констатацией «необычайного усердия», проявленного тогда в Вероне Оттоном II.

Трудно опровергать мнения, но думается, что единственным доводом, свидетельствующим не в пользу Оттона II, был созыв рейхстага по инициативе немецких князей, нарушивших тем самым королевско-императорскую прерогативу. И хотя, судя по материалу источников, их обращение к императору было вполне корректным, само заявление о возникшей потребности «посоветаться» должно было восприниматься им как недобрый знак. Тем больше чести для Оттона II, что он сумел взять ситуацию под контроль и добиться такого бесспорно важного для себя решения, как избрание сына Оттона III королем, причем сразу Германии и Италии. Не столь определенно выражена позиция князей по вопросу о продолжении экспансии в Южной Италии, но и тут они были скорее за, нежели против. Во всяком случае, можно говорить о лояльности Веронского рейхстага по отношению к императору, что имеет важное значение для оценки его итальянской политики вообще. Если немецкие князья, несмотря на тяжелое поражение летом 982 года, поддерживали своего императора, то они, следовательно, были согласны с его итальянской политикой, которая, соответственно, не пошатнула его авторитета в Германии.

Трагический финал

По завершении всех дел Оттон II отпустил участников рейхстага, попрощался с сыном, свидеться с которым ему было уже не суждено, а также с матерью, направлявшейся в Павию, дабы там осуществлять интересы императора в Северной Италии, архиепископом Майнцским Виллигисом, эрцканцлером Империи, которого неотложные дела (в том числе и предстоявшая коронация в Ахене наследника престола, отправлявшегося вместе с ним на родину) настоятельно звали в Германию, и сам сперва направился в Мантую. Там он 20 июня по просьбе епископа Дитриха взял под свою защиту монастырь Св. Винсента в Меце и предоставил ему привилегии.

Затем император двинулся в Равенну. Здесь он, вероятно, обсуждал с архиепископом Равеннским Иоанном предстоящую коронацию в Ахене своего сына, а 14 июля взял под свою защиту монастырь Санта-Мария в Палаццуоло по просьбе его аббата Андрея. Спустя два дня под его председательством состоялось судебное разбирательство с участием папы римского Бенедикта VII, ряда епископов и маркграфа Ансельма, на котором в качестве истца выступил пресвитер Доминик, представитель Юстуса, аббата монастыря Санта-Мария-ин-Серра, обвинивший некоего Константина, незаконно присвоившего три земельных участка и трижды по вызову не явившегося в суд, после чего справедливость была восстановлена.

При Оттоне II, очевидно, ничто не изменилось в характере императорской власти в Италии. Положение дел в Равеннском экзархате Оттон II регулировал совместно с папой. Так было и в 983 году, во время последнего посещения им Равенны, когда он в императорском суде в присутствии папы Бенедикта VII улаживал имущественный иск монастыря Санта-Мария-ин-Серра. Тот факт, что папа решает не один, как он мог бы делать на основании передачи ему Оттоном I экзархата в качестве территории, перешедшей под его суверенитет, доказывает, сколь решительно император отстаивает свои позиции. В этом отношении ничего не изменилось со времен Оттона I. Какое

значение Оттон II вообще придавал Равеннскому экзархату в балансе политических сил Италии и Империи в целом, явствует из поручения участвовать в коронации Оттона III, данного им архиепископу Иоанну на Веронском рейхстаге 983 года, когда впервые на итальянской территории, в присутствии германской и итальянской знати, совместно решались проблемы Империи.

Предположительно тогда же (в июне-июле 983 года), во время совместного пребывания в Равенне императора и папы, был решен вопрос о возведении епископства Салерно в ранг архиепископства с семью подчиненными ему епископствами, и папа Бенедикт VII пожаловал новому архиепископу Амату паллий. Эта совместная акция императора и папы служит еще одним свидетельством неослабевавшего внимания Оттона II к Южной Италии, остававшейся приоритетным направлением его политики.

Из Равенны император в августе двинулся на юг по побережью Адриатического моря. 24 августа, будучи на берегу реки Триньо, он пожаловал дарственную грамоту монастырю Сан-Винченцо на горе Вольтурно, гарантировав свою защиту его владений, полученных в лен от епископа Павии Петра. 27 августа, находясь в Ларине, он гарантировал свою защиту монастырю Монте-Кассино. Продолжая движение в южном направлении, он дошел до Бари и даже будто бы занял несколько других городов Апулии (если только анналист не перепутал этот военный поход императора с кампанией предыдущего года). Вполне вероятно, что отдельные города открыли свои ворота императору, предпочтя его византийцам и арабам. Ступив на территорию, которую греки после прошлогоднего поражения немцев и ухода арабов опять считали своей, Оттон II, скорее всего, хотел лишь заявить о своих намерениях, нежели начать военную кампанию по овладению Южной Италией, поскольку в то время он едва ли имел в своем распоряжении необходимые воинские контингенты (о подходе подкрепления источники ничего не сообщают). Еще ранней осе-

нью император вернулся в Рим, где весьма важные дела требовали его присутствия.

Там после девятилетнего понтификата скончался папа Бенедикт VII. Императору надо было обеспечить избрание преемника. Сначала была предложена кандидатура аббата Ключни Майоля, пользовавшегося большим уважением и дружественного императорскому дому (как помним, именно при его посредничестве в свое время Оттон II примирился со своей матерью, императрицей Адельгейд), но тот не считал себя достойным столь высокой чести. И тогда выбор пал на итальянского эрцканцлера, епископа Павии Петра, также доказавшего свою преданность династии Оттонов. Он и занял папский престол под именем Иоанна XIV. Имя нового наместника святого Петра было выбрано не случайно, представляя собой дань памяти папы Иоанна XIII и выражение надежды на гармоничное и плодотворное сотрудничество между папой и императором, как во времена Оттона Великого.

Этот важный для Оттона II вопрос был урегулирован, однако с родины поступали безрадостные вести о событиях на северных и восточных рубежах Германии. Еще весной 983 года совершили нападение датчане, хитростью захватив и уничтожив одну из пограничных крепостей. Из-за этого герцог Саксонии Бернгард был вынужден даже отказаться от поездки на Веронский рейхстаг. Вскоре подтвердилось, что эта предосторожность была вполне оправдана. Хотя упомянутое выступление датчан оказалось единичным и не получило развития, так что не было нужды в принятии специальных мер против них, вскоре началось всеобщее восстание поморских и полабских славян. Князь ободритов Мстивой, с юных лет являвшийся противником немцев и христианства, опустошил и сжег Гамбург. Однако еще более серьезные последствия имело наступление лютичей и гаволян. 29 июня 983 года они напали на Хафельберг, перебили его гарнизон, а затем убили и епископа Дудо. Спустя три дня на рассвете они появились у стен Бранденбурга, весь гарнизон которого во главе с командующим

Дитрихом, а заодно и епископ Волькмар обратились в бегство. Эти события выявили слабость обороны восточной границы. Современники усматривали в этом наказание за прегрешение против св. Лаврентия, мстившего за упразднение Мерзебургского епископства. Титмар, хронист и епископ Мерзебургский, считавший, как мы знаем, упразднение Мерзебургского епископства тяжким прегрешением Оттона II, все же не держал на него зла и в силу предоставленной ему власти впоследствии отпустил ему сей грех. Основную вину справедливо возлагали на маркграфа Северной марки Дитриха, который своим высокомерием провоцировал славян, явно недооценивая исходившую от них угрозу. Гордая самоуверенность сменилась ужасом. За несколько дней была уничтожена вся созданная Оттоном Великим церковная организация. Произошел массовый возврат славян к язычеству. Даже сам Магдебург подвергался крайней опасности.

Лишь тогда немцы сумели собраться и принять необходимые меры для обороны. Когда архиепископ Магдебургский Гизилер в начале августа вернулся с Веронского рейхстага в свою епархию, славяне уже перешли на левый берег Эльбы и намеревались продолжить наступление. Навстречу им выступило многочисленное войско под водительством самого архиепископа Гизилера, епископа Хальберштадтского Хильдварда, маркграфов Дитриха из Северной марки, Рикдага Мейсенского, Хуодо из Восточной марки, графов Виницо Мерзебургского, Фридриха из Нордтюринггау, Дудо Брауншвейгского и Зигфрида из Вальбека. В результате состоявшегося на реке Тангер сражения славяне были разбиты. Эта победа немцев в какой-то мере восстановила их репутацию, однако вернуть большую часть утраченных завоеваний не удалось. Территория к востоку от Эльбы была почти на два столетия потеряна для Германии. Миссионерские усилия Оттона Великого пошли прахом. Уменьшение оборонной мощи на Эльбе ради ведения войны против сарацин и преувеличенные слухи о поражении на мысе Колонне могли послужить поводом для вос-

стания славян, но не его причиной. Причину следует искать в восточной политике последнего десятилетия, для которой было характерно стремление ликвидировать политическую самостоятельность славян, полностью подчинить их власти германского императора. Действия маркграфа Дитриха, последовательно проводившего эту политику, и были охарактеризованы Титмаром Мерзебургским как высокомерие. Славянские племена лютичей, жившие в междуречье Эльбы и Одера, отреагировали на усиление натиска немцев объединением в мощный племенной союз, возможности которого и были убедительно продемонстрированы в ходе восстания 983 года.

Мы не знаем, успел ли Оттон II получить весть о победе на реке Тангер, которая могла стать началом возвращения всего утраченного за последние полтора года, восстановления пошатнувшейся власти императора, однако всем его надеждам положила предел смерть, настигшая его в Риме 7 декабря 983 года в возрасте лишь двадцати восьми лет, в расцвете духовных и физических сил. Относительно причины смерти Оттона II нет полной ясности. По одним сведениям, он умер от лихорадки, то есть от малярии, а по другим — от сильного кишечного кровотечения, приняв, желая поскорее поправиться, чрезмерно большую дозу лекарства. Вероятнее всего, он стал жертвой неправильного лечения малярии. Оттон II, единственный из германских императоров, был похоронен в Риме в соборе Св. Петра.

Пасынок судьбы

За время своего итальянского похода Оттон II провел в этой стране три года и один месяц, причем половину этого срока — в Южной Италии, борьба за овладение которой стала для него главной целью. В общей сложности, за четыре пребывания, он прожил свыше полугода в своей римской резиденции, что объяснялось важностью Рима как политического и географического центра Италии. Следующими по важности резиденциями для него были Павия и Равенна, где он останавливался по два раза. В Равенне происходило представительное празд-

нование Рождества 980 года, а в Риме — Пасхи 981 и 983 годов, но в большинстве случаев главные христианские праздники, проведение которых в Средние века обычно выливалось в демонстрацию величия королевской (императорской) власти и самого государя, за время пребывания Оттона II в Италии заставляли его в походном лагере, чаще всего в Южной Италии. В отличие от своего предшественника, а особенно преемника, Оттон II никогда не посещал монастырей, предпочитая общение с учеными, стратегами и советниками по политическим вопросам. Пребывание в Италии, в частности в ее южной части, сигнализировало о главном направлении его усилий, о приоритетных целях, настойчивостью в достижении которых он не уступал никому.

Непросто дать общую оценку как итальянской политики, так и государственной деятельности Оттона II в целом. В историографии закрепилось мнение о нем как о наименее блистательной фигуре среди правителей Саксонской династии, затерявшейся в тени своего великого отца, который за долгие годы правления сумел преодолеть тяжелые кризисы и закончил жизнь на вершине славы и успеха. Говорят, что даже Оттон III, столь же спорное, сколь и привлекательно чарующее явление в средневековой немецкой и общеевропейской истории, умерший всего лишь после семи лет правления в возрасте неполных двадцати двух лет, затмил своего отца. Причиной тому послужили неудачи, постигшие Оттона II в конце его правления, поначалу весьма успешного. Отмечалось также, что взаимосвязь итальянской и восточной политики Оттона Великого (итальянская политика ради восточной) при Оттоне II проявилась, так сказать, в негативе: провалы и неудачи в Италии привели к потере всех завоеваний на Востоке, в славянских землях.

Оценивая политическую деятельность Оттона II, следует отвести решающую роль фактору времени. Оттон I за годы своего длительного, чуть ли не в четыре раза более продолжительного, чем у Оттона II, правления успел гораздо больше, но

в первые десять лет его успехи были весьма скромны, и умри он в конце этого периода, в истории не было бы Оттона Великого. Десятилетие же правления Оттона II, несмотря на поражение в бою с сарацинами и утрату завоеваний на восточных рубежах Империи, ознаменовалось успехами, заметно укрепившими его авторитет, что и проявилось на собрании знати в Риме на Пасху 981 года. Опираясь на поддержку верных людей и умных советников, он добился внутренней консолидации своего государства и укрепления его внешнеполитических позиций и благодаря этому завоевал такое же доминирующее положение в Европе, какое занимал его отец.

Придя в Италию, Оттон II на первых порах действовал не менее успешно, быстро восстановив порядок, пошатнувшийся за годы отсутствия в стране императора. При этом он мог опираться на прочный фундамент власти, заложенный отцом. Как оказалось, в Северной Италии у него не было противников, готовых к открытому сопротивлению. Возможно, именно это обстоятельство и укрепило в нем решимость вмешаться в дела Южной Италии, если подобное намерение у него еще не созрело, когда он отправлялся в свой итальянский поход. Однако упорство, с каким он пошел к поставленной цели, заставляет думать скорее о реализации давно вынашивавшегося замысла, нежели о смене политической конъюнктуры, хотя реальная обстановка в Италии при этом, безусловно, учитывалась.

В своей итальянской политике Оттон II в основном продолжил дело отца, вместе с тем попытавшись пойти еще дальше, прежде всего в Южной Италии, не останавливаясь даже перед серьезной конфронтацией с Византией, в частности, присвоив себе титул римского императора, считавшийся неотъемлемой принадлежностью византийского василевса, что в свое время был вынужден признать и Оттон Великий. И цели южноитальянской политики стали качественно иными: если Оттон I довольствовался положением верховного сюзерена в отношении лангобардских княжеств Южной Италии, то Оттон II задался целью непосредственно присоединить к Империи всю южную

половину полуострова. Если бы его единственным противником тогда была Византия, еще не оправившаяся от внутривнутриполитических потрясений и вынужденная сдерживать натиск болгар, то можно было бы надеяться на успех. Однако воевать пришлось с сарацинами, которые и нанесли Оттону II поражение — единственное, но легшее на его репутацию пятном, которое он, вероятно, позднее смог бы смыть (столь оптимистичный прогноз, на наш взгляд, позволяют делать результаты Веронского рейхстага 983 года), но не успел.

Итальянская политика Оттона II была нацелена и на более прочное соединение германской и итальянской частей его Империи. Не в последнюю очередь это проявилось в порядке избрания королем и последующей коронации его сына Оттона III: он настоял на том, чтобы его преемника избрали в Италии представители высшей немецкой и итальянской феодальной знати, а затем в Германии, в Ахене, короновали немецкий и итальянский архиепископы. Хотя безвременная кончина Оттона II не позволила довести до логического завершения и это начинание, однако оставшееся после него положение дел в Империи в целом не дает оснований оценивать его правление как провал имперской политики. У него все еще было впереди, а наметившаяся за годы его правления тенденция позволяет говорить о качественно новом этапе в истории Священной Римской империи. Личная судьба Оттона II оставляет ощущение безвременно и насильственно прерванного полета, но Империя продолжала жить, и впереди ее ждали дивные метаморфозы.

Глава четвертая

ОТТОН III: ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ РИМЛЯН

ПО СТОПАМ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ

Женская опека

Скоропостижная, неожиданная для всех кончина молодого и полного сил императора Оттона II имела весьма негативные последствия для Империи, вызвав глубокий и продолжительный политический кризис. Началась ожесточенная борьба группировок за право опеки над малолетним королем, вскоре вылившаяся в открытую борьбу за корону Германского королевства, несмотря на то, что в стране уже был законный правитель — Оттон III, за избрание которого менее года тому назад единогласно проголосовала в Вероне немецкая и итальянская знать. Более того, на Рождество 983 года в Ахене состоялась, как и было предусмотрено решением Веронского рейхстага, коронация Оттона III, проведенная архиепископами Майнцским Виллигисом и Равеннским Иоанном, в ходе которой Иоанн Равеннский совершил обряд помазания.

Едва в Ахене отшумели (а может, и не успели еще отшуметь) торжества по случаю коронации Оттона III, как из Рима принесли весть о смерти императора. Менее чем за три недели гонец сумел преодолеть расстояние примерно в 1500 километров, что позволяет предполагать существование в то время организованной смены лошадей или даже передачи сообщения по эстафете. Такая скорость передвижения в раннее Средневековье многим из современных историков кажется невероятной (ведь уже не существовало великолепных дорог, построенных древними римлянами), и они подвергают сомне-

нию сообщение Титмара Мерзебургского о прибытии в Ахен вестника из Рима вскоре после коронационных торжеств, полагая, что за столь короткое время невозможно преодолеть такое расстояние. Весть и вправду прилетела стремительно, однако надо иметь в виду, что, если бы гонец прибыл в Ахен спустя много дней после коронации, он уже не застал бы там князей, присутствовавших на торжествах. Они, по данным других источников, получив сообщение о кончине Оттона II, стали совещаться, и большинство высказалось за признание Оттона III законным престолонаследником, носителем государственной власти, хотя для ее исполнения еще и нуждавшимся в опеке.

Печальное известие спутало все ранее достигнутые соглашения. Трехлетнего короля вместе с королевскими инсигниями пока передали на попечение архиепископу Кёльнскому Варину. В Германии тогда не существовало института регентства, не было и твердых правовых оснований для опеки. Формально считалось, что малолетний король, как в свое время Людовик Дитя, сам правит. От его имени издавались грамоты, осуществлялся суд и велись войны. Разумеется, это была лишь фикция, хотя и значимая в юридическом отношении. По древнегерманскому обычаю, опекуном становился ближайший родственник мужского пола по отцовской линии, но в правящих домах опекуной могла быть и мать, тем более что в династии Оттонов она признавалась, начиная с Адельгейд, супруги Оттона I, соправительницей (*consors regni* или *consors imperii*). Опека над малолетним королем открывала большие возможности для влияния на политику центральной власти, поэтому не приходится удивляться, что началась ожесточенная борьба за право называться опекуном. О своих притязаниях заявили сразу несколько человек.

Инициативу захватил давний противник Оттона II, его двоюродный брат по отцовской линии Генрих Сварливый. Этот родственник императора после неоднократных восстаний был лишен своего герцогства Баварского и отправлен в 978 году в

Утрехт под надзор епископа. После смерти Оттона II он освободился и забрал у архиепископа Кёльнского Варина ребенка-короля Оттона III, мать и бабка которого тогда были в Италии. Генрих Сварливый приходился Оттону III дядей по отцовской линии, поэтому и заявлял о себе как о законном опекуне. Притязания на опеку заявил и другой родственник — король Франции Лотарь III, сын Герберги, сестры Оттона I, решивший использовать внутривосточный кризис в Германии для возвращения Лотарингии в состав своего королевства. За обоими стояли различные группировки знати. Большая часть светских и духовных князей сначала поддержала Генриха Сварливого, но после того как на Пасху 984 года (23 марта) в Кведлинбурге Генрих был провозглашен своими сторонниками королем и соперничество из-за права опеки переросло в борьбу за корону, сформировалась третья группировка вокруг архиепископа Майнцского Виллигиса. Ему удалось, опираясь на поддержку саксонской знати, добиться в июне того же года на съезде знати в Роре близ Майнингена передачи Оттона III матери, императрице Феофано, прибывшей из Италии и теперь вместе со своей свекровью, императрицей Адельгейд, осуществлявшей управление страной. Внутривосточный кризис, таким образом, удалось урегулировать.

В конце июня 985 года во Франкфурте состоялось окончательное примирение с Генрихом Сварливым, которому возвратили достоинство герцога Баварского, а он, в свою очередь, присягнул на верность юному королю, положив тем самым конец долгой борьбе. До франкфуртского собрания обе императрицы совместно боролись за тронные права Оттона III. Отныне же Феофано при поддержке эрцканцлера, архиепископа Майнцского Виллигиса, и канцлера, епископа Вормсского Хильдебальда, стала осуществлять регентство за малолетнего сына, тогда как Адельгейд отправилась в Павию, чтобы в Итальянском королевстве, где она обладала властными полномочиями и большим авторитетом, отстаивать интересы Империи. В Италии, не в последнюю очередь благодаря лояльно-

сти дому Оттонов маркграфа Гуго Тосканского, обстановка оставалась преимущественно стабильной. Отъезд Адельгейд из Германии в Италию был вызван определенно не разногласиями с Феофано (хотя и они, несомненно, были), но прежде всего необходимостью отстаивать интересы Империи на территориях к югу от Альп.

Дабы укрепить положение своего сына как правителя, Феофано летом 985 года совершила, как того требовал обычай, вместе с ним и огромной свитой, в состав которой входил и Генрих Сварливый, объезд королевства, побывав в Рейнской области, Саксонии и Баварии. На собрании знати в Кведлинбурге на Пасху 986 года королевское достоинство шестилетнего Оттона III было подтверждено коронационным пиром, подобным тому, что состоялся в 936 году в Ахене по случаю коронации Оттона I. Очевидно, в Кведлинбурге тогда прошла «торжественная коронация», не отменявшая коронации, проведенной на Рождество 983 года в Ахене в соответствии со всеми государственными и церковными канонами, но лишь подтверждавшая ее, свидетельствовавшая о всеобщем признании нового короля. Впрочем, и пир не был простым увеселительным мероприятием, а имел важный государственно-политический смысл, являясь демонстрацией единения и согласия. В раннесредневековой Германии не только праздники, но и акты принятия наиболее значительных политических решений сопровождались пиром. На этом коронационном пиру герцоги Генрих Баварский, Конрад Швабский, Генрих Каринтийский и Бернгард Саксонский символически прислуживали королю, исполняя придворные службы, соответственно, в качестве стольничего, постельничего, кравчего и конюшего, что должно было демонстрировать единение правителя с его наиболее влиятельными подданными. Присутствовали на пиру и князья Болеслав Чешский и Мешко Польский, подтвердившие свои обязательства по уплате дани. Последний еще и присягнул на верность Оттону III, то есть вступил в более тесные отношения с Империей, нежели прежде, тогда как о чешском

князе нет подобных сведений. Оба славянских правителя вернулись домой с богатыми подарками.

Управляя государством от имени сына, Феофано проводила осмотрительную и весьма успешную политику, предотвратив тем самым ослабление центральной власти за многие годы малолетства Оттона III. Следует отметить, что ее высокое положение определялось не только естественным правом матери и масштабом собственной личности, но и уже упоминавшемся ее особым правом «соимператрицы» (*coimperatrix*), позволявшим ей, по византийскому примеру, претендовать на наследование власти и правление от имени сына. В качестве «соимператрицы» она обладала преимуществом и перед Адельгейд, которую, как вдову Оттона Великого, сначала многие хотели видеть правительницей. Феофано при жизни супруга не только по титулу была императрицей, но и реально соправительницей, и ее власть, полномочия правительницы продолжились и после его смерти.

Скоропостижная кончина Оттона II обострила и внешнеполитические проблемы Германии. Очередная смута, начавшаяся в стране, вновь пробудила честолюбие французского короля. Лотарь опять вступил в союз с Гуго Капетом и заключил соглашение со своим братом Карлом, герцогом Нижней Лотарингии. За этим последовало заявление, что король Франции и его брат поддерживают оттоновскую группировку в Германии во главе с архиепископом Майнцским Виллигисом, а на опеку над Оттоном III притязают лишь с целью воспрепятствовать узурпации власти со стороны Генриха Сварливого, после чего магнаты Лотарингии дали архиепископу Реймскому Адалберо заложников и заявили, что будут повиноваться «сыну императора под покровительством короля франков, лишь бы тот не дал править Генриху в Галлии (то есть Лотарингии. — *В. Б.*)». Генрих Сварливый, отказавшийся от своих притязаний на опеку и корону, обманулся в надежде получить обратно герцогство Баварское. Это привело его к сближению с Лотарем. Генрих пообещал французскому королю Лотарингию, ес-

ли тот поддержит его притязания на германский престол. На 1 февраля 985 года была назначена личная встреча Генриха с Лотарем и его сыном Людовиком в Брейзахе, однако французский король тщетно ждал в условленном месте и в назначенное время своего предполагаемого партнера. У нас нет точных сведений о причине, по которой Генрих не явился на встречу, можно лишь предполагать, что ему воспрепятствовали политические противники.

После всех пережитых разочарований Лотарь взялся за оружие, дабы завоевать Лотарингию. Внезапной атакой он захватил Верден, однако лотарингцы сумели вскоре отвоевать город. И тогда Лотарь приступил к осаде этой хорошо укрепленной крепости, и еще в марте 985 года Верден открыл перед ним свои ворота, что явилось тяжелым ударом для оттоновской группировки. Многие лотарингские магнаты попали в плен: граф Готфрид Верденский со своим сыном Фридрихом, Зигфрид Люксембургский и юный герцог Верхней Лотарингии Дитрих.

Более двух лет, вплоть до того, как пресеклась Каролингская династия во Франции, Верден оставался во власти французского правителя. С самого начала возобновления вооруженной борьбы архиепископ Реймский Адальберо и его ближайший помощник Герберт Орильякский решили делать ставку на Гуго Капета и крепить свой союз с империей Оттонов, уверяя своих сторонников, что Лотарь правит чисто номинально, тогда как реальная власть находится у Гуго.

Между тем переговоры Лотаря с Генрихом Баварским продолжались. И архиепископ Трирский Эгберт выступал за возвращение Лотарингии в состав Франции. Однако Генрих, очевидно, осознал бесперспективность своих надежд и на рейхстаге во Франкфурте в июне 985 года подчинился новому правителю Германии, за это получив назад свое герцогство Баварское. Лотарь же не собирался отказываться от своих намерений. Теперь, в отличие от ситуации 978 года, на его стороне были брат и Регинар Геннегауский. Объектом своего нападе-

ния Лотарь выбрал два крупных епископских города Нижней Лотарингии — Люттих и Камбрэ, которые предпочли капитулировать без борьбы.

Дальнейшее развитие этих событий было прервано кончиной Лотаря, наступившей 2 марта 986 года в возрасте сорока четырех лет после непродолжительной болезни. 19-летнему Людовику V (986–987) пришлось выбирать одно из двух политических направлений: прооттоновское, возглавлявшееся его матерью Эммой (дочерью императрицы Адельгейд от ее первого брака) и архиепископом Реймским, и противоположное ему, во главе с дядей, герцогом Нижней Лотарингии Карлом. Сторонники второго направления взяли верх, и молодой король после долгих колебаний решил на войну. Эмма была вынуждена покинуть двор и искать убежища у Гуго Капета, Адальберо же укрылся в одной из своих крепостей на Маасе. Позднее по просьбе Герберта он вернулся в свою архиепископскую резиденцию, где и испытал на себе весь гнев короля. Людовик грозился даже начать осаду Реймса, но потом, по совету своего ближайшего окружения, пошел на заключение временного соглашения с Адальберо: архиепископ согласился предстать перед собранием знати в Компьене и дать заложников. Принадлежавшие ему крепости Музон и Мезьер надлежало снести — Людовик считал себя законным господином Лотарингии; правда, это решение так и не успели привести в исполнение.

Весной 987 года произошла по неведомой нам причине перемена в политике Людовика V. На собрании в Компьене, открытие которого состоялось 18 мая, король и архиепископ Адальберо полностью примирились. Спустя неделю Людовик со своей матерью, императрица Адельгейд, Гуго Капет, король Бургундии Конрад и герцог Швабский Конрад должны были встретиться в монастыре Монфоко неподалеку от Вердена, чтобы обсудить условия заключения мира между двумя королевствами. Однако непредвиденное событие резко изменило

всю ситуацию: в результате несчастного случая на охоте Людовик V умер 21 или 22 мая 987 года.

Современные исследователи склонны оценивать лотарингскую политику последних Каролингов как бесперспективную авантюру, которая отвлекла их от решения более важной задачи — внутреннего укрепления монархии. Этот упрек, пожалуй, несправедлив в том отношении, что, учитывая внутригосударственное положение, и без «лотарингской авантюры» тогда было невозможно укрепить во Франции центральную королевскую власть. Возврат к системе правления Карла Великого исключался. С пресечением Каролингской династии закончился важный этап в истории франко-германских отношений. Старая династия воплощала собой принадлежность обоих соседних государств к некому единому целому, тем более что по обе стороны границы, проведенной по Верденскому договору 843 года, еще живо было это чувство единства.

С приходом к власти во Франции новой династии страна все больше обособлялась от своего восточного соседа, улетучивались последние остатки чувства политического единства. Бытовавшее прежде мнение, что новая династия Робертинов или Капетингов была более «французской», полнее учитывала национальные интересы Франции, нежели Каролинги, приверженные идее единой Империи, не выдерживает критики. Робертины, как и их предшественники, также были германского происхождения: в Западно-Франкское королевство они пришли в середине IX века со Среднего Рейна. Причиной падения Каролингов не в последнюю очередь явилась их неудачная лотарингская политика: если бы их последние представители поддерживали дружественные отношения с Германией, то герцог Нижней Лотарингии Карл при поддержке со стороны архиепископа Реймского Адальберо и Герберта смог бы беспрепятственно вступить на трон после гибели своего племянника. Другой вопрос, сколь долго еще смогли бы удерживаться на престоле его потомки. Во всяком случае, уход с политической арены одной из двух соперничавших фамилий явился

благом для Франции, поскольку открылся путь для последующего укрепления центральной королевской власти. Гуго Капет был избран на съезде знати в Санлисе королем, а вскоре затем, 1 июня 987 года, в Нуайоне архиепископ Реймский Адальберо совершил обряд помазания его на царство.

Смену династии Адальберо осуществил в полном согласии с императрицей Феофано. Этот переворот вскоре принес его организаторам ценные плоды: французы безоговорочно покинули Верден, и Адальберо смог обнять своего отважного брата Готфрида, долго томившегося в плену. Для Германии смена династии в соседнем королевстве была выгодна и тем, что Капетинги, в отличие от своих предшественников, не имели ни правовых, ни моральных оснований претендовать на Лотарингию. Хотя этот расчет в более отдаленной перспективе и оказался неверным, поскольку новая династия унаследовала все права старой, пока что Лотарингия почти не играла роли в реальной политике.

Хотя Гуго Капет вступил на престол не без помощи со стороны Феофано, он, похоже, испытывал такое же неприятие к могущественному восточному соседу, как и оба его предшественника. Как императрица и византийская царица Феофано была уязвлена тем, что Гуго просил для своего сына руки дочери византийского императора, предлагая ему за это союз против Священной Римской империи в борьбе за Южную Италию. Карл, герцог Нижней Лотарингии, не смилившийся с отстранением Каролингов от власти и продолжавший борьбу за корону Французского королевства, посетил императрицу в ее резиденции в Ингельгейме и в качестве ее вассала просил о помощи. Однако Феофано предпочла не вмешиваться в борьбу претендентов на французский престол, полагая, что ее продолжение, учитывая напряженные отношения с Гуго Капетом, отвечает интересам Империи. Эта борьба продолжалась до 991 года, когда Карл был вероломно захвачен в плен и спустя год или два умер в заточении. В качестве герцога Нижней Ло-

тарингии ему унаследовал сын Отто, ставший одним из наиболее преданных сторонников императора Оттона III.

На правах полномочной правительницы Империи Феофано вмешивалась и в события в Италии. В 988 году она собиралась лично прибыть туда, но неожиданно разболелась. Устроив свою резиденцию в Констанце, она вызвала туда итальянского эрцканцлера Петра, епископа Комо и канцлера Адальберта. В Констанце и был проведен съезд, на котором присутствовали многочисленные представители итальянской знати. Тогда были приняты важные решения, касавшиеся положения дел в Северной Италии и неоспоримо свидетельствовавшие о влиянии императрицы, сохранившемся за годы бурных событий, которые, казалось, должны были его подорвать.

Особого внимания заслуживает решение Феофано возвести в ранг архиепископа своего давнего доверенного, грека из Калабрии Иоанна Филагата, ставшего в 982 году по решению Оттона II (и, очевидно, не без подсказки Феофано) аббатом Нонантолы. Чтобы теперь сделать его архиепископом, требовалось влияние императрицы не только в Северной Италии, но и в Риме на папу римского. Иоанна XIV, занявшего папский престол незадолго перед смертью Оттона II и являвшегося, безусловно, верным германскому правителю человеком, уже давно не было в живых. Бонифаций VII, в свое время вынужденный бежать из Рима в Константинополь, когда Оттон II прибыл в Италию, вскоре после его смерти возвратился из Византии и благодаря привезенным с собой деньгам вернул себе папский престол. Иоанн XIV был схвачен и заточен в замке Святого Ангела. Там его в течение четырех месяцев морили голодом, после чего Бонифаций VII, желая ускорить события, велел его отравить. Однако и этот агент Константинополя на престоле Св. Петра продержался недолго: уже в июле 985 года его настигла внезапная и, очевидно, насильственная смерть. Этот «монстр», как позднее его называли, за короткий срок вызвал столько ненависти к себе, что римляне даже надругались над его трупом: голым таскали по улицам, пинали, коло-

ли пиками, а потом бросили у памятника Марку Аврелию, считавшегося в то время конной статуей Константина Великого, где он и валялся, пока сердобольные клирики не похоронили его. Вся эта омерзительная история как нельзя лучше характеризует ситуацию в Риме и переменчивое настроение его обитателей, с которыми вскоре пришлось иметь дело Оттону III.

Без участия представителя Империи (забылись клятвы, принесенные в свое время Оттону I) состоялось избрание нового папы. Им стал кардинал-пресвитер Иоанн, ученый римлянин, сын священника Льва, принявший в качестве папы имя Иоанна XV. Первое время он был во всем послушен патрицию Иоанну Крещенцию (которого, дабы можно было отличать от его упоминавшегося ранее тезки, называли также именем Крещений II Номентан), по сути дела являясь его подручным. Однако к 988 году, когда Феофано, уладив прочие политические проблемы, обратила свое внимание на Италию, умонастроение Иоанна XV, видимо, изменилось. Иначе не объяснить, почему он согласился исполнить желание далекой и не имевшей средств для силового воздействия императрицы. Правда, не исключено, что и Иоанн Крещений был не прочь оказать любезность императрице — именно потому, что она была далеко, не обладала реальной силой и, следовательно, не служила для него источником угрозы.

Феофано, подготавливая возведение Филагата в сан архиепископа, сделала жест доброй воли в адрес папы и римлян, распорядившись (формально от имени малолетнего Оттона III) переправить из Гамбурга в Рим останки скончавшегося там более десяти лет назад опального папы Бенедикта V, о чем просили еще Оттона I. Иоанн XV, изъявлявший готовность исполнить желание императрицы, но не имевший в тот момент такой возможности ввиду отсутствия вакантного архиепископства, действовал в духе большой политики — в том смысле, что политика шла впереди всех прочих соображений. Он собственным волевым решением отделил диоцез Пьяченцу от

Равеннского патриархата и возвел его в ранг архиепископства, после чего и появился архиепископ Пьяченцкий Иоанн Филагат.

К моменту проведения съезда осенью 988 года в Констанце Феофано об этом уже знала и потому представила собравшимся Иоанна Филагата как архиепископа Пьяченцкого, тогда же назначив его управляющим финансов Северной Италии в должности начальника королевского казначейства, отстранив от этой должности представителя местной ломбардской знати, в свое время назначенного императрицей Адельгейд. Это решение Феофано со всей очевидностью было направлено против Адельгейд как правительницы Северной Италии, и принятие столь недружественной по отношению к ней меры может объясняться лишь тем, что вдова Оттона Великого к тому времени уже перебралась, насколько можно судить по косвенным данным источников, в Бургундию к своему брату Конраду. Отныне власть Феофано распространялась и на Италию. Новое назначение, по всей видимости, имело своей целью повысить доходы королевской казны, сделав их средством для укрепления господства Империи в Северной Италии.

Поскольку по состоянию здоровья Феофано была вынуждена пока отложить посещение Италии, в последующие месяцы ее итальянская политика заключалась в предоставлении привилегий поддерживавшим ее представителям церкви в этой стране. Пожалования осуществлялись от имени Оттона III, а сама Феофано выступала в качестве лица, ходатайствующего перед королем. 5 апреля 989 года аббат Ацо монастыря Чьелло-Оро в Павии, лично явившийся к королевскому двору в Кведлинбурге, добился возобновления грамоты, в свое время пожалованной Оттоном II и подтверждавшей старинные, восходившие еще ко временам лангобардского короля Лиутпранда, владения монастыря, причем Оттон III от своего имени пожаловал дополнительные владения, иммунитет, право проведения выборов аббата и осуществления сыска. В тот же день епископу Пармскому Зигефреду, также лично явившемуся в

Кведлинбург, были подтверждены пожалования, некогда сделанные Оттоном I. Если в предыдущей грамоте Феофано была поименована соправительницей, то здесь, как и в большинстве последующих дипломов, она фигурирует в качестве «императрицы августы», что объясняется ее стремлением подчеркнуть собственную значимость фактически самостоятельной правительницы. В июле были подтверждены владения монастыря Монте-Кассино. Для итальянской политики Феофано эти пожалования были очень важны.

Лишь осенью 989 года Феофано собралась в Италию. Ее сопровождали епископ Вюрцбургский Гуго, итальянский канцлер Адальберт, эрцканцлер Италии, епископ Комо Петр и архиепископ Пьяченцы Иоанн Филагат. На время своего отсутствия управление Германией императрица доверила обоим членам опекунского совета — эрцканцлеру Виллигису Майнцскому и канцлеру Хильдибальду Вормсскому. Предположительно, и герцог Баварский Генрих Сварливый не был удален от государственных дел. Вперед отправили епископа Лютихского Нотгера, который явился в Рим в ноябре 989 года.

В конце ноября — начале декабря 989 года прибыла в Рим и сама Феофано. 7 декабря она провела здесь большое поминальное богослужение по случаю шестой годовщины со дня смерти своего супруга, императора Оттона II. Сведения о пребывании Феофано в Риме весьма скудны. Нет ясности относительно царившей тогда в городе обстановки, однако, по всей видимости, прибытие императрицы приветствовали папа Иоанн XV и симпатизировавшая Оттонам группировка знати. И Нотгер Лютихский, очевидно, сумел обеспечить хороший прием Феофано. Господствовавший тогда в Риме Крешций II Номентан, видимо, не чинил ей никаких препятствий, так что она в качестве представительницы Империи Оттонов могла осуществлять свои права. Итальянская канцелярия от ее имени составляла грамоты, две из которых сохранились. По ее же распоряжению специальные уполномоченные вершили суд. Она совещалась с маркграфами Гуго Тосканским и Конрадом

Сполетским, а также с другими сторонниками имперской власти, прежде всего с князьями церкви, в свое время назначенными на должности Оттоном II, которые уже давно ожидали ее прибытия. Весьма примечательно, что Феофано, словно бы продолжая дело супруга, уделила внимание и Южной Италии: она урегулировала имущественные отношения монастыря Сан-Винченцо на Вольтурно, приняла слывшего святым Сабу, прибывшего в качестве посланца от князей Сергия III Салернского и Манзо из Амальфи, ходатайствовавших перед императрицей об освобождении своих сыновей, переданных в 981 году императору Оттону II в качестве заложников. По ходатайству своего советника Иоанна Филагата, архиепископа Пьяченцы, Феофано выполнила эту просьбу, тем самым создавая условия для продолжения оттоновской политики в Южной Италии.

2 января 990 года датирован диплом, пожалованный Феофано монастырю Сан-Винченцо на Вольтурно от себя лично, а не от имени Оттона III, как обычно («Феофано милостью Божией императрица августа»). Во время своего пребывания в Италии она выступала как полновластная императрица, а не регентша при малолетнем сыне. Но особенно примечателен второй из сохранившихся дипломов Феофано, которым она подтверждает владения монастыря Фарфа — в нем императрица уже фигурирует в качестве императора, то есть употреблена форма мужского рода: «Феофаний милостью Божией император август». Высказывалось предположение, что здесь имела место ошибка, допущенная переписчиком монастыря Фарфа, однако, во-первых, трудно себе представить, как можно совершить такую опisku (вместо Theophano написать Theophanius), а во-вторых, при датировке грамоты употреблена та же мужская форма имени императрицы. Очевидно, посредством этой интитуляции преследовалась цель особо подчеркнуть императорское достоинство Феофано. Но, пожалуй, еще важнее то, что в датировке этой грамоты указаны не годы правления Оттона III, а срок «соимператорства» Феофано, с момента брако-

сочетания и императорской коронации 14 апреля 972 года — убедительное свидетельство того, что Феофано настаивала на своих правах «соимператрицы». Подобного рода «вольности» могут объясняться сильным византийским влиянием, ощущавшимся в Италии X века, особенно в Риме.

Этот примечательный диплом был составлен во время пребывания Феофано в Равенне, куда она прибыла, очевидно, в марте, в сопровождении все тех же епископа Вюрцбургского Гуго и архиепископа Пьяченцы Иоанна Филагата. О ее деятельности в это время мы почти ничего не знаем. Известно лишь, что там по ее распоряжению Иоанн Филагат, Гуго Вюрцбургский и архиепископ Равеннский Петр провели ряд судебных разбирательств.

Таким образом, во время своего пребывания в Италии в 989–990 годах Феофано даже не попыталась изменить сложившуюся там после смерти Оттона II обстановку. Римскую проблему, возникшую для Империи вследствие самовластного правления Крешенция II Номентана, провозгласившего себя патрицием, она просто обошла. При этом остается неясным, санкционировала ли она своевольное нововведение института патрициата. Во всяком случае, это означало лишь отсрочку конфликта, ибо император, претендовавший на всю полноту своего императорского достоинства, не мог мириться с тем, чтобы его влияние в Риме осуществлялось через посредника — самозванного патриция и чтобы папа находился под давлением со стороны римского городского правителя.

После непродолжительного пребывания в конце апреля — начале мая в Павии Феофано в сопровождении Гуго Вюрцбургского, Нотгера Люттихского, архиепископа Пьяченцы Иоанна Филагата, патриарха Аквилеи Иоанна, а также итальянского эрцканцлера Петра, епископа Комо и канцлера Адальберта отправилась в Германию и уже в первой половине июня была в Майнце, где встретилась с сыном Оттоном III и эрцканцлером Виллигисом Майнцским. Жить Феофано оставалось ровно год, в течение которого она не уделяла Италии

столь пристального внимания, как в предыдущие два года. 15 июня 991 года она скончалась в Нимвегене и была, согласно ее последней воле, похоронена в Кёльне в церкви Св. Пантелеймона.

Смерть Феофано не повлекла за собой существенных изменений, поскольку на смену ей пришла 60-летняя бабушка Оттона III, императрица Адельгейд, осуществлявшая при поддержке архиепископа Майнцкого Виллигиса и епископа Вормсского Хильдибальда опекуновское правление вплоть до совершеннолетия своего внука. О месте ее пребывания в последние годы жизни Феофано нет определенных сведений. В Павии, столице Лангобардского королевства, ее скорее всего не было, что косвенно подтверждается вмешательством Феофано в 988–990 годах в итальянские дела. Известно лишь, что в 986 и 987 годах она посещала королевский двор в Саксонии. Там же она находилась и в начале лета 991 года, к моменту смерти Феофано, судя по сообщению об участии в похоронах своего родственника графа Манегольда. В начале октября 991 года состоялась встреча Адельгейд и ее дочери Матильды, аббатисы Кведлинбургской, с эрцканцлером Виллигисом, архиепископом Майнцским, и канцлером Хильдибальдом, епископом Вормсским, в ходе которой обсуждалось дальнейшее осуществление опеки над малолетним Оттоном III и управление от его имени государством. Было решено созвать в начале следующего года князей, чтобы сообщить им о новом порядке управления Империей. Заниматься воспитанием Оттона III поручили Адельгейд. Судя по сообщению Титмара Мерзебургского, воспитание царственного внука доставило ей немало хлопот, поскольку мальчик находился под влиянием своего прежнего окружения, сложившегося еще при Феофано, с которым бабушка-императрица не смогла найти общий язык (пресловутый конфликт поколений). Спустя несколько лет Адельгейд в печали покинула внука.

Итальянская политика временно отошла на второй план. Когда в Италию пришла весть о смерти Феофано, там сразу же

отменили все постановления, принятые ею во время ее последнего визита. Лишился своей высокой должности и архиепископ Пьяченцы Иоанн Филагат. В Риме Крещений II Номентан еще больше упрочил свое положение, став фактически единовластным правителем. Лишь на следующий год, когда из Италии к германскому двору прибыло сразу несколько делегаций, это направление оттоновской политики вновь обрело свою актуальность. На новый уровень стали выходить отношения с Венецией, прерванные в последний год правления Оттона II. Правда, Адельгейд, вскоре после смерти своего сына вернувшаяся в Павию в качестве правительницы, постаралась урегулировать отношения с этой торговой республикой, посодействовав возвращению там к власти дружественного Оттонам семейства Колоприни, однако лишь при Петре II Орсеоло, ставшем дожем в 991 году, начался новый этап во взаимоотношениях между Империей и Венецией. В июле 992 года в Мюльхаузен, где в то время находилась Адельгейд со своим двором, прибыло венецианское посольство с целью установления дружественных отношений. От имени Оттона III императрица, фигурировавшая в официальном документе в качестве лица, ходатайствовавшего перед своим внуком, приняла от послов просьбу дожа Петра II Орсеоло и подтвердила венецианцам все привилегии, полученные ими от Оттона I и Оттона II.

В те же дни от имени Оттона III была пожалована дарственная грамота епископу Кремонскому Одельриху, имевшему большие заслуги перед правящей династией Германии еще при Оттоне I и Оттоне II, а теперь верой и правдой служившему Адельгейд и ее внуку, и аналогичные грамоты епископу Асти Петру и монастырю Св. Петра в графстве Ломелла.

И затем опять из официальных документов исчезают упоминания об Италии, на сей раз на целых два года, вплоть до сентября 994 года, когда в Золингене состоялся съезд знати, на котором 14-летний Оттон III был объявлен совершеннолетним, то есть способным носить оружие и, соответственно, са-

мостоятельно править. Его систематически готовили к этому, дав ему блестящее образование и постепенно приобщая к государственным делам. Воспитанием юного короля сначала занималась сама Феофано. Ее влияние на Оттона III проявлялось во многом, особенно в культивировании при дворе византийских порядков. Мальчик рано изучил латинский язык под руководством Бернварда, впоследствии ставшего епископом Хильдесхаймским и внесшим большой вклад в культуру Германии в период так называемого «оттоновского возрождения». Греческий язык юному королю преподавал уже известный нам Иоанн Филагат, о котором еще пойдет речь в связи с весьма драматичными событиями. Высокий уровень образования, которым Оттон III превзошел всех своих предшественников на германском престоле, наложил на его правление не менее значительный отпечаток, чем его глубокая религиозность. Наряду с образованием он получил и надлежащее воинское воспитание. Еще летом 984 года, сразу же после победы над Генрихом Сварливым, Оттона III препоручили (возможно, по требованию саксонской знати) заботам некоего графа Хойко, дабы тот обучал его военному искусству. Вошло в анналы участие его, шестилетнего ребенка, в военном походе в земли полабских славян: «Король Оттон, еще маленький мальчик, с многочисленным саксонским войском пришел в Склавинию». При Оттоне III германское войско еще не раз будет вторгаться на территорию полабских славян, однако немцы так и не сумеют вернуть их в состояние зависимости, существовавшее до восстания 983 года. Эти области останутся вне сферы господства Священной Римской империи вплоть до середины XII века.

Раннее возмужание императора

После Золингенского съезда участие Адельгейд в деятельности правительства ограничивалось главным образом решением вопросов, касавшихся церкви, а вскоре повзрослевший Оттон III и вовсе освободится от опеки со стороны своей бабки. Оба руководителя канцелярии, архиепископ Майнцский Вил-

лигис и епископ Вормсский Хильдибальд, по-прежнему продолжали оказывать решающее влияние на государственные дела, хотя уже и начинали приобретать все большее значение самостоятельные действия юного короля.

Присутствие в это время в Золингене многочисленного посольства из Италии во главе с маркграфом Тосканским Гуго и архиепископом Пьяченцы Иоанном Филагатом сделало актуальным обсуждение положения дел в этой стране и подготовки итальянского похода Оттона III для обретения им императорской короны. Возможно, тогда же рассматривались и перспективы заключения его брака с византийской царевной. Известно, что на следующий год было отправлено в Константинополь посольство во главе с Иоанном Филагатом и епископом Вюрцбургским Бернвардом сватать невесту для германского короля и будущего императора. Это решение означало возврат к политике, начатой в 967 году Оттоном I и приведшей в 972 году к компромиссу с Иоанном Цимисхием. Теперь, после всех происшедших за последнее десятилетие перемен, следовало успокоить правителя из законной, вновь возвратившейся к власти, Македонской династии сообщением, что на Западе больше не правит племянница Цимисхия.

Предложение о заключении династического брака с византийским правящим домом могло мотивироваться и тем обстоятельством, что предполагалась возможность пресечения Македонской династии по мужской линии. В этом случае по западным (но не по византийским) представлениям для супруга византийской царевны возникали права наследования, которые позволили бы объединить обе империи под одним скипетром, о чем на Западе не переставали мечтать. Однако эти соображения, если они и принимались в расчет, не служили главной причиной сватовства. Ее, как и в 967 году, следовало скорее усматривать в том, что византийский императорский дом был самым знатным семейством в Европе, с которым было желательно породниться юному королю.

Видимо, в связи с этой ответственной миссией Иоанна Филагата освободили от обязанности итальянского канцлера, назначив на его место Хериберта, друга и наставника Оттона III. Это был первый случай, когда немцу поручалось руководить итальянским отделением имперской канцелярии. Правда, должность эрцканцлера Италии по-прежнему сохранялась за епископом Комо Петром, которому вполне доверяли. Назначение Хериберта руководителем итальянской канцелярии весьма примечательно и еще в одном отношении: оно явилось первым самостоятельным государственным решением Оттона III. Хериберт происходил из знатного рода, жившего в Вормсе, и получил хорошее образование в монастыре Горце в Лотарингии. Феофано в свое время назначила его капелланом и, предположительно, учителем Оттона III.

Так, византийская проблема уже обозначилась, когда Оттон III, достигнув совершеннолетия, в 995 году начал самостоятельно править. Первый шаг, который ему предстояло сделать, диктовался традицией его дома: ему надлежало получить императорскую корону, что должно было также сделать его достойным претендентом на руку византийской царевны. Его желанию короноваться в Риме отвечала и просьба папы римского Иоанна XV о помощи. Сложилась ситуация, аналогичная той, что была при Оттоне Великом в 961 году: папа пригласил немецкого короля в Рим на помощь против римлян.

Как и при Оттоне Великом, аббату Фульдского монастыря, также по имени Хатто, была поручена подготовка похода в Рим. Он отправился к Иоанну XV с поручением от императрицы Адельгейд и Оттона III сообщить о решениях, принятых на съезде знати в Золингене, прежде всего о предполагавшемся итальянском походе короля. Судя по тому, что папа уважил ходатайство Адельгейд о предоставлении Фульдскому монастырю значительных привилегий, он одобрительно воспринял и весть о предстоящем походе в Рим Оттона III, который и для него самого был бы весьма кстати, поскольку в обстановке всевластия Крешенция II Номентана его собственное положе-

ние в городе становилось все более невыносимым. Дошло до того, что в марте 995 года он был вынужден бежать из Рима в Тоскану. Летом того же года Иоанн XV направил к Оттону III легатов, приглашая его прибыть в Рим для защиты от притеснений со стороны Крешенция.

В ноябре 995 года на съезде знати в Майнце под председательством Оттона III и в присутствии его сестер Адельгейд и Софии, тетки Матильды, аббатисы Кведлинбургской, и императрицы Адельгейд рассматривался вопрос об итальянском походе, намеченном на начало следующего года. В порядке подготовки к походу Оттон III пожаловал важные привилегии монастырю Св. Зенона в Вероне, занимавшей ключевые позиции на пути в Италию, и предоставил широкие права епископу Веронскому Отберту, дабы заручиться его поддержкой. Поскольку в упомянутом монастыре Оттон III обычно останавливался во время своих итальянских походов, пожалование имело целью возместить связанные с этим затраты.

Местом сбора участников первого итальянского похода Оттона III был объявлен Регенсбург, куда и стягивались военные отряды. Прибыли со своими вассалами многие духовные князья, и прежде всего архиепископ Майнцский Виллигис, продолжавший оставаться первым королевским советником и теперь являвшийся душой всего предприятия. Именно он, а также сестра Оттона III София, аббатиса Гандерсгеймская, на Золингенском съезде 994 года особенно настаивали на принятии решения о скорейшем походе в Рим, о продолжении итальянской политики. Виллигис хотел, чтобы продолжена была и политика Оттона I и Оттона II в отношении папства, сочетавшая в себе подтверждение папских привилегий с осуществлением прав, закрепленных за императором. В середине февраля 996 года в Регенсбург прибыл и сам Оттон III, и в начале следующего месяца войско под пение псалмов выступило в поход. Впереди процессии в сопровождении многочисленной свиты (помимо уже упомянутого Виллигиса Майнцкого в ее состав входили такие видные князья церкви, как епископы

Хильдибальд Вормсский, Нотгер Люттихский и Вильдерод Страсбургский, герцоги Генрих Баварский и Отто Каринтийский, маркграф Эккехард Мейсенский, а также два представителя итальянской знати — маркграф Гуго Тосканский и эрцканцлер Петр, епископ Комо) двигался король, перед которым несли Священное копье, считавшееся реликвией Иисуса Христа и св. Маврикия и свидетельствовавшее о призвании его обладателя к борьбе против язычников и к миссионерству, а в связи с этим и к императорскому достоинству. Еще свежа была в памяти победа, одержанная, как верили, благодаря Священному копью, Оттоном Великим над язычниками мадьярами.

За годы малолетства Оттона III смогло выстоять не только Германское королевство, но и Империя, что можно считать важнейшим результатом итальянской политики (прежде всего Оттона Великого) в предшествующий период. Императорская власть, сопряженная с господством над Италией, стала рассматриваться как неотъемлемая принадлежность германской короны. Господство Оттонов в Италии укоренилось уже значительно глубже, чем можно было предполагать. В пользу оттоновской системы свидетельствовало то, что пока в самой Германии шла политическая борьба с сомнительным исходом, в Северной Италии, несмотря на отдельные проявления недовольства (так, например, Герберт Орильякский был вынужден под натиском своих противников покинуть пожалованный ему Оттоном II монастырь Боббио и возвратиться во Францию), не возобладали разрушительные тенденции и даже не была предпринята попытка сбросить ярмо иноземного господства, дружно поднявшись на восстание.

В годы малолетства Оттона III не проводилась активная итальянская политика, но и теперь еще не могло быть речи о возвращении к намерениям Оттона II покорить весь Апеннинский полуостров, изгнав оттуда греков и арабов. Приходилось довольствоваться сохранением достигнутого в предшествующие десятилетия. Это удалось во многом благодаря удачному

стечению обстоятельств: междоусобная борьба среди сицилийских сарацин не позволяла им предпринимать наступление на юге Италии; Византия, поглощенная собственными внутри- и внешнеполитическими проблемами, не воспользовалась ослаблением власти в Германии, дабы подчинить себе Апулию, Калабрию и лангобардские княжества. В Беневенте и Капуе ситуация оставалась как при Оттоне II. Там продолжали править Пандульф и Ланденульф. Салерно, Неаполь и Гаэта формально хотя и признавали господство Византии, однако фактически пользовались независимостью от обеих империй.

Если Рим время от времени переживал потрясения, связанные с борьбой за папский престол, и в городе, оказывавшем сопротивление господству немцев, были периоды усиления византийского влияния, то в Ломбардии и Тоскане не наблюдалось даже и признаков стремления к коренным переменам. Герцог Тосканский Гуго, пришедший к власти еще при Оттоне II, теперь проявлял себя горячим сторонником молодого короля. В Ломбардии епископы, получившие богатые пожалования от Оттонов, стремились сохранить их, поддерживая королевский дом Германии. Они не хотели рисковать, ввязываясь в борьбу против немцев, исход которой был неясен. Точно так же и значительная часть ломбардской знати, находившейся в вассальной зависимости от епископов, связывала свои интересы с Саксонским королевским домом. За годы малолетства короля укрепились власть епископов в городах Северной Италии, что, однако, не породило в них стремления к большей самостоятельности, не привело к глубоким изменениям обстановки в регионе в целом. Вместе с тем немцам удалось сохранить свою власть в Италии, не в последнюю очередь и благодаря вдовствующей императрице Адельгейд, которую здесь по-прежнему признавали и уважали как королеву страны.

Альпы, в это время года еще покрытые снегом, не без труда удалось преодолеть через перевал Бреннер. Едва король ступил на землю Италии, как к нему прибыли послы от венецианского дожа Петра II Орсеоло, приветствовавшие его и обра-

тившиеся к нему с жалобой на епископа Беллунского. Оттон III был заинтересован в поддержании хороших отношений с Венецией, поэтому обещал принять меры против епископа, захватившего часть ее территории, на что венецианские послы подавали жалобу в Ахене еще в 995 году (Оттон III направил тогда своего уполномоченного по имени Бруно, дабы уладить конфликт, однако епископ Беллунский отказался даже разговаривать с королевским посланцем — так конфликт и остался неурегулированным до прибытия короля в Италию). Также Оттон III просил дожа прислать в Верону своего маленького сына, чтобы тот, уже крещенный, при совершении обряда конфирмации получил имя нового крестного — германского короля.

В середине марта 996 года Оттон III прибыл в Верону, где для него уже была приготовлена резиденция в монастыре Св. Зенона. Там же состоялась и его встреча с многочисленными представителями светской и духовной знати. Явились также епископы Иоанн Беллунский и Розо Тревизский, чтобы объяснить свое поведение в конфликте с Венецией, однако Оттон III решительно потребовал от них возместить причиненный ущерб. Позиция, занятая королем в этом конфликте, свидетельствовала о его стремлении установить тесные дружественные отношения с Венецией, которой, видимо, уже тогда отводилось важное место в его политических планах. Дож Петр II Орсеоло, со своей стороны, также пошел ему навстречу, прислав в Верону своего сына, который там был с почетом встречен и по совершении обряда конфирмации получил, в знак тесного союза между Империей и Венецией, имя своего крестного — Оттон. Так могущественный торговый город был связан с домом Оттонов узами «духовного родства» — типичное средство византийской дипломатии, благодаря императрице Феофано воспринятое и при германском дворе.

Пребывание Оттона III в Вероне омрачилось массовым побоищем, возникшим по неизвестной причине между его войском и местными жителями. При этом погибло много немцев,

и среди них некий знатный юноша из свиты короля, возможно, его близкий друг, по имени Карл. Веронцев от неминуемого возмездия спас епископ города Отберт, вымоливший прощение у Оттона III. Этот инцидент можно считать симптоматичным для настроений, царивших среди итальянцев: под внешней лояльностью таилось глубинное раздражение, готовое в любой момент прорваться наружу. Непредвиденное и весьма нежелательное кровопролитие, с которого начался первый итальянский поход Оттона III, словно предвещало грядущую катастрофу, крушение замыслов и скорую гибель.

В Вероне же Оттон III провел судебное заседание, на котором было вынесено решение по конфликту между Венецией и епископом Беллунским: территория торговой республики восстанавливалась в прежних границах, а епископ, в случае несоблюдения решения, приговаривался к уплате штрафа в размере 100 фунтов серебра. Кроме того, спорную территорию король брал под свою защиту, и впредь любое посягательство на нее каралось штрафом в размере 2 тысяч фунтов золота. Забота о территориальной целостности Венецианской республики, проявленная Оттоном III, выказывала его чрезвычайную заинтересованность в дружественных отношениях с ней. Этот интерес к Венеции Оттон III обнаружит диковинным, воистину парадоксальным образом в последний год своей жизни, но причины столь неодолимого влечения к ней так и останутся скрытыми от всех. Возможно, их знала его мать, императрица Феофано, неразгаданной унесшая эту тайну с собой в могилу.

В начале апреля король покинул Верону и через Брешию, где к нему присоединился епископ Брешианский Адальберт, направился в Павию, заняв там дворец, некогда построенный королем Теодорихом, разрушенный злосчастным маркграфом Беренгаром и восстановленный по распоряжению Оттона I. На Пасху (12 апреля) итальянская знать, собравшаяся в Павии, еще раз принесла присягу на верность своему подростку-королю, которому она уже присягала, когда тот был ребенком. Эта повторная присяга служила демонстрацией признания От-

тона III законным королем, коронация и помазание которого состоялись более десяти лет тому назад в Ахене, но который в этом своем качестве впервые появился в Италии. Как раз во время этих торжеств принесли весть о смерти папы Иоанна XV. Крешенций, в свое время изгнавший его из Рима, узнав, что Оттон III направляется с войском в Италию, попытался, дабы упредить этот нацеленный против него союз обеих универсальных властей, полюбовно уладить конфликт, возвратив гонимого папу в его резиденцию, но тот своей скоропостижной смертью спутал все его планы. Тогда патриций предпринял еще одну попытку задобрить короля: когда тот был на пути в Равенну, выбрав наиболее удобный в то время водный путь по реке По, ему навстречу вышли послы из Рима, просившие его назвать кандидатуру нового папы. Ни папская курия, ни группировка Крешенция не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы действовать самостоятельно, на свой страх и риск.

Таким образом, при дворе Оттона III, а не среди римского духовенства созрело решение, кому занять освободившийся престол Св. Петра. В окружении короля хорошо понимали, какими последствиями чревато выдвижение очередного папы из среды римских группировок, поэтому остановили свой выбор на человеке, никак не связанном с Римом — немце, самом знатном члене королевской капеллы, представителе Саксонского дома, сыне двоюродного брата короля, Бруно Каринтийском, правнуке Оттона Великого. Оттон III поручил эрцканцлеру Виллигису и канцлеру Хильдибальду, епископу Вормсскому, сопровождать его в Рим. Там, дабы соблюсти приличия, состоялась процедура формального избрания — разумеется, единогласного, после чего Бруно был 3 мая 996 года рукоположен в сан под именем Григория V. Это был первый немец на папском престоле, а новое имя, выбранное в честь Григория Великого (590–604), должно было восприниматься как программное заявление.

Тем временем Оттон III в Равенне, в окружении епископов, в том числе и итальянских, в духе традиционной оттоновской политики вершил суд над представителями светской знати, незаконно присвоившими церковное имущество, а также в очередной раз проявил свою благосклонность венецианскому посольству, удовлетворив просьбу дожа Петра II Орсеоло о предоставлении портовых и рыночных привилегий. Лишь получив известие об избрании и рукоположении Бруно в качестве папы римского Григория V, Оттон III отправился из Равенны в Рим.

О его прибытии и последовавшей затем коронации мы можем судить по описаниям, составленным, вероятнее всего, очевидцами происходивших событий. Иоанн Канапарий, автор жития св. Адальберта Пражского, являвшийся в то время монахом монастыря Св. Бонифация и Алексия на Авентине, передал собственные впечатления от увиденного, отметив, что прибывшего короля великолепно встретили «по римскому обычаю» и тот в обстановке всеобщей великой радости обрел императорское достоинство, чему радовались вместе со знатью и простые горожане, угнетенные бедняки и вдовы, в надежде на правосудие со стороны новых императора и папы. Из этого описания явствует, что автор хорошо знал римские порядки, видимо, будучи римлянином по рождению: в словах о великолепной встрече короля «по римскому обычаю» звучит гордость за свой город. Ликование бедняков было вызвано, видимо, не столько надеждами на праведный суд, сколько обычными в таких случаях щедрыми раздачами денег. Сообщалось и об изъявлении римской знатью своей преданности Оттону III — другой вопрос, искренней или показной; мы знаем об изменах римлян императору, однако во время коронационных торжеств, в обстановке большого праздника они могли ликовать и веселиться, не тая умысла.

И автор так называемого немецкого жизнеописания св. Адальберта, Бруно Кверфуртский, тогда был в Риме в качестве члена королевской капеллы или же монаха упомянуто-

го монастыря Св. Бонифация и Алексия. В его кратком сообщении об императорской коронации также ощущается личное впечатление от увиденного. Общее настроение воодушевления и восторга в обстановке большого праздника выразилось прежде всего в словах о преисполненных доброй воли помыслах императора, благословленного папой Григорием V под громкое пение народом «Кирие элейсон» (в переводе с греческого «Господи, помилуй»), и о просветленном выражении его лица. После коронации Оттон III облачился в роскошную мантию, на которой были вышиты или вытканы картины из Апокалипсиса и которую он по окончании коронационных торжеств подарил монастырю Св. Бонифация и Алексия. Эту роскошную мантию Оттон III получил от венецианского дожа Петра II Орсеоло. Несмотря на пожелание императора, чтобы мантия вечно хранилась в монастыре, вскоре после его смерти корыстолюбивый аббат продал ее за хорошие деньги. Возможно, это дарение предназначалось лично епископу Адальберту Пражскому, который в то время находился в монастыре и с которым Оттон III неоднократно встречался во время своего пребывания в Риме в 996 году. Их дружеское общение не ограничивалось религиозными беседами: обсуждались также миссионерская деятельность среди язычников и расширение «Христианской империи» на Восток. Монастырю Св. Бонифация и Алексия на Авентине отводилась важная роль в рамках задуманного Оттоном III «Возрождения империи римлян» — как центру подготовки священников для обращенных в христианство славянских стран. Именно влияние со стороны Адальберта послужило одной из причин отчуждения, наметившегося уже в 996 году между Оттоном III и Виллигисом Майнцским, отстаивавшим традиционные права имперской церкви, которым угрожали новые представления о взаимоотношениях Империи с восточными соседями.

Обряд помазания и коронации Оттона III, совершенный папой Григорием V, состоялся 21 мая 996 года, в праздник Вознесения Христова. «И возрадовались, издавая возгласы одоб-

рения, не только римляне, но и народы всей Европы», — написал восторженный анналист; впрочем, за этой фразой может скрываться и реальное содержание: не исключено, что имелось в виду участие в аккламации представителей различных европейских стран. Что же касается коронационных торжеств, то они продолжались целых три дня, начавшись 20 мая с великолепной встречи «по римскому обычаю» Оттона III, достигнув своего апогея 21 мая в момент его освящения и коронации, а затем продлившись на третий день, 22 мая.

Вероятнее всего, Оттон III одновременно с обретением императорского достоинства был возведен в ранг римского патриция и фогта римской церкви, хотя, казалось бы, эти звания перекрывались более высоким титулом императора. Однако должности патриция и фогта имели самостоятельное значение наряду с императорским достоинством и предполагали исполнение Оттоном III обязанностей светского главы Рима и, соответственно, защитника римской церкви. Если Карл Великий получил титул патриция еще до императорской коронации в 800 году (он был пожалован папой Стефаном II в 754 году франкскому королю Пипину и его сыновьям), то Оттон III, не желая уступать своим великим предшественникам (как уже упоминалось, Оттон I также обладал этими титулами), стал патрицием и фогтом непосредственно при коронации. Позднее, в 999 году, Оттон III перепоручит должность римского патриция своему доверенному лицу.

Оттон III сразу после коронации принял титул «Оттон благосклонной Божией милостью император римлян август» («*Otto divina favente clementia Romanorum imperator augustus*»), заявив тем самым, что западный император ни в чем не уступает константинопольскому «императору римлян». Весьма знаменательно, что в ближайшие после коронации дни Оттон III выдал две дарственные грамоты, пожалованные «с согласия и по совету присутствовавших епископов и мирян — римлян, франков, баварцев, саксов, эльзасцев, швабов, лотарингцев, а также и самого папы Григория». Помимо того что

папа здесь выступает как бы в тени императора, примечательно, что римляне упоминаются раньше германских племен, в многочисленности которых и заключалось могущество императора. Упоминание римлян на первом месте, а саксов лишь на четвертом, а также римский титул представляли императора в ином свете, нежели при Оттоне II: это уже был не просто германский король, добившийся императорской короны, а собственно римский император, равный по достоинству константинопольскому василевсу — а может быть, и стоящий выше его.

Следующим новшеством явилось подписание 24 мая 996 года Оттоном III, совместно с десятью германскими епископами и по личной просьбе епископов Хильдибальда Вормсского и Нотгера Люттихского, привилегии, пожалованной папой Григорием V женскому монастырю Филлих близ Бонна — подписание собственноручное, полным именем, что может рассматриваться как вмешательство в сферу компетенции папы римского. Вместе с тем Оттон III, подписывая папскую грамоту, словно бы заявлял, что, будучи носителем универсальной светской власти, стоит во главе всего христианского мира наряду с папой римским, обладателем высшего, универсального церковного достоинства.

Факты неопровержимо свидетельствуют о том, что Империя достигла фактического превосходства над папством, всецело зависевшим от защиты со стороны светской власти. Тем не менее как папа, так и император выражали убеждение, что основой для их двусторонних отношений должно служить учение о двух властях: император и папа обязаны дополнять и поддерживать друг друга. Григорий V в письме ахенскому соборному капитулу от 8 февраля 997 года заявлял, что считает справедливым и достойным укреплять власть и честь императора своим отеческим апостолическим авторитетом, воздавая при этом хвалу Богу за все императорские благодеяния в отношении церкви. В свою очередь, Оттон III еще раньше, летом 996 года, заявлял папе о своей особой привязанности к нему,

обусловленной не только кровным родством, но и усердием в почитании Бога.

Демонстрацией единодушия новых императора и папы римского должно было стать помилование Оттоном III по просьбе Григория V, желавшего начать свой понтификат с акта милосердия, Крещения II Номентана, приговоренного судом, проведенным совместно с римлянами, к изгнанию за оскорбление чести и достоинства папы Иоанна XV. Крещения за причинение обиды папе будто бы хотели даже казнить, но по просьбе Григория V оставили в живых.

Но как бы папа и император ни демонстрировали свое взаимопонимание, им не удалось избежать разногласий. Когда по окончании коронационных торжеств в Риме 25 мая 996 года открылся синод под совместным председательством папы и императора, камнем преткновения для них оказался вопрос о папских правах на владение областью к северо-востоку от Рима — Пятиградьем. И вообще Оттон III отказался подтвердить уступки, сделанные папству еще его дедом Оттоном I в 962 году и закрепленные в документе, получившем название «Оттонианум». Хотя папа впоследствии и ссылаясь на упомянутый документ, император отказывался делать из этого желательные для него выводы. Примечательно, что Оттон III не признал и другой предъявленный ему документ — «Константиново установление», более известный под названием «Псевдоконстантинов дар», назвав его фальшивкой (что и было доказано методом филологической критики в XV веке итальянским гуманистом Лоренцо Валла). Основное положение этого документа (власть в Риме принадлежит папе, а не императору) никак не согласовывалось с его представлениями о собственном императорском достоинстве. Оттон III был сильно уязвлен тем, что его ставленник папа Григорий V больше озабочен отстаиванием интересов римской церкви, нежели Римской империи.

Этой размолвкой объясняется краткость пребывания Оттона III в Риме. Уже в начале июня он, сославшись на плохое

самочувствие и нездоровый климат здешних мест, сначала перебрался в горы Умбрии, а в июле отбыл в Германию. Григорий V, не чувствовавший себя в безопасности в Риме, желал, чтобы император подольше оставался в Италии, но тот был непреклонен. Уже перед самым отбытием на родину Оттон III в письме сообщал папе, что поручает обеспечение его безопасности маркграфу Тосканскому Гуго и графу Сполето и Камерино Конраду; последний в качестве императорского легата должен был также управлять восемью спорными графствами Пятиградья, обеспечивая поступление оттуда папе полагающихся податей. Ссылка на нездоровый климат, видимо, была лишь отговоркой. Высказывалось мнение, что Оттон III покинул Италию по настоянию Виллигиса Майнцского, опасавшегося не только за физическое, но и за духовное здоровье своего государя и стремившегося оградить его от влияния римской среды, как только цель похода — императорская коронация и возобновление имперской власти в Италии — была достигнута. Думается, что это мнение ошибочно в двух отношениях: во-первых, к тому времени Виллигис начал утрачивать свое положение первого советника и Оттон III находился в большей степени под влиянием своих новых знакомых — Адальберта Пражского и Герберта Орильякского («римская зараза» успела подействовать); а во-вторых, именно с точки зрения Виллигиса, желавшего, чтобы политика Оттона I и Оттона II в отношении папства была продолжена, цель похода в Рим не могла считаться полностью достигнутой, пока новый император не подтвердил «Оттонианум».

Когда Оттон III покидал Рим, в его свите находились и те два человека, которые начинали оказывать на него решающее влияние — архиепископ Реймский Герберт и епископ Пражский Адальберт. Оба они, испытав притеснения у себя на родине, прибыли в Рим искать правды, но так ничего и не добились. Более того, их даже осудили на синоде, так что их пребывание в ближайшем окружении императора могло выглядеть вызовом папе. Во время непродолжительного пребывания

Оттона III в Риме они произвели на него неизгладимое впечатление — выдающийся ученый Герберт своим интеллектуальным блеском, а смиренно благочестивый аскет Адальберт некой исходившей от него харизмой, задевшей какую-то струну в душе юного императора. Невозможно было найти более различные натуры, олицетворявшие собой два полюса, между которыми отныне проходила жизнь Оттона III. Если Герберт, еще в Италии покинувший императорский двор и возвратившийся в Реймс, начал активно играть свою роль лишь летом 997 года, то Адальберт уже в 996 году, на обратном пути в Германию, зажег императора своими идеями. Это был дух безграничной преданности Богу, полагавший ничтожным всё земное и требовавший готовности всем пожертвовать ради торжества имени Божьего в этом мире. Воспринятые к тому времени Оттоном III идеи возрождения христианского благочестия, зародившиеся в стенах Клунийского монастыря, в результате бесед с Адальбертом переросли в нем в благочестивый энтузиазм, хотя сам он тогда и не помышлял удалиться от мира.

Если не принимать во внимание молчаливый отказ от Южной Италии, то могло создаться впечатление, что оттоновская политика при самом младшем и неопытном представителе династии достигла своего наибольшего успеха. Еще не бывало, чтобы на престол Св. Петра воссел немец, к тому же близкий родственник императора, сам юноша, который, при всей своей одаренности и образованности, мог достичь таких высот только благодаря тесным связям с германским королевским двором. Папским престолом распорядились как простым немецким епископством, обеспечив избрание доверенного человека из королевской капеллы. Возведя в достоинство папы римского родственника Оттона III, словно бы хотели приучить мир к мысли, что папский престол следует рассматривать как фамильную собственность императорской династии, а не как независимую власть. Целью было полное подчинение папства, включение его в структуру имперской церкви.

Если бы не разлад с папой Григорием V, вызванный различным пониманием целей имперской политики в отношении церкви, Оттон III мог бы возвращаться в Германию с сознанием исполненного долга, поскольку главное, ради чего он прибыл в Италию, было достигнуто — обретено императорское достоинство и восстановлена власть императора на территории к югу от Альп, еще при его деде ставшей составной частью Империи. Благодаря назначению немца Хериберта на должность итальянского канцлера и возведению на папский престол Бруно Каринтийского, представителя правившей в Германии Саксонской династии, более отчетливые очертания приобрела тенденция к слиянию Германии и Италии в единую Империю, к чему стремился еще Оттон II, добиваясь на рейхстаге в Вероне в 983 году избрания итальянской и немецкой знатью своего трехлетнего сына королем обеих стран, и что было фактически реализовано, когда в Павии итальянские магнаты присягнули на верность своему повзрослевшему королю, приступившему к самостоятельному правлению. Успешное завершение первого итальянского похода знаменовало собой и удачное окончание первого периода царствования Оттона III.

ЗАМЫСЕЛ «ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Переворот в Риме

Опасения Григория V, связанные с преждевременным, как ему казалось, уходом императора из Италии, очень быстро оправдались. Едва успел Оттон III покинуть вместе с немецким войском пределы страны, как Крешенций лишил папу всего имущества и изгнал из Рима. Возможно, Крешенций, сумевший в короткий срок после ухода Оттона III из Италии восстановить свое властное положение в Риме, воспользовался тем, что Григорий V отлучился из города, чтобы не пустить его обратно. По свидетельству современников, между папой, слишком решительно принявшимся проводить политику в духе клунийской реформы, но уличенным в получении взяток, и

римлянами будто бы возник конфликт. Однако сразу же стало ясно, что действия Крешенция направлены не только против папы, но и против императора, судя по тому, что его уполномоченные лица, легаты, были взяты под стражу. Григорий V обратился за помощью к графу Конраду, правителю Сполето, которому Оттон III и поручил его защищать и дважды пытался силой вернуть себе престол Св. Петра, воюя с римлянами. Не добившись успеха в этом, он решил дожидаться помощи от императора.

В том, как развивались последующие события, нерасторжимо переплелись закономерность, случайность и ложные упования. Конфликты пап с римской знатью стали почти что обычным делом и уже никого не удивляли. Но на сей раз случилось так, что вскоре после отъезда императора из Рима и изгнания оттуда Григория V в Рим возвратилось посольство во главе с Иоанном Филагатом, еще в 995 году направленное в Константинополь за невестой для Оттона III. Германское посольство было благосклонно встречено на Босфоре, и Иоанн вернулся в сопровождении греческих послов, которые должны были продолжить переговоры. Его спутник, епископ Вюрцбургский Бернвард, вместе со множеством других членов посольства умер в Византии от какой-то болезни. Если бы Оттон III встретился с послами в Риме, дальнейшее развитие событий наверняка складывалось бы самым благоприятным для него образом. Но в Риме в тот момент не было ни императора, ни папы, и против них созрел заговор, инициаторами которого выступили упомянутый Крешенций и, вероятнее всего, глава византийского посольства Леон, увидевший хорошую возможность для усиления влияния Константинополя в Италии.

Очевидно, рассчитывая на поддержку со стороны Византии, Крешенций в середине февраля 997 года провозгласил Иоанна Филагата папой под именем Иоанна XVI. Крешенций использовал престарелого грека как средство для достижения своих политических целей, но, разумеется, для самого Иоанна Филагата не было ни малейшей необходимости слепо следовать

требованиям Крешенция. Он мог бы и отказаться, однако тщеславие оказалось сильнее его, и он не устоял перед соблазном узурпировать папский престол. Филагат, столь много обязанный правящему дому Германии, пошел на предательство, видимо, полагая, что Оттон III не будет отстаивать Григория V, с которым, как все знали, у него сложились натянутые отношения, а предпочтет его, своего старого учителя. Не исключено, что и у Крешенция создалось ложное представление о недавних событиях в Риме, в частности, о самом императоре, показавшемся ему слабым юнцом, склонным к мечтательности и религиозной экзальтации. Не вполне ясна роль византийского посла Леона. Он действовал, видимо, без предварительных инструкций, исходя из сложившейся ситуации, но в интересах Византии, ради восстановления в Риме власти василевса. В этом отчетливо проявилось стремление Византийской империи восстановить Римскую империю, только не так, как представляли себе это восстановление Карл Великий, Оттон I и его преемники на германском престоле.

О том, что византийский посол надеялся привлечь василевса на сторону мятежников и что римский вопрос таким образом мог привести к европейскому конфликту, при дворе Оттона III тогда не имели представления. Там были столь мало осведомлены о закулисной возне византийской дипломатии, что Леон не побоялся даже прибыть к Оттону III в Ахен, чтобы наконец выполнить свое дипломатическое поручение. Высказывалось предположение, что Леон к тому времени полностью изменил свое отношение к антипапе и потому призывал Оттона III скорее прибыть в Италию для борьбы против Крешенция, но эта документально не подкреплённая версия представляется малоубедительной. Надо думать, ближе к истине другое мнение, согласно которому Леон продолжал интриговать, ведя двойную игру. Его целью было затянуть переговоры о сватовстве, поскольку василевс, сознавая необходимость обеспечения безопасности своих южноитальянских владений, стремился избежать открытого разрыва. Своим уклончивым ответом ви-

зантийский дипломат вызвал недовольство Оттона III и потому после весьма холодного приема был отпущен без выражения милости. На антипапу это подействовало отрезвляюще, и он хотел было отказаться от незаконных притязаний на папский престол, но уступил непреклонной воле Крешенция, продолжая покорно двигаться навстречу ждавшим его мучениям и позору.

Тем временем влияние Крешенция едва ли распространялось дальше Рима и его ближайшей округи. Еще важнее было то, что вся церковь оставалась на стороне законного папы Григория V, который в ожидании помощи от императора провел в начале февраля синод в Павии с участием архиепископов Равеннского и Миланского и ряда епископов. В повестке наряду со многими важными вопросами значилось и обсуждение переворота, совершенного в Риме Крешенцием, которого объявили «грабителем римской церкви» и подвергли отлучению. Спустя некоторое время в Павию пришла весть о провозглашении Иоанна Филагата папой Иоанном XVI, и Григорий V по согласованию с находившимися с ним прелатами отлучил его от церкви как узурпатора папского престола. Епископство Пьяченца, в свое время отторгнутое по решению папы Иоанна XV от Равеннского архиепископства и возведенное ради Иоанна Филагата в ранг архиепископства, Григорий V возвратил в его прежнее состояние, то есть подчинил архиепископу Равеннскому.

Новые веяния и новые проблемы

В то время как в Италии происходили эти драматические события, вернувшийся в Германию Оттон III переживал глубокую эволюцию в своем умонастроении. Именно тогда впервые обнаруживается влияние Герберта Орильякского на его политику. Еще в декабре 996 года император направил ему приглашение прибыть ко двору, дабы преподавать ему латинский и греческий языки и науки, прежде всего философию, а также быть его советником по политическим вопросам. Герберт должен был, как говорилось в письме, изгонять из Отто-

на III «саксонскую грубость» и развивать его склонность к греческой утонченности. Именно это пожелание позднее и современники, и далекие потомки не раз припомнят Оттону III, упрекая его в пренебрежительном отношении к родным обычаям и в преклонении перед чужими порядками.

Герберт с готовностью сообщил о своем согласии, дав заодно политический совет: Оттон III, по его мнению, нуждался не только в греческой, но и в римской мудрости, поскольку хотя он и грек по рождению, однако его империя — Римская. Классическое римское наследие надлежало культивировать в пику Византии. Еще определеннее говорилось в другом письме: Греция (читай: Византия) не должна единолично претендовать на философскую мудрость и римскую власть, ибо, с энтузиазмом настаивал Герберт, «нам, нам принадлежит Римская империя», которой отдают свои силы Италия, Галлия и Германия, а также страны «скифов», под коими подразумевались венгры или славяне или те и другие. Перечень представленных здесь стран или провинций расширяет каролингскую триаду «Италия — Галлия — Германия», входившую в состав империи Карла Великого, за счет четвертого члена — «Скифии». В этом уже просматриваются очертания имперской идеи Оттона III.

Император, учителями которого были Бернвард, епископ Хильдесхаймский, и Иоанн Филагат и который сам, благодаря усвоенному от матери знанию греческого языка, превосходил ученостью многих ученых того времени, просил Герберта об ознакомлении с произведениями Боэция. Одна из тем, которые тогда разбирал Герберт со своим учеником, была изложена им письменно, благодаря чему мы имеем доказательство, что Оттону III были доступны самые тонкие проблемы философии того времени. В лице Герберта император познакомился не только с философом-новатором (в «Верденских анналах» говорится о Герберте: «Он обновил философскую мудрость и считался у латинян вторым после Боэция»), математиком, астрономом и механиком, но также и с человеком, которому

больше, чем кому-либо из его современников, был близок дух античности, ставшей неотъемлемой частью его жизни. Это отчетливо явствует даже из стиля его писем, отличающегося лаконичностью, отказом от ненужного нагромождения слов, экономностью выразительных средств, стремлением ограничиваться классической лексикой.

Примечательно, сколь глубоко проникся Герберт, несмотря на всю свою укорененность в христианской традиции, духом античных образцов. Нравственным критерием для него являлись не христианские понятия добра и зла, а античная добродетель, нерасторжимо сочетавшая в себе добропорядочность, нравственность и красоту. В наихудшие моменты своей жизни он обращался не к Библии и не к трудам отцов церкви, а к философии. То, что он, подобно Боэцию, искал утешения в философии, в его время не было чем-то из ряда вон выходящим, но чем он действительно выделялся среди своих современников, так это стремлением, как он сам признавался, следовать наставлениям Цицерона.

Однако обязанности Герберта, ставшего наставником императора, не ограничивались истолкованием ему Боэция — вскоре он стал его политическим советником, помогая ему находить нужные средства во взаимоотношениях с Римом и Византией.

Наряду с Гербертом следует упомянуть еще одного советника императора, приобретшего влияние на него в том же 997 году — Льва, позднее ставшего епископом Верчелли, который также многое сделал, чтобы открыть Оттону III мир античности. Место его рождения неизвестно, однако считается, что он был итальянцем. Француз Герберт и итальянец Лев, искавшие в античности источник своих идей, хорошо дополняли друг друга на службе у императора.

Во время пребывания Оттона III в Германии к нему прибывали посланцы из Италии, сообщавшие обо всем происходившем там. В марте 997 года в Ахене при императорском дворе появился папский легат Лев, аббат римского монастыря

Св. Бонифация и Алексия на Авентине, который передал решения собора, проходившего в начале февраля в Павии, и сообщение о провозглашении Иоанна Филагата антипапой. Император, весьма огорченный действиями своего бывшего учителя, отобрал у него монастырь Нонантола и отдал его под управление упомянутого Льва. Через своего легата папа Григорий V торопил Оттона III с прибытием в Италию для водворения порядка. В то время мятежом был охвачен не только Рим. Маркграф Иврей Ардуин поднял в феврале 997 года восстание против Петра, епископа Верчелли, сторонника Империи и оттоновского господства в Италии. Волнения продолжались несколько недель, а сам епископ Петр был убит Ардуином, велевшим сжечь его тело.

Однако Оттон III не спешил в очередной раз отправиться за Альпы, наметив на лето 997 года военный поход против полабских славян, давно тревоживших своими нападениями восточные рубежи Саксонии. Подобный образ действий императора давал историкам обильную пищу для размышлений, порождая множество догадок: не считал ли он положение в Италии не столь уж опасным, соответственно, не усматривая большого вреда для себя даже в действиях Крешенция, чтобы спешить туда для наведения порядка, полагая более серьезной обстановку на Востоке? Или же хотел, чтобы Григорий V подольше оставался один на один со своими проблемами, дабы впредь он был более сговорчивым? К сожалению, эти, равно как и многие другие предположения ввиду отсутствия документальных свидетельств так и остаются всего лишь догадками.

И все же, если перейти от догадок к фактам, следует отметить, что Крешенций, затеяв мятеж, явно просчитался, неверно оценив ситуацию и сильно недооценив Оттона III, которого не так-то легко было заставить отказаться от своих намерений. Если император и не реагировал незамедлительно, то вовсе не потому, что смирился с совершенным в Италии переворотом. Лето 997 года он провел, отбивая наступление полабских сла-

вян, и лишь водворив мир на восточных рубежах государства, отправился в свой второй поход за Альпы, дабы восстановить порядок и в южной части Империи.

Горе побежденным

За время между первым и вторым итальянскими походами, с сентября 996 года по декабрь 997 года, произошли важные перемены в окружении Оттона III. Это касается прежде всего его отчуждения от своего прежде главного государственного советника, Виллигиса, архиепископа Майнцского, и сестры Софии, также пользовавшейся влиянием на принятие важнейших решений. В дарственных грамотах 993–997 годов София 14 раз упоминалась в качестве лица, ходатайствовавшего перед императором. Еще сильнее сказывалось влияние Виллигиса, который с 983 по 991 год 20 раз упоминался в этом качестве в дипломах Оттона III, а после смерти императрицы Феофано, с 991-го до осени 997 года, даже 38 раз. В октябре — ноябре 997 года эта деятельность Виллигиса и Софии при дворе Оттона III прекращается. Не было их и среди тех, кто сопровождал императора в его втором итальянском походе.

Что касается самой Германии, то и там поход 997 года Оттона III в Италию знаменовал собой начало перемен: в конце ноября, еще находясь в Ахене, он поручил управление Германией на время своего отсутствия собственной тетке, аббатисе Кведлинбургской Матильде, получившей при этом титул «матриция» («*matricia*»), по аналогии с титулом «патриций» («*patricius*») — даже в этом нашла свое выражение новая идея Римской империи, которую вскоре начнет воплощать Оттон III. Один из летописцев того времени, составитель «Хильдесхаймских анналов», словно бы оправдывая это решение, говорит, что Матильда отличалась необычайным для женщины умом, выражая тем самым в завуалированном виде мнение о ее заведомой неполноценности в должности правительницы королевства по сравнению, например, с архиепископом Майнцским, эрцканцлером Германии, значительно превосходившим ее и по своему положению на иерархической лестни-

це (архиепископ — аббатиса). Назначение Матильды на столь высокий пост воспринималось современниками как еще одно проявление пренебрежительного отношения Оттона III к отечеству. В действительности же аббатиса Матильда в роли правительницы Германии вполне вписывалась в его новую концепцию возрождения Римской империи: Германия, которой при Оттоне I всегда отдавалось предпочтение перед другими подвластными территориями, низводилась до положения одной из составных, не имеющих особых привилегий, частей Империи, центр которой перемещался на юг, в Италию.

В декабре 997 года Оттон III во главе большого войска и в сопровождении герцогов Генриха Баварского и Отто Каринтийского прибыл через альпийский перевал Бреннер в Ломбардию. В Тренто его встречал верный Гуго Тосканский. Следующая остановка была сделана в Павии, где императора уже ждал папа Григорий V, лично доложивший ему о положении дел в Италии. В Павии же Оттон III праздновал Рождество 997 года и оставался до середины января 998 года. Там он совещался с бывшими при нем немецкими и итальянскими магнатами о предстоящих действиях в отношении узурпаторов — антипапы и Крешенция. Во второй половине января Оттон III продолжил путь через Кремону в Феррару, где его ожидал по вызову сын венецианского дожа, его крестник. Затем они поплыли вместе на великолепном венецианском корабле в Равенну, где император дал распоряжение итальянскому канцлеру Хериберту заняться, как сообщается в жизнеописании упомянутого канцлера, будущего архиепископа Кёльнского, установлением порядка в Равеннском экзархате. Эта несколько туманная фраза из источника позволяет предположить, что беспорядки в Риме и Верчелли отозвались и в Равенне.

Когда в середине февраля 998 года император, получив подкрепление и от своих итальянских вассалов, подошел к Риму, город не оказал ему ни малейшего сопротивления. Антипапа бежал, но был схвачен воинами Оттона III, которые, видимо, самовольно (во всяком случае, в анналах вся ответственность

за надругательство над Филагатом возлагается на них) выкололи ему глаза и отрезали уши, нос и язык, остригли, а затем заперли в одном из монастырей в Риме. На специально созванном в Риме синоде осудили его и объявили о его смещении. Вест о несчастной участи Иоанна Филагата быстро разнеслась, достигнув и кельи знаменитого в то время отшельника Нила, заставив его отправиться в Рим. Оттон III и Григорий V вышли навстречу 88-летнему (а по другим сведениям, даже 99-летнему) старцу, с почетом ввели его в Латеран, посадили между собой и облобызали ему руки. Нил просил о помиловании Филагата, чтобы они вместе замаливали в монастыре его грехи. Император соглашался исполнить просьбу отшельника, если тот поселится в Риме в греческом монастыре Св. Анастасия. Однако папа не хотел и слышать о помиловании, желая в полной мере насладиться местью. Он велел на посмешище римлянам и в назидание, дабы другим не повадно было, посадить Иоанна в разорванных одеждах задом наперед на осла, дать ему в руки хвост и в сопровождении герольда возить по улицам города. После пережитых мучений и позора несчастного антипапу отправили в изгнание в Германию, где он прожил еще более десяти лет. Это был уже не первый случай, когда Григорий V действовал вопреки своему родственнику-императору. Оттон III велел передать свои извинения Нилу, но тот обиженный удалился в собственную обитель, оставив в чувствительной душе императора незаживающую рану.

Главный же виновник мятежа, Крешенций, укрылся за стенами замка Святого Ангела, бывшей усыпальницы древнеримского императора Адриана, до того времени считавшейся неприступной цитаделью. Осаду этого замка в течение двух месяцев вели немцы, к которым присоединились и римляне. Вскоре после Пасхи, 28 апреля 998 года, маркграфу Мейсенскому Эккехарду удалось с помощью осадных машин взять цитадель штурмом. Крешенций был схвачен и для устрашения римлян, бунтовавших против императорского величества,

обезглавлен у всех на виду на крыше замка, после чего его труп вверх ногами повесили вместе с двенадцатью его соратниками на виселицах на холме Монте-Марио, с которого открывалась панорама всего Рима и который, соответственно, был виден издалека. Власть Оттона III и Григория V в Риме была восстановлена.

Но еще до окончания борьбы император решил вознаградить своего уважаемого наставника и советника, ставшего и его близким другом — Герберта Орильякского, 25 апреля назначив его архиепископом Равеннским и одновременно подтвердив все прежние права и привилегии экзархата, а также пожаловав в личное пожизненное владение Герберту три графства со всеми городами и правом осуществлять на подвластной территории публичную власть. Папа Григорий V, только что восстановленный в своих правах благодаря помощи со стороны императора, не мог отказать ему в любезности, вручив Герберту знаки архиепископского достоинства и передав ему все права в городе и экзархате, которые со времен Оттона Великого принадлежали римской церкви. На состоявшемся 9 мая 998 года синоде, на котором совместно председательствовали папа и император, Григорий V опять затронул вопрос о привилегиях римской церкви, в частности, о правах на территорию Пятиградья, но Оттон III и на сей раз отказался возратить ее курии, предпочитая продолжить реализацию плана Оттона I, собиравшегося создать на восточном побережье Италии прочный опорный пункт своей власти с центром в Равенне, дабы иметь возможность противодействовать Византии и папским притязаниям.

«Возрождение империи римлян»

За время между первым и вторым итальянскими походами произошли решающие перемены в умонастроении Оттона III. После императорской коронации он покидал Рим с чувством глубокого разочарования. Возведенный им на престол Св. Петра папа не оправдал его надежд, и римская имперская идея на время была вытеснена из его сознания ахенской им-

перской идеей, убежденным сторонником которой в свое время был Карл Великий. Еще Оттон Великий прославлял Ахен как «первейшую королевскую резиденцию по эту сторону Альп», однако лишь Оттон III стал отождествлять трон, стоявший тогда в капелле Св. Марии, с именем Карла Великого, которого он называл своим предшественником, славным императором и в преклонении перед которым с ним не мог сравниться ни один из правителей. В Ахене Оттон III учредил три монастыря, а церковь Св. Марии получила доставленные из Италии реликвии и была осыпана им всевозможными милостями. Ахен стал для него «Новым Римом», как когда-то Византии для Константина Великого.

И все же Оттон III, приступив к реализации грандиозного замысла возрождения Римской империи, решительно отошел от Карла Великого, у которого и заимствовал сам девиз возрождения. Карл после императорской коронации больше не бывал в Риме, стараясь превратить Ахен в свой Рим. Под влиянием Герберта Орильякского у Оттона III зародилась собственная имперская идея, отводившая Ахену второе место после Рима, «главы мира и матери всех церквей». Важную роль в реализации этой идеи сыграл Лев, епископ Верчелли, выдающийся ритор и юрист. В качестве капеллана Оттона III он составлял наиболее важные императорские грамоты и тексты законов. Лев особенно активно поддерживал все большую, начиная со второго римского похода, ориентацию политики Оттона III на Италию. Наконец, неотъемлемым компонентом мировоззрения юного императора стали мистические и строго аскетические религиозные представления, с которыми познакомили его Адальберт, епископ Пражский, а также итальянские пустынники — уже известный нам Нил, а также Ромуальд. У Оттона III эти представления, в сочетании с классической образованностью и убежденностью в происхождении своей власти непосредственно от Бога, и привели к замыслу возрождения Римской империи на христианской основе. Пожалование Матильде, аббатисе Кведлинбургской, титула

«матриция» явилось первым случаем использования Оттоном III римских и греческих титулов, что уже служило выражением его новой политической концепции.

Имперская идея как таковая владела воображением Оттона III с молодых лет. Еще будучи королем, он изображался на печатях по пояс и с державой в руке, что являлось прерогативой императора. После императорской коронации он велел изображать себя стоящим в полный рост, а затем и сидящим на троне. Созданный таким образом тронный тип в качестве так называемой «печати величества» использовался всеми его преемниками. Стали применяться металлические буллы, как при Каролингах и Оттоне Великом. Сначала булла Оттона III имитировала печать Карла Великого: на одной стороне было изображение закованной в латы женской фигуры со щитом и копьем, олицетворявшей собою Рим, а на другой — государь во цвете лет с бородой и короной. Оттону III тогда было всего лишь 18 лет, но это не имело значения, поскольку портрет должен был напоминать самого Карла. Вокруг женской фигуры на лицевой стороне шла надпись: «Возрождение империи римлян». Девиз Карла Великого «Возрождение Римской империи», несомненно, послуживший образцом, был характерным образом изменен перенесением акцента на слово «римлян». Равенство составных элементов каролингской триады «Италия — Галлия — Германия» нарушалось в пользу Рима и римлян, коим идея возрождения, завладевшая сознанием Оттона III, отводила центральное место.

После подавления мятежа Крешенция император более трех месяцев оставался в Риме. Все соперники и враги низвергнутого патриция были естественными союзниками Оттона III, а прочие перешли на его сторону в надежде извлечь из этого выгоду. Император и папа собирали своих сторонников, с помощью которых они могли господствовать. Снова возвысился род, некогда оттесненный Крешенциями от власти в Риме, — Тускуланцы, состоявшие в родстве с печально знаменитым папой Иоанном XII. Теперь они вновь стали ведущим семей-

ством Рима. Граф Тускуланский Григорий и его сын Альберик поступили на папскую и императорскую службу. Эти римские господа восхищались славным прошлым Рима, жаждали титулов и должностей своих предков, мечтали о возрождении «золотого Рима», главы мира, во всей его мощи и величии. Теперь, будучи приближенными к императору, они, казалось, были близки к достижению и своей цели. Император, от которого зависело исполнение их надежд, превратился из карателя мятежников в почитателя Рима.

Оттон III, восхищавшийся Боэцием ученик Герберта Орильякского, внутренне уже был готов поддаться обаянию Рима. Однако любовь императора к Риму, о которой с осуждением писали современные ему авторы, могла развиться лишь после того, как более длительное пребывание дало ему возможность узнать, как много в этом городе свидетельств бывшего величия Древней Римской империи. Не приходится удивляться тому, что Рим произвел на юного восприимчивого императора сильное впечатление — не меньшее, чем на его учителя, Бернварда Хильдесхаймского, в качестве его гостя посетившего город в 1001 году. Римские триумфальные колонны послужили образцом для сооружения бронзовой колонны в его кафедральном Хильдесхаймском соборе, так называемой колонны Бернварда, шедевра немецкого искусства периода оттоновского возрождения. Не следует забывать и того, что в Риме было много больше, чем где бы то ни было еще, святых мест и реликвий, напоминавших о временах борьбы за христианскую веру. И этот мир привлекал к себе Оттона III, находившегося под впечатлением от слов св. Адальберта и от вести о настигшей его 23 апреля 997 года мученической смерти в качестве миссионера среди язычников-пруссов.

Эти многосторонние связи Оттона III с Римом сближали его с римлянами, в свою очередь искавшими, по различным мотивам, подход к нему. Что еще год назад казалось немыслимым, то в 998 году стало реальностью: император и римляне вступили в тесный союз, к которому принадлежал и папа в качест-

ве ближайшего союзника императора. Непосредственным практическим следствием любви императора к Риму стало то, что, в отличие от своих предшественников, он устроил там постоянную резиденцию. Тем самым осуществилось главное в его надеждах на возрождение Империи: Рим снова стал резиденцией императора, столицей, «главой мира», правда, как вскоре заметили и сами римляне, не совсем в том смысле, как они представляли себе возврат к порядкам античных времен.

Таким образом, был сделан первый шаг на пути «возрождения империи римлян». Вместе с тем решение Оттона III устроить в Риме свою резиденцию имело целью и самоутверждение перед византийским императором, желание показать себя правителем, равновеликим ему по рангу. Уже в мае 998 года в дарственных грамотах Оттона III появляется указание, что они составлены «в Риме, во дворце». Из других источников мы узнаем, что императорский дворец располагался на Авентине, который современники прославляли за его красивые постройки и хороший воздух. В одном из стоявших там зданий Оттон III, очевидно, и устроил свою резиденцию, в окружении церквей и монастырей, которых на Авентине было особенно много.

Возродив этот обычай древних римских императоров, Оттон III поступил вопреки укоренившемуся к тому времени мнению, что Рим является городом апостолов. Даже в его ближайшем окружении раздавались голоса недовольных тем, что он поселился там, где был «приют апостолов». И вообще представления римской церкви противоречило то, чтобы император жил в Риме, чтобы земной правитель осуществлял свою власть там, где небесный повелитель поместил главу христианской церкви. Пренебрегая этими возражениями, Оттон III демонстративно проигнорировал принципы так называемого «Константинова дара», который спустя два года он открыто объявит фальшивкой. Очевидно, он пришел к этому убеждению уже тогда, когда выбрал место своей резиденции.

Возрождение древнеримских учреждений и обычаев включало в себя и придворную жизнь. Символическую и культовую репрезентацию императорской власти Оттон III не изменил. Здесь, как и по многим другим важным аспектам, юный император скорее продолжил традицию своего дома. Не прослеживаются изменения ни порядка коронации, ни императорского облачения или инсигний. Появление длинного жезла на иллюстрациях и печатях Оттона III, несомненно, обусловлено влиянием античных образцов. Изменения могли происходить лишь вне церковной сферы и в масштабах, не затрагивавших существо прежнего обычая. Так, по особенно торжественным случаям Оттон III появлялся, дабы продемонстрировать свое высокое положение самодержавного государя, в розовой, затканной золотыми орлами далматике и в башмаках, украшенных изображениями орлов, драконов и львов — царственных зверей, символизировавших собой королевско-императорскую власть.

Титмар Мерзебургский рассказывает о возрождении Оттоном III старинного, почти забытого обычая римлян: «Он сидел один на возвышении за столом, изготовленным в форме полукруга». Это могло происходить лишь по торжественным случаям, ибо другие авторы свидетельствуют о более простом общении императора со своими друзьями, чаще всего служившими ему и наиболее доверенными советниками (с одним из своих друзей, с Таммо, братом епископа Хильдесхаймского Бернварда, Оттон III, как рассказывает современный хронист, был столь близок, что они часто за столом ели из одного блюда). Это была, таким образом, символическая трапеза, которую Оттон III совершал по торжественным случаям обособленно от своих подданных. Какова была идейная подоплека этой церемонии? Здесь речь также идет об одном из элементов «возрождения империи римлян», древнеримском обычае использования полукруглого стола, называвшегося сигмой. Правда, Оттон III в своем следовании обычаю древних не зашел столь далеко, чтобы возлежать за столом, как это делал, например,

византийский император со своими придворными по определенным торжественным случаям. Оттон III использовал сигму, чтобы возвыситься над прочими участниками застолья, продемонстрировать свое чрезвычайно высокое императорское достоинство — неслыханное дело при оттоновском дворе, еще не выдавшем столь резкого обособления короля от окружавшей его знати. Из слов Титмара Мерзебургского можно понять, что это новшество вызвало возмущение, поскольку было несовместимо ни с германскими, ни с христианскими представлениями о правителе. Впрочем, осторожный в своих высказываниях Титмар и здесь употребил весьма обтекаемую формулировку, говоря, что желание императора возродить полузабытые римские обычаи «разные люди воспринимали по-разному».

Аналогичная картина, как и при организации двора, рисуется при рассмотрении практических последствий союза императора с римлянами. Это касается новых или возобновленных высших должностей, с помощью которых Оттон III пытался привязать к себе римскую знать. Тем самым он шел навстречу их традициям и личным амбициям, но вместе с тем использовал эту возможность для усиления собственного влияния в Риме. Придворный штат Оттона III привлекал к себе особое внимание исследователей. Вопросу о придворных должностях придавали большое значение при оценке его личности: именно из-за них упрекали его в слепом подражании византийским порядкам, в склонности предаваться фантазиям. В «византийском дворе» Оттона III не видели ничего, кроме маскарада, фантазии и игры в титулы. Во введении им римских и византийских должностей усматривалась лишь показная помпезность, навеянная влиянием его матери Феофано. Какова же была в действительности связь вновь созданных Оттоном III должностей с идеей «восстановления империи римлян»? Чтобы понять это, следует обратиться к должностям, упоминавшимся в официальных документах.

Прежде всего это должность «префекта города», относительно которой одно время предполагали, что ее ввел Оттон III, сделав префекта своим чиновником. Однако еще с 993 года исполнял обязанности префекта города некий Иоанн, переживший Оттона III, так что о замещении этой должности императором не может быть речи. Застав в Риме папского префекта, осуществлявшего светское управление городом, император просто привлек его на свою службу: известно, что префект города оглашал императорские судебные распоряжения. Поскольку же в суде префект заседал рядом с папой, нет оснований предполагать, что император изменил его функции. Остается лишь вопрос: не изменились ли его фактические властные полномочия во время Оттона III? Видимо, изменились, что подтверждается грамотой, в которой говорится, что префект Иоанн дважды в качестве императорского посланца передавал аббату одного из римских монастырей приглашение в императорский суд. Наряду с папским титулом префект с 998 года имел и титул «дворцового графа», поэтому служба его, видимо, была аналогична обязанностям пфальцграфа, находившегося в Павии и замещавшего императора в судах Италии. Это значит, что префект города помимо своей папской должности, очевидно, исполнял еще и новую императорскую должность, отвечавшую итальянско-германской традиции, а это означает, что император старался не ущемлять прав папы в Риме — по крайней мере формально. Таким образом, и здесь возрождение античности сочеталось с осмотрительным сохранением традиции. Можно предположить, что Оттон III наделил префекта города судебными полномочиями, в результате чего тот получил назначение как от папы, так и от императора, однако при этом границы между императорской и папской сферами не стерлись. Если это предположение верно, то становится понятно, как могли император и папа мирно сосуществовать в Риме.

Существовала при Оттоне III и должность префекта флота. Само по себе это обнаруживает намерение Оттона III создать

собственный флот, необходимый ему для исполнения замысла о покорении Южной Италии, и прежде всего Сицилии. Вместе с тем должность префекта флота, введенная Оттоном III, кое-кому из историков казалась просто смешной, поскольку тогда у императора не было ни одного корабля. И все же достоверно известно, что префект флота участвовал в заседаниях императорского суда, где присутствовали также папские чиновники, а папа направлял обладателя этой должности в качестве своего посланника к Оттону III. Значит, должность префекта флота, название которой в известной мере соотносится с «префектом города», исполнявшим свою должность на папской службе, по всей видимости, занимал папский чиновник, в обязанность которого могли входить надзор за римской гаванью и обеспечение подвоза всего необходимого в Рим водным транспортом по Тибру. Во всяком случае, эта должность придавала ее обладателю авторитет, иначе Григорий, глава упомянутого знатного Тускуланского рода, не довольствовался бы ею.

Относительно двух других должностных лиц, «начальника императорской милиции» и «начальника императорского дворца», можно с уверенностью сказать, что они состояли на императорской службе. Вторая должность, несомненно, была введена Оттоном III, поскольку до него она не упоминается. Очевидно, ее введение было продиктовано практическими потребностями после устройства в Риме императорского дворца. Заботы по управлению императорской резиденцией в Риме были возложены, как упоминается в документе, на «Альберика, сына Григория», то есть сына графа Тускуланского. Обладатель должности «начальника императорской милиции» именовался также «консулом и герцогом». Должность начальника войска существовала еще в Древнем Риме, а во времена, предшествовавшие появлению Священной Римской империи, под его командованием находилось городское ополчение. Теперь Оттон III, возрождая древнеримский характер римского городского ополчения, ставил его себе на службу, подобно ополчению из любой другой части Империи. Политический

смысл этой меры состоял в том, что император начинал контролировать организацию, особенно затрагивавшую честолубие римлян, завладел правами, которыми не обладали в Риме его предшественники. Он хотел, чтобы римляне воспринимали возрождение античной должности как новшество, возвышающее их авторитет, но не стесняющее их свобод.

Это же намерение еще отчетливее проявляется во введении Оттоном III должности императорского патриция. И здесь речь идет о продолжении существовавшей традиции. Титул патриция в X веке стал принадлежностью римского градоначальника, и Крешенции обладали им вплоть до их свержения Оттоном III в 998 году. Вопреки представлению о том, что на должность патриция назначает папа, оттоновский патрициат должен был стать возрождением древнеримского патрициата, а патриций — наместником императора. В соответствии с этим новым пониманием патрициата Оттон III назначил преемником Крешенция на должности римского патриция некоего Циацо, которого в одной из грамот называет своим «любимым верным человеком» и которого современники именовали «его» (то есть императора) «патрицием». Трудно сказать что-либо определенное о сфере его компетенции, прежде всего о том, как он исполнял свои функции наряду или совместно с префектом города. Судя по тому, что первое упоминание о патриции относится к 1000 году, назначение на эту должность не было в числе первых мер, принятых Оттоном III в Риме. Однако примечательно то, что император взял «своего» патриция с собой в польский город Гнезно (об этой поездке, имевшей важное значение для воплощения плана возрождения Римской империи, еще будет подробно рассказано), хотя, как следовало бы ожидать, именно в отсутствие императора в Риме тому полагалось бы приступить к исполнению своих функций. Очевидно, в ходе этой поездки патриций, наряду с папским легатом, должен был представлять светский Рим. Тот факт, что в 1001 году императорский патриций во главе войска выступил против мятежного Рима, указывает на исполнение

им задания, обусловленного чрезвычайными обстоятельствами, но не дает возможности понять, в чем именно состояли его обязанности. В этом императорском патриции по имени Циацо примечательно то, что он был не римлянином и даже не итальянцем, а немцем. Это дает богатую пищу для размышлений относительно намерений императора: Оттон III при всей своей любви к «золотому Риму» старался соблюдать осмотрительность на римской земле, назначив патрицием человека, теснейшим образом связанного с императорским домом.

Перечисленные выше должности относились к Риму, чего нельзя сказать о логофете и протоспафарии. Их особенностью было и то, что они происходили не из римской, а из византийской традиции, хотя византийский образец сам по себе для Оттона III не имел никакого значения — он искал в нем римскую традицию, если не находил непосредственного доступа к ней. Титул «спафарий», производный от слова «spatha» (меч), в Византии означал не должность, а ранг, охватывавший три класса, одним из которых и был класс «протоспафариев». В византийских провинциях Южной Италии были чиновники этого ранга, однако с военной службой они не имели ничего общего. Какой же смысл заключал в себе одноименный титул, появившийся при Оттоне III? Это была, видимо, чисто символическая почетная должность, не связанная с выполнением постоянных обязанностей, а заключавшаяся в несении по торжественным случаям символического меча перед императором — некое подобие почетных придворных должностей. С византийским протоспафариатом она была связана лишь этимологически.

Заслуживает внимания и введенная Оттоном III должность логофета: в Византии этот сановник вел корреспонденцию с зарубежными государствами, принимал их послов и консультировал василевса по вопросам международных отношений. В чем заключалась должность логофета при Оттоне III? Хериберт, канцлер Италии с 994 года, получил после смерти 4 августа 998 года канцлера Германии Хильдибальда и его

должность, так что обе канцелярии теперь были объединены персональной унией. Это назначение свидетельствовало о чрезвычайном, подтвержденном и возведением его в сан архиепископа, доверии Оттона III к Хериберту, важнейшему из своих немецких советников. Летом 999 года Оттон III в собственноручном письме, в котором он сообщает ему о возведении его в достоинство архиепископа Кёльнского, применяет к нему единственный титул — «архилогофет», который в другой грамоте расшифрован как «императорский логофет и канцлер». Таким образом, логофет превратился в архилогофета и появился второй, подчиненный ему логофет, должность которого досталась не кому иному, как архидиакону Льву, повлиявшему на умонастроение юного императора и ставшему епископом Верчелли. Мы знаем, что он не только сам составлял пожалованные ему императорские дипломы, но и редактировал особенно важные законы и дипломы Оттона III.

Таким образом, когда Хериберт стал канцлером двух королевств, Италии и Германии, для должности итальянского канцлера ввели соответствующий византийский титул, благодаря чему до сих пор одноименным должностям стали соответствовать два различных титула. Поскольку впоследствии Хериберт длительное время отсутствовал в Италии, его обязанности стал исполнять Лев Верчелльский, и их функции были разграничены таким образом, что первый назывался архилогофетом, а второй — логофетом. Лев занял должность подканцлера (очевидно, лишь подканцлера для Италии), что вполне согласовывалось с его фактическим положением при дворе и влиянием на политику Оттона III.

Все сказанное позволяет утверждать, что введение Оттоном III древнеримских и византийских должностей отнюдь не было маскарадом и игрой в титулы, как полагали многие историки. Реформа придворного штата, проведенная юным императором, увлеченным намерением приблизить свою империю по форме и содержанию к Древней Римской империи, преследовала вполне реальные цели, прежде всего политические:

привлечь на свою сторону как можно больше итальянцев, и в особенности римлян, мечтавших о возрождении былой славы собственной родины; нивелировать региональные и этнические различия и создать условия для успешного, максимально бесконфликтного сотрудничества папы с императором.

Важным свидетельством о замыслах «Возрождения империи римлян» служит булла (печать), использовавшаяся Оттоном III с апреля 998 года, сразу же после подавления мятежа Крешенция, и лишь с начала 1001 года замененная на новый тип. Она полностью выпадает из предшествующей оттоновской традиции, и то новое, что в ней содержится, представляет собой целую программу реорганизации Империи. Эта булла знаменует разрыв с предшествующей имперской традицией в том отношении, что отныне и до смерти Оттона III официальные грамоты удостоверялись не припечатанной восковой печатью, а подвешенной металлической буллой, какие до сих пор применялись только по особым случаям. Нововведение соответствовало обычаю пап и византийских императоров, поэтому можно предположить, что от прежней традиции отказались, чтобы не отстать от константинопольского «императора римлян», в практике применения печатей которого сохранился, как полагали, античный обычай.

Выбранные для этой буллы изображения и надписи были тщательно продуманы. Как уже упоминалось, на оборотной стороне изображена символическая фигура Рима в латах, что должно было свидетельствовать об Оттоне III как о римском императоре. На лицевой стороне изображена мужская голова с окладистой бородой, не подходящая для 18-летнего Оттона III, хотя в надписи фигурирует его имя. Это несоответствие объясняется тем, что голова скопирована с буллы Карла Великого. Сколь бы ни изменилось умонастроение Оттона III к 998 году, от почитания франкского императора он не отказался. Всё, что в последующее время он делал во славу Рима, рассматривалось им как завершение дела своего великого предшественника. На булле это нашло свое отражение совершенно

в духе раннего Средневековья: изображение императора Оттона III уподоблено его идеалу, образцу для подражания.

Среди свидетельств, которые можно привлечь для интерпретации этого замысла «Возрождения», по времени к булле ближе всего произведение искусства, созданное специально для Оттона III, предположительно, также весной 998 года. Речь идет о знаменитой иллюстрации из Евангелия Оттона III, одной из прекраснейших рукописных книг той эпохи, изготовленной для императорского двора в скриптории монастыря Райхенау. Для наиболее полного отображения величия императора живописец применил то же самое средство, к которому прибегала придворная поэзия. Подобно тому, как та для прославления императора заимствовала из античной литературы звучные имена и торжественные обороты, художник взял за образец античные изображения государей, чтобы живописно представить Оттона III, торжественно восседающего на троне со скипетром в руке. Его окружают представители светской и духовной знати, опора императорской власти. Право на подобного рода изображение, стирающее грань между светской и духовной властями, проистекало из фактического положения имперской церкви, когда правители из Саксонской династии превратили епископат в один из главных столпов своего господства. Никто не мог возразить против того, что здесь архиепископы, точно слуги, ждут распоряжений светского повелителя.

На иллюстрации, примыкающей к изображению сидящего на троне Оттона III, наглядно представлены страны, образующие Империю. Четыре женские фигуры с надписями Roma, Gallia, Germania, Sclavinia приносят императору дань. Римлянам отводится первое место, что соответствует и булле, на которой Рим фигурирует как символ всей Империи. Обе иллюстрации позволяют понять, к чему ведет «Возрождение империи римлян»: среди стран, образующих Империю, происходит смещение центра с Германии на Рим, с севера, до сих пор иг-

равшего ведущую роль, на юг, где некогда был центр Древней Римской империи.

Булла и иллюстрации совершенно не затрагивают вопрос, который должен был бы стоять на первом плане в проекте возрождения Римской империи: как должно строиться соотношение Империи и папства, до сих пор определявшееся учением о двух властях, которое признавал и Оттон III? Ответ дает стихотворение, посвященное папе Григорию V и сочиненное Львом, епископом Верчелльским: «Стихи о папе Григории и Оттоне августе». Оно написано в период между весной 998 года и началом 999 года — сразу же после подавления мятежа в Риме и до смерти папы Григория V. Это стихотворение можно рассматривать как весьма важный исторический документ. Лев воспекает возрождение Империи: Оттон III привел Григория из Галлии, как в то время иногда называли Западную Германию, в Рим, где тот занял престол Св. Петра, дабы восстановить авторитет князя апостолов, чему радуются император, церковь и Рим. Перед обоими главами христианского мира теперь стоит грандиозная задача: очистив от скверны Рим, продолжить очищение далеко за пределами города. При этом император обеспечивает папе защиту, а папа должен возвеличивать Оттона III — «славу империи».

Важнейшей частью стихотворения является рефрен, повторяющийся после каждого трехстишия — призыв к Богу явить милость «своему» Риму и возродить, обновить римлян: «Милостиво возроди римлян». Программа возрождения Рима мыслится не в языческом, а в христианском духе. Однако она предполагает не только церковное обновление, но также и светское: «Возбуди силы Рима, пусть воспрянет Рим под властью Оттона Третьего». В самом тексте это пожелание облачено в слова, обращенные к папе Григорию V: «Восстанови права Рима, возврати Риму Рим, дабы мог Оттон исполниться славой империи».

Что Лев понимает под «правами Рима» и «славой империи», явствует из его стихов: древняя патриаршая резиденция Анти-

охия превозносит папу Григория V, и Александрия смиренно признаёт власть Рима, и вообще все церкви мира являются подданными папы. В этих стихах можно обнаружить созвучие с «Псевдоконстантиновым даром», в котором говорится о власти Рима над всеми церквями мира, но сходство это случайно, оно не свидетельствует о том, что Лев разделяет идеи сей пресловутой фальшивки, имевшей своей целью обосновать власть пап над Римом, несовместимую с высшей светской властью. Именно Лев являлся автором составленного спустя пару лет оттоновского диплома, в котором упомянутый «дар» прямо объявлялся фальшивкой. Можно полагать, что к этому убеждению он пришел еще раньше, уже в 998 году, когда одобрил намерение Оттона III устроить императорскую резиденцию в Риме. Впрочем, папы римские всегда полагали, что все церкви должны подчиняться им, так что нет необходимости искать в этой связи какой-то определенный источник идей. Лев здесь скорее выразил некий «церковный идеал», нежели отразил определенную историческую ситуацию.

Обновление римской церкви и возрождение Римской империи происходят благодаря взаимной поддержке папы и императора. Сколь бы далеко ни простирались планы возрождения Римской империи и сколь бы глубоко они ни затрагивали положение дел в Риме, теория двух властей, с V века служившая основой государственной теории, оставалась неприкосновенной. Только требование взаимной поддержки властей, с самого начала связанное с этой теорией, приобретает большее значение, что и старается Лев особо отметить. Оттон III, в обязанность которого входит защита церкви, носит меч, чтобы карать грешников. Эта взаимопомощь по-настоящему стала возможна лишь с тех пор, как папа и император устроили свои резиденции бок о бок в Риме, столице Империи. Впрочем, сферы компетенции обеих властей четко разграничиваются: здесь учитель — там меченосец, здесь слово — там железо как средство совместного богоугодного служения, здесь души —

там тела. Таким образом, все, что сказал Лев о духовной и светской властях, не выходит за рамки традиции.

И все же, хотя Лев намеревался показать равенство обеих властей, словно вопреки ему в стихотворении нашло выражение фактическое превосходство императора: Оттон III, сломив сопротивление мятежников, привел папу в Рим, он заботится о его безопасности, у него в руках меч, обладающий большей силой, чем слово — объявленная папой анафема мятежникам. Глубоко символично, что именно Лев Верчелльский стал провозвестником этой программы «Возрождения империи римлян». Если Герберт Орильякский открыл Оттону III глаза на величие античности, то заслугой главным образом Льва Верчелльского явилось внушение ему мысли о величии Древнего Рима и Римской империи.

Идеями возрождения империи было проникнуто и хозяйственное законодательство Оттона III. В «Стихах о папе Григории и Оттоне августе» ничего не говорится о причинах, по которым император и его советники были убеждены в необходимости обновления существовавших тогда в Италии порядков. Получить представление о них можно из закона, изданного Оттоном III 20 сентября 998 года на синоде, проходившем в Павии. Его составителем, видимо, был Лев Верчелльский. Рисуя мрачную картину экономического положения итальянской церкви, не позволявшего ей выполнять свои обязанности, закон мотивирует необходимость проведения реформ. Его положения были обязательны для всех князей церкви, маркграфов, графов и судей в пределах Италии. Закон, представлявший собой последовательное продолжение оттоновской экономической политики, имел большое значение: это была одна из немногих предпринимаемых в то время попыток урегулировать хозяйственные отношения государства с отдельными субъектами не через индивидуальные привилегии, а посредством общего распоряжения. Реализация этой меры означала бы победу церкви над светскими феодалами в борьбе за земельные владения. Закон был направлен против тех епископов и

аббатов, которые ради собственного обогащения, а также в интересах родственников и друзей отчуждали церковную собственность, в результате чего церковные учреждения были уже не в состоянии выполнять свои обязательства в отношении императора. Впредь любые передачи церковных владений должны были осуществляться только на срок жизни жалователя, а его преемники могли возратить себе все пожалованные владения и проверить любую дарственную грамоту, отвечает ли она интересам церкви. Только так император мог добиться, чтобы церковь не терпела ущерба и, что не менее важно, государство не теряло доходов, поступающих от церкви.

Возведение интересов церкви в ранг высшего принципа вполне вписывается в концепцию «Возрождения империи римлян», согласно которой возрождавшаяся империя зиждилась на устоях христианства и имела своей главной целью его распространение среди язычников, а в связи с этим и защиту церкви. Следует особо отметить, что при перечислении тех, кому адресован этот закон, на первом месте упоминаются консулы, сенат и народ Рима. Здесь предпочтение, оказанное римлянам перед другими подданными, благодаря традиционной почетной древнеримской формуле проступает предельно отчетливо.

Важные перемены

Однако этих мер в пользу церкви оказалось недостаточно, чтобы освободить душу юного императора от тяжелого бремени: его угнетало, что он действует больше под натиском обстоятельств и под влиянием своих советников, нежели по собственному побуждению. Вспоминались слова святого Адальберта о бренности всего земного и о долге государя думать о вечном. Сколько часов было проведено в беседах с этим необыкновенным человеком, до того как он отправился к язычникам-пруссам, полный решимости принять смерть мученика за веру! Гибель Адальберта в апреле 997 года до глубины души потрясла Оттона III. Он добился, чтобы сего великомученика Христова незамедлительно причислили к лику святых, и

учредил в Ахене монастырь в его честь, надеясь, что там упокоятся и мощи новоявленного святого. Однако польский князь Болеслав Храбрый упредил императора, на вес золота выкупив у пруссов тело Адальберта и велев похоронить его в Гнезно, собственной резиденции, возвысив тем самым ее значение и сделав ее местом паломничества.

И Оттон III, завершив неотложные дела, решил почтить память своего друга, стяжавшего бессмертную славу, пройдя паломником по местам, где некогда ступала его нога. После краткого пребывания в Риме он в начале 999 года отправился к святыням архангела Михаила на Монте-Гаргано. Не с императорской пышностью, а пешком двинулся он в путь, посетив заодно и святые места на Монте-Кассино, где Бенедиктом Нурсийским в 529 году был учрежден первый бенедиктинский монастырь. Своим покаянным паломничеством Оттон III немало удивил не только немцев из собственного окружения, но и встречавших его жителей лангобардских княжеств, впервые видевших императора. Хотя его поступок и находился в полном согласии с идейными течениями и аскетическими настроениями того времени, однако казалось диковинным подобное смирение носителя высшей светской власти.

Правда, дело не обошлось без трагикомического происшествия с легким детективным налетом. На обратном пути Оттон III попросил у жителей Беневента драгоценную реликвию, коей те располагали — мощи апостола Варфоломея, дабы поместить их в Риме в церкви, которую он собирался построить в честь Адальберта. Беневентцы оказались в большом затруднении, не решаясь отказать в просьбе императору, но и не желая лишиться своего величайшего сокровища. Выход из щекотливого положения нашли в благочестивом обмане: посоветовавшись со своим архиепископом, они отдали вместо мощей святого Варфоломея менее дорогую святыню — мощи Павлина Ноланского, погребенного в их кафедральном соборе.

Обман открылся позднее, а пока император продолжил паломничество, в ходе которого посетил и отшельника Нила,

обиженным удалившегося из Рима после расправы над Иоанном Филагатом. Почтенный старец радушно принял в своей убогой хижине близ Гаэты Оттона III, мучимого угрызениями совести и обещавшего исполнить любое его желание. Нил ни о чем не просил, сказав, что будет молиться о спасении души Его Величества. Растроганный до слез император получил благословение святого, однако так и не смог уговорить его перебраться в Рим.

Паломничество Оттона III в Южную Италию имело и политическое значение. Поскольку Монте-Гаргано находится в Апулии, на территории, подвластной Византии, Оттон III мог использовать свое пребывание здесь для ознакомления с политической обстановкой. Хотя экспансия Империи в Южной Италии после смерти Оттона II временно прекратилась, передвижение императора без сопровождения войска показало, что господство немцев, в то время не слишком обременительное, в лангобардских княжествах признавалось по крайней мере номинально.

Тем временем в Риме произошли важные перемены. Еще находясь в Южной Италии, Оттон III узнал о смерти своего кузена, папы Григория V, наступившей в феврале или марте 999 года на двадцать седьмом году жизни. Возвратившись в марте в Рим, император обеспечил избрание его преемником своего учителя и советника Герберта. И на сей раз процедура избрания, если оно вообще проводилось, была простой формальностью. В начале апреля новый папа, не встречая каких-либо возражений, был рукоположен и принял имя Сильвестра II. Тесная связь между папством и Империей, нашедшая свое выражение в назначении Герберта, лучше всего символизировалась выбором этого имени: Сильвестр I был папой при императоре Константине Великом, и теперь Оттону III надлежало стать новым Константином при папе Сильвестре II, восстанавливая единство христианского мира в рамках возрожденной Римской империи, сила которой заключалась в едине-

нии обеих универсальных властей — светской и духовной, императора и папы.

Реализация плана «Возрождения империи римлян» вступила в решающую фазу. Империя должна была стать централизованным государством со столицей в Риме, поэтому-то Оттон III, в отличие от своих предшественников и преемников, лишь время от времени посещавших Вечный город, и решил устроить там постоянную императорскую резиденцию. Идеал задуманной универсальной христианской империи виделся в поздней античности, в славных для Империи и церкви временах Константина Великого. Эта новая империя должна была охватить собой всю христианскую экумену, Запад и Восток, а также области языческих народов Восточной Европы, которых надлежало обратить в Христову веру. Миссионерство, наряду с защитой церкви, служило одной из главных задач христианской империи. Как когда-то при Карле Великом, объединение Западной и Восточной империй предполагалось при помощи брачных уз, поэтому в Константинополь было направлено посольство во главе с архиепископом Миланским Арнульфом просить для Оттона III руки дочери императора Константина VIII — брата и соправителя Василия II.

Вскоре после возведения на папский престол Сильвестра II, в середине апреля 999 года в Риме под председательством папы и императора состоялся синод, созванный еще Григорием V. Одним из рассмотренных на нем вопросов было обвинение, выдвинутое против Ардуина, маркграфа Ивреи. В марте 997 года он участвовал в уже упоминавшемся мятеже против епископа Верчелли Петра, в результате которого тот был убит, а его труп сожжен. Ардуин выступал выразителем интересов военного сословия мелких вассалов, которые стремились к наследственному владению землями, полученными в лен от церкви за службу, и потому усматривали угрозу собственным интересам в упорядочении Оттоном III церковных владельческих отношений. И вообще Ардуин был типичным представителем всех тех, кто терпел ущерб от оттоновской системы пре-

доставления привилегий церкви. Однако, несмотря на все его беззакония, тогда у него еще не возник конфликт с императором, сначала занятым борьбой против Крешенция, а затем другими делами. Лишь после того как Оттон III в 998 году издал эдикт в пользу церковных владений, конфликт обострился и несколько епископов обратились с жалобой на Ардуина к папе Григорию V. Тот пригрозил расхитителям церковных владений отлучением, если они до Пасхи 999 года не возместят причиненный ущерб. Так, правда, уже после смерти Григория V, в апреле 999 года на синоде в соборе Св. Петра и состоялось рассмотрение обвинений против Ардуина. Маркграф явился, чтобы оправдаться перед папой, императором и собравшимися епископами, однако был вынужден признать, что возглавлял отряд, лишивший жизни Петра, епископа Верчелльского. Как зачинщик злодеяния Ардуин был приговорен к лишению всех владений и строгому покаянию. О нем мы не раз еще услышим: подобно тому, как во времена Оттона Великого маркграф Ивреи Беренгар выступал главным возмутителем спокойствия, маркграф Иврейский Ардуин доставит немало хлопот двум последним правителям из Саксонской династии.

Вскоре после вынесения этого приговора, в начале мая 999 года, папа и император в полном согласии друг с другом назначили новым епископом Верчелли Льва, императорского капеллана и советника. В связи с этим Оттон III пожаловал две грамоты. Одна из них предназначалась епископской церкви Св. Евсевия в Верчелли и подтверждала все ее владения, приобретенные еще со времен лангобардского короля Лиутпранда и императоров Карла Великого, Людовика и Лотаря, а также удостоверяла передачу ей владений, конфискованных у объявленного «врагом государства» Ардуина и его вассалов и сторонников. Вторая грамота предназначалась лично епископу Верчелльскому Льву: император жаловал ему город Верчелли с правом осуществления в нем публичной власти, а также графства Верчелли и Сантья с аналогичными правами. Эта

грамота, свидетельствующая о поистине безграничной благосклонности Оттона III к своему советнику, примечательна еще и тем, что проливает дополнительный свет на концепцию «Возрождения империи римлян». Императорское пожалование здесь мотивируется весьма неожиданным образом: «чтобы свободно и безопасно, благодаря вечному бытию Божией церкви, процветала наша империя, победоносным было наше воинство, ширилась могучая власть римского народа и возрождалось государство, чтобы заслужили мы право достойно жить на чужбине мира сего, еще достойнее вырваться из заточения земной жизни и достойнейшим образом царить вместе с Господом». Как и в стихотворении в честь папы Григория V, процветание империи здесь увязывается с благополучием церкви. О планах восточной политики, в отношении мадьяр и славян, вынашивавшихся в период составления этой грамоты, свидетельствует желание еще шире распространить власть римского народа. Оттон III и Лев, епископ Верчелльский, выступают здесь как единомышленники, у них общая цель и единое представление о ее достижении. Всё, что ни делалось в Империи, подчинялось ей.

Стоит особо отметить обоснование, кое дается мирским намерениям Оттона III. Согласно этой грамоте для императора, пытавшегося возродить Римскую империю, побудительным мотивом служили не личная слава, честь Рима, престиж собственного дома или какая-либо иная связанная с бранным миром цель — подлинной целью служит оправдание перед Богом. Соответственно, идеи Оттона III носились между Царствием Небесным, к которому он стремился всей душой, и земной всемирной Империей, в меньшей мере остававшейся мечтой. Летом 999 года он вел жизнь отшельника то в пещере монастыря Св. Климента в Риме, чтобы на протяжении двух недель подряд предаваться покаянию, то на свежем воздухе Сабинских гор, погружаясь в раздумья о своих политических проектах, перемежавшиеся многодневными покаянными молитвами и постами.

В промежутке между этими покаяниями Оттон III посвятил себя сугубо мирским делам, совершив в конце июня — июле военный поход против Беневента. Причиной похода послужило то, что император узнал про обман беневентцев, подменивших обещанную реликвию. Возмутившись и поместив мощи Павлина Ноланского в специально для этого построенном в Риме храме, он возвратился в Беневент, дабы покарать обманщиков, однако длительная осада ни к чему не привела.

Как раз во время стояния под Беневентом Оттон III принял весьма знаменательное решение о назначении Хериберта, канцлера Италии и Германии одновременно, еще и архиепископом Кёльнским. 9 июля 999 года папа Сильвестр II совершил обряд рукоположения его в архиепископы. Совмещение Херибертом сразу трех важнейших должностей свидетельствовало не только о безграничном доверии к нему со стороны императора, но и прежде всего о намерении Оттона III еще раз продемонстрировать единство Германского и Итальянского королевств, к чему стремился еще Оттон II на Веронском рейхстаге 983 года. Правда, сама Италия все еще была раздробленной: север, центр и юг страны оставались обособленными друг от друга, признавая над собой власть разных господ или не подчиняясь никому. В Павийском эдикте 998 года Италия впервые рассматривалась как единое целое, но это было больше похоже на попытку выдать желаемое за действительное.

Во время паломничества Оттона III в Южную Италию в начале 999 года вопрос о власти просто не затрагивался. В Капуе вплоть до 27 апреля 993 года, до дня своей гибели от рук заговорщиков, правил вместе со своей матерью Алоарой князь Ланденольф, в свое время признанный Оттоном II. Для подавления мятежа прибыл маркграф Гуго Тосканский в качестве представителя императора. Убийцы князя были наказаны, а его преемником стал младший брат Лайдульф, несмотря на то, что на него пало подозрение в соучастии в заговоре. Императора, совершавшего паломничество, он принял с подобающим

почетом, однако не вызвал у него настоящего доверия к себе. Возможно, Оттон III знал о подозрениях, лежавших пятном на репутации князя, но тогда, видимо, не имел возможности изменить положение дел в Капуе, равно как и в Беневенте. Теперь же, в июле 999 года, он направил в Капую военный отряд под командованием Адемара, капуанца по рождению, долгое время жившего при германском дворе, участника детских забав самого Оттона III, его друга детства, отныне ставшего для него тем же, кем был Пандульф Железная Голова для Оттона I. В Капуе Адемар взял от князя Лайдульфа заложников и затем пошел к Неаполю, со времен Оттона II находившемуся в сфере влияния немцев, и вступил в город, также признавший верховенство Оттона III и давший заложников. Однако этот успех, видимо, не удовлетворил императора, а присяга Капуи и Неаполя не внушила ему доверия, так что Адемару пришлось спустя несколько дней снова двинуться к Неаполю. На сей раз, опять при поддержке Лайдульфа, Адемар захватил находившегося в городе важного византийского чиновника, возможно, коменданта, и увел его в Капую. Там он на следующий день хитростью захватил капуанского князя Лайдульфа, которого теперь открыто обвинили в соучастии в убийстве брата и узурпации власти. Затем его вместе с супругой, многими знатными капуанцами и византийскими чиновниками отправили в изгнание в Германию. Князем Капуи стал Адемар.

Тем временем князь Беневента Пандульф II, возможно, под впечатлением от всех этих событий, присягнул на верность Оттону III. Независимый прежде князь Салерно Ваймар III также признал верховенство Империи. Что же касается Гаэты, не желавшей подчиняться власти немцев, то уже спустя несколько недель после того, как Оттон III посетил в этом городе святого Нила, епископ Люттихский Нотгер в качестве императорского посланца вершил там суд. Очевидно, возымели действие появление императора в облике паломника и непрерываемый авторитет отшельника, что, в свою очередь, показывает, сколь тесно переплелись религиозные и политические цели

Оттона III, приступившего летом 999 года к восстановлению авторитета Империи в Южной Италии.

Оттон III не собирался останавливаться на достигнутом. Во второй половине сентября 999 года он провел совещание в окрестностях Рима, в монастыре Фарфа. Среди участников были Герберт, теперь уже папа Сильвестр II, его преемник в Равенне архиепископ Лев, архиепископ Хериберт Кёльнский и епископ Верчелли Лев — оба важнейших советника Оттона III из Германии и Италии, а также маркграф Тосканский Гуго, наиболее могущественный и преданный из итальянских магнатов, которому отводилась особая роль в связи с предстоявшей поездкой императора в Германию. Совещание проводилось, дабы обеспечить стабильность в Риме во время отсутствия Оттона III и не допустить повторения мятежа 997 года. В Германии как раз умерла тетка императора Матильда, аббатиса Кведлинбургская, правившая страной от его имени, поэтому он не мог откладывать свой визит на родину. Кроме того, надо было подготовить задуманный им поход на территории за восточными рубежами Империи. О наличии этого замысла говорило и то, что сводный брат мученика Адальберта Гауденций (Радим), прибывший к Оттону III в качестве посланца от князя Польского Болеслава, был рукоположен в Риме в сан архиепископа для пока что еще не существовавшей, но уже задуманной польской митрополии. К Болеславу сразу же были направлены гонцы с сообщением, что император собирается посетить его страну, в частности, Гнезно, где похоронен Адальберт.

Остаток осени и начало зимы 999 года Оттон III провел в Риме, занимаясь текущими государственными делами, верша суд и жалую дарственные грамоты своим верноподданным. Эти недели были посвящены завершению подготовки к поездке в Германию и паломничеству на могилу св. Адальберта. Покинув в первой половине декабря 999 года Рим, 19 декабря он был уже в Равенне, где осыпал новыми милостями столь важное для Империи архиепископство Равеннское. Там же, в Равенне, Оттон III праздновал Рождество 999 года и провел

ряд важных для воплощения замысла «Возрождения империи римлян» встреч, в том числе с послами из Венеции и св. Ромуальдом, на моральный авторитет которого он хотел опереться. Далее путь его лежал через Верону, где он встретил новый, 1000 год, наступления которого ожидали с таким страхом, опасаясь конца света. Вскоре затем император вступил на германскую землю.

Второй итальянский поход Оттона III, продолжавшийся более двух лет, ознаменовался важными переменами в концепции имперской политики. Собственно, само слово «поход» едва ли применимо к пребыванию императора в Италии, поскольку Рим для него стал главной, постоянной резиденцией, столицей возрождавшейся «империи римлян». Качественно новым этапом в политике «Возрождения» стало возведение на папский престол Герберта Орильякского, не только полностью разделявшего планы Оттона III, но и являвшегося его главным вдохновителем. Внедрение в придворный этикет древнеримских титулов и должностей служило внешним выражением политики «Возрождения». Это курьезное, казалось бы, нововведение преследовало (и достаточно успешно, по крайней мере на первых порах, достигало) вполне определенную цель — привлечение римлян в ряды сторонников германского императора. Весьма показательно и то, как в Оттоне III уживались религиозный аскет и реальный политик, что наглядно проявилось в ходе его паломничества в Южную Италию. И теперь, направляясь во владения польского князя, дабы поклониться мощам св. Адальберта, император преследовал отнюдь не одни только религиозные цели. Наступал новый этап исполнения замысла «Возрождения империи римлян» — присоединения к ней «Склавинии».

СЛУГА ИИСУСА ХРИСТА И ЕГО АПОСТОЛОВ

Роковой визит

В середине января 1000 года, уже на территории Германии, в одном из пограничных монастырей, состоялась первая

встреча Оттона III с многочисленными имперскими князьями, а также с сестрами Софией и Адельгейд, специально прибывшими встречать его. В первой же грамоте, пожалованной на немецкой земле, употреблен весьма необычный титул императора, который будет сохраняться вплоть до его возвращения в Италию: «Оттон III по воле Бога, Спасителя нашего и избавителя, слуга Иисуса Христа и император август римлян». Эта формула «слуга Иисуса Христа» должна была указывать на исполнение императором христианской миссии, на императорский апостолат. Подобно тому как Карл Великий удостоился титула «апостол саксов», Оттон III теперь претендовал на роль «апостола славян», намереваясь распространять и укреплять Христову веру среди славянских племен. Многие историки усматривали в этой формуле знак смирения «императора-монаха». Однако следует признать, что это было весьма своеобразное «смирение», ибо что могло быть почетнее для христианского государя, чем приравнять себя к апостолам, «слугам Христовым»? Оттон III, обращая в христианство язычников и присоединяя к христианской церкви новые провинции, считал себя вправе присвоить это «апостольское имя» — смелое, но понятное и по-своему оправданное притязание.

Когда император, окруженный новыми итальянскими советниками, появился в Германии, немцев одинаково неприятно поразили его римский церемониал и аскетическое благочестие, несовместимые с их представлениями о германском государе: традиция, уходившая корнями в общество древних германцев, не знала столь резкого его обособления от своих подданных и прежде всего от знати. Хотя официальная встреча, устроенная Оттону III в Регенсбурге, и была, по словам Титмара Мерзебургского и других анналистов, необычайно пышной («вся Галлия (то есть Лотарингия. — В. Б.), Франкония и Швабия, конные и пешие вышли встречать императора»), однако ликование вскоре сменилось разочарованием и раздражением, как только выяснилось, что император и на сей раз не собирается заниматься проблемами собственно германской

политики. Его поход на Восток, в славянские земли, оказался не военной экспедицией, как это было при Генрихе Птицелове и Оттоне Великом, а паломничеством на могилу мученика Адальберта в Гнезно, в дополнение к покаянному паломничеству по святым местам Южной Италии.

Около середины февраля 1000 года Оттон III уже был на границе владений польского князя Болеслава I Храброго, лично прибывшего встречать его. В сопровождении Болеслава император и его свита направились в Гнезно. К самой могиле чтимого им святого Оттон III не решился приблизиться иначе как босиком. Затем он в полном согласии с папой Сильвестром II учредил самостоятельное, независимое более от немецкой церкви Гнезненское архиепископство, во главе которого поставил брата Адальберта — Гауденция, еще в Риме рукоположенного в сан архиепископа. Хотя Польша и должна была стать частью той христианской империи, о которой грезил Оттон III, тем не менее он выпустил из рук такой важный инструмент, с помощью которого немцы до сих пор овладевали (и не только в религиозном и культурном, но и в политическом отношении) славянским Востоком, как церковь. Польский князь Болеслав I Храбрый получил в отношении церкви его государства и миссионерской деятельности те права, которыми прежде обладал только император. Оттон III заключил с ним и более широкий, чем прежде, договор о дружбе. Он пожаловал ему титул патриция, назвал его «братом и соратником Империи», «другом и союзником римского народа», возложил ему на голову собственную корону и пожаловал ему точную копию Священного копья, содержащую частицу драгоценной реликвии — гвоздь с креста Иисуса Христа. Это копьё и ныне хранится в Краковской соборной сокровищнице. Античные выражения, определявшие новый статус Болеслава, отражали дух «Возрождения Римской империи». Уже само верховенство над церковью ставило Болеслава выше немецких герцогов и приближало к рангу короля. Отныне он, освободившись от даннической зависимости от Германского королевст-

ва, подчинялся только императору, а Польша должна была стать составной частью Империи. В Германию Оттон III возвращался в сопровождении Болеслава и трехсот польских всадников. Итогом его паломничества в Гнезно явились возвышение культа Адальберта и заметное ослабление реального влияния немцев на дела в Польше, о чем его не раз упрекали современники и потомки.

В Германии Оттон III направился во вторую столицу Империи — в Ахен, где на Троицу состоялся синод для решения церковных вопросов, в том числе и об учреждении Гнезненского архиепископства, по мнению многих, весьма уязвимого в каноническом отношении. Тогда же Оттон III велел отыскать в дворцовой капелле Св. Марии захоронение Карла Великого, о точном расположении которого не знали с тех пор, как здесь в конце IX века похаживали норманны. Когда удалось его обнаружить под мраморным тронем в западном портале капеллы, он распорядился вскрыть гроб и взял из него золотой нашейный крест, а также кусочки еще не истлевшей одежды боготворимого им императора. Многие осудили этот поступок Оттона III как святотатство, а один из современных анналистов пошел еще дальше, истолковав безвременную кончину императора спустя полтора года как расплату за содеянное: «За это, как позднее выяснилось, его постигла кара Вечного Спасителя». За свою короткую жизнь Оттон III не раз повергал мир в изумление, за что и прозвали его «Чудом света». Тем более примечательно, что Титмар Мерзебургский отнесся к этому поступку императора с пониманием, истолковав его как очередной шаг на пути «Возрождения империи римлян»: это могло расцениваться как возрождение античного обычая, ибо в свое время Цезарь специально посетил могилу Александра Великого в Александрии, а Октавиан Август велел вскрыть ее. Как они выразили свое почтение к македонскому герою, так и Оттон III почтил память Карла Великого, идейно-политическое наследие которого вошло неотъемлемой составной частью в его универсальную христианскую империю.

Крест из могилы великого франка должен был символизировать преемственность традиции.

Современная историческая наука дает новое истолкование этого поступка Оттона III, усматривая в нем первый шаг на пути к канонизации Карла Великого, которая не состоялась лишь из-за преждевременной смерти самого Оттона III и политической переориентации его преемника Генриха II. Эта гипотеза косвенно подтверждается тем, что Оттон III выбрал Ахен, центр каролингской традиции, местом своего погребения, дабы ждать наступления Страшного суда «рядом со святыми».

«Оттон, слуга апостолов»

Оттон III и на этот раз не задержался в Германии. Уже в июне, не дожидаясь даже, пока спадет летняя жара, он снова прибыл в Италию — через альпийский перевал Септимер и Кьявенну в Комо, где его встречали многочисленные представители итальянской знати, в том числе и Иоанн Диакон, посол венецианского дожа Петра II Орсеоло и автор весьма ценной «Венецианской хроники». Далее император держал путь в столицу Ломбардии Павию, где и провел более месяца, занимаясь государственными делами, совещаясь с итальянскими магнатами и разбирая жалобы епископов Верчелли, Ивреи и Новары на притеснения со стороны сообщников опального Ардуина. За время непродолжительного отсутствия императора в Италии участились случаи неповиновения. Из Рима прибыл папский легат с сообщением, что жители Орты прямо во время мессы и в присутствии папы затеяли вооруженную стычку с верными ему людьми и отказались платить обычную подать. Сильвестр II просил Оттона III как можно скорее прибыть в Рим, опасаясь, как бы и там не возник мятеж. Для подобного рода опасений было тем больше оснований, что в середине июля взбунтовавшиеся жители Капуи изгнали князя Адемара, ставленника и личного друга Оттона III.

В середине августа 1000 года император прибыл в Рим и поселился в своем дворце на Авентине, вновь погружившись в

виртуальную реальность «возрожденной империи римлян». Тогда еще не наблюдалось явных признаков грядущего мятежа, поскольку тускуланцы были на его стороне, а папа устроил ему пышную встречу. Как отметил хронист Бруно Кверфуртский, рассказывая о делах минувших дней, свидетелем которых ему довелось быть, римляне лживо изображали радость, встречая императора. Написано человеком, знавшим исход событий — легко быть умным и проницательным задним числом, но кто в действительности разглядел лживую радость римлян в момент прибытия императора?

Оставшиеся месяцы 1000 года не были отмечены значительными событиями и важными начинаниями. Здесь же, в своей римской резиденции на Авентине, император праздновал и Рождество.

В первые недели 1001 года исполнение Оттоном III замысла «Возрождения империи римлян» вступило в новую стадию. Внешне это проявилось в проведении в Риме синода, созванного императором и папой, в котором участвовало множество духовных и светских магнатов. Одних только итальянских епископов было двадцать. Из Германии прибыли Генрих Вюрцбургский, брат Хериберта, Зигфрид Аугсбургский, Гуго Цейцский, а главное — Бернвард Хильдесхаймский, бывший наставник Оттона III, которого в Рим привела распря с архиепископом Майнцским из-за вакантного Гандерсгеймского аббатства. Из числа светских участников синода особо заслуживают упоминания маркграф Гуго Тосканский, самый могущественный в Италии человек после императора, и кузен Оттона III, герцог Баварии Генрих, наиболее влиятельный после коронованной особы князь Германии (мог ли он догадываться, что пройдет чуть больше года и сам он обретет королевский венец). Блистательное общество собралось вокруг императора и папы — «нового Константина» и его Сильвестра.

Протокол этого синода утрачен, и образовалась досадная лакуна в истории правления Оттона III. Единственный пункт повестки, о котором мы знаем, спор по поводу Гандерсгеймского

аббатства (на чем главным образом сосредоточился Тангмар, в данном случае, как биограф Бернварда Хильдесхаймского, заинтересованное лицо), скорее всего, не был для императора главным вопросом. Воспользовавшись присутствием наиболее влиятельных людей Империи, Оттон III постарался привлечь их внимание к решению задач «Возрождения империи римлян». О том, что наступил новый этап воплощения его замысла, свидетельствует очередное изменение императорского титула, с января 1001 года звучавшего: «Оттон слуга апостолов и по воле Господа Спасителя император август римлян». Добавление к императорскому титулу обозначения «слуга апостолов», несомненно, примыкает к «апостольскому» титулу «слуги Иисуса Христа», бывшему в ходу во время путешествия в Гнезно, однако удивительным кажется именно то, что Оттон III теперь объявляет себя слугой апостолов после того, как был слугой самого Иисуса Христа. Чисто внешне это представляется снижением уровня притязаний, но в действительности дело обстояло совсем иначе.

Обозначение «слуга апостолов» было новообразованием, постепенно внедрявшимся в практику императорской канцелярии. Интитуляция дарственной грамоты от 18 января 1001 года гласит: «Согласно воле Иисуса Христа император римлян август, преданнейший и вернейший распространитель святых церквей». Исторический фон этого нового обозначения «распространитель церквей» образуют недавние события, связанные с посещением Оттоном III Польши. Определения «слуга апостолов» здесь еще нет. Оно появляется в следующем дипломе, а затем происходит дальнейшая эволюция титула: «Римский, саксонский и италийский, слуга апостолов, Божьим даром всемирный император август». В этом титуле воедино слились различные представления. Как это было принято у римских и ранневизантийских императоров, правитель поименован названиями своих народов. Империя понимается как их совокупность, и среди них первое место отводится римлянам. Но вместе с тем выражается и притязание на всемирное гос-

подство, связанное с самой идеей императорской власти («всемирный император», «*orbis imperator*»), — притязание, вступающее в резкое противоречие с представлениями прежде всего византийцев. Само положение формулы «слуга апостолов» между двух других элементов титула не могло служить лишь внешней демонстрацией смирения императора (на чем настаивают некоторые историки): в последовательности трех компонентов титула вернее будет усматривать нарастающую градацию имперских притязаний — от простого перечисления титульных народов Империи («римский, саксонский и италийский») через «слугу апостолов» к положению «всемирного императора».

Затем интитуляция упрощается, ограничиваясь самым необходимым. В ближайшие месяцы в императорской канцелярии становится правилом формулировка «слуга апостолов император август римлян» («*servus apostolorum imperator augustus Romanorum*») или даже просто «слуга апостолов». В апреле 1001 года Оттон III собственноручно подписал протокол имперского суда как «Оттон слуга апостолов», словно бы отказываясь от императорского титула. Так новый титул постепенно вбирал в себя все другие компоненты некогда столь пространной интитуляции.

Несомненно, под апостолами, слугой которых объявляет себя Оттон III, подразумеваются прежде всего Петр и Павел. Петр играет совершенно особую роль в стихах Льва Верчелльского 998 года, посвященных папе Григорию V, равно как и в составленном примерно в то же время жизнеописании св. Адальберта Пражского. С Петром неразрывно связан как духовный брат-близнец Павел, в церковной литературе всегда упоминаемый вместе с ним. Слугой Петра и Павла Оттон III и объявил себя в 1001 году. Однако, в противоположность лицам духовного звания, нередко объявлявшим себя слугами тех или иных святых, указанная в титуле Оттона III связь с его святыми не вытекала прямо из его служебного положения. Поэтому Петр и Павел должны рассматриваться в одном ряду

с духовными вождями, до сих пор указывавшими путь Оттону III. Он, как и прочие его современники, чувствовал теснейшую, непосредственную и неразрывную связь со своими святыми, дававшими ему свою защиту. Такова основа его отношения к св. Петру и Павлу, равно как ранее к св. Адальберту и Карлу Великому. Вместе с тем культ св. Петра был особенно развит в Риме, где религиозное его почитание смешивалось с политическими целями и задачами. Так какие же правовые последствия имело то, что Оттон III с января 1001 года объявил себя слугой Петра и Павла? Ответ на этот вопрос дает грамота, по времени и своему содержанию наиболее тесно связанная с титулом «слуга апостолов».

В январе 1001 года Оттон III пожаловал папе Сильвестру II диплом, составленный Львом Верчелльским, один из наиболее удивительных документов Средневековья. Речь в ней идет о дарении восьми графств в Пятиградье, в области южнее Равенны, имевшей для императора чрезвычайно большое значение в плане обеспечения безопасности большой дороги, ведущей в Рим. Однако на эту область особое внимание обращали и папы, стремившиеся контролировать всю территорию между западным и восточным побережьями полуострова. Равенна и Пятиградье были закреплены за папами еще Карлом Великим. Оттон I подтвердил эти притязания курии, причем остается не вполне ясно, в какой мере он отказался от собственных прав на Равенну и прилегающую область. Вероятнее всего, фактически он и там оставался господином.

Вопрос о Пятиградье приобрел актуальность еще во время коронационного похода Оттона III в Рим. Прямо на марше, равно как и в Римини (графу Римини и двум его сообщникам он распорядился выколоть глаза за то, что они присвоили имения епископства Римини, а епископство взял под свою защиту), он заявил о своих императорских правах. В Риме он заспорил с новым папой, кому из них принадлежат права на Пятиградье. Соглашения достичь не удалось. Поскольку Оттон III в тот раз не задержался в Риме, поспешив в Германию,

этот вопрос так и остался нерешенным, о чем свидетельствует письмо Оттона III папе Григорию V, которое на обратном пути составил для императора Герберт Орильякский. В письме сообщается, что защищать папу поручено маркграфам Тосканскому и Сполето-Камерино, причем последнему император передает и восемь спорных графств, назначая его своим уполномоченным, дабы он обеспечивал исполнение подданными повинностей в пользу папы.

Остается неясным, как происходило развитие этой тяжбы. Упомянутая дарственная грамота в пользу папы Сильвестра II позволяет лишь судить о том, на какие правовые основания ссылались обе стороны. Можно также отметить, что за прошедший период ни император, ни папа не отказались от своего. Два правовых основания, на которые ссылалась римская церковь, упомянуты в грамоте, чтобы показать, какие доводы император не считает убедительными для себя. Прежде всего упоминается «Псевдоконстантинов дар», отвергаемый по весьма неожиданной причине: говорится, что это — папская фальшивка, ложно приписываемая Константину Великому. Дипломатическое искусство составителей грамоты проявилось и в том, как был отвергнут второй папский довод: «Ложь также и то, что папы говорят, будто некий Карл подарил св. Петру нашу имперскую собственность. На это мы отвечаем, что сам Карл не мог жаловать на законных основаниях, поскольку уже был обращен в бегство лучшим Карлом, лишен власти, смещен и уничтожен. Итак, он дал то, чем не владел — так дал, как только и мог дать: как тот, кто негодным образом приобрел и не надеялся долго удержать». Речь идет о пожаловании, сделанном Карлом Лысым (сыном Людовика Благочестивого, внуком Карла Великого), изгнанным из Италии своим кузеном Карломаном, который здесь ошибочно назван Карлом. На основании того, что даритель был изгнан «лучшим Карлом», делается заключение о неправомерности дарения.

Однако в критике Оттоном III папских привилегий существует одно весьма слабое место: для определения правоотно-

шений между папой и императором более важное значение, чем «Псевдоконстантинов дар» и пакт Карла Лысого, должен был бы иметь «Оттонианум» — документ, подтверждавший все прежние пакты, пожалованный в 962 году курии Оттоном I от себя лично и от имени сына, Оттона II. Логично было бы предположить, что Оттону III и был предъявлен именно этот документ, подлинность которого и правомочия дарителя он должен был бы признать. Но Оттон III не подтвердил «Оттонианум». В том же духе он продолжал действовать и дальше, и оправданием ему служит аргументация, представленная в дарственной грамоте Сильвестру II, где хотя прямо и не упоминается «Оттонианум», однако ведется скрытая полемика с этим документом.

Критика прежних пап, их притязаний на владения была необходима, чтобы обрести правовое основание для ниспровержения авторитета «Оттонианума». Вскрывая недействительность предшествующих «Оттониануму» и лежащих в его основе привилегий, ниспровергали и его собственный авторитет. Составитель грамоты Лев Верчелльский выразил общее мнение как императорских, так и церковных кругов, и в его словах звучит удовлетворение, что теперь, благодаря мирскому и церковному обновлению, будет преодолено плачевное состояние курии. Папы посягали на собственность церкви и разбазаривали ее, а затем старались компенсировать ее утраты за счет имперской собственности. Здесь звучит то же возмущение хозяйственными порядками Италии, которое ранее заставило Оттона III издать свой закон — Павийский эдикт 998 года.

Эта грамота провозглашает ни много ни мало как отказ от всей системы императорских дарений и подтверждений, с помощью которых до сих пор регулировались политические отношения между императором и папой. Дискредитируются все права, приобретенные папством в ходе многовековой борьбы. Даже Рим, город апостолов, объявляется принадлежащим не папе, а императору, называвшему его своим «царским городом». Так Оттон III рассматривал Рим с тех пор, как устроил в

нем свою резиденцию. Если при Карле Великом римские магнаты, как духовные, так и светские, стали «императорскими людьми», а весь простой народ равным образом заявлял о своей верности императору, то теперь то же самое можно было по праву сказать и об Оттоне III. Однако выражение «наш царский город» («*nostra urbs regia*») включает в себе и еще более глубокий смысл, ибо здесь специально употреблено прилагательное «царский» («*regia*»), а не «императорский» («*imperatoria*»): эпитет «*urbs regia*» («царский город») являлся древним почетным обозначением Рима. В течение многих столетий вошло в обычай применять это гордое обозначение к Константинополю, и теперь открыто заявлялось, что Рим, а не Константинополь является «царским городом».

Место, предназначаемое Риму, определяется в самом начале грамоты сжатой и выразительной формулой: «Провозглашаем Рим главой мира, а римскую церковь объявляем матерью всех церквей». Рим, глава мира, обладает двойственной природой, являясь и «царским городом», резиденцией императора, и городом апостолов, вследствие чего римская церковь выступает в роли матери всех церквей. Этой двойственной природе соответствуют оба аспекта проекта «Возрождения империи римлян». Вместе с тем в этой формулировке можно усматривать и известную уступку папству, ибо, хотя и упраздняются его права, основанные на жалованных грамотах, признается прежняя теоретическая основа регулирования взаимоотношений между папством и Империей — учение о двух властях, продолжают сосуществовать «королевская (царская) власть» и «священный авторитет понтификов», власти светская и духовная, о чем писал Лев Верчелльский в 998 году в своем стихотворении, посвященном Григорию V.

Как же Оттон III собирался разграничивать полномочия обеих властей, применяя доктрину на практике? Ответ на этот вопрос можно найти во второй части той же грамоты: «От щедрот своих мы дарим св. Петру принадлежащее нам, а не передаем ему его собственность так, как будто бы она была в на-

шем владении». Правовая основа этого дарения с императорской точки зрения предельно проста. Но на каких условиях оно осуществляется? Здесь речь идет не о дарении в обычном смысле этого слова, а о таком пожаловании, при котором даритель расстается не со всеми правами. Это следует из того, что получателем дарения является не римская церковь, не папа и его преемники на папском престоле, не лично Сильвестр II, а сам Апостол Петр. Не говорится о том, что папа может свободно распоряжаться полученными графствами, — он может лишь владеть и управлять ими для приращения своей апостольской и его, Оттона III, императорской власти.

Проведение, вопреки обычаю, в грамоте различий между правами папы и более обширными правами Апостола Петра объясняется тем, что в то же самое время Оттон III принял новый титул, ставивший его в особое положение по отношению к Апостолу Петру. Отсюда следует, что все не предоставленные папе права, обычно гарантировавшиеся подобного рода актами дарения, оставались за императором, который теперь в своем особом качестве «слуги апостолов» реализовал их в интересах Апостола Петра. Это разделение императорской и папской компетенций при управлении имением св. Петра практически было трудно осуществимо, чем и объясняется нечеткость выражений дарственной грамоты, не содержавшей в себе необходимые определения, дабы не предвосхищать решение этого вопроса. Становится ясным и то, почему император, передавая восемь графств, расположенных в столь важной для него области на пути к Риму, говорит о приращении императорской власти, ибо он вовсе не выпускает из рук южную часть Пятиградья, а лишь переводит ее из собственности Империи во владение св. Петра, светским управляющим которого является не кто иной, как он сам.

Распоряжение, сделанное относительно Пятиградья, очевидно, не должно было ограничиваться только этой областью. Если довести его интерпретацию до логического завершения, то управление всем имением св. Петра должно было делиться

аналогичным образом между «викарием св. Петра» — папой Сильвестром II, и «службой апостолов» — императором Оттоном III. Можно предположить, что таков и был замысел императора, устроившего свою резиденцию в Риме и рассматривавшего его в качестве своего города. И противоречие, состоящее на первый взгляд в том, что Венгрия по инициативе Оттона III была в 1001 году провозглашена королевством, но при этом препоручена св. Петру, находит свое объяснение, если справедливо предположение, что император оставил за собой особые права в отношении владений римской церкви.

Германский король в Средние века рассматривался в качестве фогта римской церкви, которому подчинена ее собственность и который был обязан охранять ее и защищать. Оттон I по случаю своей императорской коронации присягал: «И кому бы я ни передал Итальянское королевство, того заставлю присягнуть тебе, что будет помощником твоим в защите земли святого Петра». И в его договоре с папой Иоанном XII содержатся слова: «Клянемся, что в меру своих сил будем защитниками». Однако такое понимание функций императора сильно отличается от задуманного Оттоном III. Для него характерно особое, античное по духу и традиции и вместе с тем церковное облачение своего отношения к Риму, Империи, св. Петру и церкви, которое, в свою очередь, имеет собственные идейно-политические предпосылки. Достоинство Оттона III как «слуги апостолов» восходит к основному представлению о положении императора как фогта римской церкви. Связанный с именем Оттона III проект «Возрождения империи римлян» при всей его новизне и необычности в конечном счете опирался на традицию оттоновского дома.

Дарственная грамота Сильвестру II в частности и взаимоотношения Оттона III с ним в целом убедительно свидетельствуют о логическом завершении оттоновской системы имперской церкви, когда за папой римским, как и за любым из имперских епископов, признавались права светской власти лишь постольку, поскольку они предоставлялись императором. От-

тон III был убежден, что положение «слуги апостолов» дает ему право по своему усмотрению вмешиваться в церковные дела, а Сильвестр II, приверженец идеи восстановления Древней Римской империи на христианской основе, сам признавал верховенство Империи над папством. Не случайно в период борьбы за инвеституру, во времена Генриха IV и Григория VII, сторонники Империи вспоминали пору Оттона III как золотой век, когда превосходство светской власти над папством было несомненным.

Крушение великого замысла

Император праздновал триумф своей политики и жил в предвкушении еще больших успехов, коих надеялся достичь в покорении Южной Италии и во взаимоотношениях с Византией, когда совершенно неожиданным для него образом рухнуло его господство в Риме — и, как оказалось, навсегда. Все началось с мятежа в городе Тиволи, жители которого поднялись против назначенных Оттоном III чиновников и убили при этом коменданта города. Самого императора они не пустили в город, закрыв перед ним ворота, так что ему пришлось начать осаду. От штурма и разрушения города обитателей Тиволи спасло посредничество папы Сильвестра II, епископа Хильдесхаймского Бернварда и отшельника Ромуальда, по случаю как раз оказавшегося в Риме. Мятежники капитулировали, направив к императору своих представителей из числа знати. В знак раскаяния они появились перед Оттоном III в одних только фартуках, прикрывавших их наготу, и с мечами в правой руке и розгами в левой. Это означало, что они сдаются на милость императора, предоставляя ему на выбор — отсечь им головы или публично высечь их розгами. Император помиловал их, довольствуясь обещаниями хранить верность, дать заложников, выдать убийц коменданта города и срыть часть городской стены. На сей раз Оттон III получил возможность в полной мере продемонстрировать свое милосердие (не как три года назад во время суда над папой-самозванцем Иоанном XVI) и по личной просьбе отшельника Ромуальда поми-

ловали и того, кого жители Тиволи называли единственным убийцей его человека.

Однако император недолго наслаждался водворенным миром. Сразу же восстали римляне — те самые неблагодарные римляне, которым он так льстил, стараясь вернуть бывшее величие их городу. Причиной бунта называли слишком мягкое наказание жителей Тиволи, которых римляне давно и сильно ненавидели, но это могло быть лишь поводом. Настоящая причина заключалась в фактическом императорском правлении в Риме, воспринимавшемся римлянами как нестерпимое чужеземное господство, которое невозможно было компенсировать даже привлечением их ко двору на Авентине. Не исключено, что сказались и неоправдавшиеся надежды римских господ, имевших земельные владения вблизи Тиволи. Но как бы то ни было, фаворит императора Григорий Тускуланский перешел на сторону его врагов, а за ним последовали и многие из тех, кто примкнул к Оттону III после подавления мятежа Крешенция. Рим, что редко случалось, практически единодушно противостоял императору. В то время, как преданные императору войска под командованием маркграфа Гуго Тосканского и герцога Генриха Баварского стояли лагерем у стен города, римляне заперли ворота и забаррикадировали улицы, ведущие ко дворцу, так что Оттон III со своими приближенными был в течение трех дней полностью отрезан от внешнего мира.

Обнаружилось, сколь непрочным был его союз с римлянами, сложившийся ради воплощения идеи «Возрождения империи римлян», но не выдержавший малейшего обострения противоречий. Римляне думали только о своем городе, а об императоре и Империи лишь постольку, поскольку те обещали возвышение их авторитета, расширение их прав и умножение их богатств, но больше всего они хотели сами править в своем городе, не позволяя императору вмешиваться в их дела. Император же, собираясь сделать Рим основой своей власти, хотел распоряжаться им, как и прочими частями Империи. Разрыв

был ускорен, возможно, и тем обстоятельством, что римские господа придавали слишком мало значения религиозной подоплеке императорской идеи «Возрождения».

В «Жизнеописании епископа Бернварда Хильдесхаймского», составленном Тангмаром, очевидцем событий, приводится примечательная речь, произнесенная императором, совершенно в духе древнеримской традиции, перед римлянами с вершины башни своего дворца: «Разве вы не мои римляне? Ради вас я покинул свою родину и близких. Из любви к вам я бросил своих саксов и всех немцев, даже своих кровных родственников. Вас я повел в отдаленнейшие области нашей империи, куда не ступала нога ваших предков, когда они господствовали над всем миром. Имя ваше и славу я хотел распространить до крайних пределов. Назвав вас своими сынами, я предпочел вас всем остальным. И теперь, в благодарность за это, вы отпадаете от вашего отца. Вы предали жестокой смерти людей, облеченных моим доверием, а меня самого изгоняете. Но сделать это не в ваших силах: те, к кому я питаю отеческую любовь, не могут быть вырваны из моего сердца». Речь императора будто бы произвела сильное впечатление. Все стояли в глубоком молчании, охваченные чувством раскаяния. Затем раздался общий возглас взволнованных римлян, и виновники восстания были схвачены и брошены к ногам Оттона III. Автору жизнеописания хотелось, чтобы именно так — всеобщим примирением — закончился злополучный мятеж. Но на самом деле все было по-другому.

«Жизнеописание Бернварда» своей популярностью среди историков обязано именно этой приведенной в нем мнимой речи Оттона III: полагают, что в ней содержится не только точное описание весьма драматического события из жизни Оттона III, но и важные сведения о его «римской идее» и его концепции «Возрождения империи римлян». Весь скепсис относительно сообщения Тангмара исчерпывается замечанием, что хотя речь Оттона III, возможно, передана и не дословно, однако она представляет собой «важное свидетельство утри-

рованной римской идеи юного императора». Однако при внимательном прочтении этой речи неизбежно замечаешь, сколь сильно сказывается в ней влияние школьных упражнений в риторике. Эта мнимая речь Оттона III представляет собой часть противоречивого, а в какой-то мере и откровенно ложного сообщения об окончании мятежа римлян в феврале 1001 года. Эта речь якобы положила конец восстанию, пробудила в римлянах чувство раскаяния и позволила императору беспрепятственно оставаться в городе. Отношения между Оттоном III и римлянами были будто бы столь безоблачны, что его уход из Рима сопровождался слезами горожан.

Сообщение «единственного очевидца», каковым считается Тангмар, противоречит всем другим источникам, которые в деталях хотя и отличаются друг от друга, однако в целом говорят о весьма драматичном бегстве Оттона III из Рима. По сообщению Титмара Мерзебургского, император, после того как римляне неожиданно ополчились против него, бежал в сопровождении немногих через городские ворота. Согласно «Кведлинбургским анналам», он покинул город «вопреки своей воле под натиском бешеного мятежа», причем прямо говорится, что восстание прекратилось лишь после бегства императора, а не было еще во время его пребывания в Риме мирно урегулировано, как рассказывает Тангмар. По сообщению Бруно Кверфуртского, римляне изгнали императора из города, и ему, смирившемуся со своей участью, с трудом удалось спастись невредимым. Наконец, «Деяния епископов Камбрэ» приписывают вмешательству герцога Генриха Баварского и маркграфа Тосканского Гуго то, что Оттону III удалось, хотя и с трудом, освободиться из римской осады. Трудно решить, какое из приведенных сообщений точнее. Однако все они вместе объясняют, при скольких драматических обстоятельствах Оттон III покидал Рим. Титмар Мерзебургский рассказывает, что император был вынужден даже оставить в городе большую часть своих спутников.

Рассказ Тангмара, несомненно, пристрастен, а его желание завуалировать поражение императора воистину поразительно.

Финал восстания был горек для «императора римлян». Бывшая с ним горстка людей, причастившись из рук епископа Бернварда, уже готовилась предпринять отчаянную вылазку. Бернвард должен был идти впереди со Священным копьем. И тут как раз герцогу Баварскому Генриху и маркграфу Тосканскому Гуго удалось уговорить римлян пропустить их к императору. Затем они, то ли тайно, то ли по договоренности с осаждавшими, вывели императора, Бернварда и еще несколько человек из города в свой лагерь, тогда как остальные из императорской свиты, видимо, стали жертвами мести римлян. Так Оттон III, испытав величайшее в своей жизни разочарование, 16 февраля 1001 года навсегда покинул Рим и в сопровождении папы Сильвестра II и многих римских клириков двинулся в северном направлении. Сразу же был отдан приказ готовить возмездие некогда столь любимому, но столь неблагодарному Риму.

Надежда умирает последней

Для Оттона III как императора потеря Рима означала неудачу, хотя и локальную по своему масштабу, но причинившую его авторитету существенный вред. Возникла угроза того, что и прочие недоброжелатели воспользуются удобным случаем, чтобы освободиться от его власти. Восстание в Риме нанесло тяжелый удар и по политике «Возрождения империи римлян». Оттон III по-человечески тяжело переживал случившееся. Его доверие было обмануто: римляне, к вящей славе которых был задуман проект «Возрождения», оказались недостойными такой чести. В подавленном настроении Оттон III направился в Равенну, куда и прибыл в середине марта. Там его встречали многие уважаемые и любимые им люди: посол венецианского дожа Иоанн Диякон, епископы Лев Верчелльский и Отберт Веронский, отшельник Ромуальд, а также многочисленные магнаты Равеннского экзархата. Но ничто не могло вернуть императору душевного равновесия. Под впечатлением от по-

следних событий еще больше усиливается его склонность к мистицизму. Он задумывается, не служат ли его неудачи Божиим знамением, велением отречься от императорского титула и уйти в монастырь. В Равенне, в монастыре Сан-Аполлинаре-ин-Класе, Оттон III предается многодневному покаянию, после чего отправляется в расположенный поблизости скит к отшельнику Ромуальду, где продолжает истязание плоти, довольствуясь скудной пищей и ночуя на грубой циновке из тростника.

И все же нити, связывавшие Оттона III с миром, оказались слишком прочны. На Пасху 1001 года он провел в Равенне собрание знати, на котором заключил с представителем венгерского короля Стефана соглашение, аналогичное по духу Гнезненскому договору с польским князем Болеславом. Обретение венгерской церковью самостоятельности лишило Зальцбургскую митрополию возможности заниматься там миссионерской деятельностью. Было принято и посольство от Болеслава Храброго, по просьбе которого Оттон III направил монахов-миссионеров для распространения христианства в Польше. Оправившись от пережитого потрясения, император продолжил свою политику.

Не лишена была политического содержания и другая его романтическая затея. Вскоре после Пасхи он задумал посетить Венецию, дабы лично познакомиться с дожем Петром II Орсеоло, с которым уже давно поддерживал дружественные дипломатические отношения. До сих пор дож избегал личных контактов с императором. Официальное посещение Венеции, равно как и его собственный визит в Империю, могло расцениваться в качестве признания ленной зависимости, поскольку не было обычая, чтобы независимые правители навещали друг друга. Однако умный дож, не желая обидеть Оттона III, нашел способ исполнить его мальчишескую прихоть. Император с небольшой свитой направился в монастырь Санта-Мария на границе с Венецией, заявив, что желает провести здесь в уединении три дня. Под покровом ночи он сел на ко-

рабль, присланный ему дожем, и в сопровождении семи верных людей через сутки прибыл в Венецию, где его, так же ночью, встретил Орсеоло как частное лицо. После краткого посещения весьма почитаемого монастыря Св. Захарии императора еще до наступления дня проводили во дворец дожа. А наутро, после мессы в Сан-Марко, один из сопровождающих Оттона III под видом посла приветствовал Орсеоло. Днем император беседовал с дожем и даже стал крестным отцом его дочери, чтобы еще прочнее скрепить дружбу.

Мы можем лишь догадываться, о чем говорили оба правителя. Отсутствие достоверных свидетельств вынуждает строить предположения. Возможно, Оттон III обсуждал с венецианским дожем ведение совместной борьбы против сарацин, а также христианскую миссию в землях южных славян и Венгрии. Высказывалось и предположение о том, что секретность посещения могла объясняться обсуждением столь деликатных вопросов, как предполагавшийся брак Оттона III с византийской царевной или даже его возможное отречение и уход в монастырь. Доподлинно известно лишь то, что Оттон III освободил дожа, как за год до того Болеслава Храброго, от уплаты ежегодной дани, символически выражавшей некоторую зависимость Венеции от Империи. Вполне вероятно, он желал видеть этот вольный город, как Польшу и Венгрию, равноправным членом его универсальной христианской империи.

После однодневного пребывания Оттон III покинул Венецию так же тайно, как и прибыл, рассказав в Равенне изумленным слушателям о своей поездке. И дож, собрав во дворце венецианцев, открыл им, какой высокий гость посещал их город.

В середине мая 1001 года Оттон III покинул Равенну и во главе войска двинулся маршем на Рим, у стен которого в начале июня разбил свой лагерь. Город был осажден, однако брать его штурмом император не решился, не имея достаточных для этого сил. Он довольствовался лишь проведением карательных рейдов по окрестностям, дабы отомстить мятежникам за измену. Затем, поручив командовать войском своему

верному патрицию Циацо, а Таммо, брата епископа Хильдесхаймского Бернварда, оставив удерживать укрепленный пригород Патерно, Оттон III с другим войском пошел на Беневент. В результате осады, продолжавшейся весь август, город был покорен, что произвело впечатление и на восставших жителей Капуи и Салерно, прекративших мятеж. После этого Оттон III отправился в Равенну, а затем в Павию ждать подкрепления из Германии. Теперь можно было даже говорить о частичном успехе, поскольку мятеж был локализован. Кроме Рима, вся Северная Италия была в руках императора. То же самое касается и римской церкви, глава которой и вдали от Рима оставался папой.

Положение Оттона III явно исправлялось. Об этом свидетельствует и то, что правитель Византии не воспользовался мятежом римлян для нападения, а, наоборот, согласился Удовлетворить просьбу, с которой посольство из Германии обращалось к нему еще в 995 году. В начале 1002 года в Бари прибыла византийская царевна, предназначенная в жены западному императору. Это был дипломатический успех, превосходивший достигнутый некогда Оттоном I, поскольку на сей раз прибыла представительница законной династии — более того, порфирородная царевна.

Но вместе с тем Оттон III столкнулся с очередной неприятностью: до него дошла весть о возмущении саксонской знати, к которому присоединились и епископы. Правда, попытка привлечь к мятежу и кузена Оттона III, герцога Баварии Генриха, не имела успеха. Однако мятеж, хотя и можно было надеяться, что он не распространится по всей Германии, заключал в себе серьезную угрозу, поскольку был вызван недовольством саксонской знати перемещением политического центра в Империю. Восстание на севере явилось следствием «Возрождения империи римлян», из-за которого немцы должны были лишиться господствующего положения в Империи. Особенно сильно было недовольство саксов политикой Оттона III в отношении Польши. Невозможно с уверенностью сказать, во что

вылилось бы это возмущение в Саксонии, если бы преждевременная смерть юного императора не дала развитию событий совсем иное направление.

А между тем Оттон III ждал подкрепления из Германии, чтобы возвратить себе Рим. Восстановление в Беневенте, Салерно и Капуе порядка, пошатнувшегося было после восстания римлян, придавало оптимизма. На Рождество 1001 года он совместно с Сильвестром II провел в Тоди синод, на котором уделил внимание своему любимому вопросу — миссионерству среди славян и венгров. Бруно Кверфуртский был назначен архиепископом для областей, на которых предполагалось развернуть деятельность миссионеров. Тогда же стало известно, что в пределы Италии вступил с большим войском Хериберт, архиепископ Кёльнский, а на подходе были со своими отрядами Бурхард Вормсский, к которому присоединилось и ополчение архиепископа Майнцского, епископ Вюрцбургский и аббат Фульдский. Оттон III уже начинал верить, что дела поправляются, как удача вновь отвернулась от него. Умер верный ему маркграф Тосканский Гуго, и тотчас же в Тоскане, порядок в которой до сих пор поддерживал этот сильный правитель, начались волнения. Оттон III перебрался в Патерно, близ Рима, где решил дожидаться прибытия Хериберта. Но ему не суждено было войти триумфатором в столицу возрожденной, как он надеялся, Империи. Он занемог, появились горячка и сыпь. 24 января 1002 года на 22-м году жизни Оттон III скончался на руках у Сильвестра II. Юный император умер от какого-то тяжелого инфекционного заболевания, вероятнее всего, от малярии — «итальянской болезни», как говорили в то время. Безвременная кончина Оттона III произвела удручающее впечатление на современников. Родилась легенда, что его отравили, причем виновницей преступления называли вдову казненного в 998 году Иоанна Крешенция, с которой юный император якобы поддерживал любовную связь.

Спустя две недели в Бари прибыл архиепископ Миланский Арнульф с невестой для юного императора — византийской

царевной. Получив известие о смерти жениха, она тут же повернула назад.

Сколь резко мечты Оттона III о христианской империи разошлись с реальностью, со всей очевидностью проявилось сразу же после его смерти. Чувствуя враждебность местного населения, приближенные императора утаивали весть о его кончине, пока не собрали вместе отряды, рассредоточенные по округе. Вскоре вспыхнуло восстание, охватившее всю Центральную и Северную Италию, смертельно опасное для немцев, однако подоспевшему Хериберту удалось при поддержке войска доставить тело Оттона III в Ахен, где на Пасху, 5 апреля 1002 года, его и похоронили, как он завещал, подле боготворимого им Карла Великого. Немецкому господству в Италии временно пришел конец. Едва похоронная процессия покинула пределы Италии, как 15 февраля 1002 года в Павии в церкви Св. Михаила состоялась коронация опального Ардуина, маркграфа Иврейского, короной Лангобардского королевства. Отложился от Империи и лангобардский юг Италии. В Риме безраздельно хозяйничала аристократия, в тени которой еще около года влачил незаметное существование Сильвестр II, так и не увидевший возрожденной во всем блеске Римской империи.

Оттон III перед судом истории

Как оценивать начинания Оттона III? Можно сказать, что вслед за ним сошли в могилу нереализованные великие возможности, заключавшиеся в его замысле «Возрождения империи римлян». Но можно сказать и по-другому: его смерть освободила Священную Римскую империю от грозившей ей катастрофы. Этот вопрос так и останется без ответа, поскольку жизнь императора оборвалась в самом ее начале. Впоследствии Оттон III мог бы измениться, набраться опыта и стать совсем иным, чем был в период увлечения своей идеей «Возрождения». Бесспорна лишь его необыкновенная одаренность. Вскоре после смерти он получил славное прозвище «Чудо све-

та», или «Чудо мира», подхваченное историографами и оставшееся в памяти людей.

Средневековые авторы, писавшие об Оттоне III, стремились излагать события таким образом, чтобы его смерть выглядела неизбежным следствием совершенного им при жизни. Анализируя свидетельства о нем, следует остерегаться влияния подобного рода якобы причинной связи. Однако есть еще одно обстоятельство, требующее критического подхода к свидетельствам источников. Император умер в тот момент, когда его Империя находилась в тяжелом положении. И все же вполне вероятно, что вскоре удалось бы погасить очаги напряженности. В 997–998 годах Оттон III был в столь же, если не в еще более затруднительном положении, но тогда он сумел восстановить свою власть. Однако на этот раз ему помешала смерть, послужившая сигналом к началу борьбы за германскую и итальянскую короны. Беспорядки, охватившие Италию и Германию, явились, таким образом, лишь частично результатом правления Оттона III, однако наблюдателям было трудно различить, какие события, последовавшие за его смертью, объяснялись политикой покойного, а какие были вызваны самим фактом его смерти.

Наиболее близким ко времени кончины Оттона III является «Жизнеописание пяти братьев», составленное в 1008 году Бруно Кверфуртским. Это психологически тонкое сочинение считается наилучшим из имеющихся у нас свидетельств о характере Оттона III. Поскольку Бруно близко знал императора при жизни, он особенно склонен высказывать собственное суждение, диктуемое личными пристрастиями. В ранней смерти императора он усматривает Божественное вмешательство и для обоснования этого суждения перечисляет всё, что, по его мнению, увело Оттона III с праведного пути. Являясь сторонником политики, полностью отвечающей интересам церкви, он считает вовлечение Рима в имперскую политику святотатством в отношении св. Петра. Но вместе с тем, при всем своем смирении, он не забывает о собственном происхождении из

знатного саксонского рода, противопоставляя «любимую Германию» лживым и наглым римлянам. Именно с этих позиций он судит об Оттоне III: «Ибо, поскольку один только Рим ему нравился и римский народ он более других осыпал почестями и деньгами, он в своей ребяческой безрассудности тщетно задумал устроить там столицу и возродить сам город в его былой славе и достоинстве. Свою же родную землю, любимую Германию, он уже не хотел более видеть — такое желание жить в Италии охватило его». Неудачу всех усилий Оттона III он объясняет тем, что «сам же Рим был пристанищем апостолов, данным им Богом». Однако Оттон III оставался непреклонен в своей любви к Риму: «И по обычаю древних языческих царей... он настойчиво трудился над возрождением мертвой красоты прежнего Рима, но напрасно». Намерение императора возродить былой блеск Рима Бруно объясняет ослеплением преходящей мирской славой. В этом источнике раскрывается личное отношение Оттона III к Риму и Италии, которое невозможно обнаружить в официальных документах. Однако речь здесь идет не только о его симпатии к ним, но в еще гораздо большей мере о политике. Собственно проблема взаимоотношения Империи и папства у Бруно подменяется осуждением любви Оттона III к Риму, которая предстает в особенно неблагоприятном свете из-за ассоциации с языческими императорами. Особую ценность сообщение Бруно имеет для оценки политики Оттона III, поскольку оно позволяет понять, с каким церковным и национальным сопротивлением должен был столкнуться император, если последовало столь суровое осуждение со стороны автора, являвшегося его доверенным советником.

Спустя несколько лет, между 1012 и 1018 годами, диктовал свою хронику Титмар Мерзебургский. И он усматривает в ранней смерти Оттона III Божью кару. Однако он молит о его прощении за то, что «его высшие помыслы были нацелены на возрождение нашей церкви». Об устремлениях Оттона III он пишет: «Император многое делал для возрождения древних

обычаев римлян, в его время большей частью уже забытых, к чему разные люди относились по-разному». Вместе с тем из слов Титмара явствует, что идея «Возрождения империи римлян», вызывавшая возражение со стороны определенных группировок германской знати, включала в себя и церковное возрождение.

К обоим этим авторам близок по происхождению и роду занятий Тангмар, спустя несколько лет после Титмара сочинявший «Жизнеописание Бернварда». Особенно важно то, что он видел императора на вершине его славы в январе 1001 года в Риме, незадолго перед тем, как там вспыхнуло восстание, также проходившее на его глазах. В уже процитированной нами речи, будто бы произнесенной императором перед мятежными римлянами, Тангмар выражает собственное представление о том, насколько гордился Оттон III распространением славы Рима в странах, куда не доходили даже древние римляне — имелся в виду славянский Восток, куда императора сопровождали представители Рима. Но автор особенно подчеркивает то обстоятельство, что Оттон III отдавал предпочтение римлянам перед всеми остальными народами его Империи, чем и объяснялись возникавшие то тут, то там вспышки недовольства.

«Хроника епископов Камбрэ», написанная хотя и значительно позднее, в начале 40-х годов XI века, однако на основании надежных источников доносит до нас свидетельство из другого конца Империи. В ней об Оттоне III говорится так: «Он, юноша знатного рода, отважно полагавшийся на собственные силы, замышляя нечто великое, даже невозможное, пытался возвысить достоинство Римской империи до могущества древних ее правителей. Помышлял также преобразить, возвратив им прежнюю привлекательность, церковные нравы, поврежденные порочными привычками римлян, жадных до стяжания благ. Дабы вернее достичь этого, являл римлянам свою высшую милость, отдавая им, коренным жителям, знавшим местные нравы и обычаи, предпочтение перед немцами, делая их своими первыми советниками. Это было бы весьма

хорошо и разумно, если бы он чего-то достиг. Но все напрасно. Ибо чем благосклоннее и милостивее был он к римлянам, тем более упорствовали они в своем высокомерии». Здесь светское, духовное и римское возрождения предстают как единое целое. При этом любовь Оттона III к Риму мотивируется иначе, чем у Бруно и Тангмара. Примечательно, что здесь, как у Титмара и Тангмара, возрождение Римской империи само по себе представляется великой целью, но, как у Бруно и Тангмара, выражается недовольство тем, что Оттон III отдавал Риму предпочтение перед Германией.

Интересно отметить, что спустя десятилетия после своей смерти Оттон III представлялся хронисту Адаму Бременскому могущественнейшим императором, покорившим датчан, славян, франков и итальянцев, трижды победителем вступившим в Рим.

И для современного историка не так-то легко по достоинству оценить историческую роль Оттона III. Широкое распространение в XIX веке получило представление о нем как о далеком от жизни мечтателе, «вознесшемся в небесные выси своей империи» и потерявшем контакт с действительностью, поставившем своими дерзкими замыслами на карту существование Священной Римской империи; основываясь на свидетельствах Тангмара и Бруно Кверфуртского, немецкие историки рисовали образ юнца, не имевшего твердых убеждений, презрительно отвернувшегося от суровой простоты своей саксонской родины, в глупом тщеславии подражавшего чужим обычаям и нравам, полностью поддавшегося очарованию Италии, ослепленного блеском идеи возрождения Римской империи, преследовавшего фантастические цели. Но с этим, обычным для XIX века представлением далеко не в полной мере согласуются натура и деятельность Оттона III. Его нельзя оценивать ни с точки зрения так называемой реальной политики, ни по национальным критериям — в этом случае оценка была бы полностью негативной. Более уместны суждения, принимающие в расчет универсалистские, стремившиеся возвысить-

ся над мирской суетой воззрения того времени. С этой точки зрения его политика возрождения Римской империи являлась важной фазой развития римской идеи, владевшей умами на протяжении многих веков. Оттон III и его советники мыслили универсальными, а не национальными категориями. Правда, при этом не утрачивает своей актуальности вопрос: не являлись ли его представления об универсальной христианской империи фантастической идеей, игнорировавшей объективную реальность — зарождение в Европе национальных государств?

Однако и при критическом рассмотрении идеи Оттона III не кажутся исключительно фантастическими и далекими от реальности. Он целенаправленно продолжал в Италии политику своего отца и деда, стремясь установить там собственное господство, предполагавшее властвование не только в Павии, Вероне и Равенне, но и в Риме. В этом отношении он продвинулся даже дальше своих предшественников, вознамерившись не только время от времени появляться во главе войска в Вечном городе в качестве завоевателя, но и устроить в нем свою постоянную резиденцию, исполняя законную власть. Для этого он и пытался привлечь римлян на свою сторону, давая им должности и титулы, велел построить для себя на Авентине дворец, учредил императорскую администрацию, возвел сначала немца, а потом француза на папский престол и заместил важнейшую в Риме должность патриция графом Циацо, одним из своих верных саксов. Намерение Оттона III господствовать бок о бок с папой римским явилось первой и единственной попыткой практической реализации весьма популярной в Средние века идеи о гармоничном сотрудничестве двух высших властей — светской и духовной.

Западная империя в идее и действительности была тесно связана с Римом, поэтому намерение Оттона III возратить ему прежний статус резиденции императора, столицы возрожденной Римской империи было смелой, но вместе с тем и логичной мерой. Благодаря ее реализации Западная империя, до

сих пор не имевшая столицы, получила бы свой духовный, политический и административный центр, подобно Константинополю в Византии. Но, с другой стороны, перемещение центра Империи в Италию таило в себе и серьезную угрозу, поскольку в этом случае Германия, на силу которой только и могла опираться власть императора, превращалась во второстепенную провинцию. Оттон III лишался важной опоры, о чем сигнализировал мятеж в Саксонии в 1001 году. Если бы он продолжил движение по этому пути, то столкнулся бы с еще большими трудностями. Саксы, а за ними и другие германские племена неизбежно перешли бы в оппозицию. Утрату поддержки с их стороны невозможно было бы компенсировать помощью от итальянских магнатов. Если бы Оттон III не пересмотрел коренным образом свой план «Возрождения империи римлян», приглушив в нем «римское» начало (а последние месяцы его правления показали возможность этого), роковой исход был бы неизбежен.

Оттон III с малолетства воспитывался в убеждении, что является законным наследником славы Древнего Рима. Однако его мечта об универсальной христианской империи не увлекла ни немцев, ни итальянцев, ни самих римлян. О ней мечтали только сам юный император, его ученый друг и наставник Герберт — папа римский Сильвестр II и немногие из числа приближенных, а этого было слишком мало. И все же, хотя замыслы Оттона III умерли вместе с ним, для будущего устройства Европы большое значение имел один аспект его концепции универсальной империи — желание интегрировать в ее состав соседние народы Восточной Европы, не покоряя их и не лишая политической автономии, включить их в западный христианский мир на началах самоуправления. Однако эти планы натолкнулись на решительное сопротивление со стороны германских магнатов, заинтересованных в военно-политической экспансии. Да и сами эти народы, постепенно приходявшие к осознанию собственной национальной идентичности, мыслили иными категориями и преследовали иные

цели. В конечном счете они вошли в семью христианских государств Европы, но не в состав Империи, не столько укорененной в политической действительности, сколько витавшей в мире идей. Вместе с тем попытка возрождения традиций Римской империи способствовала возрождению римского права, которое, в свою очередь, укрепляло среди европейских народов чувство культурного единства. Мечта о возрождении Империи в античном смысле не исполнилась, однако лежавшая в ее основе идея благотворно повлияла на культурное развитие той эпохи, получившее название оттоновского возрождения.

Глава пятая

ГЕНРИХ II СВЯТОЙ: ВОЗРОЖДЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА ФРАНКОВ

ОБРЕТЕНИЕ ВЛАСТИ И СВОЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА

Трудное начало

После безвременной кончины Оттона III в Германии создавалась ситуация, какой не было давно: покойный император не оставил после себя ни законного наследника, ни заранее назначенного преемника. Вопрос о престолонаследии оказался открытым, поэтому объявилось сразу несколько претендентов, находившихся в родстве с правителями Саксонской династии, в том числе правнуки Генриха I Птицелова — герцоги Отто Каринтийский и Генрих Баварский (сын Генриха Сварливого и внук «порфирородного» Генриха — младшего брата Оттона Великого). Инициативу сразу же захватил последний. При жизни Оттона III он был одним из наиболее преданных его сторонников, дважды сопровождал его в итальянском походе и выручал в трудных обстоятельствах, особенно во время восстания римлян в 1001 году. Получив известие о смерти императора, Генрих тут же отправился навстречу траурной процессии и завладел королевскими инсигниями. Архиепископ Кёльнский Хериберт попытался было удержать при себе Священное копье, но безуспешно. Он, как и другие находившиеся при теле покойного императора епископы, заявил, что признает новым королем того, «на чью сторону склонится лучшая и большая часть всего народа».

Решение вопроса о престолонаследии осложнилось тем, что объявились претенденты на корону, не связанные узами род-

ства с Оттонами. В день погребения Оттона III, состоявшегося в Ахене 5 апреля 1002 года, значительная часть присутствовавших князей заявила, что окажет поддержку Герману, герцогу Швабскому, в борьбе за королевский престол. Тем временем на съезде саксонской знати выдвинули свою кандидатуру — маркграфа Мейсенского Эккехарда, отличившегося в 998 году при подавлении мятежа римлян. Однако тот вскоре угодил в ловушку, подстроенную его противниками, и погиб. После этого Генриху Баварскому удалось с помощью щедрых обещаний заручиться поддержкой саксов. Еще раньше отказался от притязаний на королевскую корону Отто Каринтийский. В Южной Германии Генриха поддерживали большинство князей церкви во главе с архиепископом Майнцским Виллигисом. Последний и провел в Майнце 6 июня 1002 года, после того как за Генриха проголосовали светские и духовные князья из Баварии, Франконии и Верхней Лотарингии, обряд его помазания и коронации. Внук Генриха, любимого сына королевы Матильды, тщетно пытавшегося по наущению матери отнять у старшего брата власть, вззошел на королевский престол Германии. Потомок в третьем поколении исполнил давнюю мечту.

Как и полагалось по закону и обычаю, новый король Генрих II совершил объезд своего королевства, в ходе которого на верность ему присягнула знать Тюрингии и Саксонии. В Падерборне 10 августа архиепископ Майнцкий Виллигис короновал и супругу Генриха, королеву Кунигунду. Духовные князья Нижней Лотарингии присягнули на верность новому королю в Дуйсбурге, а светские во главе с герцогом Отто, последним представителем рода Каролингов, — в Ахене, где 8 сентября Генрих II воссел на трон Карла Великого. 1 октября герцог Швабский Герман сдался на милость королю, был прощен и получил от него в лен герцогство.

После гибели Эккехарда Мейсенская марка оказалась беззащитной. Этим воспользовался польский князь Болеслав Храбрый, совершивший вторжение и дошедший до самого Мейсена.

Несмотря на очевидный акт агрессии, Болеслав был принят в Мерзебурге в числе саксонских князей, собравшихся, чтобы присягнуть на верность новому королю. Генрих II даже пожаловал ему в лен восточную половину Мейсенской марки и часть саксонской Восточной марки. Сам город Мейсен получил родственник Болеслава Гунцелин. Король это сделал, желая сохранить дружественные отношения с Польшей, поскольку тогда, еще не укрепив свою власть в Германии, он не имел возможности дать вооруженный отпор Болеславу. И тем не менее, в отличие от Оттона III, чья восточная политика была основана на союзе с католической Польшей против язычников полабских славян, Генриху II позднее пришлось сделать крутой поворот во взаимоотношениях с восточными соседями. Не в последнюю очередь это произошло по причине агрессивной политики Польши, превратившейся при Болеславе I Храбром (992–1025) в сильное раннефеодальное государство. Его войско совершало завоевательные походы в земли поморских славян, в Киевскую Русь, Чехию и Германию. В 1003 году Болеслав Храбрый напал на Чехию и занял Прагу, тем самым еще более расширив свое политическое влияние, простиравшееся теперь от Балтийского моря до Карпат и от Вислы до горного массива Чешский Лес. Сознывая собственную силу, он отказался принести Генриху II вассальную присягу за аннексированную Чехию и оказывал поддержку германским герцогам и маркграфам, оспаривавшим у короля корону. Так, он нашел союзника в лице Генриха Швайнфуртского, обманутого в своих надеждах на получение герцогства Баварского и потому бунтовавшего против короля. В этой трудной для себя ситуации Генрих II решился на союз с язычниками — племенами полабских славян, издавна враждовавшими с Польшей.

С мятежом Генриха Швайнфуртского королю вскоре удалось справиться. Однако он не сумел дать отпор Болеславу, совершившему летом 1003 года вторжение в Германию и дошедшему, грабя и опустошая все на своем пути, до левобережья Эльбы. Ответный военный поход в Польшу летом сле-

дующего года оказался неудачным. Зато осенью Генриху II удалось вторгнуться через Рудные горы в Чехию и передать там власть враждебному Болеславу князю — его брату Яромиру. На обратном пути король отвоевал область мильчан и Баутцен, назначив в этом пограничье маркграфом Германа, сына погибшего Эккехарда. Летом 1005 года Генрих II опять выступил против Польши и сумел дойти до Познани, но, очевидно, не рассчитывая на большие успехи, был вынужден заключить с Болеславом, как выразился анналист, «недобрый мир». Этим соглашением, условия которого нам не известны с достаточной полнотой, закончилась первая фаза войн нового немецкого короля против Польши. Болеслав согласился возместить причиненный ущерб, что тем не менее не дает оснований говорить о признании им германского верховенства.

Генрих II не упускал из виду и другое важнейшее направление своей внешней политики — итальянское. Легкость, с какой Ардуину Иврейскому, опиравшемуся на поддержку значительной части итальянских магнатов, удалось вскоре после смерти Оттона III завладеть короной Лангобардского королевства, свидетельствовала об ослаблении власти немцев в Италии. Продолжая оттоновскую традицию, Ардуин поставил во главе своей канцелярии Петра, епископа Комо, много лет исполнявшего обязанности эрцканцлера при Оттоне III. Он привлек на свою сторону и архиепископа Миланского Арнульфа, только что возвратившегося из поездки в Константинополь за невестой для Оттона III. К нему присоединились также епископы Кремоны, Пьяченцы, Павии и Брешии. Словно собираясь и дальше продолжать политику Оттонов, Ардуин начал предоставлять привилегии церквям и монастырям. Прежде всего он подтвердил дарения Оттона III монастырю Спасителя в Павии, учрежденному императрицей Адельгейд. Затем Ардуин, желая, чтобы южные выходы альпийских перевалов находились в надежных руках, подтвердил право епископа Комо владеть весьма важным в стратегическом отношении Кьявеннским ущельем. Он привлек также на свою сторону и епископа

Лоди. Тот факт, что он предоставил привилегии и монастырю в Лукке, доказывает, что его признала по крайней мере часть Тосканы. Однако Лев Верчелльский, главный противник Ардуина, пользовавшийся конфискованными у него имениями, не мог рассчитывать на пощаду и бежал к Генриху II.

Власть Ардуина не распространялась на восточную часть Северной Италии. Маркграф Каносский Тедальд сохранил верность немцам, а с ним также и епископ Модены. Архиепископ Равеннский Фридрих, сам немец (внебрачный сын Генриха Сварливого), личными интересами был привязан к Германскому королевству. Веронские ущелья, относившиеся к Каринтийской марке, от посягательств со стороны Ардуина защищал епископ Отберт Веронский. Явные и тайные враги новоявленного короля Ломбардии направляли гонцов к Генриху II, приглашая его с войском в Италию. В Регенсбурге, где в середине ноября 1002 года новый правитель Германии собрал своих магнатов, появились, помимо упомянутых епископов Льва Верчелльского и Отберта Веронского, также и послы от венецианского дожа Петра II Орсеоло, получившие от Генриха II подтверждение оттоновских привилегий для Венеции. Тем самым немецкий король был признан законным правителем Италии.

Однако Генрих был слишком занят укреплением своей власти в Германии, чтобы отправиться за Альпы с большим войском. Рассчитывая на помощь верных ему итальянских магнатов, он ограничился посылкой небольшой экспедиции во главе с герцогом Каринтийским Отто, которому были приданы Эрнст, сын маркграфа Восточной марки, и Отто, брат епископа Регенсбургского. Набралось войско численностью всего лишь 500 человек, которое незадолго перед Рождеством 1002 года и вошло в долину реки Адидже, чтобы затем севернее Вероны соединиться с отрядами маркграфа Тедальда и архиепископа Фридриха. Однако в Тренто они узнали, что им навстречу уже двинулся Ардуин, вклинившись между ними и союзниками и захватив Веронское ущелье. Поскольку назначенным путем невозможно было пройти, герцог Отто свернул

в долину. Ардуин, предпринявший марш на Тренто, не нашел здесь противника и потому спешно возвратился на равнину у Вероны, чтобы немцы не обошли его. Когда же Отто направил к Ардуину, праздновавшему Рождество в замке поблизости от Вероны, гонцов, дабы, как было принято, условиться о времени и месте сражения, Ардуин их задержал, а затем почти одновременно с ними появился перед лагерем герцога Каринтийского на реке Бренте. Войско немцев в тот момент было рассредоточено по различным пунктам и разбелось в поисках фуража, но сумело быстро собраться. Несмотря на внезапность нападения численно вдвое превосходившего противника, оно оказало достойное сопротивление, однако бегство Отто, брата епископа Регенсбургского, решило исход сражения в пользу Ардуина.

Крутой поворот

Генрих II тяжело переживал эту неудачу, означавшую утрату большей части Италии. Хотя в Германии оставалось еще много нерешенных проблем, он не мог оставить без последствий нанесенное ему поражение на юге, тем более что из Италии к нему прибывали его сторонники, торопившие его с военным походом для восстановления власти немецкого короля. Накануне Великого поста 1004 года он объявил, что намерен отправиться в итальянский поход, призвав преданных ему людей к отмщению причиненного год назад унижения. Проведя 21 марта 1004 года в Регенсбурге рейхстаг, он собрал в Аугсбурге отряды баварцев, швабов и лотарингцев и двинулся в южном направлении. Вербное воскресенье, 9 апреля 1004 года, он праздновал уже в Тренто. Ардуин и на этот раз был в долине близ Вероны, заняв Веронское ущелье, поэтому Генриху II пришлось отклониться от маршрута, которым обычно шли в Италию его предшественники. Пройдя дальше в восточном направлении, он двинулся по старой римской дороге, преодолевая сопротивление Ардуина. При этом отряды из Каринтии, имевшие навык военных действий в горах, штурмовали ущелья и открывали немецкому войску путь на юг.

Генрих II разбил свой лагерь на левом берегу Brentы, около Бассано, где провел несколько дней, празднуя Пасху. Потом немцы перешли Brentу, чтобы сразиться с Ардуином, но тот предпочел отступить, ибо войско его сильно поредело из-за бегства дезертиров.

Повторилось то, что уже не раз случалось в Италии при смене власти. Недавние сторонники Ардуина наперебой принялись уверять Генриха II в своей преданности, а Верона встретила его с распростертыми объятиями. Помимо многочисленных итальянских магнатов, присягнувших на верность немецкому королю, в Верону прибыл и один из младших сыновей венецианского дожа Петра II Орсеоло, и Генрих II, как когда-то Оттон III, совершил над ним обряд конфирмации, дабы скрепить узами «духовного родства» дружбу с Венецией. Затем король в сопровождении теперь уже весьма многочисленных сторонников направился в Брешию, где к нему присоединился со своими отрядами и архиепископ Равеннский Фридрих. В Бергамо навстречу королю вышел архиепископ Миланский Арнульф и присягнул ему на верность.

Путь в Павию, к месту коронации, был открыт. Здесь, в той же самой церкви Св. Михаила, в которой два года назад короновался Ардуин, в воскресенье 14 мая 1004 года собравшиеся итальянские магнаты избрали Генриха II королем, а Арнульф Миланский совершил обряд коронации. Это была первая (и последняя) коронация представителя Саксонской династии в качестве короля Лангобардского королевства, поскольку о коронации трех Оттонов нет сведений и, вероятнее всего, ее вообще не было: самым фактом императорской коронации в Риме они становились и правителями Ломбардии. Таким образом, коронация Генриха II в Павии явилась важным новшеством, существенной уступкой итальянцам, поскольку германский король тем самым признал самостоятельность Лангобардского королевства, которое он соединил личной унией с Германией. Если Генрих II и рассматривал свою коронацию в Павии как уступку итальянцам, то это была вынужденная уступка, вы-

званная необходимостью аннулировать незадолго перед тем состоявшееся возведение на престол Ардуина Иврейского.

Вместе с тем обретение в Павии «железной» короны Лангобардского королевства (когда-то корона лангобардских королей была из железа, и прилагательное «железная» закрепилось за ней, хотя впоследствии ее изготовили из золота) могло расцениваться как притязание Генриха II и на императорскую корону. В свое время коронации Карла Великого в Риме в качестве императора восстановленной Римской империи как раз и предшествовала коронация «железной» короной. Продолжение каролингской традиции просматривается и в том примечательном факте, что после коронации в Павии Генрих II принял титул «короля франков и лангобардов» (впервые этот титул употреблен в жалованной грамоте от 28 мая 1004 года: «*Francorum et Langobardorum rex*»), введенный Карлом Великим. Таким образом, хотя в тот раз поход Генриха II в Рим и не состоялся, он не отказался от притязаний на Вечный город, о чем свидетельствует и употребление в его окружении титула «Римский король» («*Rex Romanorum*»), впоследствии, начиная с правителей Салической династии (1024–1125), ставшего официальным титулом короля Германии, посредством которого немецкие правители заявляли свои притязания на корону Священной Римской империи.

Стоявшие перед Генрихом II задачи требовали совершенно прагматичного подхода к их решению, исключавшего какие бы то ни было иллюзии. Поэтому вполне понятно, что в своей деятельности он сразу же стал ориентироваться на традиции Карла Великого и Оттона I, сменив курс непосредственного предшественника — Оттона III. Для всякого рода концепций, предполагавших возрождение универсальной христианской Римской империи и столь безраздельно захвативших его предшественника на германском престоле, теперь уже не могло быть места. Во многих важнейших направлениях политики должна была произойти радикальная переориентация, наиболее наглядным внешним проявлением которой служило изме-

нение с 1003 года девиза на королевских буллах: вместо «Возрождение империи римлян» («*Renovatio imperii Romanorum*») Оттона III — «Возрождение королевства франков» («*Renovatio regni Francorum*»). Сосредоточение на внутренних проблемах Германского (или, по каролингско-оттоновской традиции, Франкского, Восточно-Франкского) королевства стало велением времени. Вместе с тем это не означало отказа от прежней имперской политики, поскольку и принятый Генрихом II лозунг оставался в русле старой традиции каролингских правителей, с которой было сопряжено и притязание на императорское достоинство. Однако центр Империи теперь должен был переместиться из Рима к северу от Альп — в Германию. На имперскую политику Генриха II оказывали значительное влияние антиримские и антиитальянские настроения в Германии, особенно в Саксонии, с которыми он не мог не считаться. Генрих II продолжил имперскую политику своих предшественников, однако возвратил ее, образно говоря, в «нормальное русло», проложенное еще Оттоном I и отвечавшее представлениям народа о политике своего короля. Генрих II мыслил как политик-реалист: сначала надлежало утвердиться в самой Германии как властном центре Империи, затем стабилизировать положение в Северной Италии и пограничных регионах, а Рим и императорская корона могли подождать.

О том же свидетельствовали и настроения среди его итальянских подданных. Еще вечером дня своей коронации Генрих II имел возможность убедиться, что его господство здесь терпят лишь постольку, поскольку он в состоянии утверждать и поддерживать его. Внезапно вспыхнувшая пьяная ссора немцев с жителями Павии переросла в настоящее восстание местных против чужеземцев. Несколько часов подряд шла ожесточенная битва, город горел. В конце концов немцы одержали верх и по праву победителя стали грабить и убивать, пока король, сам вынужденно покинувший Павию и укrywшийся в расположенном по соседству укрепленном монастыре, не прекратил бесчинства и не дал прощение молившим о пощаде.

Однако и этот инцидент не помешал итальянским магнатам, продолжавшим прибывать к Генриху II, присягать на верность ему. Так не предполагавшееся заранее жестокое покорение Павии способствовало временному укреплению господства немецкого короля, сумевшего нагнать страху, зато запятнало его имя в глазах итальянцев. Словно желая реабилитировать себя, Генрих II демонстрировал собственное благочестие, поклонившись в Милане могиле Св. Амвросия, а также осыпал привилегиями своих сторонников. Его главными советниками в Италии были епископ Верчелльский Лев и маркграф Каноссы Тедалд. Во многих епископствах Генрих II заменил представителей на верных себе людей. Правда, Иоанну XVIII, занимавшему тогда престол Св. Петра и пригласившему его в мае 1004 года прибыть в Рим, он был вынужден ответить отказом, поскольку, как заметил Титмар Мерзебургский, испытывал «сопротивление различных врагов». Подобного рода здравомыслие роднило Генриха II с Оттоном I. Щедро награждая тех, кто помогал ему обрести Итальянское королевство, он тем не менее в Италии (впрочем, как и в Германии) пока что довольствовался временным урегулированием дел и уже в середине июня 1004 года возвратился домой, где тяжелые проблемы на восточной и западной границах Империи, доставшиеся в наследство от предшественника, всецело поглощали его внимание почти на десять лет.

Борьба на два фронта

События на границе Франции и Германии послужили предпосылкой для совместных действий Генриха II с французским королем Робертом II Благочестивым. В 1005 году умер бездетным герцог Нижней Лотарингии Отто, вместе с которым окончательно сошла с исторической сцены Каролингская династия. Воспользовавшись случаем, Балдуин IV, граф Фландрский, завладел Валансьеном. В борьбе против правителя Фландрии Генрих II считал весьма желательными совместные действия с королем Франций и потому направил в Париж престарелого епископа Нотгера Люттихского, хорошо осведом-

ленного относительно положения дел на Западе и служившего советником еще у императрицы Феофано. Видимо, по результатам проведенных им переговоров оба короля встретились в 1006 году близ Музона-на-Маасе и договорились о совместном походе во Фландрию.

В июле Генрих II отправился в Бургундию, правитель которой Рудольф III с трудом справлялся со своей мятежной знатью. Страна находилась в состоянии перманентной анархии. Генрих II по матери, старшей сестре бездетного Рудольфа III, являлся ближайшим претендентом на его наследство. Видимо, его права были официально признаны, и тогда же, в качестве своего рода залога исполнения данного обещания, Генрих II возвратил Германии Базель, некогда уступленный Генрихом I Птицеловом в обмен на Священное копье.

В сентябре 1006 года состоялся совместный поход Генриха II и Роберта II против Балдуина. Однако, несмотря на превосходство своих сил, они так и не сумели взять Валансьен. Было решено на следующий год повторить совместную военную операцию, но Генриху II на сей раз пришлось действовать в одиночку. В имперском епископстве Камбрэ царил страх из-за успехов Балдуина, поэтому Генрих II, побуждаемый епископом Эрлуином, в 1007 году перешел Шельду и взял во Фландрии крепость Гент. Балдуин был вынужден сдать Валансьен и прибыть в Ахен для официального признания капитуляции. Спустя несколько лет, в 1012 году, Генрих II, погруженный во внутригерманские неурядицы, пожаловал Балдуину в лен Валансьен и остров Валхерен, положив тем самым начало так называемой имперской Фландрии. Так опасный сосед закрепился на правом берегу реки Шельды. Будучи двойным вассалом французской и германской короны, он отныне владел и частью имперской территории. Возможно, это решение Генриха II было связано с тем, что Балдуин являлся пасынком Роберта II от его первой, позднее отвергнутой жены и находился в весьма натянутых отношениях с правителем Франции.

В начале 1012 года скончался епископ Камбрэ Эрлуин. Балдуин предложил в качестве кандидатуры для замещения освободившейся епископской кафедры своего сводного брата, однако Генрих II назначил новым епископом собственного капеллана Герхарда, родом из Нижней Лотарингии, который затем в течение нескольких десятилетий твердой рукой управлял епископством в интересах Империи. При этом король выразил пожелание, чтобы Герхард был рукоположен в сан не архиепископом Реймским, к церковной провинции которого относилось епископство Камбрэ, а папскими легатами, прибывшими для освящения нового собора в Бамберг. Смысл этого намерения Генриха II не оставляет сомнений: он хотел постепенно отделить Камбрэ от Реймского архиепископства. Однако Герхард не захотел усугублять трудности своего положения этим сомнительным шагом и 27 апреля 1012 года принял посвящение из рук архиепископа Реймского Арнульфа. Нового епископа сопровождал в его резиденцию граф Балдуин, затем проследовавший вместе с ним к германскому королевскому двору в Нимвеген, где он, как уже упоминалось, и получил в лен Валансьен и Валхерен.

Феодальная раздробленность во Франции, сопровождавшаяся непрерывными усобицами, представляла собой угрозу и для соседних областей Империи. Держать эту угрозу под контролем вменялось в обязанность новому герцогу Нижней Лотарингии, должность которого по решению Генриха II занял граф Готфрид, глава верного ему рода Арденнов. После смерти в 1003 году герцога Швабского Германа король взял на себя управление Швабией на время малолетства его сына. 21 марта 1004 года на рейхстаге в Регенсбурге Бавария была пожалована в лен Генриху Люксембургскому, брату Кунигунды, жены короля. Таким образом, запад и юг королевства находились теперь под защитой верных Генриху II людей.

Зато на восточных рубежах опять возникла угроза со стороны Польши. В 1007 году Болеслав опустошил саксонскую Восточную марку вплоть до Магдебурга и оккупировал Лау-

зиц вместе с областью мильчан. Генрих II, находившийся в то время под Валансьеном, не мог обеспечить оборону. Не оказалось на это сил и у саксонской знати, занятой междоусобной борьбой. В 1010 году король решил взять реванш. Хотя его войско в тот раз дошло до Силезии, военная кампания закончилась без видимого результата. Чтобы сплотить силы для борьбы против Польши, Генрих II в 1012 году обязал саксонскую знать воздержаться от усобиц в течение пяти лет. Были также назначены новые маркграфы. Однако саксы не горели желанием вести войну против Польши, столь мало отвечавшую их собственным интересам, да еще в союзе с язычниками-лютичами. Это обстоятельство вынуждало Генриха II искать примирения с Болеславом, который также был не прочь договориться, чтобы высвободить силы для ведения войны против киевского князя Владимира Святославича. На Троицу 1013 года в Мерзебурге были проведены мирные переговоры. Болеслав Польский сохранял за собой Лужицкую и Мильчанскую области, но на правах лена от немецкого короля, вассалом которого признал себя; он пообещал также Генриху II сопровождать его в Рим за императорской короной, а тот, в свою очередь, — военную помощь против Киева. Таким образом, было заключено соглашение в духе концепции Оттона III, провозглашенной в Гнезно в 1000 году.

В РУСЛЕ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ

Корона императора

Ардуин, ранее обратившийся в бегство и укrywшийся в горах, вновь объявился, как только Генрих II ушел из Италии. Очевидно, германский король не оставил гарнизонов и не укрепил как следует порядок в стране. Ардуин захватил Верчелли, осадил Новару и совершил вторжение в область Комо. Эти действия доказывали лишь, что в отсутствие немецкого короля никакая власть не защищала здесь государственный порядок и местные правители вынуждены были полагаться на собственные силы. Тем не менее на большей части Северной Италии

Генрих II оставался признанным королем. Весьма важную роль в этой междоусобной борьбе сыграл епископ Лев Верчелльский, сумевший собрать всех сторонников Генриха II и не только отвоевавший свое епископство, но и загнавший Ардуина в крепость Спарроне, где тот находился в осаде целый год. Хотя цитадель так и не удалось взять, власть Ардуина была настолько подорвана, что он больше уже не выступал в качестве самостоятельного политического деятеля. И вообще итальянские хронисты исчисляли годы его правления только до прихода Генриха II в Италию в 1004 году. Стремительное крушение королевства Ардуина свидетельствует о том, что оно не пустило глубоких корней. Социальный слой, на который он опирался, будучи в оппозиции к оттоновскому режиму, перестал его поддерживать, после того как он начал давать епископам привилегии, имитируя епископальную политику Оттонов. Поскольку же среди епископов очень многие были тесно связаны с немцами или же, как и светские магнаты, далекого господина предпочитали господину, находящемуся рядом, и надеялись извлечь выгоду, перейдя на другую сторону, эта опора для Ардуина оказалась ненадежной.

Генрих II, всецело поглощенный делами на территории к северу от Альп, лишь время от времени уделял внимание итальянской политике. Так, в 1007 году Лев Верчелльский появился у него при дворе в Регенсбурге и получил в награду за свою самоотверженную борьбу против Ардуина подтверждение пожалований в пользу епископства Верчелльского. Посланцы Генриха II прибывали в Милан, чтобы вершить здесь суд. Со своей стороны, епископы Северной Италии и Тосканы приезжали в Германию, чтобы разбирать перед королем свои споры. Король из Германии направлял распоряжения о замещении вакантных епископств, подтверждал владения и жаловал привилегии, вел переговоры с папой, в частности, об учреждении Бамбергского епископства. При этом он понимал, что положение дел в Италии требует более строгого порядка. В 1007 году, когда аббат Фарфы Гуго прибыл к нему с жалобами, он его заверил, что

намерен в следующем году разобраться с этими делами на месте. Однако Гуго, равно как и многим другим итальянским магнатам, пришлось ждать еще не один год, пока Генрих II, добившись мира на восточной границе и преодолев внутривосточные проблемы, не собрался совершить поход в Рим.

Заклучив на Троицу 1013 года в Мерзебурге мир со своим самым опасным противником, правителем Польши Болеславом I Храбрым, Генрих II приступил к непосредственной подготовке похода в Рим. Для этого вооруженные отряды собирались в Южной Германии на границе с Италией, куда из Мерзебурга направился и Генрих II. В декабре 1013 года его многочисленное войско совершило переход через Альпы и беспрепятственно достигло Павии, где король и прибывшие с ним праздновали Рождество. Туда стали стекаться итальянские магнаты для возобновления старых привилегий и получения новых. Прибыли и послы от Ардуина, который соглашался выдать королевскую корону и дать в заложники своих детей, если ему пожалуют хотя бы одно графство. Однако король отверг это предложение, поскольку Лев Верчелльский и другие противники Ардуина, много лет враждовавшие с ним, требовали окончательного его устранения. От него потребовали безоговорочной капитуляции, после чего он был заточен в монастырь, где спустя год умер.

Далее путь Генриха II лежал в Равенну, где ему предстояло решить один неотложный вопрос: некоторое время тому назад он назначил архиепископом Равеннским своего сводного брата Арнольда, которого, однако, изгнали, и теперь надлежало восстановить порядок. В середине января 1014 года в Равенне состоялся синод. Хотя папа Бенедикт VIII в работе синода не участвовал, от его имени было принято решение о назначении Арнольда архиепископом Равеннским. Генрих II оказал ему поддержку при возвращении церковной собственности, разграбленной за последние годы светскими магнатами. Однако пожалование графств, принадлежавших Равеннскому архиепископству, когда его возглавлял друг Оттона III Герберт

Орильякский, состоялось лишь спустя три года, когда и папа Бенедикт VIII дал на это свое согласие.

Генрих II не ограничил свою деятельность только архиепископством Равеннским. При его дворе тогда находились Гуго из Фарфы и Одилон Клунийский, подталкивавшие благочестивого короля к активному проведению оттоновской церковной политики. Под их влиянием был отдан приказ всем епископам и аббатам Италии составить перечень отчужденных от них имений с указанием, когда и при каких обстоятельствах они были утрачены и в чьем владении они к тому моменту находились. Хотя эта мера и не представляла собой нечто новое, однако накануне императорской коронации она воспринималась как своего рода правительственная программа будущего императора. Но обещание светской власти поддерживать церковь в проведении реституции церковных имуществ должно было вызвать беспокойство у пользовавшихся незаконно присвоенным, так что король тем самым приобрел не только сторонников, но и противников, чем и объяснялась шаткость его господства в Италии.

В начале февраля 1014 года Генрих II беспрепятственно прибыл в Рим, где его торжественно встречали папа Бенедикт VIII, клир и народ. В воскресенье 14 февраля папа провел в церкви Св. Петра обряд императорской коронации Генриха II вместе с его супругой Кунигундой. Во время коронационных торжеств Бенедикт VIII вручил новому императору, обязавшемуся быть защитником римской церкви, золотую державу как знак императорской власти над миром. Генрих II был польщен, однако не оставил у себя драгоценный подарок, а передал его аббату Одилону Клунийскому на хранение в его монастырь. Историки до сих пор гадают: что бы значил сей жест? Хотел ли император показать, что господство над миром подобает лишь Христу? Или же он считал, что император получает свою власть не из рук папы, а от самого Бога? Этот поступок благочестивого короля, в 1146 году канонизированного и вошедшего в историю под именем Генриха II Святого, весь-

ма показателен: борясь за чистоту христианской веры и всячески укрепляя авторитет церкви, он вместе с тем властно распоряжался ею в интересах государства, не допуская верховенства папства над Империей.

Как уже стало традицией, в связи с императорской коронацией в Риме был проведен синод под председательством папы Бенедикта VIII и новоявленного императора Генриха II. Папа подтвердил незадолго перед тем состоявшееся назначение Арнольда архиепископом Равеннским и рукоположил его в сан, специальной грамотой предоставив ему все необходимые права в Равенне и близлежащих графствах.

Между новым императором и папой складывались гармоничные отношения сотрудничества. Гораздо хуже ладили друг с другом римляне и императорское войнство. Как уже не раз бывало (тоже своего рода традиция), в Риме всего лишь на восьмой день после коронации Генриха II произошли кровавые стычки немцев с местными жителями. Начавшись на одном из мостов через Тибр, бойня продолжалась до самой ночи, унеся множество жизней. Император не решился дольше оставаться в этом опасном для себя городе. Хорошо еще, что ему удалось уйти без ущерба для собственного авторитета. Как написал его биограф, Генрих II покинул Рим, получив все, чего добивался, и с папским благословением. Через Сутри, Тоскану и Пьяченцу он прибыл в Павию, где и праздновал Пасху, пришедшуюся в тот год на 25 апреля. Продолжив затем путь на родину, Троицу (13 июня) он встречал уже в любимом Бамберге.

И второй итальянский поход Генриха II прошел в стремительном темпе, заняв всего около пяти месяцев. Слова его биографа о том, что он «получил все, чего добивался», могут быть справедливы лишь при условии, что единственной целью немецкого короля, отправившегося в итальянский поход, была императорская корона, а об упрочении своего господства в Италии он даже и не помышлял. Кровавый инцидент, омрачивший императорскую коронацию Генриха II, наглядно показал, сколь непрочны были его позиции в Риме. В свою оче-

редь, сам он, даже не попытавшись утвердить свою власть в Вечном городе, дал понять, что отнюдь не итальянское направление политики является для него важнейшим. О подлинном господстве над Италией и Римом (хотя бы таком, как при Оттоне I) тогда не было и речи. Генрих II, судя по всему, и не стремился к этому, сосредоточившись на проблемах собственно Германии. Одного лишь титула римского императора и номинального признания королем Италии ему было достаточно.

Снова дома и те же проблемы

Вскоре после возвращения на родину новому императору пришлось снова столкнуться с казалось бы решенными проблемами. Прежде всего опять обострились отношения с правителем Польши. Хотя немецкие рыцари, в соответствии с условиями Мерзебургского договора 1013 года, участвовали в походе Болеслава на Русь, сам он не выполнил взятого на себя обязательства сопровождать Генриха II в Рим. Это послужило поводом для похода императора в Польшу в июле 1015 года. Немецкое войско форсировало Одер и разгромило польский отряд под командованием Мешко, сына Болеслава. Однако Генриху II не удалось развить этот успех. Более того, его войско на обратном пути подверглось внезапному нападению поляков и понесло тяжелые потери. Лишь спустя два года, воспользовавшись напряженными отношениями между Польшей и Киевской Русью, император предпринял еще один, на сей раз последний поход против Болеслава Польского, предварительно заключив соглашение о совместных действиях с киевским князем Ярославом Владимировичем. Однако, несмотря на то, что на стороне немцев воевали лютичи, и этот военный поход не принес Генриху II желаемого успеха. На следующий год ему пришлось под нажимом саксонских князей, не желавших продолжать войну против Польши, тем более в союзе с язычниками-лютичами, согласиться на мир с Болеславом. Мирный договор был заключен в январе 1018 года в Баутцене (Будишине). Условия его в деталях нам не известны. Однако, судя по тому, что Титмар Мерзебургский писал, что мир за-

ключили «не как следует, но как тогда можно было», для императора это был вынужденный шаг, не отвечавший в полной мере целям его политики. Но как бы то ни было, этот мир соблюдался до конца правления Генриха II.

Большого успеха император добился на западном направлении. Французский король Роберт II Благочестивый дал свое принципиальное согласие на признание Генриха II наследником бездетного короля Бургундии Рудольфа III. В 1016 году Рудольф засвидетельствовал в Страсбурге, что Генрих II является наследником его королевства. В 1018 году в Майнце он еще раз подтвердил императору свое обещание, на сей раз передав ему в присутствии многочисленных магнатов корону и скипетр и приняв их обратно из его рук. Это должно было означать, что он держит свое королевство в качестве ленного пожалования от Генриха II. И если включение Бургундского королевства в состав Империи осуществилось при следующем ее правителе, Конраде II, родоначальнике новой династии — Салической, то Роберт II был вынужден довольствоваться полуполу-успехом: завоевав в результате многолетней борьбы герцогство Бургундское (современный французский департамент Кот-д'Ор с центром в Дижоне), он так и не решился объявить его прямым владением короны, лишь назначив герцогом своего сына Роберта. В 1020 году императору пришлось предпринять военный поход против своего вассала Балдуина IV, графа Фландрского. Что послужило поводом для этого, нам неизвестно. Видимо, целью вторжения было повторное взятие Гента.

Последняя битва за Италию

Лишь спустя семь лет после императорской коронации Генрих II снова отправился на Апеннины. Впрочем, этого третьего итальянского похода вполне могло и не быть (его цели и задачи выходят за рамки общей политической концепции Генриха II), если бы не настойчивые приглашения, поступавшие от его итальянских сторонников. Там, как и следовало ожидать, власть императора, лишь только он покинул пределы страны, приобрела чисто номинальный характер. Будто бы

даже рассматривалась возможность избрания другого короля, и даже присмотрели кандидатуру — правителя Бургундии Рудольфа III, да тот отказался. Но подлинным катализатором, оживившим вялотекущую итальянскую политику Генриха II (он ограничивался лишь назначением епископов и отправкой своих посланцев на Апеннины), явились события в Южной Италии. Некий уроженец города Бари по имени Мелос в 1018 году поднял в Апулии восстание против византийского господства, распространившееся по всему югу полуострова, но затем подавленное. Мелос бежал в Рим, где нашел поддержку со стороны папы Бенедикта VIII, который, благодаря своей энергичной политике, являлся ключевой фигурой в политических событиях на Апеннинском полуострове. Он тогда не только поддержал антивизантийское восстание в Апулии, но и распространил свое влияние на лангобардские княжества Салерно, Капуя и Беневент, служившие своего рода буфером между Западом и Востоком. В союзе с торговыми городами Генуей и Пизой он добился заметных успехов и в борьбе против арабов. Однако поражение собранного им войска во главе с Мелосом привело к еще большему усилению позиций Византии на полуострове. Лангобардские князья были вынуждены признать ее верховенство. Бенедикт VIII оказался в весьма затруднительном положении. Возникла даже реальная угроза того, что и Рим попадет под власть византийского императора. Тогда-то Бенедикт VIII, подобно своим предшественникам, и обратился за помощью к правителю Германии. Он лично отправился за Альпы и в конце марта 1020 года прибыл к императорскому двору в Бамберге.

В свите папы, помимо многочисленных князей церкви из Италии, находился и вышеупомянутый Мелос, преподнесший Генриху II весьма многозначительный подарок — звездную небесную мантию, символ всеобъемлющих притязаний императора на господство над миром. Генрих II, очевидно, понимал символический смысл подарка и не отказался принять его. В ответ он пожаловал Мелосу достоинство герцога Апулии, тем

самым поддержав восстание жителей Южной Италии. Однако Мелосу не суждено было долго радоваться оказанной ему высокой чести: счастье, похоже, окончательно изменило ему, и 23 апреля 1020 года он скоропостижно скончался. Последним утешением ему могло бы служить то, что его похоронили с княжескими почестями в соборе в Бамберге.

Генрих II и его супруга императрица Кунигунда не без умысла решили встречать Бенедикта VIII именно в Бамберге, своей любимой резиденции, которую им удалось, преодолев большие затруднения, возвести в ранг епископства и в которой они впоследствии обрели вечный покой. И по сей день останки Генриха II Святого и его супруги Кунигунды (также канонизированной в 1200 году) покоятся в соборе Бамберга в роскошном саркофаге, изготовленном в XVI веке выдающимся мастером немецкого Возрождения Тильманом Рименшнайдером. Визит папы римского должен был возвысить авторитет новой епархии. 14 апреля 1020 года, в Святой четверг, папе и его многочисленной свите, в состав которой входили и оба главных представителя итальянского епископата, архиепископ Равеннский и патриарх Аквилей, был оказан торжественный прием. Никогда прежде Бамберг не видел столь блистательного собрания высших иерархов церкви и государства, папства и Империи, равно как не бывало здесь и такого пышного празднования Пасхи, какое прошло 17 апреля 1020 года.

Здесь же в конце апреля 1020 года состоялся под председательством Бенедикта VIII и Генриха II синод, на котором было принято, как свидетельствует источник, «много полезных, много достойных решений». Возможно, в тот же день в качестве одного из этих «полезных и достойных решений» Генрих II пожаловал римской церкви грамоту, подтверждавшую все дарения, совершенные в ее пользу королями и императорами, начиная с Пипина Короткого, в том числе и «Оттониянум» Оттона I от февраля 962 года, подтвержденный в свое время Оттоном II, но не признанный Оттоном III. Таким образом, и в этом отношении Генрих II порвал с политикой своего

предшественника, возвратившись к принципам взаимоотношений Империи и папства, которых придерживался Оттон I Великий.

Совершение столь важного пожалования в пользу римской церкви именно теперь, когда папа Бенедикт VIII прибыл в Германию, дабы просить у императора помощи и защиты от реальной угрозы с юга, можно расценивать как сигнал, поданный Генрихом II о своей готовности еще раз отправиться за Альпы. На сей раз целью похода должна была стать Южная Италия, где не преуспел ни один из его предшественников, включая Карла Великого и Оттона I, из-за чего все предприятие выглядело авантюрой, ни в коей мере не совместимой с осмотрительной, реалистичной политикой, до сих пор проводившейся императором. Однако у Генриха II не было выбора: он, защитник и покровитель римской церкви, коим обязался быть в день своей императорской коронации, считал своим долгом откликнуться на просьбу о помощи, исходившую от папы римского. Иначе, как уверял понтифик, можно было потерять и Рим.

И все же, даже перед лицом этой угрозы, весьма осмотрительный Генрих II не спешил. Лишь в конце 1021 года немецкое войско собралось в Аугсбурге. Участники похода прибыли преимущественно из Швабии, Баварии и Лотарингии, поскольку саксы были нужны для обороны восточной границы, хрупкий мир на которой в любой момент мог быть нарушен как полабскими славянами, так и польским князем Болеславом I. В середине ноября войско выступило в поход и через перевал Бреннер прибыло в Верону, где к нему присоединилось ополчение епископов и светских господ Северной Италии. Рождество праздновали в Равенне.

Затем гигантское войско двинулось тремя колоннами на юг. Архиепископ Кёльнский Пильгрим повел западный отряд через Рим в Капуу, патриарх Аквилейский Поппон двигался через Центральную Италию, а император с папой во главе основной группировки маршировали вдоль восточного побере-

жья по направлению к хорошо укрепленному городу Троя. 3 марта 1022 года они прибыли в Беневент. Сначала военная кампания проходила достаточно успешно для Генриха II и Бенедикта VIII. Князь Капуи Пандульф попал в плен и как враг был приговорен к смертной казни, но потом, помилован императором и отправлен в изгнание в Германию. Капуанское княжество Генрих II пожаловал своему верному человеку — Пандульфу из Теано. Салерно в течение сорока дней подвергалось осаде, после чего князь Ваймар подчинился и дал заложников. Аббат монастыря Монте-Кассино Атенульф, бывший в союзе с Византией, покинул свою обитель и бежал в Константинополь, но по пути утонул в море. При новом аббате Теобальде монастырь снова подчинился римской церкви и императору.

Главным объектом атаки императорского войска была крепость Троя, которую византийцы построили для защиты северной границы своих владений в Италии. После длительной осады, продолжавшейся с апреля по июнь, гарнизон крепости капитулировал, а укрепления были разрушены. Это был показательный успех, не означавший, однако, перелома в ходе войны в пользу западного императора и папы римского. Предводитель византийских войск в Италии избегал открытого сражения, рассчитывая на то, что немцы с наступлением жаркого времени года уйдут на север. Так и произошло вскоре после падения Трои. Немецкие отряды заметно поредели в результате вспыхнувшей эпидемии, унесшей гораздо больше жизней воинов, чем вражеские мечи. Генрих II увел их сначала в Тоскану, а затем, после непродолжительного отдыха, в Ломбардию. Там, в Павии, 1 августа 1022 года состоялся под председательством папы и императора синод, на котором обсуждался вопрос, в равной мере актуальный как для Империи, так и для папства: какие меры необходимо принять для недопущения утраты церковью ее владений? Усмотрев главную причину обеднения церкви в несоблюдении духовенством celibата, участники синода приняли решение об ужесточении наказаний за его нарушение, что и было оформлено в виде императорского эдикта.

Вполне возможно, что актуальность этой далеко не новой проблемы обострилась в связи с военной кампанией 1022 года, обнажившей прежде не бросающиеся в глаза злоупотребления. Генрих II оставался верен себе: церковь должна быть богатой, дабы исправно нести государеву службу.

Вскоре затем, после непродолжительного пребывания Генриха II в Ломбардии, закончился его третий итальянский поход. Он доказал, что Империя способна на крупномасштабные военные акции, однако увенчался весьма скромными, учитывая предпринятые гигантские усилия, результатами. Эта последняя схватка двух империй за господство в Южной Италии не принесла победы ни одной из сторон. Властвовать там, как вскоре выяснилось, было суждено норманнам.

Штрихи к портрету

Возвратившись в Германию, император получил неприятное для себя известие о том, что соседняя Франция охвачена междоусобными войнами, в которые оказался втянутым и герцог Верхней Лотарингии Дитрих. Генрих II, озабоченный этими событиями, направил ко двору Роберта II в Компьене свою делегацию во главе с верным епископом Камбрэ Герхардом. Была достигнута договоренность о встрече двух правителей, которая состоялась 10–11 августа 1023 года в традиционном месте — на Маасе, где близ Ивуа на правом берегу реки расположился лагерь императора, а на левом около Музона — французский король. В свите императора находилось несколько лотарингских князей, в том числе герцог Нижней Лотарингии Готфрид. Во избежание спора о том, кто должен первым нанести визит, Генрих II, от которого и исходило приглашение, отправился в лагерь Роберта II в Музон, а на следующий день принимал короля с ответным визитом в Ивуа. Правители договорились о созыве в Павии большого синода, на котором они в присутствии папы и всего епископата Франции и Империи могли бы обсудить вопросы реформы церкви. На встрече обсуждалась и возможность прекращения феодальных усобиц во Франции. Враждующие стороны обращались к императору

как к посреднику, но ему не удалось урегулировать отношения между королем и его строптивыми вассалами. Намеченный собор в Павии также не состоялся, поскольку 13 июля следующего, 1024 года Генрих II скончался.

Он прожил не слишком долгую даже по средневековым меркам жизнь — 51 год. Слово по иронии судьбы, дядюшка Рудольф, король Бургундский, наследником которого Генрих являлся, пережил его на добрых десять лет. Нежданно-негаданно став королем (ничто не предвещало скорой кончины Оттона III), Генрих Баварский с достоинством исполнил свой долг государя. Мы не найдем повода, чтобы упрекнуть его. Расхожее выражение, что политика, мол, дело грязное — не про него. Искренне и глубоко религиозный человек, Генрих II был вместе с тем и достаточно хорошо образован. Культурный подъем, начавшийся в Германии с появлением византийской царевны Феофано, супруги императора Оттона II, и продолжившийся при Оттоне III, человеку редкой для того времени учености, при Генрихе II не только не угас, но даже обнаружил новые успехи, так что уместно будет сказать здесь несколько слов об этом.

Культурный подъем, наблюдавшийся в Священной Римской империи в последней трети X — начале XI века, получил название оттоновское возрождение — по аналогии с эпохой Возрождения. Главной его предпосылкой явилось целенаправленное проведение королями и императорами Саксонской династии политики на укрепление центральной власти и водворение порядка, что создавало благоприятные условия для экономического и культурного развития. Важную роль сыграло также сознательное продолжение Оттонами каролингской политической и культурной традиции, что позволило сохранить наследие так называемого каролингского возрождения.

Культурному расцвету предшествовали политические успехи Оттонов. Подъем молодого немецкого государства породил новые культурные запросы. Однако если Оттоны поначалу лишь создавали предпосылки для нового культурного подъе-

ма, то вскоре изменился характер взаимосвязи между королевским двором и вновь расцветавшей ученостью. Как известно, при Карле Великом искусство и наука тяготели к королевскому двору, и эта традиция частично сохранилась в последующие десятилетия. Хотя после распада Франкского королевства центрами образования вновь стали монастыри, духовная жизнь все же сохраняла связь с королевским двором. Это нашло выражение прежде всего в том, что теологи и ученые посвящали свои труды королю или представителям правящего дома. Порой представители королевского двора выступали заказчиками и покровителями деятелей культуры.

И все же центр культурной жизни снова, как и до Карла Великого, переместился в монастыри, и когда в середине X века, благодаря консолидации оттоновского государства, наступило оживление в области образования, инициатива исходила уже не от двора, а от крупных имперских монастырей. Показательно, что при этом сначала лидировали монастыри юга и запада Империи — Райхенау, Санкт-Галлен и Санкт-Максимин, а затем на первый план вышли саксонские монастыри, прежде всего Корвей и Гандерсгейм, наиболее близкие к королевскому двору. В этом смещении центров тяжести нашла свое выражение притягательная сила, которую оказывала вновь окрепшая королевская власть на образование и культуру X века. Каролингской традицией было то, что монастыри в своих усилиях по развитию образования с самого начала ориентировались на королевский двор. Именно каролингская просветительская традиция, сохранявшаяся монастырями, вовлекла оттоновский двор в процесс развития образования и науки той эпохи. При дворе Оттона Великого сознательно подхватили эту традицию. Отчетливо просматриваются параллели с деятельностью Карла Великого и в том, что Оттон Великий во время своего первого итальянского похода приглашал из Италии в Германию ученых и, по примеру Карла Великого, велел доставить из Италии старинные колонны для строительства Магдебургского собора.

Вместе с тем каролингскую традицию не продолжали безоглядно, а старались приспособить ее к собственным потребностям. Прежде всего характерно, что при Оттоне I не сам король, а его брат, архиепископ Бруно, прилагал усилия к развитию образования. При этом преследовались практические цели — очищение латыни, использовавшейся в канцелярской практике, от средневековых варваризмов, приближение ее к нормам классического латинского языка. В этом отношении дошедшие до нас латинские тексты оттоновской эпохи выгодно отличаются от большинства памятников латинской письменности других регионов Европы. Бруно заботился и о повышении общего уровня образования, допуская обучение в монастырских школах не только лиц духовного звания.

Если Оттон Великий препоручил поощрение учености своему брату Бруно, то Оттон II и особенно Оттон III занимались этим сами. Оттон III проявлял интерес ко всем идейным течениям своей эпохи. При этом он, подобно Карлу Великому, собирал вокруг себя наиболее значительных ученых того времени, столь непохожих друг на друга — Бернварда Хильдесхаймского, Бруно Кверфуртского и Герберта Орильякского. Они должны были помочь ему реализовать замысел «Возрождения империи римлян» на началах христианства. Этой же цели служило и искусство. Своими заказами Оттон III содействовал развитию оттоновской книжной миниатюры и поощрял скриптории (книгописные мастерские), в которых создавались изумительные по своей красоте рукописные книги. Неоценимый вклад в оттоновское возрождение внесла его мать-гречанка, императрица Феофано, высокообразованная женщина, в свите которой из Византии в Германию прибыло множество ученых. Византийские образцы доминировали при дворе Оттона III.

Стимулирующее воздействие королевско-императорского двора на развитие культуры является важной характерной особенностью оттоновского возрождения. Его вторая особенность заключается в том, что в качестве носителей культуры и

образования наряду с монастырями все больше стали выступать резиденции епископов, наиболее тесно связанных с королевским двором, таких, как епископы Хильдесхаймский и Падерборнский. И это не случайно: созданная Оттоном I епископальная система, система имперской церкви, служившая опорой государства, нашла свое логическое завершение в системе образования.

Совершенно новое явление — многочисленные соборные школы, приобретшие более широкую известность, чем школы монастырские, хотя и последние не утрачивали своей роли в деле образования. Первым в этом отношении выдвинулся Магдебург: магдебургская соборная школа в X веке была впереди всех немецких школ, а ее руководитель, схоласт Отрих являлся членом королевской капеллы — связь со двором очевидна, король и двор содействовали подъему магдебургской школы. За Магдебургом следовал Кёльн, где соборной школой руководил сам Бруно, собравший вокруг себя множество видных учеников. Обе эти школы, обязанные своим расцветом двору, действовали в интересах короля — Оттоны назначали епископами в основном их выпускников. И другие соборные школы также учреждались по инициативе двора.

Культивирование чистой латыни в школах оттоновской поры не прошло даром: эта эпоха оставила нам целый ряд выдающихся памятников латинской литературы, тогда как произведений на немецком языке, который в то время лишь формировался, до нас не дошло. Особенно заметны успехи в написании исторических трудов, которые принято объединять под общим названием «оттоновской историографии». Видукин, монах монастыря Корвей, представитель знатного саксонского рода, приближенный к королевскому семейству, написал «Историю саксов», в которой восславил родное племя и его выдающихся представителей — Генриха I Птицелова и Оттона Великого. Титмар Мерзебургский в своей «Хронике», задуманной как история Мерзебургского епископства, подробнейшим образом осветил современные ему события по

всей Империи и у соседних народов. Лангобард Лиутпранд, которого Оттон I за верную службу сделал епископом Кремонским, в ряде произведений блестяще, хотя и небеспристрастно, в духе прославления правителей Саксонской династии, изложил историю своего времени.

Особое место в культуре оттоновского возрождения занимает Росвита, монахиня Гандерсгеймского монастыря, учрежденного Лиудольфингами (Оттонами). Ее называют «первой немецкой поэтессой», хотя по-немецки она не написала ни строчки, сочиняя исключительно на латыни свои поэмы и драмы духовного и светского содержания. Она же является автором апологетической стихотворной истории Оттона I. Словно опередив свое время, вскоре после смерти она была предана забвению и вновь возрождена из небытия немецкими гуманистами XV века — эпоха Возрождения протянула руку оттоновскому возрождению.

Оттоновское возрождение имеет непреходящее историческое значение. В отличие от каролингского возрождения, угасшего вместе с породившей его Каролингской империей, оно положило начало формированию национальной немецкой культуры и продолжало жить в последующих эпохах. Условность термина со всей очевидностью проявляется в том, что речь шла не столько о возрождении утраченного культурного наследия (хотя и о нем тоже), сколько о зарождении качественно новой культуры.

* * *

Кончина Генриха II, наступившая вскоре после его третьего итальянского похода, знаменовала собой и завершение имперской политики правителей Саксонской династии в целом — творцов Священной Римской империи. Последний из правившего Германией рода Лиудольфингов ничем не обогатил имперскую идею. Он возвратился, насколько это было возможно, в колею политики Оттона I. Германское королевство, которому при Оттоне III суждено было раствориться в возрожденной

Римской империи, при Генрихе II снова окрепло. Бесспорной заслугой Генриха II перед собственным германским отечеством можно признать то, что он перенес политический центр Империи из Италии в Германию, принял незамедлительные меры для обеспечения безопасности на западной и восточной границах и тем самым спас наследие Оттона Великого. Священная Римская империя за годы его правления в целом заметно усилилась. Если политика является искусством возможного, то Генрих II, подобно Оттону I, владел им в совершенстве.

Рим и Италия утратили то место, которое им отводилось в имперской концепции юного императора Оттона III, полугрека-полунемца. Вместе с тем весьма примечательным представляется тот факт, что Италия была сохранена в сфере влияния Германского королевства. Генрих II не отказался от нее, несмотря на обилие проблем, с которыми ему пришлось столкнуться как к северу, так и к югу от Альп. Разумеется, это не было единоличным решением короля: поддерживавшая его знать воспринимала бы утрату Италии как собственное унижение. Провозглашение Ардуина королем она рассматривала как несправедливость, причиненную итальянцами немцам. Отстаивание чести короля в Италии делало представителей различных германских племен немцами. Здесь действовала коллективная воля, несомненно, принадлежавшая к числу наиболее сильных факторов формирования Немецкого государства и немецкой нации. Франки, баварцы, саксы, лотарингцы, тюринги и швабы ощущали собственную сопричастность к блеску короны, носитель которой властно выступал в Италии, приобретал императорское достоинство и господствовал, как мог, в Риме. Правление Генриха II отнюдь не подводило черту под имперской политикой немецких королей, не свидетельствовало об отказе от нее, но лишь служило очередным этапом ее развития. Впереди были славные в истории Священной Римской империи времена Салиев и Штауфенов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самый значительный из представителей Саксонского королевского дома Оттонов (919–1024) Оттон I (936–973), еще при жизни прозванный Великим, основал традицию соединения восточнофранкско-германского королевского достоинства с императорским титулом. При этом он следовал примеру Карла Великого, в свое время восстановившего империю на Западе. Хотя императорская власть с тех пор и утратила свое универсальное значение, она по-прежнему оставалась частью каролингской традиции, которую стремились поддерживать. Выражением этой традиции служат выбор Оттоном I Ахена в качестве места своей королевской коронации в 936 году и завоевание в 951 году Лангобардско-Итальянского королевства. Одержанная в 955 году Оттоном I победа над язычниками-мадьярами на берегу реки Лех зарекомендовала его как защитника христианства — и всё это в совокупности подготовило императорскую коронацию 962 года. С тех пор итальянская и, шире, имперская политика, включавшая в себя поход в Рим для совершения обряда императорской коронации, становится неотъемлемой составной частью политики германских королей. Как и Карл Великий, Оттон I рассматривал миссионерскую деятельность среди язычников в качестве важнейшей задачи христианского императора, чем и было обусловлено учреждение в 968 году Магдебургского архиепископства как центра для распространения христианства в Восточной Европе, а это, в свою очередь, служило наглядным свидетельством единства проводившейся им итальянской и восточной политики.

Оттон II в основном продолжил политическую линию отца. Однако Оттон III захотел большего. В своем визионерском преклонении перед римской античностью он хотел сделать

Рим столицей цивилизованного мира, резиденцией папы и императора одновременно, средоточением христианства и всемирного господства. Замыслив «великое, почти невозможное», как удачно подметил современник, Оттон III потерпел неудачу. Генрих II радикально изменил политический курс своего предшественника, возвратив Германии роль политического центра Империи и тем самым в основном вернувшись в русло политики, проводившейся Оттоном I.

Сознательное следование немецкими королями каролингской традиции включало в себя два основных компонента: 1) связь с папством: немецкие короли считались защитниками римской церкви и ее светских владений; 2) обладание бывшим Лангобардским королевством: немецкий король одновременно считался и «королем лангобардов», то есть объединял личной унией Германию и Италию. Поскольку германский король мог в качестве правителя лангобардов претендовать и на лангобардские княжества южнее Рима, возникали конфликты с Византией.

Таким образом, каролингская имперская традиция служила хорошим оправданием для восстановления империи в Западной Европе, однако реализация этого замысла была вопросом власти. Необходимыми для этого властными полномочиями обладал Оттон I, но его королевство, несмотря на все свое могущество, лишь в политическом отношении занимало доминирующее положение. И только императорская корона обеспечила Оттону I более высокое, по сравнению с другими королями, достоинство. К притязаниям на политическое доминирование среди других правителей Европы добавились универсальность и большая сакральность. В свою очередь, универсальный характер императорской власти оправдывал господство над негерманскими территориями Империи. Играла свою роль и эсхатология. В политико-теологических представлениях Средневековья Римская империя была последним из великих всемирных царств, чередование которых и составляло историю человечества. Римская империя, включенная в Священ-

ную историю, обеспечивала непрерывность исторического процесса до пришествия Антихриста. Поэтому и возлагалось так много надежд на императора, стоявшего во главе христианского мира, призванного защищать его от врагов, отстаивать и распространять истинную веру посредством миссионерства и войны против язычников. Вот почему средневековая Римская империя — Священная Римская империя — была, начиная с Оттона I, неразрывно связана с Римом и папством. Унаследованная от римской античности идея всемирного господства Империи слилась с универсалистскими притязаниями папства на влияние среди христианских народов. Поднявшись на вершину иерархии светских правителей, Оттон I, а за ним и все его преемники в качестве главы Римской империи ощущали себя законными наследниками Карла Великого и древних римских императоров. Сила Империи Оттонов в том и заключалась, что она всегда могла ссылаться на свою традицию, на связь с поздней Римской и Каролингской империями.

Предпосылки имперской политики и особенно важнейшего ее компонента — итальянской политики Оттона I и его преемников, равно как и ее последствия, чаще всего оценивались в национально-политическом аспекте, что не может быть признано удовлетворительным решением. Многократно задавались одни и те же вопросы: чем была императорская корона, которую более восьми веков носили немецкие короли, для немцев — проклятием или благом? Положил ли Оттон I начало той национальной трагедии, которая выразилась в «особом» историческом пути немцев, в победе князей над центральной королевской властью, в политической раздробленности Германии, что в совокупности привело к гипертрофированному национализму немцев в XIX и XX веках и к национал-социализму? А может, восстановленная Оттоном I Империя, претендовавшая на универсальный характер, соединявшая в себе светскую власть с авторитетом духовного вождя христианского мира, была весьма перспективной попыткой

объединения Европы с помощью имевшихся в его распоряжении средств и возможностей?

Как эти вопросы, так и ответы на них, сводящиеся к выяснению пользы или вреда, принесенных итальянской политикой королей и императоров средневековой Германии, можно считать давно изжившим себя анахронизмом. Каждая эпоха живет по своим собственным законам, и имперская идея служила лейтмотивом политики Оттонов, равно как и следовавших за ними Салиев и Штауфенов. Их борьба за императорскую корону и господство над Римом и Италией хотя и были сопряжены с большими жертвами, однако всесторонние связи с древней культурной страной Италией оказывали весьма плодотворное влияние на политическую, хозяйственную, религиозную и культурную жизнь Германии. Итальянская политика, несмотря на все сопряженные с ней жертвы, в целом отвечала интересам страны. Для немецкого правителя тогда не могло быть вопроса, где его страна извлечет большую выгоду — в Италии или в Восточной Европе. Таким образом, итальянская политика явилась причиной не упадка, а подъема Германии во всех областях.

Главный недостаток критики средневековой Римской империи и проводившейся ею политики заключается в том, что критерием оценки деятельности императоров сплошь и рядом служили интересы отдельных европейских народов, тогда как Священная Римская империя выросла из древнеримского представления об универсальной всемирной империи и носила, таким образом, универсальный, а не национальный характер, поэтому понять ее можно лишь с позиций политического универсализма. Критики имперской политики германских королей выдвинули альтернативу: итальянская политика или восточная политика, подразумевая, что подлинным интересам Германии отвечала экспансия в Восточной Европе. Однако в такой аргументации заключается фактическая ошибка. Проводившаяся Оттоном I восточная политика (при его преемниках характер этой политики менялся, временами весьма сущест-

венно) была теснейшим образом связана с его итальянской политикой. Миссионерство казалось ему главной задачей. По христианскому представлению, это было обязанностью любого короля, а тем более императора. Миссионерство — задача, которую должны были решать церковь и Империя совместно.

Германско-франкская имперская идея продолжала жить и при Оттонах. Разумеется, Оттон I не рассматривал свою Империю как продолжение малой итальянской империи начала X века, пресекшейся в 924 году со смертью Беренгара I. Его императорская власть была возобновлением римской и франкской традиции Карла Великого, которая когда-то основывалась на франках, а теперь на немцах и имела ярко выраженный характер политической гегемонии. Так в этой империи соединилась идея национальной власти с универсальной императорской властью. Императорская корона символизировала универсальную, духовную и светскую власть императора. Оттон I осуществлял фактическую власть над церковью, выступая против неугодных ему пап.

Значение Империи Оттонов заключалось и в том, что она решительным образом противодействовала нарастанию анархии в Италии и Европе в целом, а также предотвратила «романизацию» папства — замыкание его в пределах Рима. В обоих случаях речь идет о череде реальных событий и фактов, значение которых более понятно нам, нежели современникам. Возрождение Западной империи явилось решающим фактом для христианского универсализма и европейского единства. Восстановленная в 962 году Империя выступила против папской политики, которая стала исключительно римской, так что локально-римские аристократические родовые интересы могли погубить само папство. И тут вмешивается Империя Оттонов. Германские императоры, опираясь на самые авторитетные духовные силы того времени — клунийское монашество и итальянское отшельничество, насильственно возвратили папство в русло универсального руководства церковью. Своего первого апогея средневековый христианский универсализм достиг именно в этот период.

лизм на Западе достиг около 1000 года, в период взаимодействия Оттона III и папы Сильвестра II. Универсальная идея тогда была на короткое время реализована не только благодаря полному единодушию между императором и папой, но также и программе миссионерства среди языческих народов Европы.

И вместе с тем Оттон I, как и Карл Великий, ориентировался на традицию Византийской империи и соперничал с ней. Встать вровень с Византией было естественным стремлением Западной империи. К этому добавились еще и реально-политические трения, поскольку Южная Италия тогда находилась под властью Византии. Военное противостояние двух империй закончилось переговорами и заключением династического брака Оттона II с Феофано, оказавшегося лишь временным урегулированием проблемы. Возможно, к ее решению был близок Оттон III, однако его безвременная кончина перечеркнула достигнутое.

Имперская политика Оттона I, первоначально в качестве итальянской политики, входила в контекст борьбы за европейскую гегемонию. Когда он в 962 году обрел императорскую корону, это высшее светское достоинство подтвердило его фактическое доминирование среди правителей Западной Европы. Впоследствии политика Империи Оттонов, в которой слились воедино ее итальянское и восточное направления, имела чрезвычайно важные результаты. Имперская идея сплотила германские племена, входившие в состав Восточно-Франкского королевства, послужив важнейшей предпосылкой для возникновения Германского государства. Реализация Оттонами идеи «христианской империи», подхваченной от угасшей Каролингской империи, сыграла огромную роль в распространении христианства среди славян Восточной Европы и включении их в семью христианских народов Запады, хотя и не сбылась мечта Оттона III о вхождении «Склавинии» в состав «возрожденной империи римлян».

Империя Оттонов хотя и имела определенное сходство с Каролингской империей, однако существенно от нее отличалась.

Оттоновская Империя не просто значительно уступала Каролингской по территории: она, что особенно важно отметить, предполагала сосуществование в Европе самостоятельных королевств, признававших авторитет императора, но суверенных в своей политике. Эта модель интеграции европейских народов в «христианскую империю», имевшая своим прообразом Древнюю Римскую империю, отдаленно напоминает интеграционные процессы, протекающие в современной Европе: как тогда, так и теперь, в устранении барьеров, разъединяющих страны и народы, усматривают большие возможности для решения самых различных проблем. Однако тогда идея универсализма разбилась о национальный суверенитет, что дает пищу для размышлений и относительно современной интеграции. Имперская же идея, вызвавшая к жизни Империю Оттонов, которая положила начало Священной Римской империи и стала первым и наиболее важным этапом ее существования, продолжала жить в веках.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ САКСОНСКОЙ ДИНАСТИИ

800, 25 декабря	Коронация Карла Великого в Риме императорской короной.
843	Верденский договор троих внуков Карла Великого о разделе Каролингской империи.
911	Смерть Людовика Дитяти; в Восточно-Франкском королевстве (будущая Германия) пресеклась Каролингская династия.
911–918	Годы правления Конрада I.
919–936	Годы правления Генриха I Птицелова, родоначальника Саксонской династии (919–1024).
933, 15 марта	Победа войска Генриха I над мадьярами в битве при Риате на реке Унструт в Тюрингии.
936, 2 июля	Кончина Генриха I Птицелова.
936–973	Годы правления Оттона I Великого.
951–952	Первый итальянский поход Оттона I; его женитьба на королеве-вдове Лангобардского королевства Адельгейд.
953–954	Восстание Лиудольфа.
955, 10 августа	Битва на реке Лех, триумфальная победа Оттона I над мадьярами.
961–965	Второй итальянский поход Оттона I.
962, 2 февраля	Коронация Оттона I в Риме императорской короной, рождение Священной Римской империи.
964	Два восстания в Риме против Оттона I, быстро и решительно подавленные им.
966–972	Третий итальянский поход Оттона I.
966, декабрь	Показательная расправа Оттона I над мятежными римлянами.
967, 25 декабря	Оттон II, сын и преемник Оттона I, коронован в Риме императорской короной.
968	Учреждение Магдебургского архиепископства.
968–969	Война с Византией за господство в Южной Италии, сменившаяся переговорами о заключении династического брака.

972, 14 апреля	Венчание Оттона II с византийской царевной Феофано.
973, 7 мая	Кончина Оттона I.
973–983	Годы правления Оттона II.
980	Оттон II отправляется в Италию.
982, 13 июля	Оттон II потерпел сокрушительное поражение от сарацин в битве на мысе Колонне.
983, июня	Веронский рейхстаг; избрание малолетнего Оттона III королем Германии и Италии.
983	Всеобщее восстание полабских и поморских славян.
983, 7 декабря	Кончина Оттона II в Риме в возрасте 28 лет.
983–1002	Годы правления Оттона III.
991, 15 июня	Кончина Феофано.
996, 21 мая	Коронация Оттона III в Риме императорской короной.
997–1000	Второй итальянский поход Оттона III; «Возрождение империи римлян».
998	Подавление антиимператорского мятежа в Риме.
999–1003	Годы понтификата папы римского Сильвестра II.
1000	Паломничество Оттона III в Польшу на могилу святого Адальберта, посещение Ахена и возвращение в Рим.
1001, февраль	Восстание в Риме, Оттон III навсегда покидает город.
1002, 24 января	Кончина Оттона III в Патерно, пригороде Рима, на 22-м году жизни.
1002–1024	Годы правления Генриха II Святого.
1004	Первый итальянский поход Генриха II, его коронация в Павии в качестве короля Лангобардского королевства.
1013–1014	Второй итальянский поход Генриха II, его коронация в Риме в качестве императора Священной Римской империи.
1021–1022	Третий итальянский поход Генриха II.
1024, 13 июля	Кончина Генриха II.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Видукинд Корвейский*. Деяния саксов / Вступ. ст., пер. и коммент. Г.Э. Санчука. М., 1975.
- Жизнеописание императрицы Адельгейд / Пер. с лат., вводн. ст. и коммент. В.Д. Балакина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 3. М., 2000. С. 309–333.
- Лев Диакон*. История / Пер. М.М. Копыленко. М., 1988.
- Рихер Реймский*. История / Пер. с лат., сост., статья, коммент. и указ. А.В. Тарасовой. М., 1997.
- Эйнхард*. Жизнь Карла Великого / Пер. с лат. М.С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 7–34.
- Adalboldi Vita Heinrici II imperatoris* / Ed. G. Waitz // MGH SS IV. Hannover, 1841. P. 679–695.
- Annales Altahenses maiores* / Ed. E. von Oefele // MGH SS rer. Germ, in us. schol. Hannover, 1997.
- Annales Hildesheimenses* / Ed. G. Waitz // MGH SS rer. Germ, in us. schol. Hannover, 1990.
- Annales Magdeburgenses* / Ed. G. H. Pertz // MGH SS XVI. Hannover, 1859. P. 107–196.
- Annales Quedlinburgenses* / G. H. Pertz // MGH SS III. Hannover, 1839. P. 22–69, 72–90.
- Die Briefsammlung Gerberts von Reims* / Bearb. von F. Weigle. Weimar, 1966.
- Chronicon Salernitanum a. 747–974* / Ed. G. H. Pertz // MGH SS III. Hannover, 1839. P. 467–561.
- Constitutiones et acta publica imperatorum et regum (= MGH legume sectio IV)*. T. 1: Inde ab a. CMXI usque ad a. MCXCVII / Ed. L. Weiland. Hannover, 1893.
- Continuator Reginonis* / Ed. G. H. Pertz // MGH SS I. Hannover, 1826. P. 613–629.
- Einhardi Vita Karoli Magni* / Ed. G. H. Pertz. Hannover, 1863.
- Epitaphium Adalheidæ imperatricis auctore Odilone* / Ed. G. H. Pertz // MGH SS IV. Hannover, 1841. P. 633–649.
- Flodoardi annales* / Ed. G. H. Pertz // MGH SS III. Hannover, 1839. P. 363–407.
- Gesta archiepiscoporum Magdeburgensium* / W. Schum // MGH SS XIV. Hannover, 1883. P. 374–484.
- Hrotsuithæ carmen de gestis Oddonis I imperatoris* / Ed. G. H. Pertz // MGH SS IV. Hannover, 1841. P. 317–335.

Die Lebensbeschreibungen der Königin Mathilde / Hrsg. Bernd Schutte // MGH SS rer. Germ, in us. schol., 66. Hannover, 1994.

Liudprandi opera / Ed. J. Becker // MGH SS rer. Germ, in us. schol. Hannover, 1993.

Richeri historiarum libri quattuor / Ed. R. Latouche. T. I–II. Paris, 1937.

Ruotgeri vita Brunonis archiepiscopi Coloniensis / Ed. I. Ott // MGH SS rer. Germ. n. s. Bd. 10. Weimar, 1951.

Thangmari vita S. Bernwardi episcopi Hildesheimensis / Ed. G. H. Pertz // MGH SS IV. Hannover, 1841. P. 754–782.

Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon / Ed. R. Holtzmann // MGH SS rer. Germ. n. s. Bd. 9. Berlin, 1955.

Vitae Heinrici II et Cunegundis impp. / G. Waitz // MGH SS IV. Hannover, 1841. P. 787–828.

Vita Johannis abbatis Gorziensis auctore Johanne abbate S. Arnulfi / Ed. G. H. Pertz // MGH SS IV. Hannover, 1841. P. 335–377.

Widukindi Corbeiensis rerum gestarum Saxonicarum libri tres / Ed. P. Hirsch, H.-E. Lohmann // MGH SS rer. Germ, in us. schol. Hannover, 1935.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Балакин В.Д. Происхождение Священной Римской империи // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 144–149.

Балакин В.Д. Священная Римская империя // История средних веков: Книга для чтения. М., 1999. С. 392–405.

Балакин В.Д. Средневековая Римская империя: идея и реальность // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 2. М., 2000. С. 14–35.

Балакин В.Д. Итальянская политика империи Оттонов. М., 2000.

Балакин В.Д. «Во главе братьев и всей империи»: Оттон I — политик и глава семейного клана // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 5. Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 226–253.

Балакин В.Д. Карл Великий и империя Оттонов // Карл Великий: реалии и мифы. М., 2001. С. 170–188.

Балакин В.Д. Фридрих Барбаросса. М., 2001.

Балакин В.Д. Оттон III // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 65–84.

Брайс Дж. Священная Римская империя. М., 1891.

Бубнов Н. Сборник писем Герберга как исторический источник. Критическая монография по рукописям (983–997). Части 1–2 (отд. 1–2). СПб., 1888–1890.

Герье В. Виллигиз, архиепископ Майнцкий. 975–1011. М., 1869.

Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века. Т. 3. СПб., 1904.

Колесницкий Н.Ф. «Священная Римская империя»: Притязания и действительность. М., 1977.

Левандовский А.П. Карл Великий. М., 1999.

Фортинский Ф.Я. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872.

Althoff G., Keller H. Heinrich I. und Otto der Große. 2 Bde. Gottingen, 1985.

Althoff G. Otto III. Darmstadt, 1996.

Althoff G. Die Ottonen. Königsherrschaft ohne Staat. Stuttgart, 2000.

Becher M. Karl der Große. München, 1999.

Bemward von Hildesheim und das Zeitalter der Ottonen / Hrsg. Brandt M., Eggebrecht A. Hildesheim, 1993.

Beumann H., Büttner H. Das Kaisertum Ottos des Großen. Zwei Vorträge. München, 1962.

Beumann H. Die Ottonen. Stuttgart, 1991.

Bryce J. The Holy Roman Empire. A new Edition. London, 1906.

Dempf A. Sacrum Imperium. München, 1929.

Deutsche Könige und Kaiser des Mittelalters / Hrsg. von Engel E. u. Holtz E. Leipzig, 1990.

Diwald H. Heinrich der Erste. Die Gründung des Deutschen Reiches. Gladbach, 1987.

Ehlers J. Die Entstehung des deutschen Reiches. München, 1994.

Eickhoff E. Kaiser Otto III. Die erste Jahrtausendwende und die Entfaltung Europas. Stuttgart, 1999.

Eickhoff E. Theophanu und der König. Otto III. und seine Welt. Stuttgart, 1996.

Faber G. Der Traum vom Reich im Süden: Die Ottonen und Salier. München, 1983.

Fichtenau H. Karl der Große und das Kaisertum. Darmstadt, 1971.

Folz R. L'idee d'Empire en Occident du V au XIV siècle. Paris, 1953.

Folz R. La naissance du Saint-Empire. Paris, 1967.

Fried J. Otto III und Boleslaw Chrobry. Stuttgart, 1989.

Fried J. Der Weg in die Geschichte. Die Ursprünge Deutschlands bis 1024. Berlin, 1998.

Heer F. Das Heilige Römische Reich. Bern, 1967.

Hofer M. Die Kaiser und Könige der Deutschen. Esslingen, 1994.

Hofmeister A. Die Heilige Lanze: Ein Abzeichen des alten Reiches. Aalen, 1973.

Holtzmann R. Geschichte der sächsischen Kaiserzeit (900–1024). München, 1941.

Holtzmann W. König Heinrich I und die Heilige Lanze. Bonn, 1947.

Hubmann F., Pohl W. Deutsche Könige, römische Kaiser: Der Traum vom Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation, 800–1806. Wien, 1987.

Huch R. Römisches Reich Deutscher Nation. Zürich, 1987.

Kaisergestalten des Mittelalters / Hrsg. v. H. Beumann. München, 1985.

Keiser B. Adelheid: Königin, Kaiserin, Heilige. Ein Leben in bewegter Zeit. München, 1999.

Köpke R., Dümmler E. Kaiser Otto der Große. Leipzig, 1876.

Lippelt H. Thietmar von Merseburg. Reichsbischof und Chronist. Köln, 1973.

Mikoletzky H.L. Kaiser Heinrich II und die Kirche. Wien, 1946.

Mohr W. König Heinrich I (919–936). Saarlouis, 1950.

Muller H. Heribert, Kanzler Ottos III und Erzbischof von Köln. Köln, 1977.

Multer-Mertens E. Das Zeitalter der Ottonen. Berlin, 1955.

Ohnsorge W. Konstantinopel und der Okzident. Gesammelte Aufsätze zur der byzantinisch-abendländischen Beziehungen und des Kaisertums Darmstadt, 1966.

Otto der Große / Hrsg. von H. Zimmermann. Darmstadt, 1976.

Rentschler M. Liudptand von Cremona. Eine Studie zum ost-westlichen Kulturgefälle im Mittelalter. Frankfurt am Main, 1981.

Riché P. Gerbert d'Aurillac, le pape de l'an mil. Paris, 1987.

Schramm P.E. Kaiser, Rom und Renovatio: Studien und Texte zur Geschichte des römischen Erneuerungsgedankens vom Ende des Karolingischen Reiches bis zum Investiturstreit. Teile I–II. Leipzig, 1929.

Schulze U.K. Hegemoniales Kaisertum: Ottonen und Salier. Berlin, 1991.

Die Slawen in Deutschland: Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neiße vom 6. bis 12. Jahrhundert. Ein Handbuch / Hrsg. von J. Herrmann. Berlin, 1972.

Thomas H. Kaiser Otto III. Eine Skizze. Goch, 1980.

Uhlig K. Jahrbücher des Deutschen Reiches unter Otto II und Otto III. 1.Bd.: Otto II., 973–983. Leipzig, 1902.

Uhlig M. Jahrbücher des Deutschen Reiches unter Otto II und Otto III. 2.Bd.: Otto III., 983–1002. Berlin, 1954.

Waitz G. Jahrbücher des Deutschen Reichs unter König Heinrich I. 4., erg. Aufl. Darmstadt, 1963.

Weinfurter S. Heinrich II (1002–1024). Herrscher am Ende der Zeiten. Regensburg, 1999.

Корона Священной Римской империи.

Людовик Благочестивый.
Миниатюра X в.

Людовик Благочестивый.
Изображение на печати.

Людовик Дитя.
Изображение на печати.

Конрад I.
Изображение на печати.

Военные действия.
Миниатюра из «Золотой Псалтири» из Сен-Галленского монастыря. X в.

Генрих I.
Изображение на печати.

pater regie discipline terrorē semp iocundus.
dandi larg². dormiendi part². i m² dormiendū
semp aliqd loquens quo eū semp iugulare esti-
mes. amicis nichil negatis. i sup² hominē fide-
lis. Hā qsdā audiuim² accusatos. i peccati ma-
nifestos. ipsū eorū aduocatū i m²cessorē i cri-
minis nullom credulū. i ab eo p² habitos tāq²
nich unq² meū peccassent. In genū ei admod²
mirandū. nā p² mortē edidis regine cū antea
nescierit l²as intantū didicit. ut plenter
libros legē i intelligē nouerit. Preterea roma-
na lingua slauanicaq² loqui scit. s; tarum est
quo eaz² uni dignetur. In uenationib² creber.
tabularū ludos amat. equitat² grām regia gra-
uitate mūdū exerceus. Accessit ad hec i moles
corpis. omnē regiā ostendens dignitatē. capi-
te cano sparsus capillo. oculi rutilantes i mo-
dū fulguris citra repulsione splendore quen-

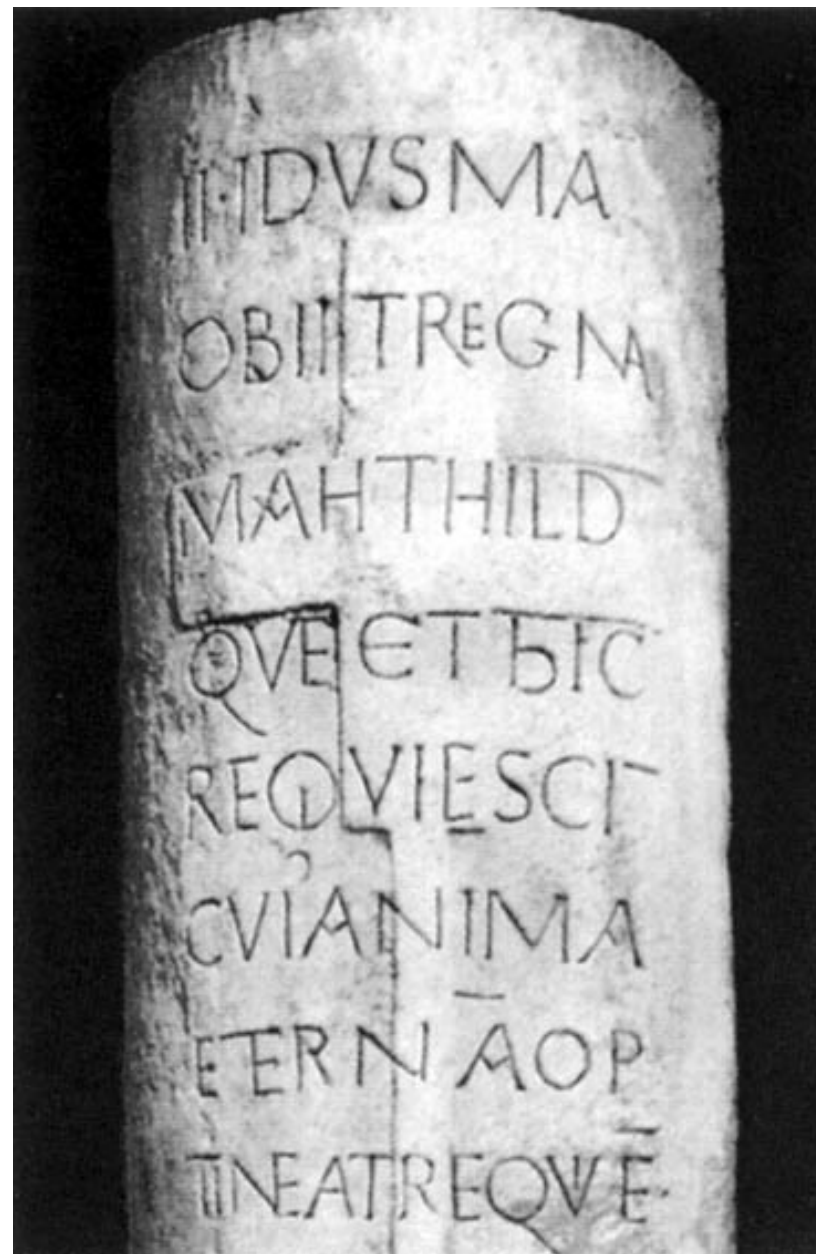
Фрагмент «Истории саксов»
Видукинда Корвейского.

Замок и замковая церковь в Кведлинбурге.

Корвейское аббатство.

Надпись королевы Матильды из Кведлинбурга.

Королевская резиденция (пфальц) Кведлинбург.
Реконструкция.

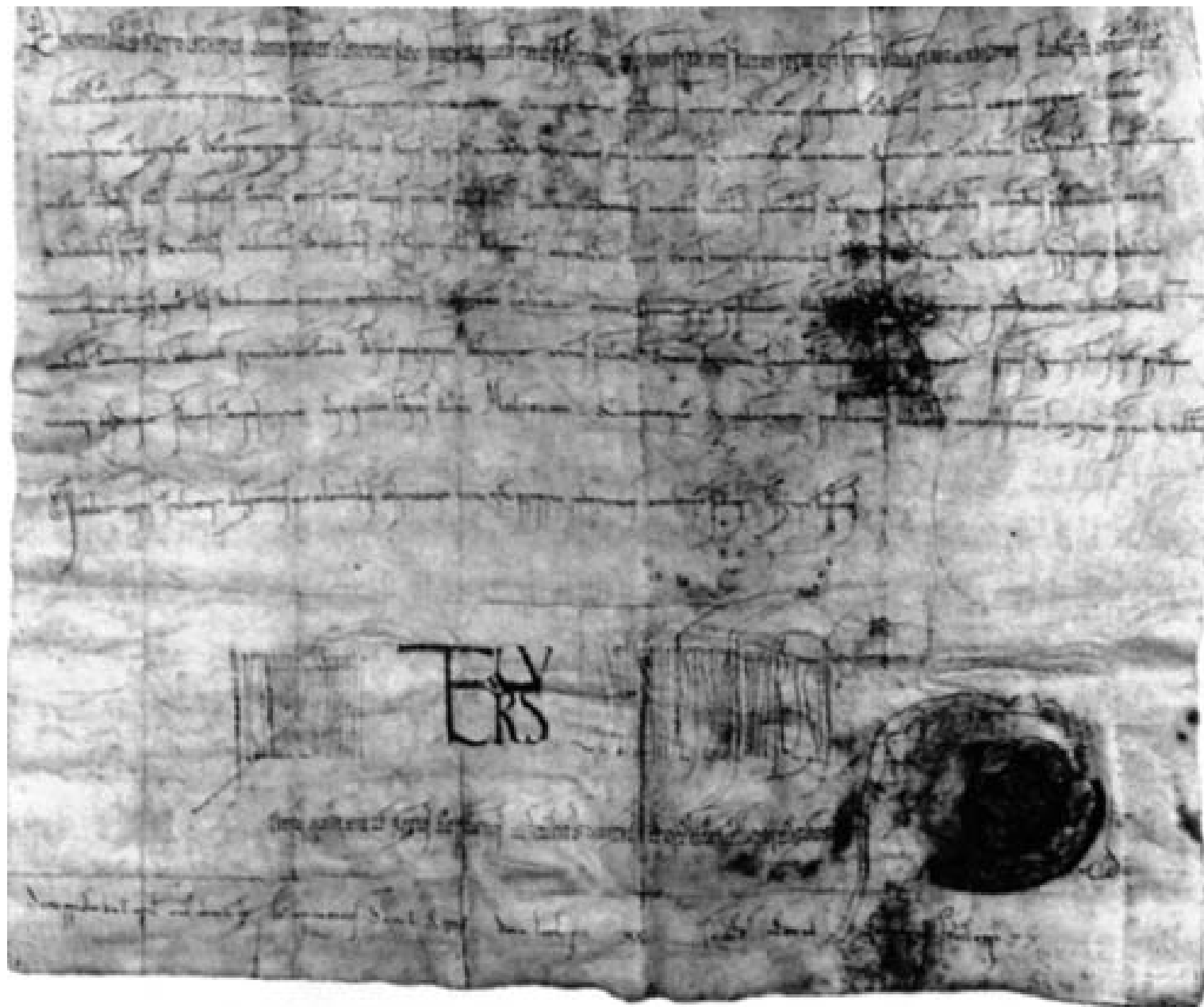
Оттон I со своей первой супругой Эдгид.
Скульптурные изображения из Магдебургского собора. XIII в.

Оттон I принимает присягу короля Беренгара.
Прорисовка с миниатюры XII в.

Замок Сан-Лео.

Грамота, пожалованная королеве Адельгейд
ее первым супругом Лотарем, королем Италии. 950 г.

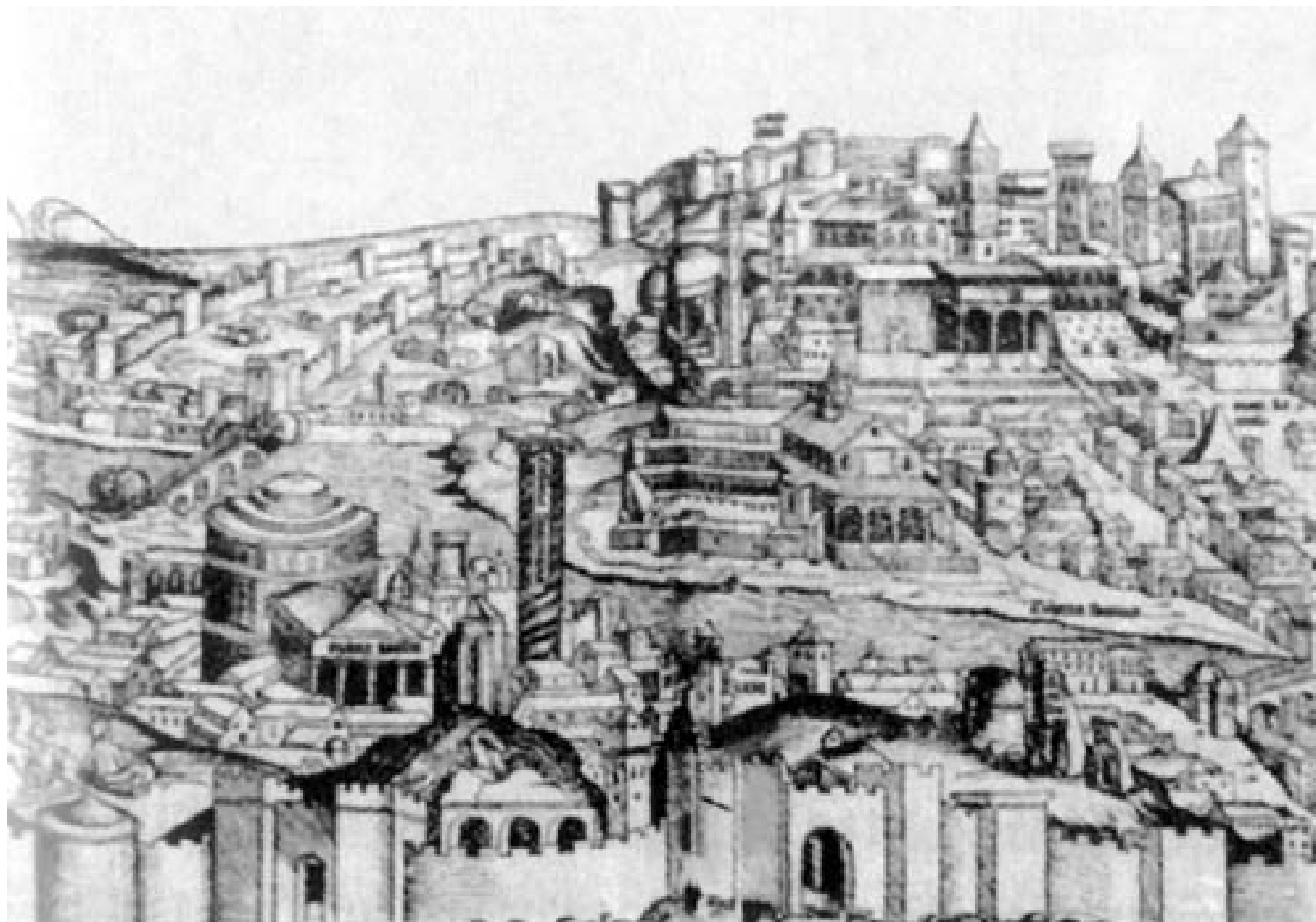
Базилика Сан-Микеле в Павии.
Здесь состоялось венчание Адельгейд и с Лотарем, и с Оттоном I.

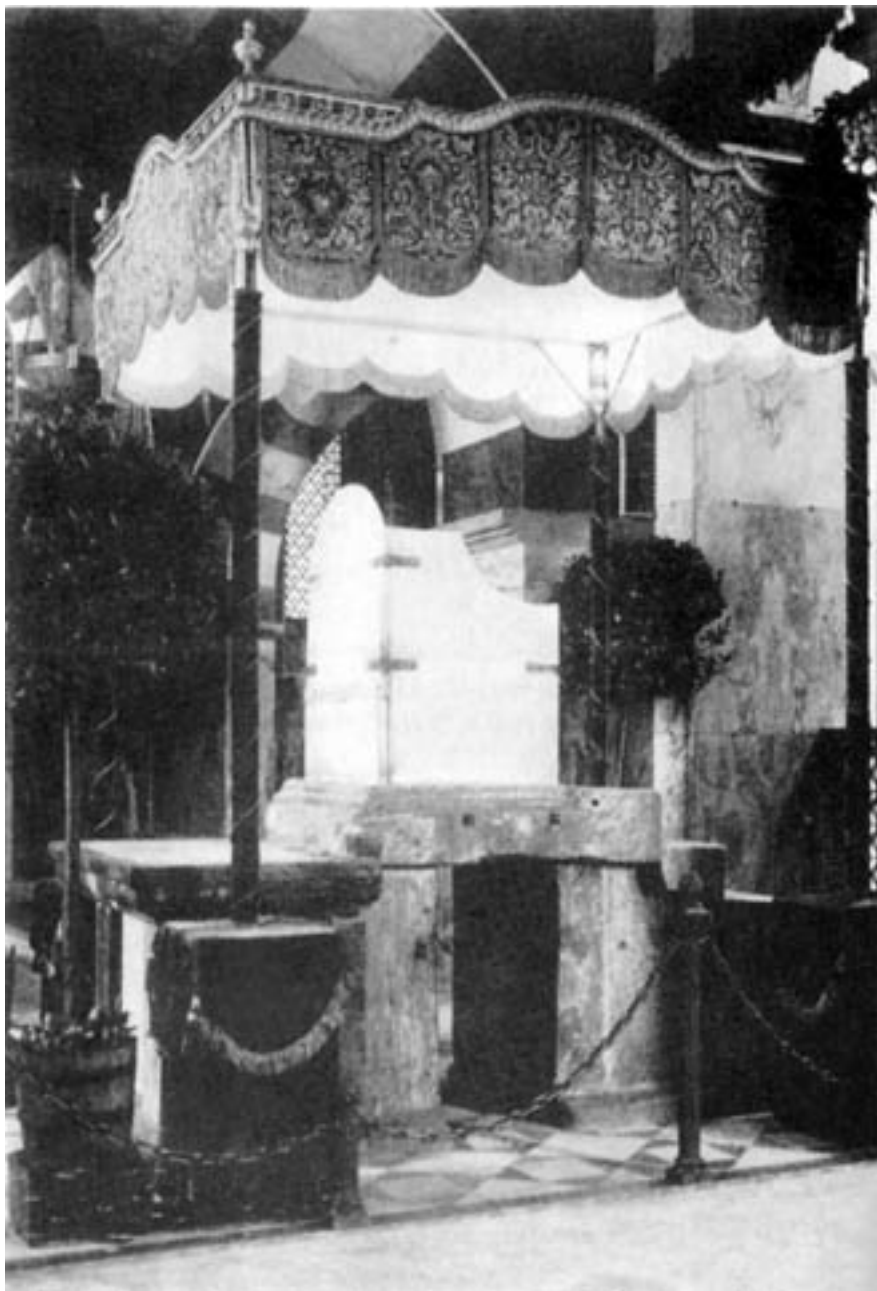
Адельгейд.
Скульптурное изображение. XIII в.

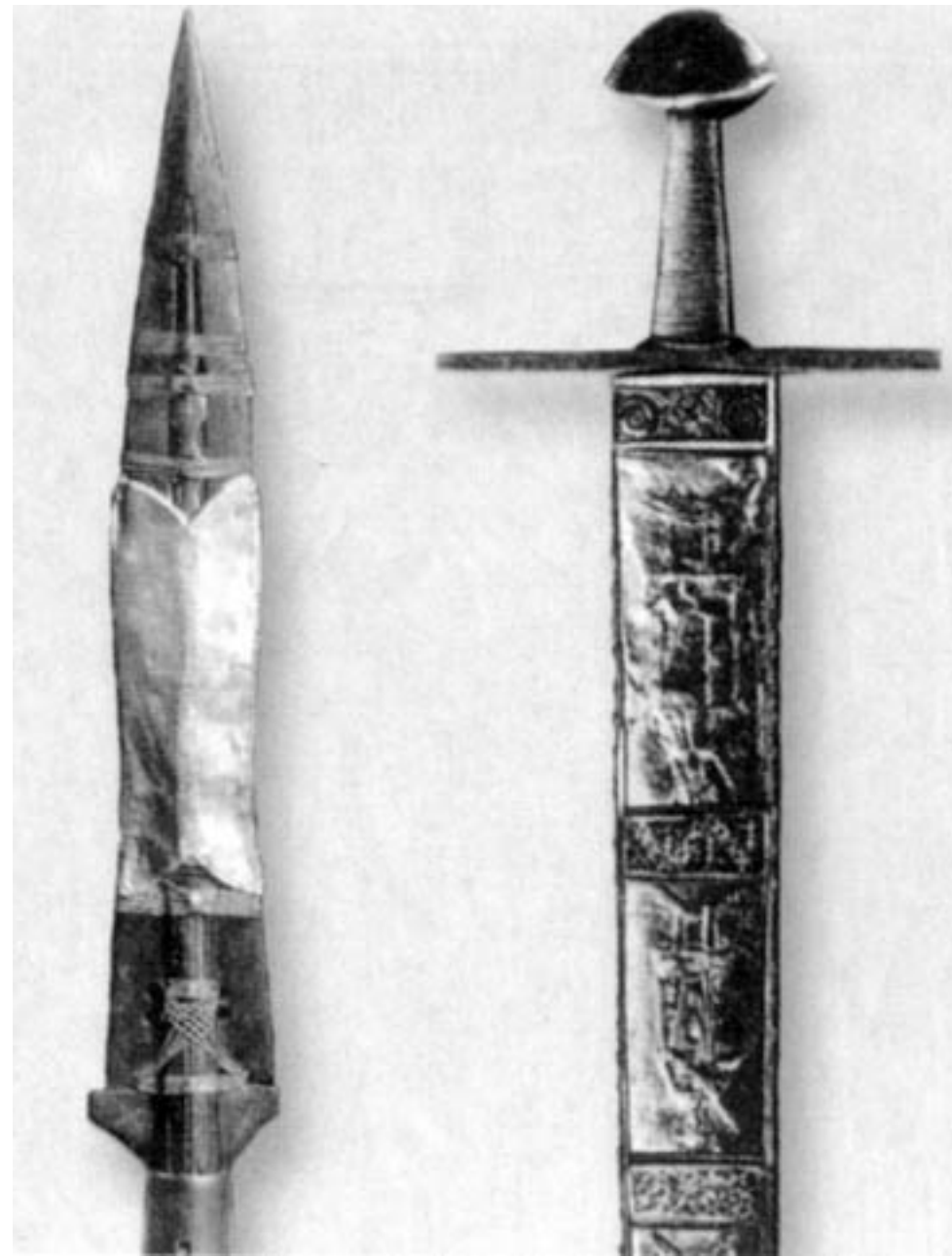
Маркграф Геро.
Изображение на печати.

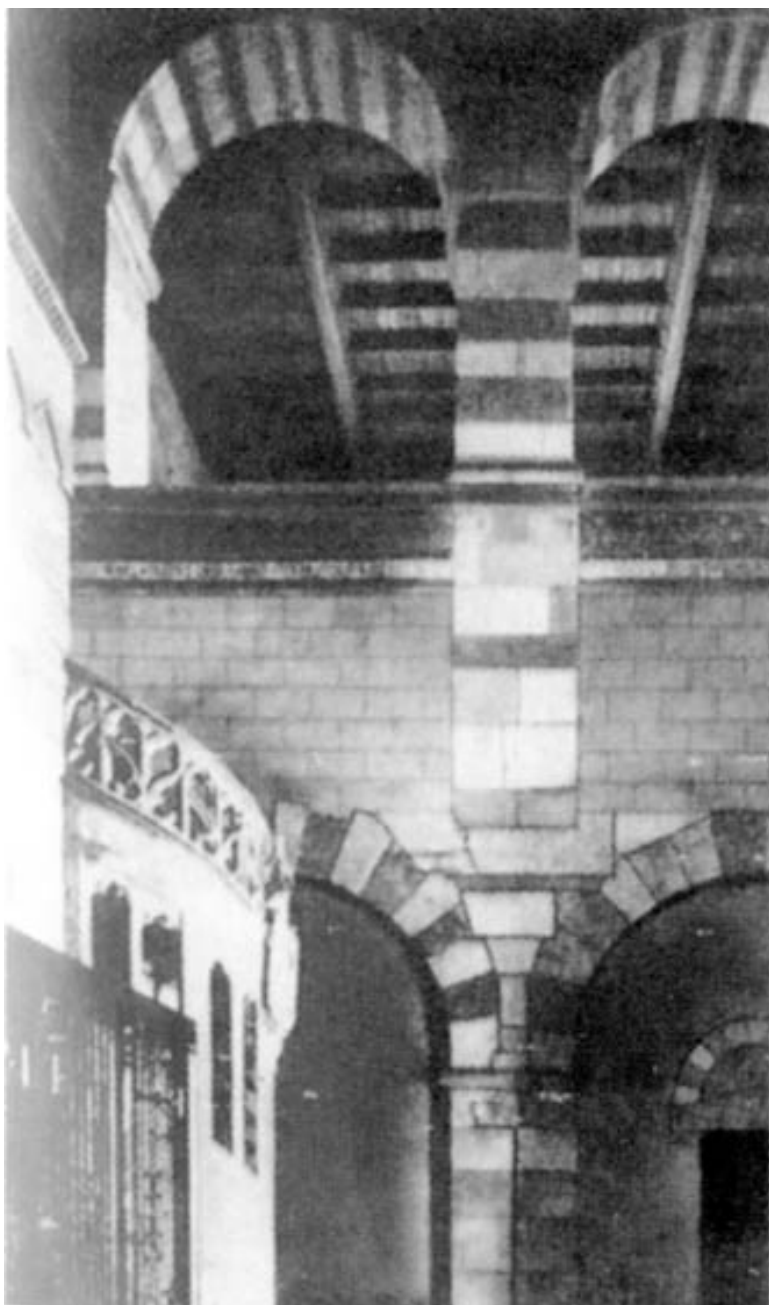
Рим.
Общий вид города. XV в.

Трон Оттона I в Ахене,
украшенный к 1000-летию коронации Оттона в 1936 г.

Священное копье и меч св. Маврикия,
инсигнии Священной Римской империи.

Внутренний вид собора
Св. Пантелеймона в Кёльне.

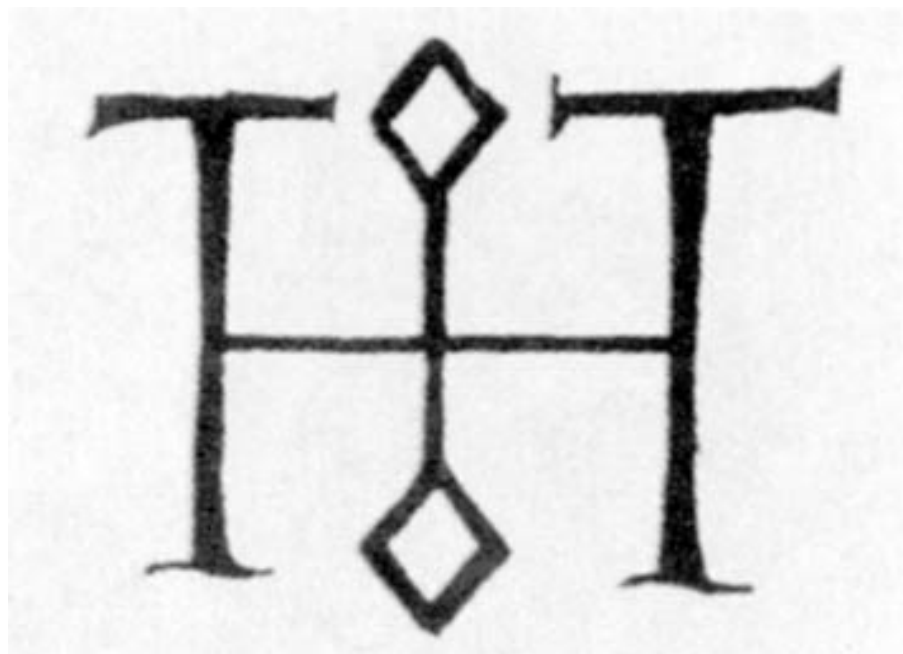
Собор Св. Кириака в Гернроде,
построенный маркграфом Геро.

Оттон I со своей супругой Адельгейд и сыном Оттоном.
Рельеф на пластине из слоновой кости. X в.

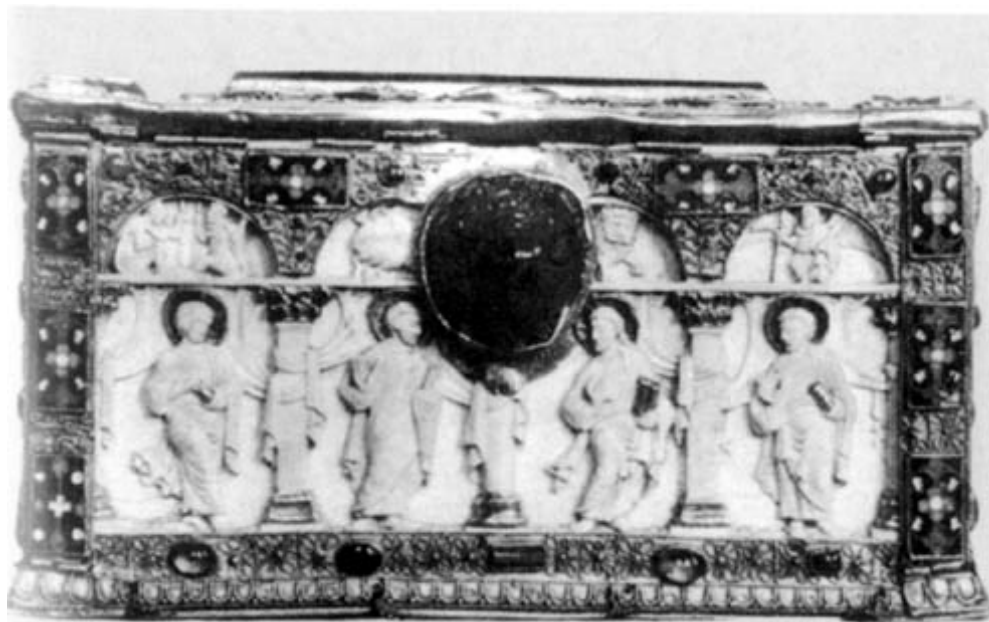
Трон Оттона I в Госларе.

Монограмма Оттона I.

Печать Оттона I.

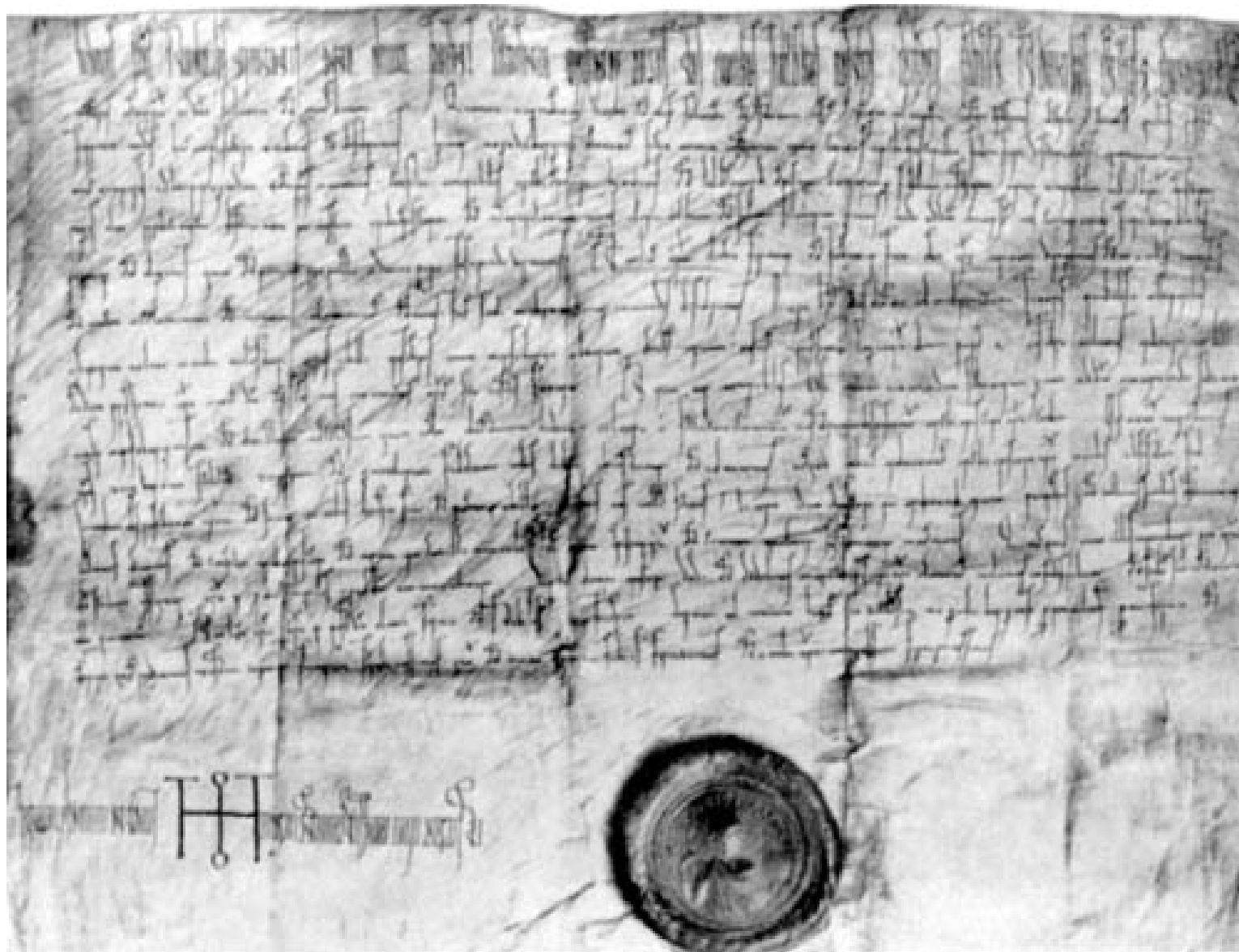
Реликварий Оттона I.

Св. Маврикий.
Скульптурное изображение из собора в Магдебурге.

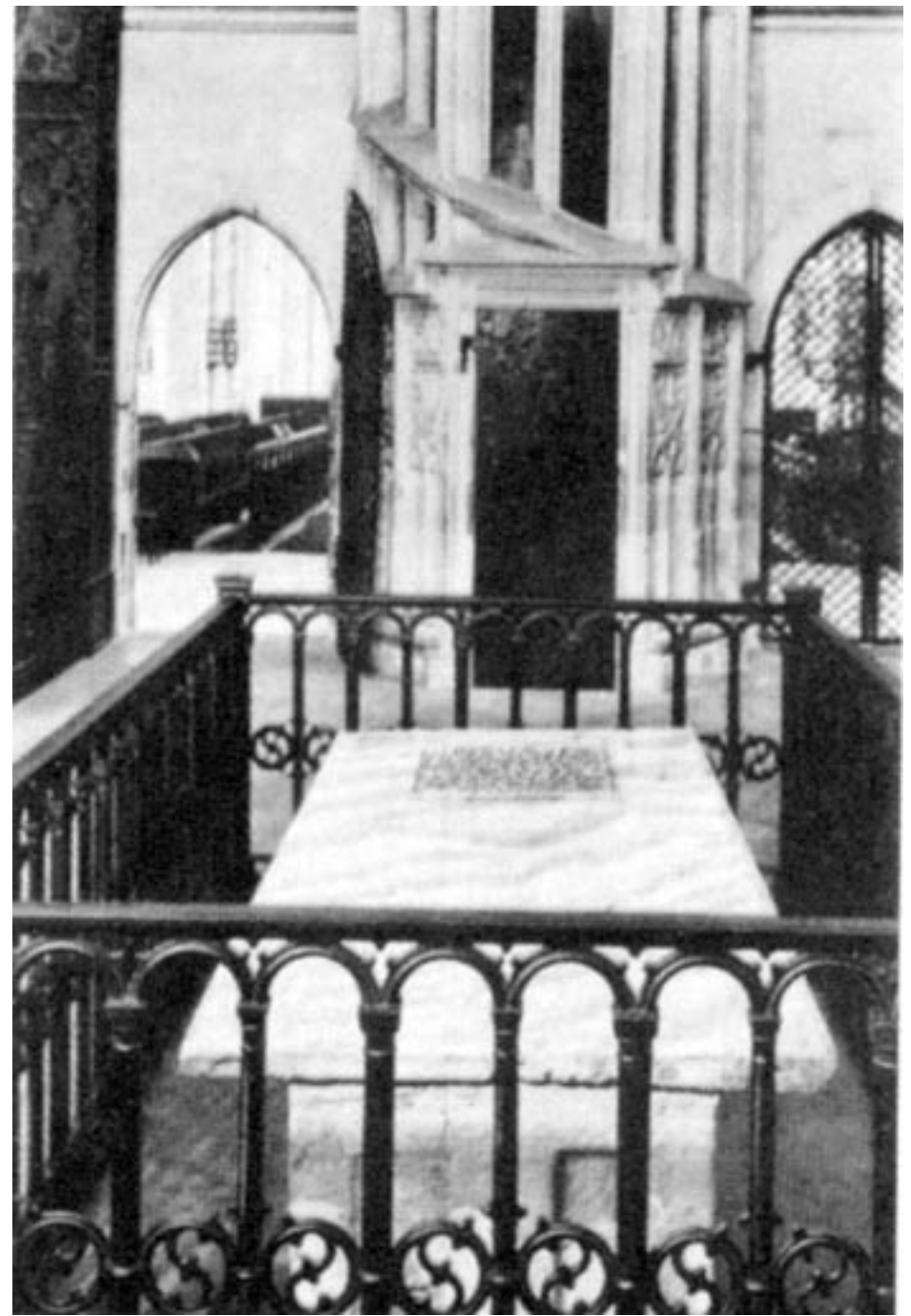
Оттон I подносит Христу Магдебургский собор.
Резьба по слоновой кости. X в.

Грамота об учреждении Магдебургского архиепископства. 968 г.

Собор в Магдебурге.

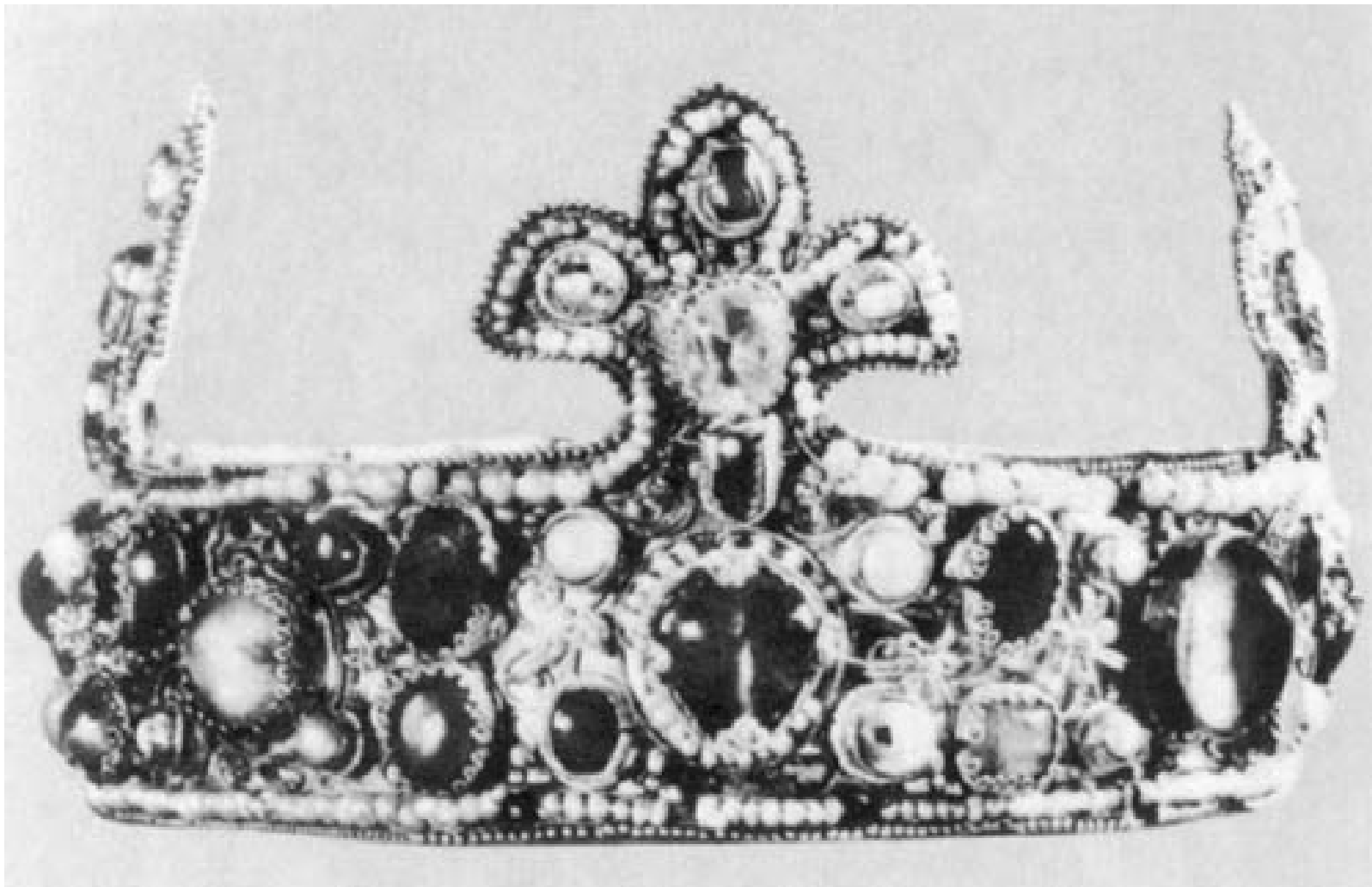
Саркофаг императора Оттона Великого
из Магдебургского собора.

Королевская резиденция (пфальц) в Мемлебене, где умер Оттон I.

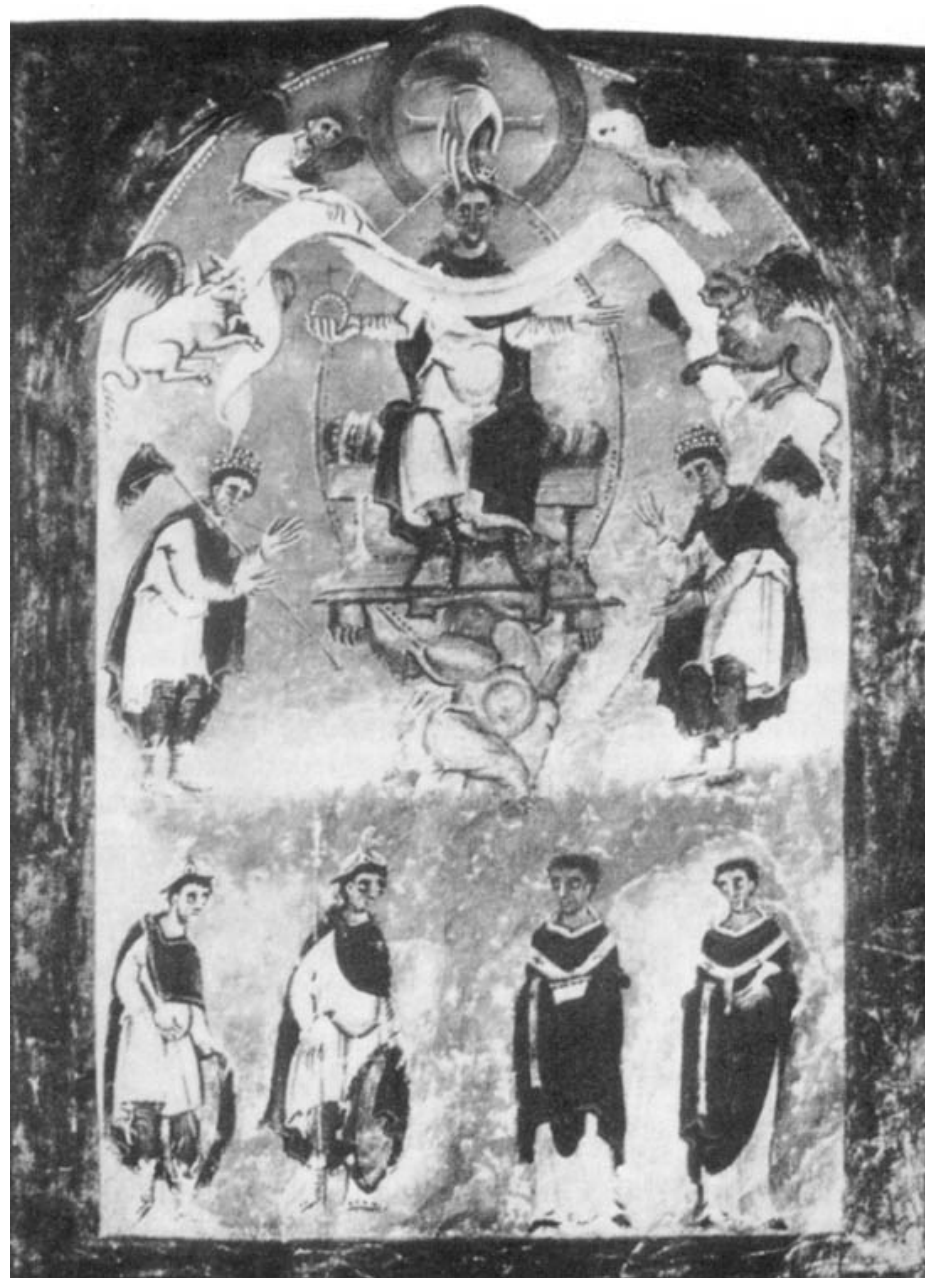
Памятник Оттону Великому в Магдебурге.
Фрагмент.

Императорская корона Оттона III.

Фибула с изображением орла — символа императорской власти.

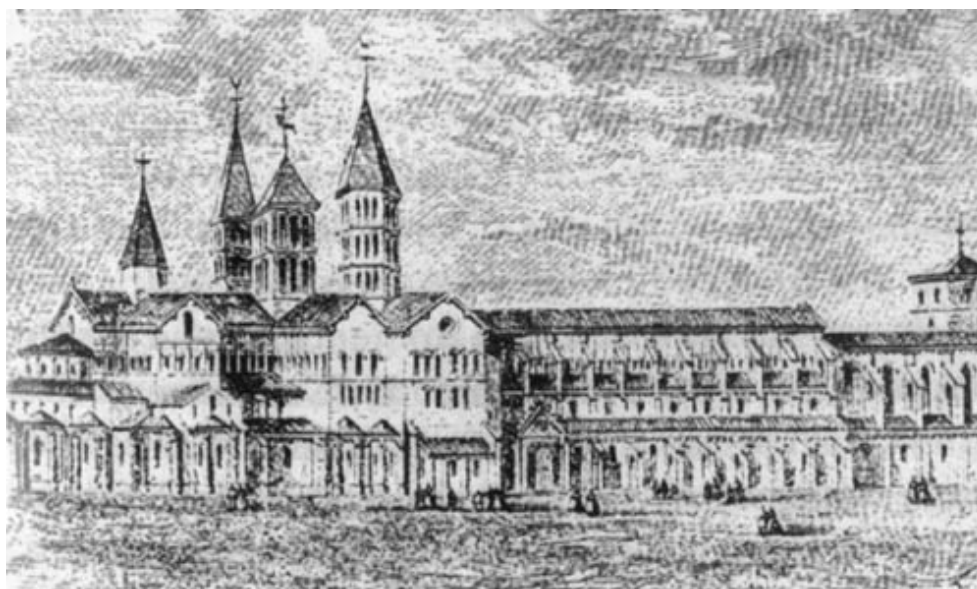
Император Оттон II в окружении князей, рыцарства и духовенства.
Миниатюра Евангелия Оттона III. *Конец X в.*

Монета Оттона II.

Печать города Парижа.

Клюнийское аббатство.
Гравюра XVIII в.

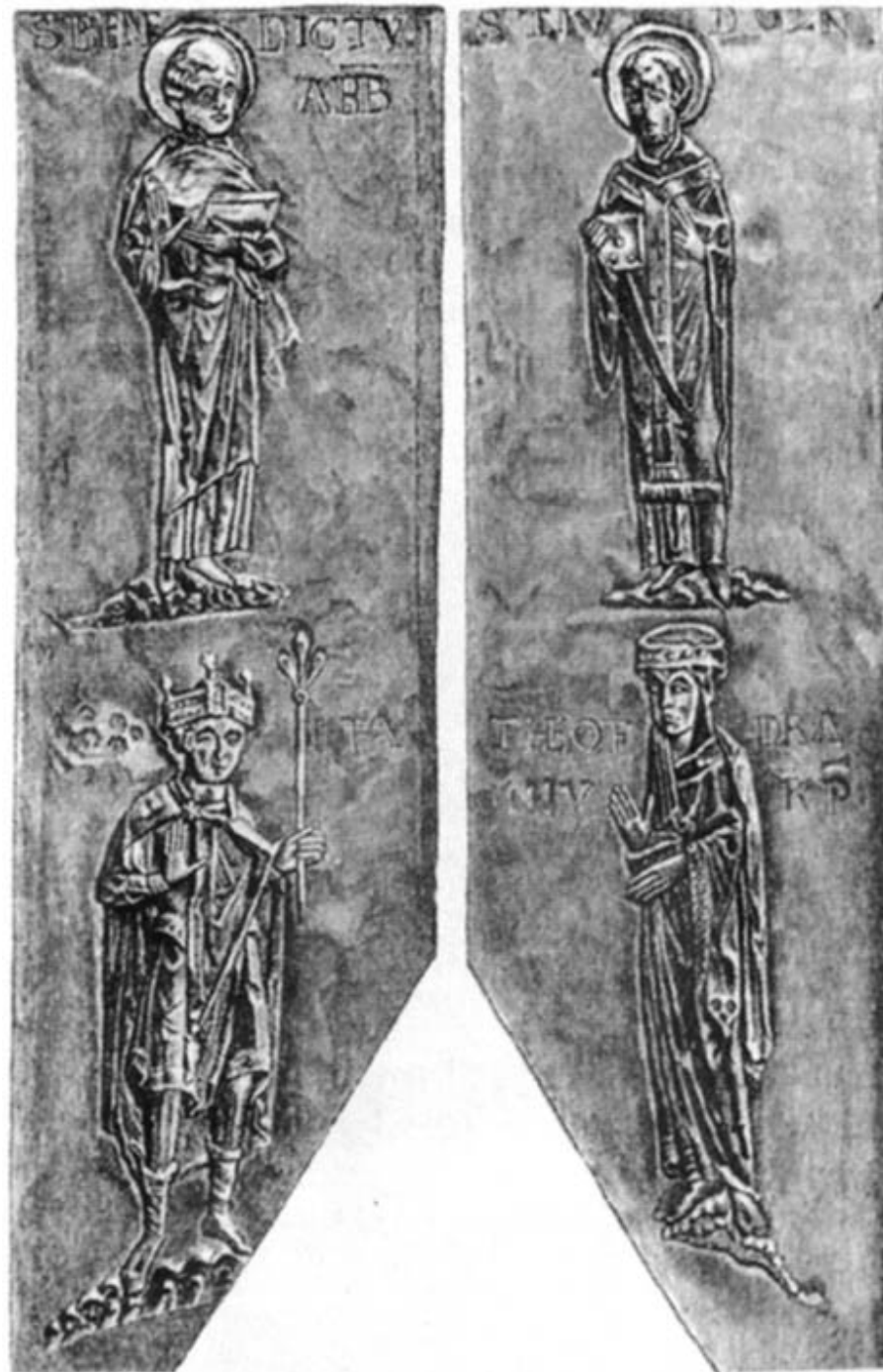
Христос, благословляющий императора Оттона II и его супругу Феофано.
Резьба по слоновой кости. X в.

Генрих Сварливый.
Миниатюра X в.

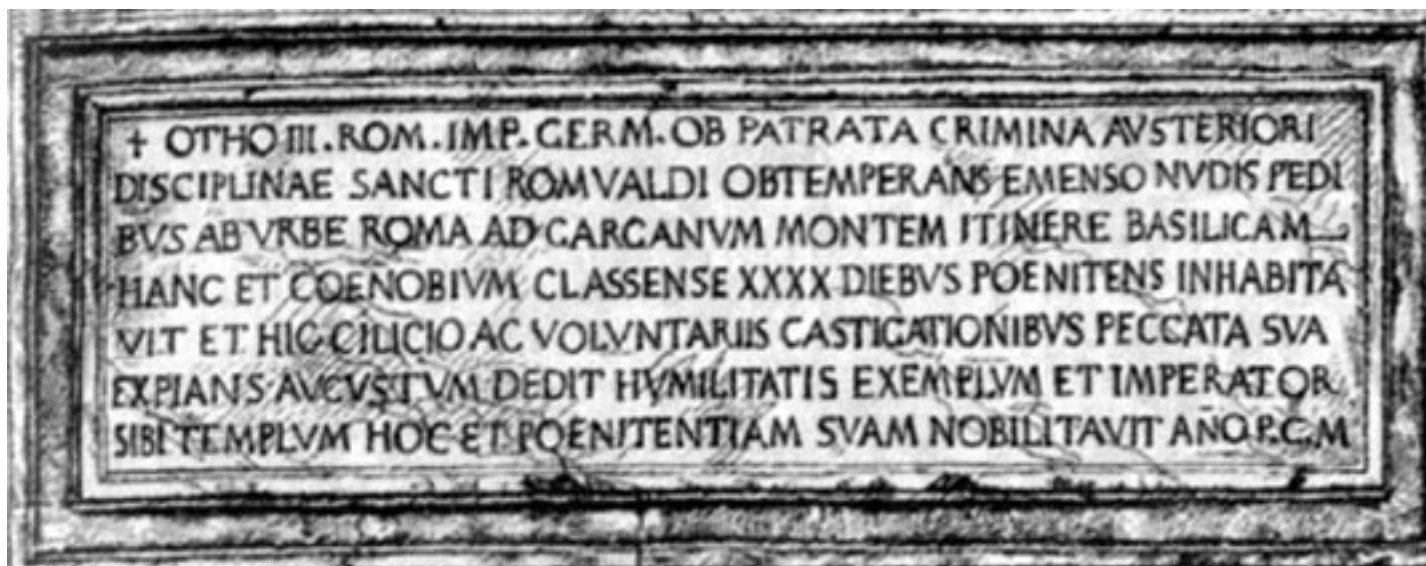
Деталь бронзовых ворот церкви Св. Михаила в Хильдесхайме.
Заказ епископа Бернварда. X в.

Оклад Евангелия с изображением императора Оттона II и его супруги Феофано.
Заказ императрицы Феофано. X в. Фрагмент.

Саркофаг Оттона II в Риме.

Покаянная запись Оттона III в церкви Сан-Аполлинаре-ин-Класе в Равенне. 1000 г.

Печать Роберта II Благочестивого.

Болеслав I Польский выкупает у пруссов останки св. Адальберта.
Бронзовый барельеф на дверях собора в Гнезно.

Император Оттон III принимает дары от четырех провинций Империи.
Слева направо: Склавиния, Германия, Галлия и Рим. *Ок. 1000 г.*

Христос, совершающий чудеса.
Миниатюра из Евангелия Оттона III.

Папа Григорий V.
Позднейшее изображение.

Папа Сильвестр II.
Позднейшее изображение.

Генрих II и его супруга Кунигунда с моделью построенного ими храма.

Миниатюра из рукописи XI в.

Внизу: изображение автора рукописи, диакона Адальберта.

Символическое изображение коронации Генриха II.
Миниатюра XI в.

Кубок императора Генриха II

Корона императрицы Кунигунды, супруги Генриха II.

Генрих II и Кунигунда.
Скульптурные изображения из Бамбергского собора.

Вверху: Первый лист «Хроники» Титмара Мерзебургского.
Внизу: Поставление епископа. *Миниатюра X в.*

Переезд королевского двора.
Средневековый рисунок.

Монастырская школа.
Миниатюра X в.

Бамбергский собор, в котором погребен Генрих II.